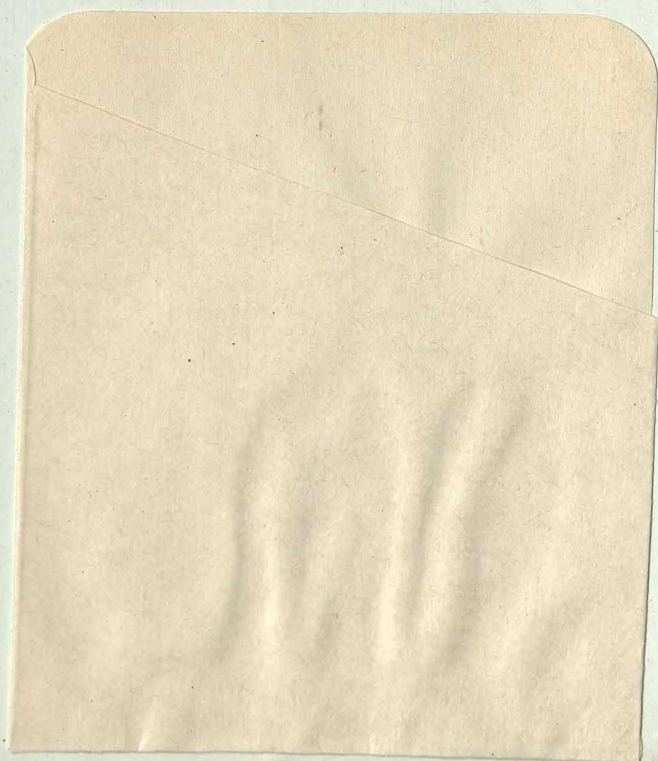

M

42
60

✓

№ $\frac{42}{60}$

НЕ КОПИРОВАТЬ

ИСТОРИЯ
КАНОНИЗАЦИИ РУССКИХЪ СВЯТЫХЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
Василія Васильева.

МОСКВА.

—
1893.

M $\frac{42}{60}$

ИСТОРИЯ

КАНОНИЗАЦИИ РУССКИХ СВЯТЫХ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Василія Васильева.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1893.

ИСТОРИЯ

НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ

Печатано подъ наблюдениемъ В. П. Васильева.

В. П. Васильевъ

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Исторія канонизаціи Русскихъ святыхъ, составляющая предметъ настоящаго изслѣдованія, совсѣмъ еще не разработана въ нашей церковно-исторической наукѣ, въ которой мы не можемъ указать ни одного сочиненія по этому вопросу. Предлагаемое изслѣдованіе представляетъ первый опытъ болѣе или менѣе полнаго изложенія исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ. Какъ первый опытъ, оно, конечно, не можетъ претендовать на полное совершенство и не чуждо недостатковъ. Послѣдніе обусловливаются какъ трудностію самаго предмета изслѣдованія, такъ и его неразработанностію въ нашей церковно-исторической наукѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій по Агіологіи, каковы напр.: Полный мѣсяцесловъ Востока преосв. Сергія, Житія святыхъ, какъ историческій источникъ, В. О. Ключевского, Источники русской агіографіи Барсукова и друг., въ которыхъ собрано много матеріала и данныхъ, касающихся исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ, и которыми авторъ съ благодарностію пользовался. Кромѣ того, ему пришлось не мало пользоваться и рукописями библиотекъ: Московской Духовной Академіи, Троице-Сергіевой Лавры и Патриаршей. Авторъ приноситъ глубокую благодарность лицамъ, завѣдующимъ этими библиотеками и содѣйствовавшимъ успѣшному ходу его занятій.

Нравственнымъ своимъ долгомъ считаю выразить свою искреннюю и глубокую признательность профессору Евгенію Евсигнеевичу Голубинскому за ту помощь и совѣты, которыми я пользовался при составленіи своего изслѣдованія.

В. Васильевъ.

Пенза

17-го мая 1893 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Тайнозритель Новаго Завѣта, Иоаннъ Богословъ, вмѣстѣ со Христомъ, сидящимъ на престолѣ одесную Бога Отца и окруженнымъ Ангелами, „видѣлъ великое множество людей въ бѣлыхъ одеждахъ и съ палмовыми вѣтвями въ рукахъ, которые омыли одежды свои и убѣлили ихъ кровью Агнца“ (Апок. 7. 9, 13—15). Въ этихъ словахъ тайнозрителя нельзя не видѣть указанія на первыхъ христіанскихъ мучениковъ, которые пролили свою кровь и пріяли мученическую смерть за Иисуса Христа. Будучи столько прославлены Богомъ на небѣ, они естественно должны стать предметомъ почитанія для своихъ собратій по вѣрѣ и на землѣ. И дѣйствительно, почитаніе мучениковъ въ христіанской церкви восходитъ къ глубокой древности. Уже св. Ап. Павелъ заповѣдуетъ современнымъ ему христіанамъ поминать наставниковъ своихъ, запечатлѣвшихъ вѣру во Христа своею мученическою смертію: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ.* (Евр. 13, 7) ¹⁾. Первенствующіе христіане свято исполняли заповѣдь великаго Апостола. Такъ, уже въ началѣ второго вѣка спутники священномученика Игнатія, епископа Антиохійскаго, пострадавшаго въ Римѣ (около 107 или 116 года), въ заключеніе описанія его мученическихъ подвиговъ говорятъ: „восхваливъ Бога, подателя благъ и ублаживъ святого, мы замѣтили для себя день и часъ кончины его, дабы, собираясь во время его мученичества, имѣть общеніе съ доблестнымъ страдальцемъ Христовымъ“ ²⁾. Точно также и христіане Смирскіе, собравъ кости св. Поликарпа, епископа Смирнскаго, и положивъ ихъ, гдѣ слѣдовало, говорятъ далѣе въ повѣствованіи о кончинѣ его, что они будутъ съ

¹⁾ Таковыми мучениками ко времени написанія этого посланія были: перво-мученикъ Стефанъ, св. Апостоль Іаковъ Заведеевъ и Іаковъ, братъ Господень.

²⁾ Ruinartii, Acta Martyrum sincera et selecta, t. 1, p. 47—48.

веселиемъ и радостью собираться туда (т. е. къ мѣсту погребенія), чтобы „праздновать день его мученичества какъ въ память совершившаго уже свой подвигъ, такъ и въ поощреніе имѣющихъ совершить“³⁾. Въ послѣдующее время гоненій, когда церковь украсилась безчисленнымъ сонмомъ мучениковъ, мы находимъ все болѣе и болѣе извѣстій объ ихъ почитаніи. На мучениковъ, которые неколебимо исповѣдали и засвидѣтельствовали (μαρτύρ—свидѣтель) міру истину вѣры христіанской своимъ словомъ, страданіями и смертію, стали смотрѣть, какъ на ратоборцевъ Церкви Христовой, утвердившихъ и возвеличившихъ её въ мірѣ⁴⁾. Такой взглядъ имѣетъ свое историческое основаніе. Мужество мучениковъ, ихъ кротость и въ то же время это отсутствіе страха предъ самыми страшными муками и пытками, какія могла только выдумать злоба язычниковъ, производили такое сильное впечатлѣніе на послѣднихъ, что многіе изъ нихъ обращались въ христіанство. Не даромъ Тертуліанъ говорилъ, что кровь христіанская служитъ сѣменемъ и что число христіанъ черезъ смерть мучениковъ вмѣсто того, чтобы уменьшаться, чудесно увеличивается⁵⁾. Дѣйствуя такъ на язычниковъ, мученики производили на своихъ собраніяхъ по вѣрѣ еще болѣе благотворное вліяніе, подавая имъ примѣръ непреклонной твердости и преданности вѣрѣ Христовой. Естественно было Церкви съ благодарностію вспоминать память этихъ своихъ героевъ. „Такая жизнь, говоритъ Евсевій, по всей справедливости оставляетъ по себѣ твердую память и вѣчную славу. Ибо, какъ самая жизнь мученика отличается смиренномудріемъ и памятованіемъ Божіихъ велѣній, такъ и кончина его бываетъ исполнена великодушія и благороднаго мужества. А потому за нею слѣдуютъ гимны, псалмы и славословія; за нее возсылается хвала Сердцевѣдцу всѣхъ и въ память сихъ мужей совершается благодарственная жертва, чистая отъ крови и всякаго насилія, жертва, не требующая ни благовонія ливана, ни горящихъ костровъ, но довольствующаяся чистымъ свѣтомъ, сколько его нужно для освѣщенія молящихся“⁶⁾. И мы дѣйствительно видимъ, что на первыхъ же почти порахъ въ христіанской церкви почитаніе мучениковъ было всеобщимъ. Такъ, въ приведенныхъ словахъ христіанъ Смирнскихъ дается знать, что

³⁾ Ruinart. Acta Martyr. 1, 92—93.

⁴⁾ Дебольскій, Данъ богослуженія прав. церкви 1, 523.

⁵⁾ Binghami, Origines sive Antiquitates, vol. 9., cap. 7., p. 141.

⁶⁾ Евсевій, Церк. Исторія, 2 т., гл. 12, стр. 314—315.

древніе христіане въ дни кончины мучениковъ ежегодно совершали въ честь и память ихъ церковные праздники. Съ сею же цѣлю предстоятели церквей во времена гоненій назначали особенныхъ лицъ изъ клира, которыя обязаны были вести точныя записи, кто изъ христіанъ и когда скончался мученическою смертію. „Отмѣчайте дни кончины ихъ, пишетъ св. Кипріанъ, епископъ Карфагенскій, въ посланіи къ своему клиру, чтобы ежегодно освящать ихъ общественнымъ богослуженіемъ. Пусть Тертуллъ замѣчаетъ, записываетъ и означаетъ для меня тѣ дни, въ кои блаженные братья наши переходятъ чрезъ смерть къ славному безсмертію ⁷⁾. А Фабіанъ, папа Римскій, поставилъ иподіаконовъ, на обязанности которыхъ лежало провѣрять эти записи, составленныя писцами или нотаріями ⁸⁾. Эти дни кончины мучениковъ, отмѣчавшіеся въ особыхъ записяхъ, и праздновались Церковію. Тертуллианъ говоритъ: „мы совершаемъ приношенія за усопшихъ и торжества въ честь святыхъ ⁹⁾. Св. Григорій Неокесарійскій († около 266 г.), по свидѣтельству жизнеописателя его св. Григорія Нисскаго, совершалъ торжественное богослуженіе во дни памятей мучениковъ, собирая въ эти дни вѣрующихъ на гробахъ ихъ. Такимъ образомъ, еще въ первые три вѣка въ каждой церкви были свои календари или святцы (*fasti*), въ которыхъ отмѣчены были, какъ праздники, дни кончины мучениковъ: *habes tuos census, tuos fastos*, говоритъ Тертуллианъ ¹⁰⁾. Наравнѣ съ мучениками Церковь въ это время чтитъ и исповѣдниковъ, какъ это можно видѣть изъ свидѣтельствъ св. Кипріана. „Должно, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ клиру, имѣть заботливость и попеченіе о тѣлахъ тѣхъ, кои хотя не были замучены въ темницахъ, однако умерли славною смертію. Ибо и сихъ мужей доблесть и слава столь же велика, что надлежитъ причислить къ блаженнымъ мученикамъ“ ¹¹⁾.

Съ IV вѣка въ христіанской Церкви начинается почитаніе святыхъ подвижниковъ, угодившихъ Богу святостію своей жизни. Во времена языческихъ императоровъ и жестокихъ гоненій на христіанъ святые подвижники скрывались въ пустыняхъ и жили здѣсь въ неизвѣстности, работая предъ лицомъ одного Бога. Притомъ же ихъ

⁷⁾ Творенія св. Кипріана, еп. Карфагенскаго (изд. Кіев. Д. А. 1891 г.) ч. 1, стр. 158.

⁸⁾ Martigny, Dictionnaire des Antiquités Chrésiennes, p. 454.

⁹⁾ De corona milit. cap. III.

¹⁰⁾ De corona milit. c. XII.

¹¹⁾ Твор. св. Кипріана, еп. Карфагенскаго ч. I, стр. 157.

смиранные подвиги заслоняемы были громкими подвигами святых мучениковъ. Вотъ почему исторія не представляетъ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ о почитаніи святыхъ подвижниковъ изъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Только изъ свидѣтельства св. Кипріана можно видѣть, что въ его время и св. угодники признавались достойными почитанія наравнѣ съ мучениками. Такъ, въ своемъ трактатѣ „о ревности и зависти“ онъ признаетъ достойными вѣнца и тѣхъ подвижниковъ благочестія, которые совсѣмъ не терпѣли истязаній и мученій отъ гонителей. „У христіанъ, говоритъ онъ, не одинъ только вѣнецъ, который пріобрѣтается во время гоненій. И мирное время имѣетъ свои вѣнцы, которыми увѣнчиваются побѣдители, ниспровергшіе и низложившіе врага въ многоразличной и неоднократной битвѣ. Укротившему похоть—побѣдный знакъ воздержанія; ставшему выше гнѣва и обиды—вѣнецъ терпѣнія. Торжество надъ корыстолюбіемъ тому, кто презираетъ деньги“ и проч. ¹²⁾ Но послѣ того какъ христіанская вѣра сдѣлалась господствующею въ греко-римскомъ мірѣ и прекратились гоненія на христіанъ, взамѣнъ мученичества выступаетъ монашеское подвижничество, которое для періода вселенскихъ соборовъ сдѣлалось тѣмъ же, чѣмъ было мученичество для Церкви первенствующей. Къ нему стремились всѣ, жаждавшіе высшихъ духовныхъ интересовъ, и аскетическій идеалъ безраздѣльно царилъ въ нравственной жизни греко-восточнаго міра. „Рече авва Аѳанасій, говорится въ одномъ патерикѣ, яко множицею глаголють нѣщцы отъ васъ, яко гдѣ есть гоненіе и мученичество? Се уже мучимъ буди совѣстію, умри грѣху, умертви уды земныя, и се будеши мученикъ изволеніемъ. Они съ царями и князи боряхуся,—имаши и ты противляющагося діавола — царя грѣху и князи бѣсовы“ и проч. ¹³⁾ Это добровольное мученичество ставилось даже выше подвиговъ св. мучениковъ. „Мученицы бо во единъ часъ времени подвизавшися скончашася, житіе же чернеческое по вся дни страждущій Христа ради мучень бываеъ, не противъ плоти и крови ополчаеся, но противу владыкамъ и противу властемъ, противу міродержцемъ тмы и противу духовомъ лукавства до послѣдняго издыханія брашь имуще, и страждуть и вѣнчаются, оружіе Божіе имуще за помогающаго намъ и совершающаго ны Христа“ ¹⁴⁾ Соревнуя древнимъ мученикамъ,

¹²⁾ Творенія св. Кипріана еп. Карфаг. ч. II, стр. 322.

¹³⁾ Печати. Прологъ, 8 мая.

¹⁴⁾ Печати. Прологъ, 17 января.

святые подвижники показали чудеса подвижничества, достойныя удивленія и недоступныя для подражанія.

Время съ IV вѣка по Рождествѣ Христовомъ представляетъ самый блестящій разцвѣтъ монашества, давшаго Церкви много святыхъ угодниковъ, прославленныхъ еще при жизни своей отъ Бога чудесами, и которыхъ она, какъ и мучениковъ, также причисляла къ лику святыхъ. Именно о вѣкѣ Константина Великаго Госпиніанъ говоритъ: „наконецъ входитъ въ обычай, что не только памяти мучениковъ, но и другихъ святыхъ и достохвальныхъ мужей уже во времена Константина В. начинаютъ торжественно праздноваться. Такъ о Палестинахъ свидѣтельствуютъ церковные историки: Созомень (кн. 3, гл. 14) и Никифоръ (19, 15), что въ силу этого обычая они публично прославляли памяти Иларія (Hilarius) Аврелія, Алексія — монаховъ, и что въ послѣдующія времена этотъ обычай болѣе и болѣе распространяется“¹⁵⁾.

Во все послѣдующее время постепенно увеличивавшійся сонмъ святыхъ составлялся или изъ лицъ, которыя потерпѣли мученичество за вѣру Христову, или изъ лицъ, которыя прославились своею истинно благочестивою жизнію, проявлявшеюся въ различныхъ формахъ аскетизма, или же, наконецъ, изъ лицъ прославившихъ себя великими заслугами Церкви.

Лица, прославившіяся или своею благочестивою и святою жизнію, или особенно выдающимися заслугами Церкви, обыкновенно еще при жизни своей пользуются глубокимъ уваженіемъ отъ своихъ современниковъ. Въ этомъ случаѣ подобныя лица ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ лицъ, которыхъ гражданская исторія провозглашаетъ героями и великими людьми, такъ что между одними и другими можно провести полную аналогію. Какъ въ гражданской жизни люди, прославившіеся въ той или другой сферѣ своими громкими подвигами и благотворною дѣятельностію, приобрѣтаютъ любовь и уваженіе народа

¹⁵⁾ Hospiniani, *De Festis Iudeorum et Ethnicorum et Christian.* pars 2, p. 10. — Что касается Западной церкви, то Круль (*Christliche Alterthumskunde* I, 2, S. 96) полагаетъ, что тамъ почитаніе исповѣдниковъ и святыхъ началось не ранѣе VI-го вѣка и какъ на первый примѣръ такого празднованія онъ указываетъ на празднованіе памяти св. исповѣдника Мартина Турскаго. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, потому что въ календарѣ Каролинскомъ, который явился не позднѣе середины V вѣка, перечисляются уже очень многие епископы, которые не были мучениками и которые жили до Мартина Турскаго. (См. *Ruinart.*, t. III, 420).

при своей жизни и благодарную память въ потомствѣ, такъ и люди, прославившіеся своими подвигами благочестія или оказавшіе Церкви своею дѣятельностію большія услуги, или, наконецъ, положившіе животъ свой за вѣру Христову, приобрѣтаютъ уваженіе отъ членовъ Церкви и имена ихъ съ эпитетомъ святого и по смерти ихъ съ благоговѣніемъ воспоминаются потомствомъ. Но судьба тѣхъ и другихъ по смерти бываетъ уже не похожа и въ этомъ случаѣ между ними аналогіи быть не можетъ. Святые послѣ своей смерти за святую и благочестивую жизнь становятся „сосудами благодати Божіей“, вслѣдствіе чего и послѣ своей смерти они имѣютъ возможность продолжать свою благотворную дѣятельность на пользу людей, живущихъ въ этомъ мірѣ. Многочисленныя чудеса и исцѣленія, подаваемыя святыми, служатъ непререкаемымъ доказательствомъ ихъ связи съ земнымъ міромъ. Это послѣднее обстоятельство въ свою очередь еще болѣе увеличиваетъ то уваженіе и благоговѣніе къ нимъ, которыми они пользовались при своей жизни. Наконецъ, вѣра въ силу ходатайства святыхъ предъ Богомъ, заставляетъ и побуждаетъ христіанъ въ чаяніи ихъ скорого заступничества обращаться къ нимъ съ своими горячими молитвами. Вслѣдствіе этихъ причинъ почитаніе святого начинается иногда вскорѣ же послѣ его кончины. Вѣрующій народъ толпами стремится на могилу святого, чтобы здѣсь испросить себѣ его ходатайства и помощи. Такого рода почитаніе святого можно назвать почитаніемъ народнымъ; оно почти всегда предшествуетъ канонизаціи церковной и подготавливаетъ её.

Но такого рода народное почитаніе святого, хотя бы оно и выражалось иногда церковнымъ образомъ (служеніемъ панихидъ, молебновъ), выходя исключительно изъ народной инициативы, не составляетъ еще того, что обыкновенно принято разумѣть подъ канонизаціей святыхъ. Здѣсь не достаетъ одного признака только, но тѣмъ не менѣе признака главнаго и существеннаго. Какой же это признакъ? Почитаніе святыхъ, призваніе ихъ въ молитвахъ относится къ числу догматовъ католической Церкви. Отсюда, естественно, что и канонизація святыхъ, какъ имѣющая неразрывную связь съ этими догматами, не можетъ быть дѣломъ народа, а дѣломъ самой Церкви и высшихъ представителей ея власти на землѣ. Съ другой стороны, это почитаніе народное, естественно вытекаая изъ уваженія и благоговѣнія къ памяти почившаго подвижника или вообще святого, чуждо всякаго надъ нимъ контроля. Послѣднее же обстоятельство легко можетъ быть причиною явленій, не желательныхъ въ жизни Церкви. Народъ, слѣдуя своему естественному чувству уваженія къ свя-

тымъ, и не умѣя часто отличать истиннаго отъ ложнаго, можетъ впасть въ опасность признать дѣйствія естественныя за сверхъестественныя, чудеса ложныя за истинныя, отсюда признать за святаго такое лицо, которое таковымъ признано быть не можетъ. Послѣ всего сказаннаго для насъ должно быть вполне понятно, что почитаніе народное должно всегда находиться подъ высшемъ контролемъ. Съ этою цѣлію Церковію установлены разныя правила, которыя въ совокупности своей составили процессъ предварительнаго изслѣдованія, всегда предшествующаго канонизаціи въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ этого слова и имѣющаго своею главною цѣлію провѣрить тѣ данныя, которыя говорятъ въ пользу причисленія того или другого лица къ лику святыхъ. Такимъ образомъ, канонизація святыхъ должна быть дѣломъ высшей церковной власти; участіе ея въ канонизаціи должно составлять главный и существенный признакъ послѣдней. Отсюда и самую канонизацію святыхъ въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ этого слова можно опредѣлить такимъ образомъ: она есть право, принадлежащее Церкви, въ лицѣ ея высшихъ представителей, причислять лица, извѣстныя ей благочестивою жизнію, особенными заслугами или мученичествомъ за вѣру Христову, къ лику святыхъ. Данное понятіе о канонизаціи, въ существѣ дѣла вѣрное, тѣмъ не менѣе, однако, не можетъ быть признано полнымъ: оно не обнимаетъ еще одного признака, входящаго въ составъ этого понятія. Ибо канонизація всегда выражается въ какихъ-нибудь формахъ; совершеніе ея обуславливается различными правилами и условіями, всегда необходимыми. Поэтому, полнѣе опредѣляя понятіе о канонизаціи, мы должны формулировать это опредѣленіе такимъ образомъ: канонизація святыхъ есть причисленіе высшею властію Церкви, выраженное въ извѣстныхъ установленныхъ ею формахъ, того или другого лица, извѣстнаго ей благочестивою жизнію, мученичествомъ за вѣру и прославленнаго отъ Бога знаменіями и чудесами, къ лику святыхъ.

Само собою разумѣется, нельзя думать, чтобы канонизація святыхъ съ перваго же раза явилась съ готовыми формами, пріемами и правилами своего совершенія, которыя уже потомъ постоянно и неизмѣнно сохранялись и примѣнялись бы въ практикѣ церковной¹⁶⁾.

¹⁶⁾ Самое слово канонизація, говорятъ Мартиньи (*Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes*, 104) и Краусъ (*Real-Encyclop. der Christl. Alterthümer*, вып. 9, s—97) есть уже позднѣйшаго происхожденія, хотя понятіе, добавляетъ послѣдній, которое соединяется съ этимъ словомъ, такъ же древне, какъ и сама Церковь.

Тѣ формы и приемы, въ какихъ первоначально выражалась канонизация святыхъ, потомъ сообразно съ обстоятельствами и условіями, какія въ разное время переживала Церковь, постепенно развивались и видоизмѣнялись. Трудно, конечно, перечислить здѣсь, въ общихъ свѣдѣніяхъ о канонизации, всѣ эти формы и приемы послѣдней, равно какъ и правила совершенія ея, многія изъ которыхъ уже давно вышли изъ практики церковной и сдѣлались достояніемъ исторіи. Поэтому мы укажемъ здѣсь только тѣ изъ нихъ, которыя сохраняются и до сихъ поръ еще въ нашей Церкви. Къ формамъ, въ которыхъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ и до настоящаго времени, выражалась канонизация святыхъ, принадлежатъ: установленіе празднованія дня памяти святого и внесеніе имени его въ святцы или мѣсяцесловъ. Установленіе праздника въ честь того или другого святого дѣлало необходимымъ составленіе житія и канона ему, которые бы могли читаться и пѣться въ этотъ день въ Церкви.

Установленіе праздника въ честь того или другого святого и внесеніе имени его въ календарь составляютъ главнѣйшія и существеннѣйшія формы, въ которыхъ выражается и которыми сопровождается канонизация святыхъ. Послѣ того какъ установленъ праздникъ въ честь святого и имя его внесено въ календарь, онъ формально причисляется къ лику святыхъ: къ нему обращается Церковь съ молитвами о ходатайствѣ и помощи; съ этого времени во имя его начинаютъ строить храмы. Икона этого святого и мощи, если онѣ, конечно, были открыты, выставляются для всеобщаго почитанія. При этомъ на иконѣ ликъ святого всегда окружается сіяніемъ (nimbus) или вѣнцомъ, въ знакъ того, что святой сдѣлался участникомъ высшей небесной славы ¹⁷⁾.

¹⁷⁾ Нимбъ (Nimbus) т. е. сіяніе вокругъ головы, употребляемый для выраженія славы и блаженства, заимствованъ въ христіанскую иконографію изъ классическаго искусства. Греческіе и римскіе художники изображали своихъ боговъ и героевъ обыкновенно съ нимбомъ или ореоломъ. Со времени же Александра Македонскаго стали изображать въ лучахъ не только боговъ и героевъ, но этотъ атрибутъ жителей Олимпа изъ лести начали придавать и Императорамъ, которымъ стали поклоняться подобно безсмертнымъ. Такъ съ нимбомъ изображались: Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Августъ, Неронъ и другіе Римскіе Императоры. Въ христіанскомъ искусствѣ первыхъ трехъ вѣковъ мы не встрѣчаемъ ни нимба, ни лучистаго вѣнца (Фрикенъ, Римскія Катакомбы 11, 175). Изъ церковной археологіи мы знаемъ, что простой нимбъ (одинъ кругъ вокругъ головы) на головѣ Спасителя въ первый разъ появляется на позолоченныхъ

Право совершенія канонизаціи въ различное время принадлежало различнымъ лицамъ, начиная съ епископа мѣстной Церкви, до папы и цѣблыхъ соборовъ. Единообразіе въ этомъ отношеніи установилось уже сравнительно въ позднее время: въ Католической Церкви право совершенія канонизаціи святыхъ перешло исключительно къ папѣ не ранѣе послѣдней четверти XII в., въ Восточной Греческой Церкви право совершенія канонизаціи продолжало принадлежать епископамъ мѣстныхъ Церквей по крайней мѣрѣ до XIV вѣка. Подобно Греческой Церкви и въ Церкви Русской право совершенія канонизаціи святыхъ до XVI вѣка принадлежало епископамъ и только съ этого времени, именно со времени Макарьевскихъ соборовъ, перешло исключительно къ высшей центральной власти нашей Церкви.

Тотъ или другой святой можетъ быть почитаемъ и прославляемъ только въ одной Церкви, какой-нибудь мѣстной, и въ такомъ случаѣ онъ будетъ только мѣстнымъ угодникомъ; или же можетъ быть почитаемъ во всей Вселенской Церкви и въ этомъ послѣднемъ случаѣ святой становится угодникомъ общимъ или всецерковнымъ. Такъ напр., наши русскіе святые по отношенію къ древнимъ святымъ Греческой Церкви (фонди-d'oro) уже въ концѣ III-го вѣка и на мозаикахъ церквей въ IV вѣкѣ; въ V вѣкѣ онъ дѣлается на мозаикахъ почти непременнымъ атрибутомъ, кромѣ Спасителя, еще и Ангеловъ; въ томъ же вѣкѣ начинаютъ имъ украшать головы Пресв. Дѣвы, верховныхъ апостоловъ и другихъ святыхъ, на головѣ же Спасителя съ того же вѣка обычно, но далеко не всегда—рисуются крещатый нимбъ и иногда нимбъ съ монограммой Спасителя. (А. Розовъ, Христіанская Нубія Труды К. Д. А. 1889 г. 10, 281.). Нимбъ, однажды принятый вѣрующими, какъ способъ выраженія святости и блаженства, никогда уже потомъ не выходилъ изъ употребленія христіанъ востока. До сихъ поръ изображенія Спасителя, апостоловъ, мучениковъ, ангеловъ и святыхъ византійскаго стиля немислимы безъ сіянія или нимба. Впрочемъ, нимбъ и въ христіанской Церкви не всегда прилагался къ однимъ только святымъ. Римскіе императоры, принявшіе христіанство, продолжали, подобно языческимъ предшественникамъ своимъ изображаться съ нимбомъ. Такъ напр. Константинъ В. въ мозаикахъ, на монетахъ и медаляхъ является съ этимъ знакомъ святости даже и послѣ обращенія; также и другіе императоры: Θεодосій и сыновья его Гонорій и Аркадій. Въ Россіи государей, не причисленныхъ къ лику святыхъ, начинаютъ изображать съ нимбомъ только послѣ установленія самодержавной власти Московскихъ царей т. е. съ XVI в. (Вѣсти общества древн. русск. искусства, при Моск. публ. Муз., изд. подъ ред. Филимонова 1875 г. 6—10. Иконные портреты русскихъ царей).

Церкви, признаваемымъ всею Вселенскою Церковію, будутъ мѣстными святыми, а послѣдніе вселенскими. На этомъ основывается различіе канонизаціи святыхъ — мѣстной и всеобщей. Первая даетъ право на почитаніе святого въ какой-нибудь одной Церкви, послѣдняя же даетъ право на почитаніе во всей Вселенской Церкви. Но и въ каждой мѣстной Церкви (Русской, Болгарской и т. д.) могутъ быть и общіе и мѣстные святые. Первыми будутъ тѣ, которые прославляются во всей Церкви, мѣстными будутъ тѣ, которые прославляются только въ одной какой-нибудь части ея (епархіи). Ближайшая причина, отъ которой зависитъ это различіе въ характерѣ канонизаціи, стоитъ въ тѣсной связи и зависимости отъ того, кѣмъ совершается она. Если канонизація того или другого святого совершается мѣстнымъ епископомъ, власть котораго простирается на одну только его епархію, то, очевидно, и святой, канонизованный этимъ епископомъ, преимущественно почитается только въ его епархіи и, слѣдовательно, канонизація должна будетъ носить мѣстный характеръ¹⁸⁾. Если же канонизація святого совершается высшею властію Церкви, то въ такомъ случаѣ она носитъ уже общій характеръ, и святой прославляется во всей Церкви. Но, кромѣ этой главной причины, которою обуславливается мѣстный характеръ канонизаціи, есть и другія условія и обстоятельства, которыя дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. Эти обстоятельства и условія касаются не только церковной жизни, но очень часто и гражданской, политической. Главное изъ этихъ условій, это усиленіе централизаціи церковной власти, ведущее за собою уменьшеніе правъ епископовъ мѣстныхъ Церквей, или же усиленіе централизаціи власти государственной, всегда ведущей за собою объединеніе прежде разрозненныхъ частей, жившихъ особою жизнью, въ одно цѣлое, вслѣдствіе чего и мѣстный характеръ почитанія святыхъ, благодаря этому, постепенно уменьшается, и почитаніе ихъ распространяется на все объединенное цѣлое.

¹⁸⁾ Мѣстное почитаніе, обуславливаемое мѣстнымъ характеромъ канонизаціи, нужно отличать отъ того почитанія, которое мы называемъ мѣстнымъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова или народнымъ. Различіе между тѣмъ и другимъ состоитъ въ томъ, что при послѣднемъ канонизаціи собственно церковной нѣтъ, тогда какъ первое всегда сопровождается ею. Это различіе всегда нужно помнить, когда мы будемъ говорить о мѣстномъ почитаніи того или другого святого.

Приступая къ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ очень много затрудненій. Мало того, что этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу вопросовъ, которыхъ еще совершенно не касались въ русской церковно-исторической наукѣ, но и матеріаль, необходимый для его рѣшенія, еще совсѣмъ почти не собранъ и не сгруппированъ. Поэтому намъ приходится и собирать этотъ матеріаль, и дѣлать на основаніи его тѣ или другіе выводы. Но если вообще наша древняя церковная исторія небогата источниками, то относительно вопроса нашего и подавно. Особенно эта бѣдность источниковъ сказывается при обзорѣ исторіи канонизаціи за первый періодъ ея, обнимающій собою время отъ половины 11 вѣка до половины 16 вѣка. Прежде всего этотъ періодъ неособенно богатъ фактами канонизаціи, ибо во все продолженіе его Русская Церковь канонизовала сравнительно съ послѣдующимъ временемъ очень мало святыхъ; затѣмъ,—и это главное—онъ весьма бѣденъ свѣдѣніями объ этихъ фактахъ. Мы не только не находимъ никакихъ извѣстій о томъ, какъ совершалась канонизація, т. е. о ея формѣ, пріемахъ и правилахъ, но иногда очень трудно и даже почти невозможно опредѣлить и самое время совершенія ея. Это отсутствіе извѣстій съ перваго взгляда невольно наводитъ на мысль, что канонизація, понимаемой въ смыслѣ признанія высшею духовною властію святымъ того или другого почившаго угодника, у насъ во многихъ случаяхъ и не было. Большею частію дѣло представляется такъ. Умираетъ какой-нибудь подвижникъ, извѣстный святостію своей жизни. Послѣ его смерти, спустя долгое или короткое время является житіе его, затѣмъ служба, начинаютъ строить въ честь его храмы и праздновать день смерти; словомъ, начинается почитаніе церковное, что несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ уже, что умершій признанъ за святого или канонизованъ. Но когда эта канонизація совершилась и какъ, т. е. былъ ли признанъ этотъ умершій за святого высшею церковною властію, или это случилось такъ, само собою, постепенно,—обо всемъ этомъ свѣдѣній не сохранилось, потому что не находимъ акта, который бы положительно говорилъ, что такой-то святой и тогда-то признанъ высшею церковною властію за святого. Такихъ актовъ или опредѣленій церковной власти о причисленіи къ лику святыхъ и церковномъ почитаніи того или другого святого мужа, просіявшаго святою жизнію,—опредѣленій, подобныхъ тому, какое объявлено было въ настоящемъ столѣтіи, въ 1831 году, по случаю открытія мощей святителя Митрофана и другого, которое объявлено было въ 1861 г., по случаю канонизаціи св. Тихона,—такихъ актовъ за весь первый періодъ канонизаціи русскихъ святыхъ мы имѣемъ только одинъ, это актъ кано-

низации св. Петра, митрополита Московскаго ¹⁹⁾). Не имѣя же такихъ актовъ, которые были бы для насъ драгоценны какъ для опредѣленія времени канонизации того или другого святого, такъ, главнымъ образомъ, и для знакомства съ формами и приемами ея, мы должны обратиться къ другимъ источникамъ. Къ такого рода источникамъ мы относимъ: а) святцы или мѣсяцесловы, б) житія и службы святымъ и г) лѣтописи. При этомъ нужно замѣтить, что и указанные источники не всѣ могутъ быть полезны для нашей цѣли въ одинаковой мѣрѣ. Чтобы видѣть, насколько каждый изъ этихъ источниковъ намъ можетъ быть полезенъ, мы сдѣлаемъ краткое ихъ обозрѣнiе.

Свое обозрѣнiе агиологическихъ источниковъ мы начнемъ съ обозрѣнiя святцевъ ²⁰⁾). Съ перваго взгляда кажется, что для опредѣленія

¹⁹⁾ Хотя преосвящ. Филаретъ въ предисловіи къ январской книгѣ „Житій русскихъ святыхъ“ и обѣщался отыскать такіе акты для того, чтобы провѣрить извѣстное „Описаніе о російскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ поживе и чудеса сотвори“, служившее ему руководствомъ къ тому, дабы не поставить въ число святыхъ лица, не признаннаго святымъ со стороны Церкви“, но не выполнилъ своего обѣщанія, какъ можно судить по остальнымъ книжкамъ. Ибо хотя онъ и объявляетъ, что почти „о всѣхъ лицахъ отысканы имъ акты духовнаго управленія съ предписаніемъ или извѣстіемъ о ихъ почитаніи церковномъ“, но намъ кажется, что автору слѣдовало бы для полноты и основательности своего ученаго труда не только отыскать акты духовнаго управленія съ предписаніемъ или извѣстіемъ о почитаніи нашихъ святыхъ, но и подѣлиться этими актами съ читателями, хотя бы въ примѣчаніяхъ. При отсутствіи же такихъ ссылокъ на „акты духовнаго управленія“, у читателя невольно является сомнѣніе въ томъ—дѣйствительно ли они отысканы авторомъ.

²⁰⁾ Преосвященный Сергій, перечисляя различные памятники агиологіи, совершенно упустилъ изъ вида синодики и даже не упоминаетъ объ нихъ, очевидно потому, что онъ отрицаетъ всякое значеніе ихъ для агиологіи. И. Д. Мансветовъ въ свое время упрекалъ автора Агиологіи Востока въ этомъ пробѣлѣ. „Конечно, говорить онъ, отираваясь отъ теперешняго понятія о синодикахъ, какъ поминальныхъ записяхъ, напрасно было бы искать въ нихъ матеріала агиологическаго; но если взять во вниманіе первоначальный типъ этихъ поминковъ въ видѣ диптиха, тогда дѣло представится въ иномъ видѣ, и синодики получатъ значеніе важнаго агиологическаго документа“. (Мансветовъ. Разборъ сочин. Преосв. Сергія, стр. 43). Придавая важное значеніе синодикамъ для агиологіи вообще, И. Д. Мансветовъ признаетъ за ними, въ частности, значеніе и для канонизаціи нашихъ святыхъ, хотя впрочемъ, подробно и не раскрываетъ этого значенія, а равно и не представляетъ никакихъ доказательствъ своего положенія, кромѣ одного факта внесенія въ синодикъ имени преп. Θεодосіа Пе-

времени канонизации того или другого святого святцы или мѣсяцесловы могутъ служить для насъ незамѣнимымъ источникомъ, ибо, по видимому, естественно ожидать, что непосредственно за признаніемъ святости того или другого угодника слѣдовало внесеніе имени его въ мѣсяцесловы. Но исторія не представляетъ достаточныхъ фактовъ для подтвержденія этого положенія, даже, напротивъ, опровергаетъ послѣднее, особенно по отношенію къ первому времени. Присматриваясь къ дошедшимъ до насъ святцамъ изъ древняго періода нашей Православной Церкви (Ibid. стр. 44). Не отрицая значенія синодиковъ недѣли Православія для агіологии вообще, мы однако не можемъ согласиться съ положеніемъ И. Д. Мансветова о значеніи ихъ въ вопросѣ о канонизации нашихъ святыхъ. Чтобы это мнѣніе имѣло какое-нибудь научное значеніе, для этого необходимо подтвердить его фактами изъ исторіи канонизации нашихъ святыхъ. И. Д. Мансветовъ это, по видимому, и дѣлаетъ, когда ссылается на внесеніе имени препод. Θεοδοσία въ синодикъ. Но этотъ фактъ едва-ли можетъ служить такимъ основаніемъ, такъ какъ еще составляетъ вопросъ, дѣйствительно-ли канонизация препод. Θεοδοσία Печерскаго состояла только во внесеніи его имени въ синодикъ недѣли Православія. Празднованіе дня памяти его или канонизация его въ собственномъ смыслѣ могла быть совершена и ранѣе, только записи о ней не сохранились. Что дѣйствительно внесеніе имени святого въ синодикъ не было его канонизацией, на это мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, каковымъ можетъ служить фактъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ XVI вѣка. Именно, въ 1592 году митрополитъ Казанскій Гермогенъ, собравъ свѣдѣнія о казанскихъ мученикахъ—Іоаннѣ, Стефанѣ и Петрѣ, послалъ ихъ патріарху Іову вмѣстѣ съ грамотой, въ которой между прочимъ пишетъ: „и тѣ, государь, святіи и исповѣдницы и до дне сего въ большомъ синодикѣ, иже чтется въ недѣлю Православія, не написаны, и память ихъ вѣчная не поется, и въ синодикахъ литейномъ и повседневномъ не написаны жъ. И тебѣ бы, государю, о томъ мнѣ богомолцу твоему указъ твой святительскій учинить, какъ ихъ велишь въ синодикѣ писать, и которую имъ повелишь вѣчную память пѣти“. Патріархъ Іовъ въ своей отвѣтной грамотѣ пишетъ митрополиту: „мученики: Иоанну, Стефану и Петру, что пострадали за Христа и за нашу благочестивую христіанскую вѣру, и ты бѣ, сыну, учинилъ имъ панихиду, по своему произволенію, въ которые поры ихъ страданіе было и въ большой синодикъ, что чтется въ недѣлю Православія, и въ литейный и въ повсядневный велѣлъ написать“. И дѣйствительно, по благословенію патріарха Іова этимъ мученикамъ память „учинена Генваря въ 24 день, на память св. Ксенія, также безпереводно, съ соборомъ митрополиту панихида и обѣдья служити самому, также и по всемъ церквамъ святымъ и по монастырямъ и по мирскимъ написати и поминати на литіяхъ и на обѣдняхъ. (Любарскій, Сборникъ Древностей Казанской Епархіи, 72—75). Приведенный нами фактъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ мнѣніе И. Д. Мансветова

Церкви, мы видимъ, что хотя послѣднею и были устанавливаемы праздники въ честь русскихъ святыхъ, однако, они не были вносимы въ мѣсяцесловы иногда очень долгое время. Такъ, мы имѣемъ подъ руками святцы изъ XI и XIII вѣковъ. Въ первыхъ не находится ни одного праздника въ честь русскихъ святыхъ, установленнаго нашею Церковью, хотя тогда они уже и существовали; во вторыхъ же находимъ только праздники въ честь святыхъ Бориса и Глѣба и преподобнаго Феодосія Печерскаго, хотя исторія несомнѣнно показываетъ, что къ этому времени число праздниковъ, установленныхъ Русскою Церковью, было уже гораздо болѣе ²¹⁾. Точно также это было и въ послѣдующія времена Русской Церкви. Такъ, въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ мѣсяцесловахъ первой половины XV вѣка мы находимъ только слѣдующихъ святыхъ: преподобнаго Феодосія, перваго начальника общему житію, св. Владимира и св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба ²²⁾. Между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, къ XV вѣку святыхъ, прославленныхъ нашею Церковью, было гораздо болѣе. Эти факты нагляднымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что прославленіе того или другого святого не всегда сопровождалось внесеніемъ его имени въ святцы или мѣсяцесловы. Кромѣ того, наши святцы такъ же, какъ и въ Греческой Церкви (о чемъ ниже), отъ которой они перешли и къ намъ, стояли внѣ надзора церковнаго. „Несправедливо было бы думать, говоритъ преосвященный Макарій, будто такое внесеніе святыхъ русскихъ и славянскихъ въ наши тогдашніе святцы было слѣдствіемъ распоряженія высшей духовной власти, митрополита или собора: въ такомъ случаѣ въ святцы извѣстнаго времени были бы внесены одни и тѣ же святые,

о значеніи синодиковъ для канонизаціи нашихъ святыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы внесеніе именъ казанскихъ мучениковъ въ синодикъ было ихъ канонизаціею, то, очевидно, имъ былъ бы тогда же установленъ праздникъ, составлено было бы житіе и служба, а между тѣмъ, какъ это видно изъ словъ патріарха Това, имъ пѣли еще только панихиду, и ни тогда, ни послѣ не было установлено дня празднованія памяти ихъ, что необходимо предполагается канонизаціею. Да и въ настоящее время въ нашихъ святцахъ нѣтъ именъ этихъ святыхъ. Такимъ образомъ исторія канонизаціи нашихъ святыхъ не только не подтверждаетъ мнѣнія о значеніи синодиковъ при канонизаціи святыхъ, но прямо опровергаетъ его. Вотъ почему и мы при обзорѣнн формъ и приѣмовъ канонизаціи нашихъ святыхъ не будемъ уже болѣе упоминать о синодикахъ.

²¹⁾ Святцы при Остромировомъ Евангел. 1056 г. (Хр. Чт. 1852 г. 1,486—517) и святцы XIII вѣка 3 т. Ц. Истор. Макарія 279—92.

²²⁾ Описаніе рукоп. Р. Муз. 710—12.

чего однако не видимъ. А, по всей вѣроятности, это зависѣло частію отъ произвола переписчиковъ или лицъ, по волѣ которыхъ они писались, частію же отъ того только, что имена извѣстныхъ святыхъ находились въ рукописяхъ, иногда привезенныхъ изъ Греціи, съ которыхъ у насъ снимались копія³²⁾. Естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей, очевидно, должно было быть разнообразіе святцевъ относительно памятей русскихъ святыхъ. И дѣйствительно, трудно найти двое святцевъ, принадлежащихъ къ одному и тому же времени, которые были бы сходны между собою. Это несходство и разнообразіе должно было еще болѣе увеличиться потому, какъ увидимъ ниже, что за весь первый періодъ канонизаціи русскихъ святыхъ почитаніе ихъ носило главнымъ образомъ мѣстный характеръ, въ силу котораго переписчикамъ святцевъ естественно было вносить въ послѣдніе преимущественно только мѣстныхъ святыхъ и тѣхъ изъ другихъ областей, которыхъ почему-либо переписчики предпочитали другимъ. Если же, съ одной стороны, церковное прославленіе того или другого святого не всегда необходимо вело за собою внесеніе его имени въ церковные святцы и если, съ другой стороны, святцы, предоставленные произволу переписчиковъ, стояли внѣ церковнаго надзора, вслѣдствіе чего въ нихъ легко могли быть вносимы лица, только мѣстно чтимыя (въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова), но Церковью формально еще не канонизованныя, то очевидно, что и на свидѣтельство ихъ при опредѣленіи времени совершенія канонизаціи трудно положиться. Впрочемъ, намъ для означенной цѣли придется все-таки иногда обращаться къ послѣднимъ, это главнымъ образомъ тогда, когда нѣтъ прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ о времени совершенія канонизаціи того или другого святого; ибо присутствіе имени святого въ святцахъ извѣстнаго времени, особенно, если съ этимъ же временемъ совпадаетъ появленіе житія и службы ему, можетъ служить основаніемъ для болѣе или менѣе вѣроятнаго предположенія о времени совершенія канонизаціи святого. А такихъ случаевъ изъ перваго періода, когда для опредѣленія времени канонизаціи святого приходится обращаться къ этимъ второстепеннымъ источникамъ, какъ увидимъ, будетъ немало.

Еще менѣе могутъ быть полезны для нашей цѣли, т. е. для опредѣленія времени совершенія канонизаціи того или другого святого, житія святыхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ появлялись задолго

³²⁾ Церк. Ист. Макарія IV т. 260—61.

до церковной канонизации ихъ, служа только подготовительнымъ условіемъ къ этой послѣдней. Впрочемъ, между житіями, по своей формѣ различными, есть одна форма, которая можетъ указывать иногда на время канонизации святого. Это такъ называемая проложная форма. Она всегда помѣщается въ службѣ святому, именно въ канонѣ, и имѣетъ богослужбное значеніе, такъ какъ читалась на утрени послѣ шестой пѣсни канона²⁴). Такимъ образомъ существованіе житія въ послѣдней формѣ можетъ свидѣтельствовать о началѣ церковнаго почитанія того или другого святого. Кромѣ того, эта послѣдняя форма житія, какъ увидимъ ниже, требовалась и для канонизации святого, вслѣдствіе чего, если такого житія ранѣе послѣдней не появлялось, то оно составлялось всегда послѣ нея и потомъ провѣрялось высшею духовною властію. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, проложная форма житія можетъ служить уже положительнымъ свидѣтельствомъ о времени совершенія канонизации того или другого святого.

Но если житія святыхъ не всегда могутъ для насъ служить основаніемъ для опредѣленія времени канонизации того или другого святого, то они составляютъ для насъ незамѣнимый источникъ въ другомъ отношеніи. Агіобиографы при составленіи житій главнымъ образомъ имѣли въ виду достиженіе двухъ цѣлей: назиданіе читателей и похвалу святому. Поскольку житія являлись для достиженія цѣлей назиданія, постольку они для насъ безразличны. Чтобы достигнуть второй цѣли, агіобиографъ долженъ былъ излагать исторію прославленія святого, — и въ этомъ послѣднемъ отношеніи житія святыхъ, хотя и не всѣ, даютъ намъ много драгоценныхъ свѣдѣній для составленія представленія о способахъ, приемахъ и правилахъ канонизации за тотъ или другой періодъ нашей исторіи, ибо эта намѣченная агіобиографомъ цѣль заставляла его говорить объ открытіи мощей, о чудесахъ, о свидѣтельствovanіи тѣхъ и другихъ высшею духовною властію и проч. А это все такія свѣдѣнія, не имѣя которыхъ, мы не могли бы составить понятія и о формѣ канонизации. Поэтому впослѣдствіи намъ придется весьма часто обращаться къ житіямъ святыхъ и нѣкоторыя главы, какъ увидимъ ниже, придется писать исключительно на основаніи ихъ однихъ.

Болѣе важное значеніе для опредѣленія времени совершенія канонизации могутъ имѣть службы въ честь святыхъ. Канонизация всегда сопровождалась установленіемъ праздника въ честь святого. А установленіе праздника естественно дѣлало необходимымъ составленіе ему

²⁴) Ключевскій: Житія святыхъ, какъ истор. источникъ, стр. 362.

службы. Такимъ образомъ, служба тому или другому святому являлась слѣдствіемъ его канонизаціи. Такъ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, какъ показываетъ исторія, было и на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе такой тѣсной связи канонизаціи святаго съ службой ему, въ силу которой первая была причиной, а послѣдняя слѣдствіемъ первой, естественно, что время появленія службы можетъ говорить и о времени совершенія канонизаціи. Впрочемъ, въ исторіи мы встрѣчаемъ факты, которые показываютъ, что иногда службы святымъ подобно тому, какъ и житія, появлялись ранѣ ихъ канонизаціи. Случалось, что какой-нибудь грамотей, особенно ревнуя о почитаніи и прославленіи святаго, по своей собственной инициативѣ составлялъ службу ему. Конечно, въ первое время она не имѣла церковнаго значенія, будучи употребляема въ частной, домашней молитвѣ. Но потомъ та же ревность, которая побудила написать службу святому, побуждала составителя ея распространять её въ обществѣ, вслѣдствіе чего кругъ ея читателей расширялся: она уже является во многихъ спискахъ. Таково, напр., происхожденіе службы св. Андрея, князя Смоленскаго. Это видно изъ словъ преп. Даниила Переяславскаго, который, ходатайствуя о церковномъ прославленіи этого святаго, между прочимъ говорилъ царю Ивану Васильевичу и митрополиту Іосафу: „мы же не предъ многима лѣты своими очима видѣхомъ память ему творя въ храмѣ, въ немъ же мощи его почиваху и службу ему совершаему и стихиры и канунъ имени его пѣаемы и на иконахъ образъ его написуемъ“²⁵⁾. Таково же происхожденіе канона преподобнаго Іосифа Волоцкаго, написаннаго еще до канонизаціи этого святаго Фотіемъ, ученикомъ Кассіана Босаго, для молитвованія по нему въ келліи. Но подобныхъ примѣровъ исторія представляетъ намъ очень немного, такъ что на нихъ можно смотрѣть, какъ на исключеніе изъ общаго правила, по которому служба святому обуславливалась его церковнымъ прославленіемъ. При этомъ служба, явившаяся ранѣ канонизаціи святаго, какъ это видно изъ приведеннаго выше примѣра Іосифа Волоцкаго, имѣетъ только частное, такъ сказать, домашнее употребленіе. Между тѣмъ мы, конечно, для опредѣленія времени канонизаціи, будемъ брать во вниманіе только такія службы, о которыхъ положительно извѣстно, что онѣ имѣли богослужебное значеніе, т. е. пѣлись въ церкви въ праздникъ святому, о чемъ можно судить уже по тому, что на этихъ службахъ часто мы находимъ помѣтки, что такая-то служба составлена по благословенію такого-то митрополита или епископа.

²⁵⁾ Рукон. сборн. Тр. С. Л. № 696, л. 225.

Помимо этого значения службы, составленной въ честь святыхъ, имѣютъ еще другое, такъ сказать, косвенное значеніе для опредѣленія времени совершенія канонизаціи того или другого святого. Хотя службой святымъ, какъ и житія ихъ, имѣя одніи и тѣ же цѣли, назидающе въбрующіихъ и прославленіе угодниковъ,—и мало заключаютъ въ себѣ историческихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе иногда у автора прославляющихъ намекъ на современные факты и событія, по которымъ можно опредѣлить время появленія службы святому и, слѣдовательно, время его прославленія церковнаго. Такъ, напр., службы, составленныя въ періодъ монгольскій, всѣ почти содержатъ въ себѣ указанія на это иго, съ просьбою о ходатайствѣ святаго предъ Богомъ о скоромъ избавленіи отъ поганыхъ. Само собою разумѣется, что указанія эти отличаются общимъ характеромъ. Но иногда и такого рода указанія, какъ увидимъ ниже, могутъ принести пользу, проливая свѣтъ въ непроглядную тьму древности.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ источникъ для насъ необходимый—это лѣтописи. Лѣтописи также имѣютъ въ этомъ отношеніи немаловажное значеніе, заключаая въ себѣ указанія и свѣдѣнія драгоценныя для насъ. Лѣтописцы наши передаютъ не мало фактовъ, касающихся жизни болѣе извѣстныхъ и знаменитыхъ святыхъ и ихъ прославленія послѣ смерти. Они рассказываютъ ихъ житія, повѣствуютъ объ открытіи мощей, иногда даже и объ установленіи праздниковъ въ честь ихъ. Случится ли чудо при гробѣ святаго, лѣтописецъ съ великою радостію вноситъ въ свою лѣтопись иногда простое извѣстіе, что такого года Богъ простилъ у гроба такого-то святаго человѣка, больного тѣмъ-то,—иногда же цѣлсе пространное сказаніе о чудесѣ; построютъ-ли храмъ въ честь святаго, лѣтописецъ не преминетъ записать и это въ свою хроніку.

Изъ обзорѣнія источниковъ, которыми мы будемъ пользоваться при составленіи исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ, можно уже видѣть, насколько они недостаточны для этого. Благодаря такому недостатку послѣднихъ, намъ, естественно, пришлось обратиться для ршенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ къ Церкви Греческой въ той надеждѣ, что знакомство съ способами и пріемами канонизаціи послѣдней принесетъ намъ существенную пользу. Отсюда должна быть вполне понятна цѣль нашей первой главы, въ которой мы думаемъ представить краткій очеркъ канонизаціи въ Греческой Церкви.

Въ X вѣкѣ Россія приняла христіанство отъ Восточной Греческой Церкви. вмѣстѣ съ ученіемъ, составляющимъ внутреннее соде-

жаніе христіанства, она заимствовала отъ Церкви Греческой праздники и святцы. Заимствовать греческіе святцы, Русская Церковь, слѣдовательно, въ первое время совершала тѣже самые праздники, какіе совершала и Церковь Греческая.

До XI вѣка Русская Церковь не устанавливала своихъ собственныхъ праздниковъ. Но съ первой половины этого вѣка къ прежнимъ, заимствованнымъ ею отъ Греческой Церкви, она стала присоединять праздники въ честь своихъ собственныхъ святыхъ, прославленныхъ среди нея Богомъ. Съ этого времени и начинается исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Естественно думать, что при первомъ представившемся случаѣ канонизаціи наша Церковь за формами и пріемами послѣдней обратилась къ Церкви Греческой, отъ которой она заимствовала и праздники въ честь святыхъ. Отсюда и канонизація святыхъ въ первое время существованія Русской Церкви должна быть сходною въ своихъ существенныхъ чертахъ съ канонизаціей въ Греческой Церкви за тотъ же самый періодъ времени.

Присматриваясь къ тому, какъ совершалась канонизація въ Русской Церкви, не трудно замѣтить въ ней два періода, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими особенностями. Первый періодъ, начавшійся съ XI вѣка и продолжавшійся до половины XVI в., отличается мѣстнымъ характеромъ канонизаціи, причемъ право совершенія послѣдней принадлежало предстоятелямъ мѣстныхъ церквей — епископамъ. Во второмъ періодѣ, начавшемся знаменитыми Макаревскими соборами (1547 и 1549 г. г.), канонизація принимаетъ уже общій характеръ и при томъ болѣе однообразный; при чемъ право канонизаціи исключительно переходитъ къ митрополиту съ соборомъ епископовъ, и затѣмъ къ патріарху, вообще къ высшему органу духовной власти въ Русской Церкви. Порядокъ и правила канонизаціи святыхъ, установленныя у насъ Макаревскими соборами, дѣйствовали почти въ продолженіе всего XVII вѣка, вслѣдствіе чего и въ ходѣ совершенія ея мы не замѣчаемъ во все это время никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ и отличій до самаго учрежденія Св. Синода, когда Русская Церковь стала строже относиться къ канонизаціи святыхъ.

Наша задача и состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ канонизація Русскихъ святыхъ, начавшаяся съ первоначально заимствованныхъ изъ Греческой Церкви формъ, потомъ постепенно измѣнялась, пока не приняла постоянныхъ и опредѣленныхъ формъ, существующихъ въ ней и доселѣ, — въ чемъ состояли эти перемѣны и чѣмъ онѣ вызывались и обуславливались.

Намѣченными нами задачами вполне опредѣляется и планъ нашего изслѣдованія. Послѣ введенія, въ которомъ даны были общія свѣдѣнія о канонизаціи, оно будетъ состоять изъ 4 главъ и заключенія. Въ первой главѣ мы дадимъ краткій очеркъ канонизаціи въ Церкви Греческой, до принятія отъ нея христіанства Россіею; вторая глава будетъ посвящена исторіи канонизаціи въ нашей Церкви до Макарьевскихъ соборовъ; третья — исторіи канонизаціи на этихъ соборахъ и четвертая, наконецъ, будетъ посвящена изображенію общаго хода и порядка ея со времени послѣднихъ до учрежденія Святѣйшаго Синода. Въ заключеніи мы вкратцѣ изложимъ тѣ перемѣны, какія произошли въ дѣлѣ канонизаціи нашихъ святыхъ со времени учрежденія Святѣйшаго Синода.

Въ первой главѣ мы дадимъ краткій очеркъ канонизаціи въ Церкви Греческой, до принятія отъ нея христіанства Россіею; вторая глава будетъ посвящена исторіи канонизаціи въ нашей Церкви до Макарьевскихъ соборовъ; третья — исторіи канонизаціи на этихъ соборахъ и четвертая, наконецъ, будетъ посвящена изображенію общаго хода и порядка ея со времени послѣднихъ до учрежденія Святѣйшаго Синода.

Въ заключеніи мы вкратцѣ изложимъ тѣ перемѣны, какія произошли въ дѣлѣ канонизаціи нашихъ святыхъ со времени учрежденія Святѣйшаго Синода.

Въ X вѣкѣ Россія приняла христіанство отъ Византии. Своей Церковью, вмѣстѣ съ чужеземцами, составляющими внутреннее сообщество, она приняла всѣ каноническія предписанія, которыми руководилась Церковь Греческая. Въ X вѣкѣ Россія приняла христіанство отъ Византии. Своей Церковью, вмѣстѣ съ чужеземцами, составляющими внутреннее сообщество, она приняла всѣ каноническія предписанія, которыми руководилась Церковь Греческая.

Въ X вѣкѣ Россія приняла христіанство отъ Византии. Своей Церковью, вмѣстѣ съ чужеземцами, составляющими внутреннее сообщество, она приняла всѣ каноническія предписанія, которыми руководилась Церковь Греческая.

ГЛАВА I.

Краткій очеркъ исторіи канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви.

I.

Вопросъ о канонизаціи святыхъ въ древней Церкви принадлежитъ къ числу очень темныхъ вопросовъ. Онъ не только не разработанъ въ русской церковно-исторической наукѣ, въ которой мы не можемъ указать ни одного изслѣдованія о немъ, но и на западѣ очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Правда, можно указать нѣкоторыхъ ученыхъ (Siegel, Buddei)¹⁾, которые касались и вопроса о канонизаціи святыхъ, но и они своими изысканіями мало помогаютъ дѣлу; ибо, съ одной стороны, одни изъ нихъ, какъ ярые протестанты, смотрятъ на почитаніе святыхъ, какъ на суевѣріе, а на канонизацію ихъ, какъ на апоеозъ, ничѣмъ не отличающійся отъ языческаго апоеоза великихъ людей. Очевидно, что такіе взгляды по своей односторонности не только не могутъ помочь дѣлу, но скорѣе еще болѣе могутъ запутать его. Съ другой стороны и тѣ историческія свѣдѣнія, которыя можно найти въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ писателей о канонизаціи, главнымъ образомъ относятся къ практикѣ Западной Церкви и притомъ къ позднѣйшему времени ея существованія (къ концу X и XI вѣковъ), такъ что о канонизаціи святыхъ въ древней Церкви можно сказать, что это совершенная terra incognita, если не брать во вниманіе самыхъ общихъ свѣдѣній о ней, которыя можно найти въ любомъ археологическомъ словарѣ. Поэтому въ предлагаемомъ здѣсь очеркѣ мы не думаемъ дать полнаго и всесторонняго изслѣдованія по данному вопросу, каковое при современномъ намъ состояніи агиологіи, при недостаткѣ фактовъ, сюда относящихся, въ настоящее время едва ли еще и воз-

¹⁾ Buddei, Oratio de orig. apothewosus seu canonisat. in ecclesia Romana въ его Miscellanea sacra p. 460—477; Siegel, Handbuch Christ. Kirchl. Alterthum. th. 2, 270.

можно. Мы постараемся собрать только общія свѣдѣнія, необходимыя для нашихъ цѣлей какъ о формахъ, приемахъ, практиковавшихся въ древней Греческой Церкви при совершении канонизаціи святыхъ, такъ потомъ о правилахъ и характерѣ ея.

Присматриваясь къ тому, какъ совершалась канонизація святыхъ въ древней Церкви, нетрудно замѣтить, что форма совершенія послѣдней не была постоянно одною и тою-же, но мало по малу видоизмѣнялась и осложнялась. При этомъ трудно точно указать время, когда происходили эти видоизмѣненія формъ ея и переходъ ихъ одна въ другую. Не задаваясь этими весьма трудными вопросами, мы постараемся показать только первоначальныя и потому простѣйшія формы канонизаціи, а затѣмъ позднѣйшія ея формы.

Мученики, какъ мы говорили выше, стали почитаться съ самыхъ первыхъ временъ существованія Церкви христіанской. Это почитаніе выражалось въ слѣдующихъ формахъ. Прежде всего, вѣрующіе употребляли всѣ средства, чтобы добыть и сохранить останки мученика. Съ этою цѣлью они устремлялись на средину амфитеатра, чтобы взять тѣло мученика; иногда же цѣною золота покупали у палачей его останки, дабы похоронить ихъ съ подобающею честью. Гробницы мучениковъ становились святилищами; куда вѣрующій народъ толпами стремился въ день смерти ихъ. Обыкновенно въ день памяти мученика вѣрующіе собирались при его гробницѣ и украшали ее цвѣтами и зеленью, чтобы тѣмъ выразить небесную славу мученика. Пруденцій говоритъ объ этомъ обыкновеніи:

Nos tecta fovemus ossa

Violis et fronde frequenti²⁾.

Другимъ подобнымъ же по значенію символическимъ дѣйствіемъ было окруженіе гробницы мученика горящими лампами, обычай, служившій у христіанъ символическимъ знакомъ того свѣта, которымъ наслаждается праведный въ царствѣ небесномъ³⁾. Это почитаніе народ-

²⁾ Prudentius, *hymn.* X, vers. 169—170

³⁾ Самыя гробницы мучениковъ отличались отъ другихъ гробницъ особыми символическими знаками. Такимъ знакомъ прежде всего служила палма, символъ побѣды, потому что для христіанъ умереть значило побѣдить: *ergo vincimus, cum occidimur*. Выраженіе „палма мученичества“ стало въ Церкви классическимъ. Въ диптихахъ, въ агтахъ мученическихъ, въ мартирологахъ постоянно встрѣчаются выраженія: *martyrii palmam accepit, martyrii palma coronatus est,*

ное, естественно вытекавшее из уваженія къ подвигамъ того или другого мученика, служило подготовительнымъ путемъ къ канонизаціи собственно церковной. Церковь въ лицѣ предстоятелей своимъ авторитетомъ санкціонировала это народное почитаніе. Эта санкція выражалась въ томъ, что епископъ той Церкви, гдѣ пострадалъ извѣстный мученикъ, назначалъ день въ году, въ который народъ собирался на могилу мученика для празднованія его памяти ⁴). Такъ, изъ мученическихъ актовъ Св. Игнатія и Поликарпа мы узнаемъ, что епископы объявляли дни, въ которые должна быть празднуема ихъ память ⁵). Точно также Пруденцій въ своемъ XI гимнѣ (*Innumeros cineres saspitotum Romula in urbe*), изобразивъ страданія св. мученика Ипполита, въ заключеніе убѣждаетъ епископа Валеріана (Сарагосскаго) причислить къ праздничнымъ днямъ и день памяти этого мученика ⁶). Въ назначенный епископомъ день народъ собирался къ гробницѣ мученика и здѣсь совершалась литургія. Гробница мученика, помѣщавшаяся обыкновенно подъ сводомъ *arcosolium'a* ⁷), покрывалась каменной доской, называвшейся *mensa*, какъ свидѣлствуетъ Пруденцій:

Ille sacramenti donatrix mensa eademque

Custos fida sui martyris adposita,

Servat ad aeterni spem iudicis ossa sepulcro

Pascit item sanctis Fibricolas dlapibus⁸)

На этой-то доскѣ и совершалось таинство Евхаристіи. Такимъ образомъ, канонизація святыхъ на первыхъ порахъ выражалась въ

martyrii palmam meruit obtinere, cursum palmiterum consumavit. Отсюда получило начало обыкновеніе изображать мучениковъ съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ. Другимъ знакомъ мученичества былъ масличный вѣтенокъ. Въ актахъ Поликарпа Смирнскаго говорится, что онъ былъ увѣнчанъ „неувядаемымъ вѣтнемъ“. Вообще вѣнецъ и мученичество сдѣлались синонимами въ древней Церкви. Пруденцій, составивъ поэму о мученикахъ, далъ ей заглавіе: *peri stefanwv, de cotouis.* — (Ир. Об. 1888, 4, 761—62, — Архангельскій, Древне-христіанское общество въ памятникахъ римск. катакомбъ).

⁴) Martigny, Dictionnaire des Antiquités Chr. s. 104,

⁵) Binterim, Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten der Christ. Katolisch. Kirche 5, th. 2, 293.

⁶) Цвѣтковъ. Аврелій Пруденцій. Твор. Св. Отц. 1888, 2, 476.

⁷) *Arcosolium'*омъ у древнихъ христіанъ назывались особаго рода гробницы или саркофаги, сдѣланные въ каменныхъ стѣнахъ катакомбъ и имѣвшие сверху арку или дугу. (Martigny, Dictionnaire—стр. 51—2).

⁸) Пруденцій, Нум, XI, 171 et seq.

установленіи епископомъ мѣстной Церкви дня памяти святаго и совершеніи въ этотъ день Евхаристіи.

Праздники эти, устанавливаемые мѣстными епископами, совершались обыкновенно въ день смерти мучениковъ. Основаніемъ къ празднованію именно этого дня служило то общее всей древней Церкви воззрѣніе, по которому день смерти считался блаженнѣйшимъ, какъ переходъ изъ настоящей временной и бѣдственной жизни къ вѣчной, вслѣдствіе чего и самая смерть иногда называется рожденіемъ для новой жизни. Отсюда и день смерти мучениковъ носилъ названіе *dies natalis*⁹⁾, а самый праздникъ въ честь ихъ *natalitia*. Такъ, въ повѣствованіи о кончинѣ св. Поликарпа, еп. Смирнскаго, гдѣ говорится о празднованіи дня смерти его, употреблено выраженіе „*dies natalis*“: „въ восторгѣ и радости, если соизволитъ Богъ, празднуйте день мученичества его“ (*diem natalem*). Блаж. Августинъ всегда почти употребляетъ слово *natalitia*, когда говоритъ о праздникѣ того или другого мученика¹⁰⁾.

Мѣстомъ совершенія праздниковъ въ честь мучениковъ въ первое время обыкновенно были гробницы ихъ, въ которыхъ хранились мощи или останки ихъ; позднѣе же построенныя надъ этими гробницами мучениковъ церкви. Мѣста эти назывались поэтому *martyria*, *coemiteria* (*κοιμητήριον*), *mensae et memoriae martyrum*¹¹⁾. Сюда-то древніе христіане и приходили совершать свои праздники въ честь мучениковъ; „туда (т. е. на мѣсто погребенія священномученика Поликарпа), ищутъ христіане Смирнской Церкви, какъ только можно будетъ, мы станемъ собираться съ веселіемъ и радостію и Господь соизволитъ намъ праздновать день рожденія его“¹²⁾. Можно бы привести много извѣстій, которыя указываютъ на этотъ обычай; но мы не будемъ приводить ихъ, а укажемъ причины, по которымъ праздники эти совершались на могилахъ мучениковъ. Такихъ причинъ можно указать двѣ. Прежде всего на происхожденіе такого обычая безъ сомнѣнія вліяло положеніе Церкви въ первые три вѣка, когда христіанство не было еще религіею дозволенною. Отсюда христіане естественно должны были совершать свое богослуженіе тайно, въ

⁹⁾ Впрочемъ, иногда вмѣсто *dies natalis* употребляется выраженіе „*dies passionis*“, какъ напр., у Руфина; но первое выраженіе въ твореніяхъ св. Отцовъ и вообще въ церковномъ языкѣ было употребительнѣе.

¹⁰⁾ Binterim, 5, th. 1, s. 100.

¹¹⁾ Bingham, 9, lib. 20, c. 7, p. 135.

¹²⁾ Ruinart, 1, p. 92.

мѣстахъ скрытыхъ, предпочитая, конечно, тѣ мѣста, въ которыхъ хранились останки того или другого мученика. Съ другой стороны, и самая цѣль праздниковъ могла служить побудительной причиной совершать ихъ именно на мѣстахъ погребенія мучениковъ. Устанавливая праздникъ въ честь того или другого мученика, Церковь имѣла въ виду не только его прославленіе, но также и назиданіе вѣрующихъ. Сходясь во время праздниковъ на могилы мучениковъ, вѣрующіе видѣли живые примѣры твердости и постоянства въ исповѣданіи вѣры Христовой, которые сильно дѣйствовали на души ихъ, возбуждая въ нихъ такую же твердость и преданность Христу. Поэтому-то св. Іоаннъ Златоустый и говоритъ: „послѣ живаго слова гробы святыхъ занимаютъ ближайшее по силѣ мѣсто для возбужденія ревности къ подражанію святымъ въ сердцахъ вѣрующихъ; ибо видъ гроба, овладѣвая душою, такъ поражаетъ и возбуждаетъ ее и такъ сильно дѣйствуетъ на нее, какъ будто бы самъ лежащій въ немъ вмѣстѣ молился, присутствовалъ и былъ видимъ“²⁵⁾.

Праздникъ обыкновенно начинался наканунѣ того дня, на который падала память того или другого мученика. Наканунѣ, вечеромъ, вѣрующіе собирались на могилу мученика и совершали здѣсь такъ-называемыя всенощныя бдѣнія, *vigilia*²⁶⁾, состоявшія въ чтеніи св. Писанія, пѣніи священныхъ пѣсней и гимновъ, составленныхъ въ честь мученика. Древнѣйшее свидѣтельство о такого рода бдѣніяхъ мы находимъ уже въ посланіи Антиохійскихъ христіанъ къ Церкви Филомелійской о мученической кончинѣ св. Игнатія Богоносца: „мы, видѣвши это, писали спутники и свидѣтели его страданій, всю ночь бодрствовали и много просили Господа съ колѣнопреклоненіемъ и моленіемъ чрезъ случившееся (*quae facta fuerunt*) укрѣпить насъ немощныхъ“²⁷⁾. Иногда, впрочемъ эти собранія въ честь мучениковъ носили характерное названіе *stationis*, названіе, заимствованное изъ военной римской терминологіи²⁸⁾, какъ свидѣтельствуешь Тертуліанъ: „*statio de militari exemplo nomen accepit, nam et militia Dei sumus*“²⁹⁾. Соединяясь вокругъ гробницы мученика и воодушевляясь воспоминаніемъ объ его борьбѣ и страданіяхъ за имя Христова, пер-

²⁵⁾ Творенія св. Іоанна Златоуста, т. 2, стр. 255.

²⁶⁾ Bingham, vol. 5, lib. 13, c. 9, p. 296.

²⁷⁾ Ruinart, t. 1, p. 47.

²⁸⁾ *Statio* на военномъ языкѣ Римлянъ значило стояніе на часахъ; отсюда, вѣроятно, ведутъ начало и наши, такъ-называемыя, „стоянія“.

²⁹⁾ *De coron. milit.*

вые христіане естественно представляли себя воинствомъ Бога, ведущимъ неустанную борьбу съ язычествомъ³⁰⁾.

Въ самый день памяти мученика совершалась божественная литургія, о чѣмъ свидѣтельствуется Тертуллианъ и св. Клиріанъ. Такъ, послѣдній въ извѣстномъ уже намъ посланіи къ клиру говоритъ, что въ день памяти мучениковъ совершалась св. жертва. Но еще болѣе ясное свидѣтельство объ этомъ находимъ въ актахъ мучениковъ Трифона и Ресипція. Въ концѣ ихъ говорится, что въ годовой день памяти этихъ мучениковъ вѣрующіе и священники съ веселіемъ собираются, посѣщаютъ со всѣмъ почетомъ могилы ихъ и отправляютъ тайну нашего спасенія т. е. совершаютъ Евхаристію³¹⁾.

Послѣ литургіи устраивались такъ-называемыя агапы или вечера любви³²⁾, которые иногда происходили въ зданіяхъ, построенныхъ при гробницахъ и приспособленныхъ для этой цѣли. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, съ упадкомъ чистоты христіанскихъ нравовъ, этотъ обычай послужилъ поводомъ къ непристойному и соблазнительному невоздержанію, что и послужило причиной прекращенія этого обычая.

Указанные нами обряды и обычаи, имѣвшіе мѣсто при совершеніи праздниковъ въ честь мучениковъ, были тѣ же самыя, какіе существовали и при совершеніи господскихъ праздниковъ. Однако, при совершеніи первыхъ были и особенности, которыми они отличались отъ послѣднихъ. Особенности эти заключались въ томъ, что на праздники въ честь мучениковъ обыкновенно читались ихъ мученическіе акты³³⁾ и произносились похвальные или панегирическія слова и рѣчи въ честь ихъ.

Древніе христіане тщательно замѣчали и записывали все относящееся къ страданіямъ и смерти мучениковъ за вѣру Христову. Нерѣдко цѣною золота покупали они у нотаріевъ³⁴⁾ судебныя протоколы и ими восполняли то, что сами не могли услышать и замѣтить. Иногда же сами мученики, находясь въ заключеніи, описывали все случившееся съ ними во время ихъ суда и эти записи передавали своимъ собра-

³⁰⁾ Въ восточной Церкви эти собранія въ честь мучениковъ носили названіе συνάξις.

³¹⁾ Binterim 5, th. 1, 108.

³²⁾ Bingham. 1, p. 143—144.

³³⁾ Ruinart t. 3, p. 10.

³⁴⁾ Нотаріи были скорописцы, писавшіе подобно новѣйшимъ стенографамъ, посредствомъ особыхъ знаковъ.

тіямъ по вѣрѣ ³⁵⁾. Съ этою же цѣлью въ Римской Церкви была установлена особая должность нотаріевъ. Учрежденіе ея совпадаетъ со временемъ перваго систематическаго гоненія на христіанъ при Траянѣ. По извѣстію книги папъ Климентъ Римскій раздѣлилъ полицейскія части Рима между нотаріями, изъ которыхъ каждый въ своемъ участкѣ долженъ былъ внимательно слѣдить и записывать все, происшедшее съ мучениками ³⁶⁾. Епископы старательно собирали и изслѣдовали записи нотаріевъ, за что принимали иногда смерть отъ гонителей. О епископѣ Римскомъ Анеерѣ въ книгѣ папъ говорится: *hic gesta martyrum diligenter a notariis exquisivit et in ecclesia recondidit, propter quod a Maximo praefecto coronatus est.* ³⁷⁾ Въ видахъ этого же изслѣдованія папа Фабіанъ поставилъ надъ нотаріями 7 иподіаконовъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы просматривать и провѣрять составленные нотаріями акты и потомъ уже представлять послѣдніе папѣ на одобреніе ³⁸⁾. Изслѣдованіе записи нотаріевъ епископомъ послужило сюжетомъ одной фрески въ римской катакомбѣ Каллиста. Епископъ представленъ здѣсь сидящимъ на каедрѣ, около которой стоятъ два діакона, а три нотарія почтительно представляютъ ему свои свитки, положенныя въ *scrinium* ³⁹⁾, стоящемъ у подножія каедры. Калую важность придавали христіане этимъ записямъ, видно изъ того, что ихъ нерѣдко дѣлали на свинцовыхъ пластинкахъ, которыя клали вмѣстѣ съ тѣломъ мученика въ гробницу, гдѣ ихъ и находили въ послѣдствіи. Свинцовый свитокъ съ написанными на немъ мученическими актами былъ найденъ Больдетти въ одномъ изъ *loculi* катакомбы Кириака; къ несчастію онъ разсыпался, когда его стали развертывать и написанное на немъ сдѣлалось уже невозможнымъ прочесть ⁴⁰⁾.

Изъ этихъ-то наблюденій древнихъ христіанъ, судебныхъ записей и собственныхъ свидѣтельствъ исповѣдниковъ и мучениковъ и состав-

³⁵⁾ Ruinart. t. 1, p. 26.

³⁶⁾ „Hic (т. е. Климентъ), читаемъ у Ціаконія въ *ergo Vitae et gesta summorum Pontificum, septem notarios ordinavit, quibus urbis regiones XIV divisit, ut singuli res gestas martyrum sollicitae diligenter per regiones suas conquistatas describerent.*“ (Сіас. р. 35. Цитатъ заимствованъ изъ Твор. Св. Отц. 1883 г. III стр. 68, примѣч.).

³⁷⁾ Архангельскій, Древне-христ. общество, Прав. Обзор. 1887 г. III, 497.

³⁸⁾ Binterim, 5, 1, 77—78.

³⁹⁾ Такъ назывался ящикъ, въ который клали свитки.

⁴⁰⁾ Архангельскій, Древне-христ. общество, Прав. Обзор. 1887 г. III, 497—8.

вились мученическіе акты, которые обыкновенно читались въ годовые праздники мучениковъ. Обычай чтенія этихъ актовъ восходитъ къ глубокой древности. Такъ, о чтеніи ихъ упоминается уже въ мученическихъ актахъ св. Перепетуи и Фелипаты (пострадали въ 203 году): „о сихъ примѣрахъ (ихъ страданіяхъ) не менѣе, чѣмъ о древнихъ, нужно читать въ Церкви, чтобы добродѣтели новыхъ подвижницъ свидѣтельствовали, что и доселѣ дѣйствуетъ Единъ и Той же Духъ“⁴¹⁾. Соборъ Карфагенскій запретилъ читать при богослуженіи всѣ прочія книги, кромѣ каноническихъ, сдѣлавъ исключеніе однако для актовъ мученическихъ⁴²⁾. О такого же рода чтеніи этихъ актовъ мы находимъ свидѣтельства у многихъ отцовъ Церкви Римской и Африканской, какъ напр. у блаженнаго Августина, Льва В., Геласія и др.⁴³⁾, и у Василія Великаго относительно Церкви Восточной. Послѣдній указываетъ намъ и цѣль, съ какою читались эти акты при богослуженіи. Она заключалась въ томъ, чтобы этимъ чтеніемъ воспроизвести въ памяти слушателей тѣ прекрасныя и возвышенныя добродѣтели, которыя осуществили въ своей жизни мученики и побудить первыхъ къ подражанію этимъ добродѣтелямъ. Та же самая цѣль преслѣдовалась и похвальными словами, которыя произносились во дни празднованія памяти мучениковъ. Содержаніемъ ихъ обыкновенно служили похвалы добродѣтелямъ мучениковъ, и возбужденіе въ слушателяхъ желанія подражать имъ. Подобныхъ панегирическихъ рѣчей дошло до нашего времени очень много. Видно, что обычай произносить похвальныя слова на праздники въ честь мучениковъ былъ въ общемъ употребленіи въ древне-христіанской Церкви, начиная съ первыхъ временъ ея существованія.

Изъ разсмотрѣнія этихъ особенностей, равно какъ и общихъ съ другими церковными праздниками обычаевъ можно видѣть, что они всѣ направлены были къ прославленію мучениковъ съ одной стороны и къ назиданію вѣрующихъ ихъ примѣрами съ другой.

Съ теченіемъ времени канонизація святыхъ въ древней Церкви осложняется. Прежде всего это осложненіе стало выражаться въ томъ, что имя мученика стало вноситься въ диптихи церковныя. Такимъ образомъ, къ концу второго вѣка и началу третьяго, когда диптихи, по свидѣтельству Тертуліана и св. Кипріана, вошли во всеобщее употребленіе, канонизація святыхъ выражается не только въ празднова-

⁴¹⁾ Ruinart, t. I, p. 202.

⁴²⁾ Правила св. Помѣстныхъ Соборовъ (изд. Кз. Д. А.) пр. 64 стр. 136.

⁴³⁾ Bingham, 9, p. 137—8.

ніи дня памяти святаго, но и во внесеніи имени его въ диптихи церковные.

Чтобы выяснитъ значеніе диптиховъ для канонизаціи святыхъ въ древней Церкви, для этого намъ необходимо изложить исторію ихъ происхожденія и цѣль употребленія въ Церкви. Итакъ, что же такое диптихъ?

Диптихи заимствованы христіанскою Церковію изъ греко-римскаго міра. Слово диптихъ происходитъ отъ *δίς* и *πτυχή*. *Πτυχή* происходитъ отъ глагола *πτύσσω*—складываю и означаетъ одно и то же что *πλίξ* и *πτυχίς* (*plicae, plicatura*) т. е. все, что сложено и что складывается. Отсюда *δίπτυχον*,—*bis plicatum*, вдвое сложенное или складень⁴⁴⁾. Простѣйшій примитивный диптихъ состоялъ обыкновенно изъ двухъ сложенныхъ вмѣстѣ дощечекъ или табличекъ, сдѣланныхъ изъ свинца, дерева или слоновой кости и скрѣпленныхъ у края колечками. Число дощечекъ, впрочемъ, могло увеличиваться, или между ними вкладывались листики пергамена или бумаги и въ такомъ случаѣ формой своей диптихи напоминали уже книжечку, корешокъ которой обыкновенно скрѣплялся колечками или шарниромъ. Отсюда и по своей формѣ диптихи могли быть малые и большіе. Первые состояли только изъ двухъ листиковъ или дощечекъ (диптихъ въ собственномъ смыслѣ); вторые же состояли изъ трехъ и болѣе листовъ и потому носили названіе триптиховъ, пентаптиховъ и полиптиховъ⁴⁵⁾. Въ греко-римскомъ мірѣ диптихи обыкновенно употреблялись для письма оффиціальнаго. Въ нихъ вписывались и записывались разнаго рода дѣла гражданскія и судебныя, почему диптихи часто и называются диптихами консульскими и гражданскими. Употребленіе диптиховъ собственно въ христіанской Церкви восходитъ къ глубокой древности. Большинство церковныхъ археологовъ начало такого употребленія возводитъ ко второму вѣку. Ибо Тертуліанъ и св. Кипріанъ, жившіе въ 3-мъ вѣкѣ, свидѣтельствуютъ, что въ ихъ время употребленіе диптиховъ въ христіанской Церкви было всеобщимъ⁴⁶⁾.

Въ христіанской Церкви диптихи имѣли богослужбное значеніе. Въ нихъ вписывались для прочтенія въ церкви имена не только заурядныхъ членовъ церковной общины, но и имена вышедшихъ изъ ея среды мучениковъ, подвижниковъ, исповѣдниковъ и вообще святыхъ. О такомъ богослужбномъ употребленіи диптиховъ въ христіан-

⁴⁴⁾ Gori, *Thesaurus veterum diptichorum* 1, 232.

⁴⁵⁾ Kraus, 4, 364.

⁴⁶⁾ Kraus 4, 366.

своей Церкви мы находим свидетельства у Тертуллиана, св. Киприана и Дионисия Ареопагита. Последний между прочим говорит, что чтение священных таблиц (τῶν ἱερῶν πτυχῶν), совершившееся послѣ возгласенія мира, провозгласило тѣхъ, которые свято жили⁴⁷⁾. Большинство западныхъ ученыхъ, къ которымъ принадлежатъ Дю-Канжъ, Алляцій, Ассемани и Бингамъ, дѣлятъ диптихи на три класса: *diptycha sanctorum*, *diptycha fidelium vivorum et diptycha fidelium defunctorum*⁴⁸⁾.

Чтобы ознакомиться съ кругомъ лицъ, вносившихся въ первый классъ диптиховъ, мы приведемъ нѣсколько ихъ. Въ эонопской литургіи въ диптихѣ, читавшемся на ней, вспоминались: св. Стефанъ, Захарія, Іоаннъ Креститель, четыре евангелиста и св. Дѣва Марія; затѣмъ имена 12 апостоловъ, Павелъ, Тимоѳей, Варнава, Титъ, Филимонъ, Климентъ. Особенность разсматриваемаго диптиха, не встречающуюся намъ нигдѣ, составляетъ воспоминаніе за этой литургіей именъ ангеловъ—Михаила, Гавріила, Рафаила и потомъ Уриила. За литургіей въ Римѣ въ древнемъ диптихѣ вспоминались: Пресвятая Дѣва Марія и апостолы, исключая ап. Матѳея (вѣроятно потому, что онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ самъ Христосъ избралъ); точно также не доставало евангелистовъ Марка и Луки; далѣе,

⁴⁷⁾ Binghami, Origines sive Antiquit, t. 6, lib. 15, c. 3, p. 342. Впрочемъ, Тертуліанъ и св. Кипріанъ говорятъ о диптихахъ подъ другимъ наименованіемъ. Вообще нужно замѣтить, что диптихи на языкѣ церковномъ носятъ различныя названія. Такъ у греческихъ писателей они называются иногда: ἱεροὶ δέλοισι, ἀγία δέλοισι, μυστικὰ δέλοισι, μυστικὰ δίπτυχα, Ἐκκλησιαστικὴ κατάλογοι (Kraus, Real-Encycl. вып. 4, 366), а у латинскихъ писателей диптихи носили слѣдующія названія: libri anniversarii, ecclesiae matricula, liber viventium sive vitae. (Martigny, 212).

⁴⁸⁾ Du-Cange, Glossarium ad scriptores latinis t. 2, p. 825; Assemani, Calendaria ecclesiae universae, t. 1, pars 1, cap. VII, p. 80; Binghami, Origines t. 6, lib. 15, cap. 3, pag. 347—8. Того же дѣленія диптиховъ на три класса держатся: Binterim (Denkwürdigkeiten, b, 4, th. 2, s. 64); Müller (Lexicon Kirchenrecht. b, 2, s. 190—1). Только Салигъ и на основаніи его Гори дѣлятъ диптихи на четыре класса, именно: а) *diptycha baptizatorum ac neochristianorum*, б) *diptycha ecclesiastica*, quibus inter ipsi fuerunt vel offerentes, vel benefactores hicque sive mortui, sive vivi, imperatores, et reges vel patriarchae, episcopi, presbyteri; в) *diptycha sanctorum* et д) *diptycha mortuorum* (Salig, De diptychis veterum p. 242; Gori, Thesaurus veterum diptychorum 1, p. 20). Мы будемъ держаться дѣленія большинства ученыхъ, тѣмъ болѣе, что и по Салиг'у богослужбное значеніе могли имѣть только послѣдніе три класса.

мы находимъ въ этомъ диптихѣ имена пяти Римскихъ епископовъ мучениковъ: Лина († 79), Клетта († 90), Климента († 102), Сикста († 128), Корнилія († 252); затѣмъ еще 7 мучениковъ, именно: Кипріана, еп. Карфагенскаго, Лаврентія, замученнаго въ Римѣ, Хризогона (Chrisogonus), родомъ Римлянина, Иоанна и Павла († 362), Космы и Даміана ⁴⁹⁾ Наконецъ, у Salig'a приведенъ еще одинъ диптихъ, суда по именамъ, Римской же Церкви, только къ сожалѣнію съ большими пропусками. Имена святыхъ въ этомъ диптихѣ расположены въ два столбца въ слѣдующемъ порядкѣ:

Sanctae Mariae virginis.

Petri	Marcelli
Pauli	Petri
Andr.	Iohannis.
Iacobi	Pauli
Ioannis	Sebastiani
Thomae	Gervasii
Philippi	Protasii
Bartolomei	Quintini
Matthaei	
Simonis	
Thadaei	
Iacobi	Innocentii vel innocentes
Simeonis	Georgii
Clementis	Isidori
Alexandri	
Cornelii	
Cypriani	
Silvestri	
Ambrosii	
Gregorii	
Germani (id)	
Remidii	
Merardi	

⁴⁹⁾ Krüll, Christl. Alterthumskün. II, 269.

Т... mar
Laurentii⁵⁰).

Такимъ образомъ изъ представленныхъ диптиховъ можно легко опредѣлить лица, которыя въ нихъ вносились и прочитывались за богослуженіемъ. Такими лицами были прежде всего Пресв. Дѣва Марія, потомъ апостолы; за ними уже шли епископы, мученики и другіе святые⁵¹).

Во второй классъ диптиховъ вносились имена живыхъ членовъ общины, ознаменовавшихъ себя тѣми или другими заслугами Церкви

⁵⁰) Salig De diptychis veterum, p. 49; точки означаютъ пропуски.

⁵¹) Въ древности, какъ это можно видѣть изъ диптиха Salig'a, къ именамъ мучениковъ и святыхъ не прилагался эпитетъ sanctus, ἅγιος, святой. Тогда писали просто Петръ, Павелъ, Іоаннъ и проч. Въ римскомъ календарѣ, принадлежащемъ IV вѣку, также не встрѣчается ни разу этого эпитета въ приложеніи къ мученикамъ. Правда, въ надписяхъ несомнѣнно древняго происхожденія встрѣчаются названія sanctus, sanctissimus, напр. Laurentia sancta ac venerabilis femina, но нетрудно догадаться, что здѣсь слово sanctus употреблено въ смыслѣ „дорогой“, „любезный“ и равносильно по своему значенію такъ часто встрѣчающемуся въ надписяхъ (въ катакомбахъ) названію: carissimus, amantissimus; слово sanctus объ умершемъ встрѣчается даже въ языческихъ надписяхъ. Одна буква S, стоящая иногда предъ собственнымъ именемъ, означаетъ, по мнѣнію Росси, скорѣе spectabilis, нежели sanctus (Архангельскій, Древне-христ. общество, Прав. Обзор. 1887 г. III, 499). Ранѣе о мученикахъ и вообще святыхъ употреблялся терминъ Dominus, Domina. Такъ къ Перелетуѣ, находившейся въ темницѣ и уже готовой принять вѣнецъ мученическій, ея братъ обращается въ такихъ выраженіяхъ: Domina soror, jam in magna dignitate es (Ruinart, IV, p. 81). Можно думать, что это названіе, довольно часто встрѣчающееся въ надписяхъ, относится обыкновенно къ мученикамъ. Въ одной надписи родители поручаютъ свое дитя покровительству святой, названной Domina Bassilia: Domina Bassilia commendamus tibi crescentibus et micina filia nostra crescen. vixit etc. Въ другой надписи читаемъ: refrigerare tibi Dominus Ipolitus. Но въ большинствѣ молитвенныхъ обращеній къ святымъ, начертанныхъ на гробницахъ и стѣнахъ катакомбъ, не встрѣчается предъ ихъ именами никакого эпитета, который указывалъ бы на ихъ особое положеніе среди другихъ вѣрующихъ, достигшихъ спасенія (ibid. стр. 500). Эпитеты sanctus и Dominus стали прилагаться къ именамъ святыхъ уже въ позднѣйшія сравнительно времена. Приблизительно съ V вѣка между этими названіями начинается устанавливаться своего рода градація, причемъ Dominus прилагается уже не ко всемъ, а только къ нѣкоторымъ святымъ и мученикамъ въ знакъ особеннаго почтенія (Binterim, Denkwürd., 5, 559—60).

и благочестивою христіанскою жизнью; здѣсь прежде всего стояли имена патріарховъ, затѣмъ слѣдовали имена епископовъ, священниковъ и прочихъ членовъ клира; во второмъ ряду находились имена императоровъ⁵²⁾, начальниковъ и наконецъ уже мірянъ. Въ послѣдующее время, когда число христіанъ увеличилось, изъ мірянъ вносились въ диптихи имена жертвователей или приносившихъ дары для евхаристіи⁵³⁾. Въ третьемъ классѣ диптиховъ записывались имена умершихъ, скончавшихся въ общеніи съ Церковью и отличавшихся также благочестивою жизнью,—это *diptycha defunctorum*. Относительно именъ, которыя вносились въ послѣдній классъ диптиховъ, вообще можно сказать, что тѣ лица, которыя при своей жизни были внесены въ диптихи живыхъ, по своей смерти вносились и въ диптихи умершихъ; слѣдовательно, въ послѣднихъ имена вѣрующихъ располагались въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и въ диптихахъ живыхъ⁵⁴⁾.

Всѣ эти три класса диптиховъ обыкновенно прочитывались діакономъ за литургіей. Чтеніе это было обще какъ Восточной, такъ и Западной Церкви. Впрочемъ, время чтенія диптиховъ было различно въ обѣихъ церквяхъ. Въ Восточной Церкви, какъ и въ настоящее время въ литургіяхъ Василия Великаго и Іоанна Златоустаго, диптихи читались послѣ освященія Св. Даровъ; въ Латинской же Церкви въ этомъ случаѣ не было опредѣленнаго и однообразнаго правила: въ разныхъ Церквяхъ чтеніе совершалось въ различное время, смотря по тому, какому обряду слѣдовали онѣ: Латинскому, Галликанскому или Амвросіанскому⁵⁵⁾. Въ настоящее время въ литургіи Римской Церкви усопшіе поминаются послѣ освященія Даровъ, а живые прежде,—въ началѣ канона миссы⁵⁶⁾. Послѣ прочтенія диптиховъ діакономъ, священнодѣйствующій произноситъ молитву, называвшуюся

⁵²⁾ Такъ какъ въ диптихи не могъ быть внесенъ никто изъ иновѣрныхъ, то понятно, что ранѣ IV вѣка изъ императоровъ, которые до сего времени были язычниками, ни одинъ не могъ быть вписанъ въ нихъ; поэтому императоры стали вписываться въ диптихи только со времени Константина В., какъ перваго христіанскаго государя (Binterim, 4, 2, 80).

⁵³⁾ Kirch. Lexic. Wetzer und Welt, I. 3, 2, 174.

⁵⁴⁾ Kraus, 4, 367.

⁵⁵⁾ Müller, I. 2, 122.

⁵⁶⁾ Бобровницкій, о происхожденіи и составѣ Рим.-Кат. литургіи стр. 75; Канонъ миссы въ катол. литургіи называется та часть ея, въ которой совершается освященіе Даровъ и причащеніе; слѣдовательно, канонъ миссы соответствуетъ нашей литургіи вѣрныхъ.

вслѣдствіе этого oratio post nomina или super diptycha и въ которой онъ молился за всѣхъ вѣрующихъ умершихъ, чтобы Богъ душамъ ихъ далъ покой и учинилъ ихъ въ святыхъ своихъ обителяхъ⁵⁷⁾.

Изъ сейчасъ сказаннаго о диптихахъ и ихъ употребленіи въ древне-христіанской Церкви можно видѣть, что къ канонизаціи святыхъ имѣли отношеніе только диптихи перваго класса, диптихи святыхъ, въ которые вносились исключительно имена святыхъ: Пресв. Дѣвы Маріи, апостоловъ, мучениковъ и исповѣдниковъ и которые по своему агиологическому содержанию близко подходятъ къ календарямъ. Поэтому мы при дальнѣйшемъ обзорѣ канонизаціи святыхъ въ древней Церкви и будемъ имѣть въ виду только диптихи святыхъ.

Познакомившись съ исторіей происхожденія диптиховъ въ древней Церкви и цѣлью ихъ употребленія, мы должны теперь выяснитъ ихъ отношеніе къ канонизаціи святыхъ. Чтобы достигнуть этого, намъ, очевидно, необходимо рѣшить слѣдующій вопросъ, какія существовали условія, опредѣлявшія это внесеніе именъ въ диптихи? Внимательно присматриваясь къ лицамъ, имена которыхъ вносились въ диптихи древней Церкви, нетрудно видѣть условія, опредѣлявшія это внесеніе. Такими условіями были: мученичество за вѣру Христову, исповѣдничество и святость жизни. Что дѣйствительно такія условія были необходимы для внесенія имени того или другого лица въ диптихи, на это мы имѣемъ очень твердыя основанія. Прежде всего, такимъ основаніемъ могутъ служить приведенные уже нами диптихи, въ которыхъ мы встрѣчаемъ имена апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, святыхъ. Св. Кириллъ Іерусалимскій, въ своемъ 5-мъ огласительномъ поученіи между прочимъ говоря о поминовеніи за Евхаристіей сперва патріарховъ, пророковъ потомъ апостоловъ и мучениковъ, прямо свидѣтельствуешь объ этомъ условіи внесенія именъ въ диптихи. Затѣмъ, епископы и вообще церковные предстоятели, подъ надзоромъ которыхъ, какъ увидимъ ниже, находились диптихи, очень строго слѣдили за тѣмъ, чтобы въ нихъ не были записаны лица сомнительной нравственности. Такъ, св. Кипріанъ имя Геминія Виктора приказалъ исключить изъ числа тѣхъ, которые именуется священникомъ при святой трапезѣ, потому что онъ нарушилъ правила Церкви⁵⁸⁾. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что благочестивая жизнь, украшенная высокими добродѣтелями, была необходимымъ условіемъ внесенія въ диптихи святыхъ. На это условіе между прочимъ прямо уже указывается въ

⁵⁷⁾ Bingham, t. 6, lib. 15, p. 347—9; Martig. 211—17; Salig. p. 51.

⁵⁸⁾ Bingham, t. 6, lib. 15, p. 350.

словахъ св. Діонисія Ареопагита: „чтеніе священныхъ таблицъ провозглашало тѣхъ, qui sancte vixerunt, et ad studiosae vitae perfectionem constanter pervenerunt“⁵⁹⁾.

Ознакомившись съ условіями внесенія именъ въ диптихи, мы стараемся теперь выяснитъ значеніе послѣднихъ для канонизаціи святыхъ въ древней Церкви. Очевидно, что въ вопросѣ о канонизаціи святыхъ диптихи должны имѣть важное значеніе. Это значеніе для насъ будетъ яснымъ, если мы узнаемъ ту цѣль, съ какою имена святыхъ вносились въ диптихи и потомъ прочитывались за литургіей. Мученики и святые, по словамъ св. Кирилла Іерусалимскаго, воспоминались за таинствомъ Евхаристіи за тѣмъ, чтобы Богъ молитвами ихъ принималъ молитвы предстоящихъ⁶⁰⁾. Отсюда, каждый святой, каждый мученикъ, какъ скоро имя его вносилось въ диптихи Церкви, считался уже прославленнымъ угодникомъ Божиимъ и къ нему вѣрующіе съ этихъ поръ обращались съ молитвами о помощи и ходатайствѣ. Но, кромѣ того была и другая цѣль поминовенія святыхъ за богослуженіемъ⁶¹⁾. Эта цѣль состояла въ томъ, чтобы вѣра и добродѣтели воспоминаемыхъ святыхъ служили примѣромъ и образцомъ для слушающихъ⁶²⁾. Приводя же мучениковъ и святыхъ во время торжественныхъ собраній на память вѣрующимъ, какъ примѣры и образцы благочестивой жизни, которымъ нужно подражать, Церковь очевидно выдѣляла ихъ изъ числа заурядныхъ членовъ церковной общины и оказывала тѣмъ самымъ имъ извѣстнаго рода чествованіе. Въ этомъ случаѣ вполнѣ справедливы слова Gori, который говоритъ, что „*inscriptio in hisce sacris tabulis* (т. е. въ диптихахъ) *quaedam ipsis species erat apotheoseos*“⁶³⁾. Если же внесеніе имени того или другого святаго или мученика въ диптихи было знакомъ его прославленія и чествованія, то естественно

⁵⁹⁾ Bingham, t. 6, p. 149.

⁶⁰⁾ 5-ое Огласит. поуч. св. Кирилла Іерусал.

⁶¹⁾ Поминовеніе (*μνησθεῖσιν*, помянуть) въ древней Церкви имѣло болѣе широкій смыслъ, чѣмъ въ теперешней практикѣ. Въ настоящее время подъ поминовеніемъ разумѣются обыкновенно молитвы Церкви за умершихъ и живыхъ членовъ своихъ, въ которыхъ она ходатайствуетъ за нихъ предъ Богомъ. Между тѣмъ въ древней Церкви смыслъ этого слова былъ шире и обнималъ собою, какъ это видно изъ словъ св. Кирилла Іерусалимскаго, и молитвенное воспоминаніе святыхъ съ цѣлью испрошенія ихъ ходатайства за вѣрующихъ, живущихъ здѣсь, на землѣ.

⁶²⁾ Gori, t. 3, p. 860.

⁶³⁾ Gori, t. 3, p. 161.

и на самые диптихи должно смотрѣть, какъ на одну изъ формъ, въ которыхъ выражалась канонизація святыхъ. Такое значеніе ихъ для канонизаціи съ теченіемъ времени становится все яснѣе и яснѣе: Начиная съ IV вѣка, диптихи принимаютъ видъ каталога или реестра святыхъ той или другой Церкви ⁶⁴⁾, причемъ внесеніе въ диптихи съ этого времени сопровождается уже, какъ увидимъ ниже, извѣстными формальностями, цѣль которыхъ была та, чтобы убѣдиться въ святости того лица, имя котораго должно быть внесено въ диптихи. Такимъ образомъ по своему значенію для канонизаціи святыхъ диптихи вполне соответствуютъ позднѣйшимъ календарямъ или мѣсяцесловамъ и на внесеніе именъ святыхъ въ диптихи нужно смотрѣть именно, какъ на переходъ къ позднѣйшему внесенію именъ святыхъ въ календари и мѣсяцесловы.

Таковы были въ общихъ чертахъ первоначальныя и потому простѣйшія формы канонизаціи святыхъ въ древней Церкви, одинаковыя за это время какъ въ Восточной, такъ и въ Западной Церкви. Но съ теченіемъ времени эти первоначальныя формы и приемы канонизаціи святыхъ, съ одной стороны, стали видоизмѣняться и осложняться; съ другой стороны, начинаютъ рѣзко различаться въ Западной и Восточной Церквахъ. Въ Западной Церкви канонизація святыхъ облекается въ торжественныя формы, принимаетъ болѣе однообразный характеръ и исключительно переходитъ въ вѣдѣніе папы, ставши привилегіей его престола ⁶⁵⁾. Между тѣмъ на Востокѣ, какъ увидимъ ниже, она продолжаетъ сохранять тотъ же самый характеръ, что и прежде, хотя формы ея и здѣсь съ теченіемъ времени видоизмѣнились. Къ сожалѣнію изъ послѣдующаго времени мы очень мало находимъ свѣдѣній о канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе полное и ясное представленіе объ этихъ видоизмѣненіяхъ. Болѣе ясныя и болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ мы имѣемъ не ранѣе какъ изъ 11-го вѣка, и то не изъ Греческой, а изъ Русской Церкви, принявшей христіанство, а съ нимъ, конечно, и всю

⁶⁴⁾ Такъ Винтеримъ, говоря, что каждая церковь имѣла особенные реестры, въ которыхъ и отмѣчала своихъ мучениковъ, приводитъ въ примѣръ этого Африканскія Церкви, которыя, по настоянію св. Кипріяна, составили реестры своихъ мучениковъ (*Denkwürdigkeiten*, t. 5, 1, 142). Объ императорѣ Θεодосіи извѣстно, что онъ въ одномъ торжественномъ собраніи епископовъ хвалилъ Григорія, еп. Кордубскаго, за то, что онъ имена мучениковъ точно отмѣчалъ и на миссѣ ихъ прочитывалъ (*Ibid.* 34).

⁶⁵⁾ Siegel, *Handbuch Christl. Alterthümer*, 270.

обрядность отъ первой. Извѣстія изъ послѣдующаго времени однако показываютъ намъ нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ канонизаціи святыхъ въ Восточной Церкви. Какъ и отъ чего они произошли? За неимѣніемъ свидѣтельствъ трудно дать прямой и положительный отвѣтъ на поставленный вопросъ; но на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ извѣстій можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, въ подтвержденіе которыхъ можно сослаться на обычаи Западной Церкви, какіе существовали въ ней при канонизаціи святыхъ за это время. Послѣднее тѣмъ болѣе возможно, что до XII вѣка Церкви Восточная и Западная не такъ рѣзко различались между собою въ обрядахъ, какъ въ послѣдующее время; такъ что и по отношенію къ разсматриваемому вопросу могло быть за это время въ той и другой нѣчто общее.

Чтобы судить о тѣхъ видоизмѣненіяхъ въ порядкѣ канонизаціи за данный періодъ времени и о той формѣ, какую она, вслѣдствіе этихъ видоизмѣненій, приняла, намъ нужно прежде всего указать причины, произведшія ихъ. По нашему мнѣнію, эти измѣненія въ порядкѣ и формѣ канонизаціи стоятъ въ тѣсной и неразрывной связи съ тѣми переменами, какимъ подвергся съ теченіемъ времени древній диптихъ. Въ описанномъ нами видѣ диптихи существовали сравнительно недолгое время. Съ теченіемъ времени, сообразно съ обстоятельствами, они постепенно видоизмѣнялись и дали начало новымъ формамъ. Именно, первый классъ диптиховъ, — *diptycha sanctorum*, — далъ начало христіанскимъ календарямъ или мѣсяцесловамъ ⁶⁰⁾.

⁶⁰⁾ Второй и третій классы — *diptycha vivorum et defunctorum* дали начало нашимъ синодикамъ. Синодикъ (*συνοδικόν*) отъ слова *σύνδος* — соборъ. Въ церковномъ словоупотребленіи слово синодикъ обозначаетъ запись именъ живыхъ и умершихъ, поминаемыхъ на церковныхъ службахъ. Синодикъ замѣняется словомъ помянникъ. До насъ не дошло синодиковъ Греческой Церкви; но о нихъ можно судить по синодикамъ нашей Церкви, несомнѣнно заимствовавшей ихъ отъ Церкви Греческой. Наши же древніе синодики представляютъ изъ себя два особые рода: а) болѣе сложный, приаровленный къ извѣстному обряду въ недѣлю Православія и б) простой, съ записью именъ, назначенныхъ для обыкновеннаго поминовенія въ церкви. Послѣдніе синодики носятъ еще названіе повседневныхъ (Мансветовъ, разборъ соч. преосв. Сергія, полный мѣсяц. Востока, 45). Что тотъ и другой типъ нашихъ синодиковъ имѣетъ своимъ первообразомъ диптихи и синодики греческіе, это можно, съ одной стороны, подтвердить фактами. Такъ, митрополитъ Биприанъ посылаетъ Исковичамъ, вмѣстѣ съ исправленными статьями изъ Требника, и Синодикъ Цареградскій, который чтутъ въ великой Церкви. (Акты Историч. т. 1, № 8, 17). Изъ южно-славянскихъ синодиковъ такого рода замѣчательны: Болгарскій временъ царя Бориса, изданный

Слово календарь есть—слово латинское (Calendarium) и само происходит от греческаго (καλέω, зову, называю), потому что въ Римѣ особенный чиновникъ, а послѣ великій первосвященникъ въ первый день мѣсяца вызывалъ новолуніе. Отсюда первое число мѣсяца называлось календы (Calendae). Въ языческихъ календаряхъ по мѣсяцамъ и днямъ года означались празднества языческимъ богамъ, дни рожденія императоровъ, дни собранія сената, дни благоприятные и неблагоприятные, вѣтры и дожди и т. под. Въ христіанской Церкви подъ именемъ календарей разумѣется краткое перечисленіе праздниковъ и святыхъ по порядку мѣсяцевъ и дней года⁶⁷⁾. Такимъ образомъ какъ самое названіе, такъ и форма календарей Церковью заимствованы изъ языческаго, частице Римскаго, міра.

Бинтеримъ⁶⁸⁾ и Мартини⁶⁹⁾ начало христіанскихъ календарей видятъ въ диптихахъ. Въ послѣднихъ обозначались имена святыхъ, которыя поминались при богослуженіи. Между тѣмъ съ развитіемъ и устройствомъ христіанскаго богослуженія и культа явилась потребность въ точномъ обозначеніи времени совершенія тѣхъ или другихъ праздниковъ и памятей мучениковъ и святыхъ. Очевидно, что этой послѣдней цѣли не могли удовлетворять диптихи. Отсюда становится

въ 21-й книгѣ Временника по рукописи XIV вѣка и Сопочанскій помянникъ въ XVII т. Записокъ Географическаго Общества (Мансветовъ, разборъ соч. Сергія, стр. 45). Изъ нашихъ рукописныхъ памятникъ этого рода есть нѣсколько въ Румянцевскомъ музеѣ. (Востоковъ, Опис. рукоп. Рум. Муз. № СССLXXXII — СССLXXXVII) и Синодальной бібліотекѣ (№ 667, 665 и 291-й). Съ другой стороны мысль о генетической связи синодикъ съ диптихами доказывается и одинаковостію расположенія въ тѣхъ и другихъ поминаемыхъ именъ. Именно согласно съ расположеніемъ древнихъ диптиховъ поминаемыя лица располагались обыкновенно и въ нашихъ синодикахъ по рубрикамъ: сперва идетъ рядъ восточныхъ патріарховъ и митрополитовъ, затѣмъ рядъ митрополитовъ и епископовъ русскихъ по епархіямъ и настоятелей монастырей; за ними идетъ перечень великихъ и удѣльныхъ князей и княгинь, бояръ, служилыхъ людей всякаго званія. (Напр. смотри Синодики Синодальной бібліотеки № 665 и 667). Изъ этого краткаго описанія синодикъ можно видѣть уже сходство ихъ съ диптихами, въ силу котораго послѣдніе мы и должны признать первообразами первыхъ.

⁶⁷⁾ Сергій, Агиологія Востока, 1, 3—4; слово календарь болѣе употребляется у Римлянъ; въ Восточной Церкви слову календарь соответствуетъ минологъ (μηνολόγιον)—мѣсяцесловъ; въ нашей Церкви приняты названія: мѣсяцесловъ (переводъ слова μηνολόγιον) и святцы.

⁶⁸⁾ Binter. t. 5. th. 2. 42.

⁶⁹⁾ Martig s. 213.

понятною причина образованія въ Церкви календарей, которые, по существу, были тѣми же диптихами, только болѣе распространенными, потому что въ нихъ, кромѣ указанія праздниковъ и святыхъ по порядку мѣсяцевъ и дней года, сообщаются еще свѣдѣнія, впрочемъ, весьма краткія о святыхъ для отличія ихъ одного отъ другого, напр. апостоль, мученикъ, преподобный, указывается иногда мѣсто его жизни или кончины, напр. Анкирскій, Кесарійскій ⁷⁰). Впрочемъ относительно этого сходства диптиховъ съ календарями вообще нужно замѣтить, что тѣмъ древнѣе календарь, тѣмъ онъ болѣе по своей формѣ и по своему составу приближается къ древнему диптиху, и наоборотъ, это сходство уменьшается въ очень значительной степени, когда календарь принадлежит по своему происхожденію къ позднѣйшему уже времени. Такъ, самые древнѣйшіе календари IV и V вѣковъ (раннѣйшихъ мы не имѣемъ) Римской и Африканской Церкви весьма близки къ диптиху, заключаая простой перечень именъ святыхъ и бѣдны агіологическими данными ⁷¹). Такъ напр. въ Римскомъ календарѣ мы встрѣчаемъ тѣ же рубрики, что и въ диптихахъ, именно: сперва идутъ епископы подъ рубрикой—*depositio episcoporum*; затѣмъ уже мученики подъ рубрикой—*depositio martyrum*. Число святыхъ, въ этомъ календарѣ заключающихся, очень незначительно, всего около 60. Нѣтъ въ немъ и эпитетовъ святой, епископъ, мученикъ, каковыя эпитеты появляются уже въ позднѣйшихъ календаряхъ. Все то, почему этотъ памятникъ можно отнести къ календарямъ, ограничивается только тѣмъ, что здѣсь предъ именемъ каждаго святаго обозначено время, когда совершалось празднованіе памяти его, а равно и мѣсто этого празднованія,—напр. 18 Kal. Octob. Ciprianae Africae; Romae celebratur in Calisti ⁷²).—Напротивъ, календари позднѣйшаго происхожденія VIII или IX вѣковъ уже рѣзко отличаются отъ древняго диптиха. Они прежде всего гораздо богаче агіологическими и топографическими данными о святыхъ и затѣмъ въ нихъ нѣтъ никакихъ рубрикъ, которыя мы встрѣчаемъ въ диптихахъ. Таковы календари у Анжело-Мая — *Calendarium marmoreum IX seculi* ⁷³) и у Морцелли *Calendarium Albani VIII в. и др.* ⁷⁴).

⁷⁰) Сергій, *Агіологія Вост.* 1, 3.

⁷¹) См. эти календари у Ruinart'a, *Acta martyrum* t. 3, p. 417, 423.

⁷²) Angelo Maji, *Veterum Scriptorum nova collectio* t. 5, p. 53.

⁷³) Angelo Maji t. 5, p. 57.

⁷⁴) Morcelli, *Kalendarium ecclesiae Konst—nae* p. 8 и слѣд.

Опредѣливши генетическую связь календарей съ древними диптихами, мы должны рѣшить вопросъ о томъ, когда въ практикѣ церковной явились календари? Несомѣнно, что начало употребленія календарей въ Церкви относится къ глубокой древности. Нѣкоторыя указанія, хотя и неособенно ясныя, на существованіе календарей мы находимъ уже въ извѣстномъ намъ посланіи спутниковъ Св. Игнатія, епископа Антіохійскаго: „мы замѣтили, говорятъ они, день и часъ кончины его, дабы, собираясь во время его мученичества, имѣть общеніе съ доблестнымъ страдальцемъ Христовымъ“⁷⁵). Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти указанія становятся яснѣе. Тертуліанъ ясно свидѣтельствуетъ, что въ его время существовали календари, которые онъ называетъ *фастами* (*fasti*)⁷⁶). А св. Кипріанъ писалъ своимъ пасомымъ: *dies eorum, (исповѣдниковъ) quibus excedunt, annotate, ut commemoratio-nes eorum inter memorias martyrum celebrare possimus*⁷⁷). Морцелли относитъ происхожденіе календарей къ глубокой древности. „Мы полагаемъ, говоритъ онъ, что священные календари были установлены въ Церкви недолго спустя послѣ перваго вѣка; хотя подлинныя памятники отсутствуютъ, однако мы находимъ частныя указанія на нихъ. Тѣ, которые читаютъ древнѣйшія эпитафіи христіанъ, знаютъ, какъ часто встрѣчается въ нихъ упоминаніе дня, къ которому каждый умеръ или похороненъ. Дѣйствительно, когда послѣ дня и мѣсяца равнымъ образомъ не присоединялась отмѣтка года и въ большей части случаевъ консуловъ, то отсюда можно понять, что древніе христіане въ этихъ указаніяхъ имѣли въ виду не столько воспроизведеніе исторіи, сколько заботились о ежегодномъ прославленіи умершихъ: чтобы имена ихъ, внесенные въ извѣстные дни календаря, ежегодно въ ряду другихъ поминались“⁷⁸).

Долгое время, по крайней мѣрѣ до IX вѣка, диптихи святыхъ существовали въ практикѣ церковной вмѣстѣ съ календарями, представляя изъ себя каталогъ и реестръ святыхъ той или другой мѣстной Церкви. Но затѣмъ мало по малу этотъ вѣсь диптиховъ сталъ выходить изъ практики церковной и слился на Западѣ съ календарями и мартирологами, а на Востокѣ съ мѣсяцесловами. Теперь святые вносятся уже не въ диптихи, къ концу IX вѣка совсѣмъ вышедшіе изъ употребленія въ практикѣ церковной, а въ календари или мѣсяцесловы.

⁷⁵) Ruinart. Acta martyr. t. 1, p. 47—48.

⁷⁶) De coron milit. c. XIII.

⁷⁷) Epistol. VI.

⁷⁸) Morcelli, Kalend. Ecclec. Konst. p. 4.

Такъ, Константинопольскій патріархъ Іоаннъ IX Іеромимонъ (1111—1134), котораго Никифоръ Каллистъ называетъ Халкидонскимъ, торжественно канонизовавъ Императора Юстиніана, внесъ имя его въ святцы⁷⁹⁾. При этомъ въ календари вносятся не всѣ святые, а только болѣе извѣстные и уважаемые, такъ что внесеніе имени святаго въ нихъ служило выраженіемъ его общецерковнаго прославленія. Что дѣйствительно такое значеніе имѣло внесеніе имени святаго въ календарь, это доказывается уже тѣмъ, что не всѣ святые, находившіеся въ диптихахъ, вносились въ календари, а только сравнительно небольшое число болѣе извѣстныхъ и знаменитыхъ. Такъ, Морчелли, констатируя тотъ фактъ, что не всѣ Константинопольскіе патріархи внесены были въ календарь, говоритъ: „многіе, конечно, отсутствуютъ (въ календаряхъ) и изъ нихъ даже тѣ, кои чужды были ереси, каковы: Евагрій, Флавіанъ, Анатолій, Елифаній и др.; поэтому календарь долженъ быть еще гораздо священнѣе диптиховъ. Ибо хотя въ календари не вносились тѣ, именъ которыхъ не было въ диптихахъ, однако многіе изъ умершихъ патріарховъ читались въ диптихахъ, однако дней памяти ихъ въ календаряхъ не находимъ. Такъ соборъ Константинопольскій и патріархъ Мина опредѣлили внести въ диптихи Еввоимія и Македонія; однако, имени Еввоимія ни въ календарѣ нашемъ, (т. е. календарѣ Константинопольской Церкви VIII—IX в.), ни въ прочихъ не находимъ⁸⁰⁾“.

Этотъ выводъ, сдѣланный Морчелли на основаніи изученія календаря Константинопольской Церкви IX вѣка, можно подтвердить и другими соображеніями. Прежде всего дошедшіе до насъ мѣсяцесловы Греческой Церкви VIII и IX вѣковъ (болѣе ранніе не дошли до насъ) далеко не исчерпываютъ всего количества святыхъ, признанныхъ уже Церковью ко времени происхожденія этихъ календарей. Такъ, мѣсяцесловы — Синодальный № 42 (VIII—IX в.) и Константинопольскій (IX в.), изданный Морчелли, далеко не обнимаютъ всего года; первый содержитъ памятей и праздниковъ на 116 дней, а второй на 143 дня⁸¹⁾. Далѣе, пресвященный Сергій въ своей Агіологии Востока, возстановляя древнѣйшій богослужебный мѣсяцесловъ Греческой Церкви VII—VIII вв., пришелъ къ тому выводу, что въ это время въ Константинопольской Церкви было около 80 дней по

⁷⁹⁾ Бургановъ, Отнош. государст. власти къ Церков. въ Византіи, стр. 719—20; ср. Niceph. Callist. LXVII, с. 31.

⁸⁰⁾ Morcelli, t. 1, p. 123.

⁸¹⁾ Сергій, Агіология 1, 72.

преимуществу праздничных. Конечно, говорить онъ, это только приблизительно вѣрно составленный праздничный мѣсяцесловъ VII—VIII вв. Но онъ подтверждается и богослужебными минеями. Если сравнить сей мѣсяцесловъ съ показаніями именъ пѣснописцевъ VII в. и первой половины VIII вѣка въ богослужебныхъ минеяхъ за весь годъ, то оказывается немного святыхъ, во славу которыхъ составлены были пѣсношнія этими лицами⁸²⁾. Наконецъ, этотъ выводъ о сравнительной малочисленности памятней въ мѣсяцесловѣ Константинопольской Церкви въ VII—VIII вв. подтверждается и тафтикономъ Никона Черногорца, писавшаго въ концѣ XI вѣка и сравнивавшего разные уставы, особенно списки Студійскаго и Іерусалимскаго уставовъ, въ частности, и по отношенію къ праздникамъ; по его таблицамъ видно, что въ то время въ Восточной Церкви собственно праздничныхъ дней было около 100—110, такъ что въ продолженіе 300 лѣтъ прибавилось до 20—30 дней праздничныхъ⁸³⁾. Чѣмъ, спрашивается, объяснить такое явленіе? Очевидно, что на страницы календарей попадали имена только болѣе чтимыхъ святыхъ, которые пользовались всеобщимъ прославленіемъ.

Въ данный же періодъ мы видимъ появленіе въ древней Греческой Церкви новыхъ условій, поведшихъ за собою видоизмѣненіе въ порядкѣ канонизаціи. Такими условіями съ теченіемъ времени стали житія святыхъ и службы въ честь ихъ. Житія святыхъ, подобно мученическимъ актамъ, имѣли богослужебное значеніе, такъ какъ читались во дни празднованія святымъ за богослуженіемъ. Поэтому, какъ скоро устанавливался праздникъ въ честь того или другого святаго, — то это вело за собою и составленіе житія и службы ему, если, конечно, они ранѣе не были составлены. Но, кромѣ этого богослужебнаго значенія, какъ показываетъ практика Западной Церкви, житія святыхъ имѣли еще и другое значеніе при совершеніи канонизаціи святыхъ. Дѣло въ томъ, что для совершенія канонизаціи того или другого святаго, необходимыми были свѣдѣнія о немъ, которыя представлялись епископу, имѣющему право причислить его къ лику святыхъ. Эти свѣдѣнія обрабатывались въ формѣ краткой біографіи или житія, которое и представлялось на разсмотрѣніе епископа. Последний предлагалъ его на своемъ мѣстномъ соборѣ или синодѣ для прочтенія съ тою цѣлью, чтобы провѣрить описанную жизнь и чудеса⁸⁴⁾.

⁸²⁾ Сергій, Агиология, I, 73.

⁸³⁾ Ibid. 16—20.

⁸⁴⁾ Schröck, Kirch.Geschichte, th. 22, s. 301—3; cfr. Pagi, Critica Histor. chronologica t. IV, p. 63.

Если представленное житіе святаго оказывалось удовлетворительнымъ, тогда епископъ давалъ свое согласіе на причисленіе его къ лику святыхъ. Въ X вѣкѣ въ Западной Церкви существовало уже опредѣленное и ясное правило, которымъ требовалось, чтобы дѣянія жизни и чудеса святаго были тщательно провѣрены⁸⁵). Само собою разумѣется, что то же самое должно было существовать и въ практикѣ Восточной Церкви. Правда, мы не находимъ въ источникахъ ясныхъ указаній на это условіе; но отсутствіе такихъ указаній не можетъ служить поводомъ къ его отрицанію. Что житія святыхъ и тамъ считались необходимыми для канонизаціи святаго, объ этомъ можно заключать изъ того, что и въ Восточной Церкви онѣ читались въ день празднованія памяти святаго, какъ это можно видѣть изъ различныхъ уставовъ, до насъ дошедшихъ⁸⁶). Слѣдовательно, какъ скоро устанавливался праздникъ въ честь того или другого святаго, то это необходимо вело и составленіе житія его. Но можно думать, что житіе, или по крайней мѣрѣ первоначальная краткая записъ о жизни и чудесахъ святаго являлась ранѣе канонизаціи и предупреждала её. Такая записъ была необходима, какъ мы видѣли это изъ практики Церкви Западной, для совершенія самой канонизаціи, для которой требовались свѣдѣнія о жизни и чудесахъ святаго.

Таковы были способы и приемы канонизаціи святыхъ въ древней Церкви. Въ главныхъ и существенныхъ чертахъ своихъ они сохранялись и послѣ долгое время въ Восточной Церкви; между тѣмъ какъ въ Западной Церкви въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ рѣзкую перемѣну. Уже съ половины XII вѣка канонизація здѣсь выражается въ очень сложныхъ и торжественныхъ церемоніяхъ, которыя съ тѣхъ поръ и доселѣ продолжаютъ составлять необходимую форму ея. Кромѣ того, въ Западной Церкви въ это время получаетъ свое начало совершенно новая форма канонизаціи, которую мы не встрѣчаемъ въ Восточной Церкви: это такъ называемая беатификація (*beatificatio*, о блаженствованіи или причисленіи къ лику блаженныхъ). Послѣднюю нужно отличать отъ канонизаціи. Беатификація совершается прежде канонизаціи и служитъ только подготовительнымъ путемъ къ ней. При этомъ беатификація давала право только на мѣстное почитаніе того или другого святаго⁸⁷).

⁸⁵) *Benedicti XIV, De Synodo diocesana (Romae 1735 r.), t. I, 22.*

⁸⁶) Мансеговъ, Церк. Уставъ, 153, 101 и проч. Müller, *lex. Kirchenrecht* 4, 686; Siegel, *th. 2, s. 271.*

⁸⁷) Müller, *Lexic. Kirchenrecht* 4, 686; Siegel, *th. 2, s. 271.*

II.

Церковь съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія принимала извѣстныя мѣры предосторожности къ тому, чтобы не причислять къ лику святыхъ такого изъ своихъ членовъ, который недостойнъ этого. Естественно думать при этомъ, что тѣ мѣры предосторожности къ какимъ прибѣгала она въ началѣ, были сравнительно слабѣе послѣдующихъ мѣръ; ибо Церковь въ первое время своего существованія, какъ мы видѣли, почти исключительно прославляла только мучениковъ своихъ, причемъ, очевидно, не требовалось никакихъ особенно сложныхъ мѣръ предосторожности, потому что одного уже факта мученичества за истинную вѣру Христову достаточно было для церковнаго прославленія мученика. И мы дѣйствительно видимъ, что тѣ правила, которыя можно находить въ практикѣ древней Церкви въ первое время при совершеніи канонизаціи, очень несложны и касались только а) диптиховъ и б) мученическихъ актовъ.

Простѣйшею формою канонизаціи, какъ мы видѣли, было внесеніе имени мучениковъ въ церковныя диптихи. Отсюда правила внесенія въ послѣдніе и были правилами канонизаціи того времени. Эти правила ограничивались однимъ наблюденіемъ надъ диптихами, которое принадлежало епископамъ или вообще предстоятелямъ церквей. Диптихи всегда находились подъ самымъ строгимъ контролемъ епископовъ. Какъ внесеніе имени того или другого святаго въ диптихи, такъ и исключеніе изъ нихъ единственно зависѣло отъ воли послѣднихъ. Внося имена святыхъ въ диптихи, епископы строго наблюдали за тѣмъ, чтобы не внести въ нихъ еретиковъ и вообще заблуждающихся въ истинахъ вѣры¹⁾, а также и именъ такихъ лицъ, мученичество которыхъ еще не было доказано. Вотъ почему съ IV вѣка Церковь установила постоянное правило, по которому необходимо было, прежде чѣмъ внести имя того или другого святаго въ диптихи, изслѣдовать причину, которая, какъ выражается блаженный Иеронимъ, дѣлала мученика²⁾, что и повело за собою строгое различіе между мучениками доказанными и мучениками не доказанными (*inter vindictos et non vindictos*). Такъ, Опатъ Милевійскій передаетъ, что нѣкая женщина Луцилла была укоряема архидиакономъ Цецилемъ за то, что совершила публично актъ почитанія (цѣлованіемъ) одного мученика, пока онъ еще не былъ доказанъ³⁾. То же самое правило

¹⁾ Müller, 2 191; Bingham. 6, c. III, p. 350.

²⁾ Martig. 104.

³⁾ Ibid.

прилагалось и къ исповѣдникамъ, имена которыхъ также вносились въ диптихи; ибо, говоритъ Краусъ, въ приложеніи къ умершему этотъ титулъ значилъ то же, что „confessor coronatus“, и равнялся торжественному свидѣтельству святости его ⁴⁾. Приложение имени исповѣдника въ послѣднемъ смыслѣ точно также стояло подъ контролемъ епископа ⁵⁾.

Руководствуясь этими правилами, епископы и вносили имена святыхъ въ диптихи и исключали изъ нихъ, если только тотъ или другой мученикъ или исповѣдникъ не подходилъ подъ эти правила. Но такой строгій и бдительный надзоръ надъ диптихами для того, чтобы онъ дѣйствительно достигалъ своей цѣли, необходимо предполагаетъ предварительное изслѣдованіе; ибо въ самомъ дѣлѣ, какъ можно рѣшить вопросъ: принадлежитъ ли извѣстный мученикъ къ доказаннымъ, или нѣтъ, если предварительно не были изслѣдованы всѣ обстоятельства его; мученической кончины. Вотъ почему въ христіанской Церкви съ самаго начала мы видимъ существованіе особаго рода записей, которыя носили названіе мученическихъ актовъ. Эти акты также находились подъ бдительнымъ надзоромъ епископовъ. Причина этого контроля понятна. Въ нихъ всегда заключались болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ кончины мученика, на основаніи которыхъ и можно было опредѣлить: принадлежитъ ли этотъ мученикъ къ доказаннымъ или нѣтъ. Надзоръ этотъ касался, какъ самаго составленія мученическихъ актовъ, такъ и провѣрки содержанія ихъ.

Мы уже выше видѣли, что такого рода акты составлялись иногда изъ записей самихъ мучениковъ объ ихъ страданіяхъ, иногда же писцами, которые исключительно для этой цѣли назначались епископами. Составленные такимъ образомъ акты всегда представлялись на разсмотрѣніе епископа. Находимъ извѣстіе, которое показываетъ, что иногда они подвергались двойной цензурѣ. Такъ, извѣстный уже намъ папа Фабіанъ съ цѣлью надзора за этими писцами поставилъ иподіаконовъ, которые обязаны были провѣрять написанное ими, и потомъ уже представлять на одобреніе папы. Если же акты составлялись лицами, которыя не были для этого назначены епископами, напр. самими мучениками или другими посторонними лицами, то въ такомъ случаѣ

⁴⁾ Kraus, вып. 4, 97.

⁵⁾ Kraus, вып. 4, 97.

они всегда представлялись на рассмотрение епископа и только послѣ этой провѣрки послѣднимъ получали богослужебное значеніе⁶⁾. Теперь является вопросъ, въ чемъ заключалось это рассмотрение или провѣрка актовъ епископами? Прямыхъ и ясныхъ указаній относительно этого мы не имѣемъ. Но такъ какъ эти акты имѣли свою цѣлю между прочимъ — представить свѣдѣнія, необходимыя для церковнаго прославленія того или другого мученика, то можно предполагать, что такое изслѣдованіе заключалось въ провѣркѣ достовѣрности этихъ свѣдѣній. Такъ думать заставляетъ насъ то обстоятельство, что для канонизаціи, какъ мы видѣли, необходимы были такія свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ была бы внѣ всякаго сомнѣнія; въ противномъ случаѣ за отсутствіемъ данныхъ не было бы никакой возможности опредѣлить различіе между мучениками „доказанными и не доказанными“ (*inter vindicatos et nonvindicatos*). — Вообще Церковь всегда строго относилась къ мученическимъ актамъ. Такъ, въ 494 году, соборъ въ Римѣ при папѣ Геласіи 1-мъ осудилъ ложные акты св. Георгія, написанные Аріанами. Наконецъ, правило VI вселенскаго собора говоритъ: „повѣсти о мученикахъ, врагами истины лживо составленныя, дабы обезславить Христовыхъ мучениковъ и слышавшихъ привести къ невѣрію, повелѣваемъ не обнародовати въ церквахъ, но предавати огню“ (63). Такимъ образомъ бдительный надзоръ надъ мученическими актами составляетъ второе правило, которое соблюдалось при канонизаціи святыхъ въ древней Церкви⁷⁾.

Вотъ и всѣ правила совершенія канонизаціи святыхъ за первое время, какія можно указать въ практикѣ древней Церкви. При этомъ большая или меньшая строгость примѣненія ихъ обуславливалась особыми обстоятельствами того или другого времени. Такъ, напр., въ Африканской Церкви, въ періодъ появленія раскола Донатистовъ, по свидѣтельству блаж. Августина, провѣрка мученическихъ актовъ, обыкновенно принадлежавшая епископу мѣстной церкви, совершалась ми-

⁶⁾ Müller, 1, 389; Martig, 104.

⁷⁾ Были случаи, и вѣроятно не малочисленные, когда мученики вовсе не имѣли актовъ. Особенно это случалось въ періодъ сильныхъ гоненій, когда христіане безъ всякаго суда за одно имя христіанина осуждались во множествѣ на смерть. Такъ, хотя во время гоненія Діоклетіана замучено было христіанъ болѣе, чѣмъ во всѣ бывшія до него гоненія (Вершинскаго мѣсяц. стр. 307 и дал.), но мученическихъ актовъ изъ этого времени гораздо менѣе бѣдалось, чѣмъ отъ прежнихъ гоненій (Ruinart, *acta sincera martyrum*).

трополитомъ съ соборомъ епископовъ⁸⁾. Именно, епископъ, въ епархіи котораго пострадалъ мученикъ, посылалъ акты объ его мученичествѣ митрополиту. Послѣдній въ присутствіи другихъ епископовъ провинціи тщательно изслѣдовалъ дѣло и только послѣ этого изслѣдованія причислялъ его къ числу мучениковъ, имѣющихъ право на общественное почитаніе⁹⁾. Причина такой экстренной мѣры заключается въ томъ, что у Донатистовъ явились также свои мученики, о которыхъ они и составляли мученическіе акты. Поэтому, естественно было Африканской Церкви прибѣгнуть въ это время къ болѣе строгимъ мѣрамъ предосторожности, чтобы не принять акты мучениковъ, принадлежавшихъ къ Донатистамъ, за акты мучениковъ православныхъ.

Въ послѣдующее время, съ прекращеніемъ гоненій на христіанъ, когда мученичество прекратилось и на мѣсто мучениковъ явились въ Христіанской Церкви святые люди, нѣкоторыя правила, необходимыя прежде для совершенія канонизаціи, теперь уже оставляются, какъ излишнія.—Такъ, очевидно, что различіе между мучениками „доказанными и не доказанными“, которое прежде было однимъ изъ правилъ канонизаціи, теперь, съ перемѣною обстоятельствъ, становится, если не совершенно излишнимъ, то, по крайней мѣрѣ, рѣдко и очень мало приложимымъ. Но то предварительное изслѣдованіе, которое вызывалось этимъ правиломъ, теперь должно было еще болѣе увеличиться и осложниться. Чтобы понять и объяснить себѣ, почему процессъ предварительнаго изслѣдованія съ этого времени долженъ былъ осложниться, нужно взять во вниманіе различіе, какое существуетъ между понятіями мученичества и святости. Безъ сомнѣнія, въ самомъ актѣ мученичества заключается уже для Церкви достаточное основаніе для церковнаго прославленія мученика. Поэтому здѣсь достаточно было только повѣрить самый актъ мученичества, чтобы причислить того или другого мученика къ лику святыхъ. Такъ, въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, и было. Но такого рода предварительное изслѣдованіе совершенно неприложимо было къ канонизаціи святыхъ въ послѣдующее время. Хотя понятіе святость и нельзя назвать относительнымъ, тѣмъ не менѣе трудно установить точный критерій для его опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое святость сама по себѣ? Говоря вообще—это духовно-нравственное совершенство, посредствомъ котораго человѣкъ дѣлается благоугоднымъ Богу. Но установить точно границы

⁸⁾ Martig. 104.

⁹⁾ Ibid.

этого совершенства едва-ли возможно. Правда, въ Христіанской Церкви данъ идеаль совершенной святости, но и этотъ идеаль, какъ и вообще всё идеалы, недостижимъ для людей; для нихъ возможны только различныя степени приближенія къ нему, но опять таки опредѣлить эту степень приближенія весьма трудно. Здѣсь всегда поэтому представляется просторъ для субъективнаго пониманія именно потому, что въ самомъ понятіи святости нѣтъ такихъ до очевидности ясныхъ и объективныхъ признаковъ, какіе заключаются въ актѣ мученичества. Тамъ же, гдѣ остается мѣсто для субъективнаго мнѣнія, нужны какіе-нибудь другіе, болѣе объективные признаки, которыми можно было бы провѣрить послѣднее. Вотъ почему мы и видимъ, что въ христіанской Церкви благочестивая жизнь, хотя и составляла одно изъ главныхъ условій для канонизаціи, но одна она не давала, однако, еще права на прославленіе въ Церкви: для послѣдняго требовались болѣе объективные признаки, каковыми и были чудеса. Отсюда и вытекло новое правило, которымъ Церковь руководилась при канонизаціи святыхъ. Суть этого правила заключается въ томъ, что теперь тотъ или другой угодникъ только тогда причислялся къ лику святыхъ, когда при благочестивой жизни, которая подтверждена несомнѣнными свидѣтельствами, совершались имъ послѣ смерти чудеса. Естественно, что это правило должно было повести за собою осложненіе процесса канонизаціи; ибо существованіе ложныхъ чудесъ всегда возможно; поэтому, чтобы чудеса получили несомнѣнную степень достовѣрности, необходимо ихъ провѣрить. Отсюда и вытекло новое правило канонизаціи, которымъ требовалось, чтобы дѣянія жизни и чудеса святаго были тщательно провѣрены¹⁰⁾. Впервые это правило упоминается при канонизаціи Удалърика, епископа Аугсбургскаго, въ 993 году, и потому уже оно постоянно практиковалось въ Западной Церкви¹¹⁾. Но что начало его образованія нужно относить къ болѣе раннему времени, это показываетъ уже самая формулировка его ясная и опредѣленная, что само собою можетъ уже свидѣтельствовать о его болѣе раннемъ употребленіи въ практикѣ Западной Церкви: „чтобы считаться святымъ въ Церкви воинствующей, читаемъ мы въ этомъ правилѣ, необходимы два условія: добродѣтель нравовъ и истинность чудесъ, достовѣрность которыхъ должна быть засвидѣтельствована епископомъ“¹²⁾.

¹⁰⁾ Benedicti XIV, De Synodo dioec. t. I, p. 22.

¹¹⁾ Pagi critic. Hist. Chronol. t. 4, p. 63—5; Baronii, Annales ecclesiastici, t. XVI, p. 330—32.

¹²⁾ Ibid.

Въ Западной Церкви въ X и XI вв. мы дѣйствительно находимъ эту повѣрку и даже вполне выработанныя формы этой повѣрки или свидѣтельствованія чудесъ. Что же касается Церкви Греческой за то же время, то вопросы о томъ, въ чемъ состояла эта повѣрка чудесъ и какъ она совершалась, за отсутствіемъ данныхъ, должны остаться безъ отвѣта.

Были-ли какія-нибудь другія правила, которыми древняя Церковь руководилась при совершеніи канонизаціи святыхъ, мы не знаемъ. Въ настоящее время, напримѣръ, кромѣ другихъ условій, для совершенія канонизаціи святыхъ требуется еще нетлѣніе мощей святаго ¹³⁾. Въ древней Церкви особенно въ болѣе раннее время такого условія не было. Правда мы встрѣчаемъ тамъ примѣры, которые показываютъ, что иногда канонизація того или другого святаго вызывалась и обусловливалась открытіемъ его мощей. Такъ напр., св. Амвросій, еп. Медиоланскій, торжественно праздновалъ обрѣтеніе мощей святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія (память ихъ 14 Октября), о которыхъ ему было возвѣщено чудеснымъ образомъ и имена ихъ, дотолѣ неизвѣстныя, были внесены имъ въ церковныя диптихи для ежегоднаго воспо-

¹³⁾ Мощи, латинское—*Reliquiae* останки, какъ самое названіе показываетъ, суть въ христіанской Церкви останки отъ тѣлъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Почитаніе ихъ восходитъ къ глубокой древности. Но въ древней Церкви подъ мощами разумѣлись не цѣлыя тѣла святыхъ, какъ въ настоящее время, а въ большинствѣ случаевъ только кости ихъ. Такъ напр., Смирнскіе христіане пишутъ о мощахъ св. Поликарпа: „кости священномученика, сокровище драгоценнѣе дорогихъ камней и чище золота“ и т. д. (Ruinart. 1, 92—3). Точно также въ повѣствованіи объ открытіи мощей св. первомученика Стефана между прочимъ говорится, что мощи или останки его состояли изъ костей, тогда какъ тѣло его обратилось въ прахъ. (Сказ. о христ. муч. Изд. Каз. Д. А. 287—288). Можно бы и еще указать много примѣровъ того, что подъ мощами разумѣли въ древней Церкви преимущественно кости, но и приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться въ этомъ. (Смотр., напр., Ц. Истор. Созомена кн. 9, гл. 2). Святые мощи въ древней Церкви хранились не на вскрытіи, какъ въ настоящее время, а обыкновенно подъ спудомъ т. е. скрытыми въ гробницахъ. Такъ напр., мощи св. первомученика Стефана были положены въ ящикъ и въ немъ хранились. Точно также мощи св. Іоанна Златоустаго хранились въ Константинопольскомъ храмѣ Апостоловъ въ гробницѣ, находящейся подъ поломъ. Наконецъ, еще одинъ примѣръ изъ позднѣйшаго времени, именно XI в. При перенесеніи мощей св. Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ, рассказывается между прочимъ, что рака угодника Божія хранилась подъ церковнымъ помостомъ (Макр. Ц. Истор. 2, 122; Тр. К. А. 1874 г. № 12, 549).

минанія ¹⁴⁾. Подобнымъ же образомъ были обрѣтены тѣла св. мучениковъ Назарія и Кельсія ¹⁵⁾, память которыхъ также съ этого времени стала торжественно праздноваться Церковью ¹⁶⁾. Св. Григорій Богословъ въ одномъ изъ своихъ словъ относительно этого предмета между прочимъ говоритъ: „малая часть праха, останковъ костей, часть волосъ, отрывки одежды, признакъ каплей крови—иногда достаточны къ чествованію мученика; даже мѣсту мощей дается наименованіе: святыхъ мощи, и оно имѣетъ равную силу какъ бы присутствовалъ самъ мученикъ ¹⁷⁾. Но было-ли это нетлѣніе мощей постояннымъ и всеобщимъ условіемъ при совершеніи канонизаціи, этого приведенные нами факты не говорятъ. На основаніи ихъ можно сдѣлать только тотъ очень вѣроятный выводъ, что открытіе мощей мученика или подвижника, до тѣхъ Церковію не прославляемаго, давало поводъ къ установленію праздника въ честь его, или его канонизаціи, что видно изъ примѣра канонизаціи св. Амвросіемъ и словъ Григорія Богослова. Вообще же канонизація въ древней Церкви не соединялась необходимо съ нетлѣніемъ мощей, что уже видно изъ обзорѣнія способовъ и приемовъ ея въ періодъ мученичества, когда тѣла многихъ мучениковъ сожигались, бросались въ море и другими способами истреблялись. Это же видно и изъ примѣра св. Іоанна Златоустаго, канонизація котораго произошла ранѣе открытія его мощей ¹⁸⁾. Въ позднѣйшее время въ Греческой Церкви точно также нетлѣніе мощей не было необходимымъ условіемъ для канонизаціи, такъ какъ Русская Церковь, безъ сомнѣнія, заимствовавшая способы канонизаціи изъ Греческой, не имѣла такого правила, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія.

III.

Намъ остается еще рассмотреть характеръ, какой канонизація святыхъ имѣла въ древней Церкви. Но чтобы судить объ этомъ характерѣ, намъ нужно предварительно рѣшить одинъ вопросъ: кому принадлежало право канонизаціи въ древней Церкви, такъ какъ этимъ вопросомъ, какъ увидимъ ниже, обусловливался между прочимъ и ха-

¹⁴⁾ Paulin in vita S. Ambros. 1, 14; cfr. Ruinart. Calend. Carthag. p. 420.

¹⁵⁾ Память ихъ 14 Октября См. мѣсяцесл. Вертин. 276.

¹⁶⁾ Paulin, in vita Ambros. 32—3.

¹⁷⁾ Слово о цѣломудрїи, смиренномудрїи и воздержанїи.

¹⁸⁾ Канонизація его совершилась въ 428 году (Ц. Ист. Сокр. кн. 7, гл. 25); а обрѣтеніе мощей его послѣдовало въ 438 году.

рактёръ послѣдней—мѣстный или всеобщій. На основаніи всего сказаннаго о совершеніи канонизаціи святыхъ въ древней Церкви, не трудно рѣшить вопросъ и о томъ, кому принадлежало право совершенія ея, по крайней мѣрѣ, до половины XII столѣтія; ибо мы имѣемъ ясныя и положительныя свидѣтельства о томъ, что какъ въ Западной Церкви, такъ и въ Восточной право совершенія канонизаціи принадлежало въ то время епископамъ тѣхъ церквей, къ которымъ святые или мученики принадлежали ¹⁾. Такъ, мы видѣли, что внесеніе въ диптихи имени того или другого святого или мученика зависѣло отъ епископа мѣстной церкви ²⁾, и что отъ него же зависѣло и исключеніе изъ нихъ ³⁾. Какъ примѣръ и какъ доказательство этого можетъ служить фактъ внесенія въ диптихи Амвросіемъ, еп. Медиоланскимъ, именъ мучениковъ Гервасія и Протасія. Точно также и установленіе праздника въ честь святыхъ принадлежало епископу той или другой Церкви. Каждый епископъ въ своей Церкви могъ установить праздникъ въ честь того или другого святого или мученика, причемъ празднованіе, какъ увидимъ ниже, и ограничивалось его епархіей, не простираясь на другія. Для доказательства этого положенія мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, изъ мученическихъ актовъ св. Игнатія и Поликарпа мы узнаемъ, что епископы объявляли дни, въ которые должны быть празднуемы памяти этихъ мучениковъ ⁴⁾, т. е. другими словами, установили праздникъ въ честь ихъ. О Григоріи Чудотворцѣ, еп. Неокесарійскомъ, извѣстно, что онъ, установивъ дни совершенія памяти мучениковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ праздновать ихъ съ особенною торжественностію ⁵⁾. Въ послѣдующее время гоненій до IV вѣка право учреждать праздники принадлежало также епископамъ. Созоменъ передаетъ, что Палестинскія Церкви (т. е. епископы этихъ Церквей) устанавливали ежегодные праздники въ честь мучениковъ и св. мужей ⁶⁾. Затѣмъ, въ V в. Кириллъ Іерусалимскій въ послѣдніе годы своей жизни, причисливъ Іоанна Златоустаго къ лику святыхъ, установилъ въ своей Церкви праздникъ въ честь его ⁷⁾. Не мало при-

¹⁾ Martig. 104; Siegel, 2, 270; Schröck, 22, 301; Müller, 1, 389.

²⁾ Martig. 104; Müller, 2, 191; Binter. 4, 2, 65.

³⁾ Martig. 104; Binterim, 5, 1, 292.

⁴⁾ Binter. t. 5, 1, 293.

⁵⁾ Григорій Нисск. о жизни св. Григ. Чудотвор. Твор. Гр. Нисск. ч. VIII, стр. 191. Москва 1872.

⁶⁾ Krüll, 2, 96.

⁷⁾ Ц. Ист. Никифора Каллиста кн. 14, гл. 28.

мѣровъ подобнаго рода можно найти и въ Западной Церкви. Начиная со св. Амвросія, еп. Медіоланскаго, установившаго, какъ мы видѣли, праздники въ честь святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія, епископы послѣдующаго за нимъ времени очень часто пользовались правомъ учреждать для своихъ діоцезовъ праздники. Такъ Григорій Турскій указываетъ на учрежденіе епископомъ праздника въ честь св. Перепетуи ⁸⁾. Далѣе, отдѣльные города, мѣстныя Церкви и даже монастыри имѣли своихъ особенныхъ святыхъ и патроновъ, дни памяти которыхъ торжественно праздновали, конечно, съ дозволенія и разрѣшенія мѣстнаго епископа. Такъ, Рицетій (Ricetius) Трирскій очень много перечисляетъ мѣстныхъ праздниковъ въ посланіи къ королевѣ Хлодовиндѣ, въ числѣ которыхъ находимъ праздники въ честь святыхъ: Мартина, Германа, Гилярія, Ремигія, Медора и др. ⁹⁾. А такъ какъ канонизація святыхъ за это время, какъ мы видѣли, совершалась чрезъ внесеніе именъ святыхъ въ диптихи и установленіе празднованія дней памяти ихъ, и такъ какъ то и другое совершалось только съ дозволенія епископа, то мы имѣемъ полное право заключить, что канонизація въ этотъ періодъ совершалась епископомъ. Исключеніе изъ этого общаго правила составляла только Африканская Церковь, которая во времена блаж. Августина лишила епископовъ права канонизаціи и передала его митрополиту съ соборомъ епископовъ ¹⁰⁾. Но это исключеніе вызвано было особенными обстоятельствами Церкви Африканской того времени, именно явленіемъ раскола Донатистовъ, среди которыхъ также были свои мученики, что и заставило эту Церковь быть строже въ этомъ отношеніи сравнительно съ другими Церквями.

До XII вѣка право совершенія канонизаціи какъ въ Восточной Церкви, такъ и въ Западной принадлежало епископамъ. Но затѣмъ, въ послѣдующее время между ними въ этомъ отношеніи замѣчается рѣзкое различіе. Въ Западной Церкви съ конца XII вѣка послѣ единичнаго примѣра въ X вѣкѣ ¹¹⁾ право совершенія канонизаціи пере-

⁸⁾ Binter. 5, 1, 249.

⁹⁾ Ibid. 294—5.

¹⁰⁾ Martig. s. 104.

¹¹⁾ Въ 993 году папа Іоаннъ XV канонизовалъ Удальрика, еп. Аугсбургскаго (Baron. Annal. eccles. ad an. 993). Это первый примѣръ торжественной папской канонизаціи. Цѣль, съ которою Ліутульфъ, преемникъ по кафедрѣ Удальрика, для канонизаціи послѣдняго обратился къ папѣ, была та, говорить Рагі, чтобы почитаніе этого святаго, которое самъ онъ могъ установить только въ

ходить къ папѣ, сдѣлавшись его привилегіей¹²⁾. Къ этому времени папа успѣлъ настолько усилиться въ Западномъ мірѣ, что тамъ стали смотрѣть на него, какъ на главу всего западнаго христіанства. Сдѣлавшись такимъ центромъ церковной жизни на Западѣ, папы мало по малу стремились объединить различныя части западнаго міра и всюду вводить обычаи и обряды Западной Церкви. Этимъ усиленіемъ централизаціи въ Западной Церкви и объясняется та перемѣна, которая произошла тамъ относительно права совершенія канонизаціи. Окончательно эта перемѣна была узаконена папою Александромъ III (1159—1181). Послѣдній, видя, что такое высокой важности дѣло оставалось не подчиненнымъ никакому уставу, ограничилъ право канонизаціи исключительно своимъ престоломъ.

Между тѣмъ въ Восточной Церкви, гдѣ не существовало такой централизаціи духовной власти, какую на Западѣ имѣли папы, право совершенія канонизаціи и послѣ XII вѣка принадлежало епископамъ, или вообще предстоятелямъ Церквей. Можетъ быть и здѣсь, если бы были болѣе благопріятныя условія для Константинопольскаго патріарха, послѣдній пріобрѣлъ бы такое же значеніе въ Восточной Церкви, какое имѣлъ папа въ Западной. Но на Востокъ трудно было Константинопольскому патріарху возвыситься надъ прочими, при существованіи рядомъ грубой силы Византійскаго цезаризма, который тяжелымъ гнетомъ давилъ церковную власть. Высшая іерархія здѣсь была связана по рукамъ и ногамъ въ своемъ самоуправленіи. Императоры считали нужнымъ вмѣшиваться въ такія дѣла духовнаго вѣдомства, которыя не только не имѣли никакого отношенія къ императорской власти, но прямо исключали по самому существу своему вліяніе послѣдней¹³⁾. Очевидно, что при совмѣстномъ существованіи

своей Церкви, авторитетомъ Римскаго папы распространить и на другіе діоцезы (Pagi, critic. Histor. Chronol. 4, 63). Но и послѣ этого епископы еще сохраняли за собою право совершенія канонизаціи въ своихъ діоцезахъ. (Siegel, 2, 270; Schröck, 24, 301).

¹²⁾ Siegel, 2, 270; Müller, 1, 388.

¹³⁾ А. П. Лебедевъ, Очерки внутренней исторіи Восточ. церкви въ 9, 10 и 11 вѣкахъ. Чт. Общ. Л. Дух. Пр. 1876, I, 229. — Не указывая много примѣровъ этого рода, мы остановимся на одномъ, который ярко рисуетъ намъ всю беззастѣнчивость отношеній государства къ Церкви. Кому можетъ придти на мысль, чтобы государство брало на себя инициативу столь священнои вещи, какъ канонизація святыхъ. И однако же государственная власть брала на себя въ разсматриваемое время и подобную задачу. И это тѣмъ замѣчательнѣе, что лица, канонизаціи которыхъ добивались, не имѣли особыхъ заслугъ церковныхъ;

съ такою силою не могло быть и мысли о такомъ же возвышеніи Константинопольскаго патріарха, какова достигъ къ этому времени папа. Отсюда на основаніи этихъ теоретическихъ соображеній уже а priori можно заключить, что здѣсь не могло произойти за отсутствіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ такой же переменны и относительно права совершенія канонизаціи, какая произошла къ этому времени на Западѣ. Но весьма трудно подтвердить эти теоретическія соображенія фактами изъ исторіи Греческой Церкви этого времени. За неимѣніемъ послѣднихъ, намъ приходится обращаться къ побочнымъ извѣстіямъ, которыя мы и находимъ въ Русской Церкви, безъ сомнѣнія заимствованной формы канонизаціи изъ Греческой. Извѣстно, что Русская Церковь въ первое время своего существованія хотя и зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха, но канонизацію своихъ святыхъ совершала безъ сношенія съ послѣднимъ ¹⁴). Очевидно, что этого не могло

такой канонизаціи просто хотѣлось тому или другому государю по чисто личнымъ интересамъ. Старшій сынъ Василія Македонянина (867 — 886) Константинъ былъ мальчикъ умный, съ раннихъ лѣтъ проявлялъ задатки хорошаго императора, а потому сдѣлался любимцемъ своего отца. Василій сталъ брать его съ собою въ военные походы, но нѣжный возрастъ сына не вынесъ тяжести походнаго времени. Вскорѣ мальчикъ захирѣлъ и къ величайшему прискорбію отца умеръ. Печаль отца была безутѣшною. Подъ вліяніемъ своей скорби онъ приходитъ къ мысли причислить своего первенца къ лику святыхъ. Очень прискорбно, что Церковь безпрекословно и, кажется, охотно приняла подобную, ничѣмъ не мотивированную канонизацію принца. (Впрочемъ, канонизація его, кажется, не удержалась въ Церкви; по крайней мѣрѣ имени этого принца нѣтъ ни въ полномъ мѣсяцесловѣ пр. Вершинскаго, ни у преосв. Сергія въ его Агиологии Востока). Вскорѣ между государями нашлись подражатели подобной легкой канонизаціи. Императоръ Левъ VI (886—912) самовольно канонизуетъ двухъ своихъ женъ Теофанію и Зою; онъ строитъ въ честь ихъ Церковь. То правда, что Теофанія была подлинно святою женщиною. Она безропотно терпѣла невѣрность своего мужа; среди развратнаго Византійскаго двора она блистала своею скромностію, смиреніемъ и благочестіемъ; милостыня и молитва были постояннымъ ея занятіемъ. Но нельзя сказать того о Зоѣ, и даже наоборотъ. Кажется, впрочемъ, эта канонизація двухъ женъ Львомъ встрѣтила оппозицію въ Церкви; въ житіи Теофаніи повѣствуется, что Церковь, посвященная ей имени Львомъ, потомъ посвящена была вообще въ честь всѣхъ святыхъ. Впрочемъ, канонизація Теофаніи удержалась въ Церкви, но канонизація Зои нѣтъ. (Ibid. 229—30).

¹⁴) Этому общему положенію повидимому противорѣчитъ фактъ канонизаціи св. Петра, митр. Московскаго, которая совершилась въ 1339 году съ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха Іоанна XIV. Но на самомъ дѣлѣ этотъ фактъ

бы быть, если бы право совершенія канонизаціи не продолжало принадлежать и въ это время мѣстнымъ Церквамъ. Основываясь на практикѣ Русской Церкви, можно сдѣлать выводъ, что право совершенія канонизаціи за это время въ Греческой Церкви, какъ и прежде, продолжало принадлежать предстоятелямъ тѣхъ Церквей, гдѣ святые жили и подвизались.

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ о канонизаціи святыхъ въ древней Церкви легко теперь сдѣлать заключеніе и о томъ характерѣ, какой она имѣла за это время. Мы видѣли уже, что право совершенія канонизаціи принадлежало епископамъ или вообще предстоятелямъ Церквей. А такъ какъ власть епископа простиралась только на его епархію или его діоцезъ, то, очевидно, и празднованіе, устанавливаемое епископомъ, должно было простираться только на эту епархію. Отсюда, естественно, канонизація святыхъ должна была носить мѣстный характеръ. Мученики и святые почитались и прославлялись только тамъ, гдѣ они жили, пострадали и окончили свою жизнь. Такъ, праздникъ св. Поликарпа торжественно совершался въ Смирнѣ, а праздникъ св. Кипріана въ Кареагенѣ,—въ мѣстахъ, въ которыхъ они были епископами и гдѣ они пострадали ¹⁵⁾. Поэтому, каждая Церковь имѣла свои собственные диптихи святыхъ, которые и прочитывались за богослуженіемъ, при чемъ диптихи одной церкви не были похожи на диптихи другой. А въ какомъ ограниченномъ и узкомъ смыслѣ нужно понимать иногда въ этомъ случаѣ церковь, это довольно наглядно

не только не противорѣчить, но напротивъ подтверждаетъ это общее положеніе. Митрополитъ Теогностъ могъ самъ совершить канонизацію св. Петра. Если онъ обратился за разрѣшеніемъ къ Константинопольскому патриарху, то онъ это сдѣлалъ для того, чтобы авторитетомъ послѣдняго сдѣлать почитаніе св. Петра обязательнымъ для всей Русской Церкви, чего онъ самъ, при мѣстномъ почитаніи святыхъ, какое господствовало у насъ въ удѣльное время, не могъ достигнуть. Что дѣйствительно митрополитъ Теогностъ самъ могъ совершить канонизацію, это видно между прочимъ и изъ отвѣта патриарха. Послѣдній съ удивленіемъ отнесся къ такой просьбѣ митрополита, и въ своемъ отвѣтѣ какъ бы съ изумленіемъ говоритъ: „да и самому тебѣ не безызвѣстно, какого чина и обычая держится въ подобныхъ случаяхъ Церковь Божія“: получивъ твердое и несомнѣнное удостовѣреніе относительно сего (святаго), твое святительство да поступить въ настоящемъ случаѣ по тому же самому уставу Церкви. (У Павлова, въ Памятникахъ канонич. права № 2, 12—13, Русск. Историч. Библиот. т. VI; ср. Ст. кн. 1, 422.

¹⁵⁾ Bingh. 9, cap. 7, p. 136.

характеризуется слѣдующимъ фактомъ, сообщаемымъ церковнымъ историкомъ Созоменомъ. Онъ рассказываетъ о двухъ епархіяхъ—Газской и Макомской, крошечныхъ по размѣру, которыя, хотя и были близки одна къ другой, но не смотря на это обѣ онѣ „дѣлали особыя собранія въ память мучениковъ и своихъ святыхъ“¹⁶⁾. Такимъ образомъ каждая Церковь имѣла своихъ святыхъ, канонизованныхъ ея епископомъ, которымъ она и праздновала. Впрочемъ, нельзя думать, чтобы святые одной Церкви совершенно уже не праздновались въ другой. Конечно, и другія Церкви могли чествовать святыхъ, особенно сосѣднихъ съ ними церквей; но это чествованіе было добровольное и необязательное: имъ могли праздновать, но могли и не праздновать. Въ этомъ отношеніи однако трудно и почти невозможно установить какое-нибудь болѣе или менѣе опредѣленное правило. Можно, впрочемъ, съ болѣею вѣроятностію предполагать, что болѣе распространеніе почитанія того или другого святого угодника зависѣло отъ степени его заслугъ Церкви и, слѣдовательно, отъ степени его извѣстности въ ней. Поэтому уже а priori можно думать, что дни памяти такихъ великихъ святителей, оказавшихъ важныя заслуги Церкви, каковы были: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, или великіе подвижники египетскихъ пустынь, положившіе начало восточному монашеству—Антоній и Пахомій великіе, почитались и прославлялись въ болѣшемъ количествѣ церквей, чѣмъ другіе, менѣе извѣстные угодники.

Кромѣ этого, такъ сказать, каноническаго основанія мѣстнаго почитанія святыхъ въ древней Церкви, можно указать и другія причины такого явленія, коренящіяся въ склонности народа почитать своихъ мѣстныхъ святыхъ. Поэтому легко себѣ представить, что жители той или другой страны естественнымъ образомъ склонны были почитать тѣхъ, которые или прославились въ ихъ время многими чудесами, либо жили среди нихъ или въ ихъ сосѣдствѣ¹⁷⁾, вслѣдствіе чего каждая провинція, каждая церковь своимъ собственнымъ святымъ давала извѣстное преимущество предъ иноземными¹⁸⁾.

Что дѣйствительно канонизація святыхъ въ древней Церкви имѣла такой мѣстный характеръ, это подтверждается между прочимъ и дошедшими до насъ памятниками агиологии того времени, которые такъ

¹⁶⁾ Ц. Ист. Созом. кн. 5, гл. 3, стр. 315.

¹⁷⁾ Binter. 5, 1, 395.

¹⁸⁾ Ibid. 23, 4, 1, 253.

же носить всё чистомѣстный характеръ. Возьмемъ для примѣра календари и мѣсяцесловы. Константинопольскіе мѣсяцесловы VIII и IX вв. имѣютъ всё признаки мѣстнаго характера, потому что перечисляютъ такіе только праздники, которые дѣйствительно существовали въ это время въ Константинополѣ. Точно также и другіе календари первоначально носили слѣды мѣстнаго характера. Для примѣра можно указать на *Calendarium Romanum* и *Calendarium Carthaginiense*, помѣщенные у Ruinart'a (t. 3, p. 417—423), причемъ послѣдній уже своимъ заглавіемъ свидѣтельствуетъ о своемъ мѣстномъ характерѣ: — „hic (въ календарѣ) continentur dies natalitiorum martyrum, et depositiones episcoporum, quos ecclesiae Carthaginis anniversaria celebrant“.

Такой мѣстный характеръ канонизація святыхъ въ Западной Церкви сохраняла до XII вѣка. Съ этого же времени здѣсь, какъ мы видѣли, право канонизаціи перешло къ папѣ; а такъ какъ власть папы къ этому времени простиралась уже на всю Западную Церковь, то, очевидно, и канонизація должна была измѣнить свой характеръ. И мы дѣйствительно видимъ, что канонизація тамъ съ этого времени принимаетъ характеръ всеобщій ¹⁹⁾. Между тѣмъ въ Восточной Церкви, гдѣ, какъ мы видѣли, право совершенія канонизаціи продолжало сохраняться за предстоятелями мѣстныхъ церквей, и канонизація естественно должна была удержатъ свой мѣстный характеръ.

Если канонизація въ древней Церкви имѣла чисто мѣстный характеръ, то, очевидно, такой же характеръ должно было имѣть и почитаніе святыхъ. Такъ дѣйствительно долгое время и было, какъ сейчасъ мы видѣли. Но съ теченіемъ времени мѣстное почитаніе святыхъ постепенно теряетъ свой прежній характеръ. Это сглаживаніе мѣстнаго характера происходило частію благодаря намѣреннымъ заимствованиямъ святыхъ одною церковью у другой, частію просто само собой. Такъ, Константинопольская церковь часто усвояла себѣ празднованія

¹⁹⁾ Краусъ и Мартини (Kraus 9, 97; Mart. 104) эту перемѣну въ характерѣ канонизаціи въ Западной Церкви относятъ къ X вѣку. Но это, какъ мы уже видѣли, несправедливо. Хотя дѣйствительно въ этомъ вѣкѣ и былъ примѣръ папской канонизаціи (въ 993 г. Удалрика), но однакоже и послѣ этого епископы продолжаютъ еще сохранять свое древнее право до папы Александра III, послѣ котораго уже не было ни одного случая епископской канонизаціи (Siegel, 2, 270; Schröck. 28, 301). Поэтому справедливѣе и точнѣе начинать всеобщую канонизацію въ Западной Церкви именно съ послѣдняго папы т. е. со второй половины XII вѣка.

святымъ другихъ церквей и имена ихъ вносила въ свои календари. О заимствованіи Греческою Церковью изъ Римскихъ календарей Морчелли говоритъ слѣдующее: „и то не новость, что священныя торжества, праздновавшіяся латинянами, принимались и греками. Не говоря уже о знаменитыхъ во всемъ мірѣ мученикахъ, греки усвоили себѣ имена и праздники тѣхъ исповѣдниковъ, кои прославились въ Западной Церкви. Ибо въ Сентябрѣ мѣсяцѣ они чествуютъ Мартина, великаго первосвященника, осудившаго монофелитовъ, и причисляютъ его къ славнымъ исповѣдникамъ; а въ Ноябрьѣ наравнѣ съ латинянами почитаютъ Мартина, еп. Турскаго и Григорія, еп. Агригентскаго; въ Декабрѣ также въ положенный у насъ день неопустительно почитаютъ великаго Амвросія“²⁰⁾ и проч. Бывало и такъ, что календари Византійскаго происхожденія, распространяясь изъ Византіи по другимъ сосѣднимъ съ нею странамъ, мало по малу теряли свой Византійскій характеръ и осложнялись замѣтками о мѣстныхъ святыхъ сосѣднихъ Церквей. Наконецъ, многіе святые, сначала мѣстно только чтимые, съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ ихъ извѣстности, начинаютъ пользоваться общецерковнымъ прославленіемъ и имена ихъ, дотоѣ вносившіяся въ диптихи, начинаютъ уже вноситься въ календари. Что дѣйствительно мѣстные святые съ теченіемъ времени попадали и на страницы календарей, это можно доказать фактически. Такъ, при Θεодорѣ Студитѣ († 826) въ Студійскомъ монастырѣ праздновались многіе святые мѣстные. Къ такимъ святымъ можно отнести: преп. Фаддея Студійскаго, блаж. Дометіана, преп. Платона, преп. Пахомія, Михаила Синаидскаго²¹⁾. Всѣ эти памяти уже при Θεодорѣ торжественно праздновались въ его монастырѣ. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ этихъ памятей перешли и на страницы Синаксарей подъ тѣми числами, когда праздновалась ихъ память въ Студійскомъ монастырѣ. Такія мѣстныя памяти, многія изъ которыхъ потомъ переходили на страницы календарей, мы встрѣчаемъ и въ уставахъ Иерусалимскомъ и Великой Церкви. Въ первомъ къ числу такихъ памятей относятся: Павелъ Латрскій, Лазарь Галасійскій, Михаилъ Хоніатъ²²⁾, а во второмъ: Константинопольскій патріархъ Николай Хрисовергъ, Трифонъ, Стефанъ, Сисаній, строители св. Софій: Юстиніанъ и Θεодора²³⁾. Эти заимствованія, равно какъ и другія указанныя причины

²⁰⁾ Труды К. Д. Ак. 1875 г. 2, 313—14.

²¹⁾ Мансветовъ, Ц. Уставъ, 100—102.

²²⁾ Ibid., 183.

²³⁾ Ibid. 228.

уничтоженія мѣстнаго характера календарей въ концѣ концовъ привели къ объединенію ихъ, что естественно въ свою очередь повело за собою то, что святые, дотолѣ только мѣстно чтимые, стали прославляться во всей Церкви. Но трудно указать точно время, когда это случилось, особенно въ Восточной Церкви. Обыкновенно въ этомъ случаѣ ссылаются на святцы, по которымъ будто-бы можно опредѣлить, хотя приблизительно, время начала всеобщаго во всей Церкви почитанія святыхъ угодниковъ. Но это очень сомнительно по слѣдующей причинѣ. Святцы только въ такомъ случаѣ могли бы служить средствомъ для опредѣленія времени начала всеобщаго празднованія святымъ, если бы мы знали, что они стояли подъ строжайшимъ надзоромъ Церкви и ея представителей. Если бы это было такъ, то очевидно, святцы по своему составу и объему должны были быть однородны. Между тѣмъ послѣдняго мы не замѣчаемъ. Сравнивая дошедшіе до нашего времени святцы не только изъ разныхъ вѣковъ, но даже одного вѣка, мы замѣчаемъ полное между ними несходство и разнообразіе. Это послѣднее обстоятельство и показываетъ, что составленіе святцевъ не было дѣломъ Церкви и ея предстоятелей, а было дѣломъ частныхъ лицъ, которые и вносили въ нихъ святыхъ по своему желанію. Переписчики святцевъ, при составленіи ихъ, исключительно руководствовались своимъ благочестивымъ чувствомъ, заставлявшимъ ихъ вносить въ святцы какъ можно большее количество святыхъ. При такомъ же способѣ составленія святцевъ, очевидно, и показаніе и свидѣтельство ихъ не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для заключенія о началѣ всеобщаго празднованія святымъ.

Болѣе вѣрныя и надежныя данныя для разсматриваемаго нами вопроса даетъ намъ одинъ оффиціальныи актъ, изъ котораго открывается, когда началось общее празднованіе святителямъ, первымъ въ порядкѣ чиновъ святыхъ послѣ мучениковъ. Актъ этотъ есть указъ императора Льва Мудраго (886—911 гг.), въ которомъ онъ къ празднованію дней памяти апостоловъ и мучениковъ, „своими смертями потерпевшихъ нечестіе“, повелѣваетъ присовокупить, чтобы памяти и послѣ нихъ возсіявшихъ въ Церкви богопроповѣдныхъ мужей и на подобіе звѣздъ озарившихъ твердь Церкви дѣлами и ученіями не были оставлены безъ чествованія и празднованія. Посему восполняя недостающее, онъ узаконяетъ праздновать дни кончины слѣдующихъ святителей: Аванасія, Василія, Григорія, Григорія, вѣроятно, Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Кирилла и Еуифанія²⁴⁾. На этотъ оффиціальныи

²⁴⁾ Указъ этотъ см. въ прил. къ гл. 5. Ц. Ист. Голубинскаго I, 2, 428—29.

актъ можно смотрѣть, какъ на первую попытку ввести въ число всеобще почитаемыхъ апостоловъ и мучениковъ третій ликъ святыхъ, именно святителей. Какъ шло далѣе это превращеніе святыхъ изъ мѣстно чтимыхъ во вселенскихъ, были ли относительно этого такіе же указы, какъ разсмотрѣнный нами указъ императора Льва, объ этомъ мы за неимѣніемъ ясныхъ свидѣтельствъ можемъ строить только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Можно однако думать, что это произошло само собою постепенно, безъ всякаго участія со стороны Церкви или правительства. Извѣстно, что съ V до X вѣка включительно въ Греческой Церкви явилось множество пѣснопѣвцевъ, которые и составляли службы и каноны въ честь святыхъ угодниковъ Божіихъ. Сначала разбѣянные по отдѣльнымъ сборникамъ, они мало по малу стали собираться и сгруппировываться въ однѣ книги, въ слѣдствіи получившія названіе миней. Присматриваясь къ нимъ, мы видимъ, что въ древнѣйшихъ минеяхъ были одни каноны и службы, составленные въ честь мучениковъ; послѣ въ нихъ вносились уже службы и житія преподобныхъ и прочихъ святыхъ. А такъ какъ съ теченіемъ времени миней получали все болѣе и болѣе однообразный видъ, и такъ какъ онѣ были въ общемъ употребленіи, то необходимо думать, что къ тому времени, когда миней окончательно образовались, а это было не ранѣе XI вѣка, и почитаніе святыхъ, службы и житія которыхъ содержались въ этихъ минеяхъ, принимало все болѣе и болѣе общій характеръ. Вообще, окончательное образованіе круга церковно-богослужебныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ службы, житія и каноны святымъ, могло способствовать и болѣе однообразію въ празднованіи дней памяти святыхъ во всей христіанской Церкви. Въ этомъ отношеніи долженъ имѣть значеніе и синаксарь или прологъ, изданный спустя 100 лѣтъ послѣ извѣстнаго намъ указа императора Льва, императоромъ Василиемъ Булгаробойцемъ (975—1025). Этотъ прологъ заключаетъ въ себѣ памяти всѣхъ святыхъ, чтившихся тогда всею Восточною Церковью, и краткія сказанія о жизни ихъ, подвигахъ и смерти. И до сего времени, конечно, были подобные же синаксари въ Греческой Церкви, но съ тѣмъ только важнымъ различіемъ, что они были очень не полны, заключая въ себѣ святыхъ только одной Церкви и извѣстнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ ближайшихъ къ ней Церквей. Отсюда, какъ естественное слѣдствіе такого порядка вещей, происходило то, что такихъ прологовъ было очень много и всѣ они были по своему объему и по своему содержанію не похожи одинъ на другой. Совершенно другими чертами отличается синаксарь Василія; онъ уже теряетъ мѣстный Константинопольскій характеръ и принимаетъ

характеръ всеобщій, заключаая въ себѣ не мѣстныхъ только святыхъ Константинопольской Церкви, но святыхъ вообще Греческой Церкви. Очевидно, что этотъ синаксарь, обладаая такимъ всеобщимъ характеромъ, долженъ былъ вытѣснить всѣ остальные, существовавшіе до него прологи и войти во всеобщее употребленіе во всей Греческой Церкви. Отсюда становится вполне понятнымъ и то, какимъ образомъ синаксарь Василія могъ повліять на всеобщее почитаніе святыхъ, дотолѣ мѣстно чтимыхъ; ибо, если онъ былъ изданъ для всеобщаго употребленія и нѣтъ сомнѣнія таковое онъ и на самомъ дѣлѣ имѣлъ, то очевидно, что и всѣ святые, заключавшіеся въ немъ, должны были имѣть и на самомъ дѣлѣ имѣли всеобщее почитаніе, сдѣлавшись черезъ него извѣстными всей Восточной Церкви, что произошло, вѣроятно, не ранѣе половины XI вѣка.

Съ этими общими свѣдѣніями о формахъ, правилахъ и характерѣ канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви мы и перейдемъ теперь къ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ. Такъ какъ Русская Церковь при первомъ же случаѣ канонизаціи своихъ святыхъ должна была заимствовать формы и приемы совершенія послѣдней отъ Церкви Греческой, то естественно нужно ожидать, что характеристическія черты канонизаціи святыхъ въ Церкви Греческой отразятся и на характерѣ канонизаціи Церкви Русской. И мы дѣйствительно ниже увидимъ подтвержденіе этого положенія.

ГЛАВА II.

Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ до Макарьевскихъ соборовъ 1547 и 1549 г. г.

Приступая къ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ до Макарьевскихъ соборовъ, мы думаемъ держаться слѣдующаго плана. Прежде всего попытаемся представить исторію канонизаціи каждаго святаго отдѣльно, отмѣчая тѣ особенности, какія можно видѣть въ его канонизаціи. Такой путь, хотя онъ будетъ и очень длиннымъ, мы избираемъ съ тою цѣлю, чтобы потомъ, на основаніи собраннаго матеріала, намъ легче было сдѣлать тѣ или другіе выводы о формахъ, приемахъ, правилахъ и характерѣ канонизаціи святыхъ за этотъ періодъ. Отсюда эта глава нашего изслѣдованія, естественно, распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая будетъ обнимать исторію канонизаціи каждаго святаго отдѣльно, вторая же будетъ заключать въ себѣ выводы о формахъ, правилахъ и характерѣ канонизаціи святыхъ за это время.

Присматриваясь далѣе къ святымъ, которыхъ русская церковь канонизовала въ этотъ періодъ, не трудно замѣтить между ними очень важное различіе. Одни изъ нихъ вскорѣ же послѣ своей смерти были причислены къ лику святыхъ и стали прославляться во всей Русской Церкви; причемъ о канонизаціи бóльшей части этихъ святыхъ всеобщей, а не мѣстной, сохранились положительныя свѣдѣнія. Другіе же святые неопредѣленное время были только мѣстно-чтимыми святыми; всеобщее же почитаніе ихъ въ Русской Церкви началось не ранѣе конца XV вѣка, а нѣкоторыхъ, какъ увидимъ, даже и позднѣе, но все-таки до соборовъ 1547 и 1549 г. г. О мѣстной канонизаціи святыхъ послѣдняго рода, хотя и не всѣхъ, сохранились болѣе или менѣе ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія; между тѣмъ какъ о всеобщей ихъ канонизаціи свѣдѣній никакихъ не сохранилось. Кромѣ этихъ двухъ классовъ святыхъ, формально канонизованныхъ, были въ это

время, равно какъ и въ послѣдующее, святые, настоящимъ образомъ не канонизованные, но которые однако мѣстно чтились. Къ послѣдняго рода святымъ можно отнести слѣдующихъ: Мстислава Владимировича, по христіанскому имени Θεодора († 1132), и затѣмъ нѣкоторыхъ подвижниковъ печерскихъ; въ Черниговѣ—князя Игоря Ольговича, убитаго въ 1147 году въ Кіевѣ, и вскорѣ перенесеннаго отсюда въ Черниговъ; въ Смоленскѣ—преп. Авраамія и Меркурія Смоленскихъ; въ Псковѣ—князей Всеволода—Гавріила и Довмонта—Тимофея; во Владимірѣ на Клязьмѣ—Авраамія, мученика Болгарскаго ¹⁾, князя Георгія Владимировича, убитаго татарами въ битвѣ на р. Сити въ 1238 году, февр. 4; въ Ростовѣ—князя Василько Ростовскаго, взятаго въ плѣнъ татарами послѣ сраженія на р. Сити и замученнаго ими; въ Рязани—князя Романа рязанскаго, замученнаго въ Ордѣ въ 1270 году, 11-го Іюля; въ Ярославлѣ—князей Василя и Константина Всеволодовичей; въ Новгородѣ—блаж. князя Владимира Новгородскаго и мать его Анну ²⁾. Это мѣстное почитаніе всѣхъ этихъ святыхъ безъ сомнѣнія служило подготовительнымъ путемъ къ канонизаціи церковной. И дѣйствительно, какъ увидимъ, очень многіе изъ этихъ святыхъ, мѣстно чтимыхъ въ этотъ періодъ, въ послѣдующее время одни соборами 1547 и 1549 годовъ, другіе послѣ нихъ формально были канонизованы Церковью. Вотъ почему мы въ настоящемъ случаѣ и не будемъ говорить о всѣхъ этихъ святыхъ, а скажемъ о нихъ тогда, когда будемъ разсматривать слѣдующіе за этимъ періодъ канонизаціи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Къ первому классу мы относимъ слѣдующихъ святыхъ: Бориса и Глѣба, преп. Θεодосія Печерскаго, св. Леонтія, епископа Ростовскаго, св. благовѣрную княгиню Ольгу, св. благовѣрнаго князя Владимира, св. Митрополитовъ Московскихъ—Петра и Алексія, преподобныхъ: Варлаама Хутынскаго, Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и блаж. князя Θεодора Ярославскаго и Смоленскаго и чадъ его Давида и Константина.

Такъ какъ причисленіе къ лику святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба есть первый случай канонизаціи въ русской церкви, то съ нихъ мы и начнемъ свое изложеніе исторіи канонизаціи каждаго святаго отдѣльно. Для насъ важны вопросы: какъ, когда и кѣмъ со-

¹⁾ Церк. Исторія Е. Е. Годубинскаго I, 2 стр. 344.

²⁾ Ц. Исторія митр. Макарія IV, стр. 357—8.

вершена эта ихъ канонизація. Поэтому на эти вопросы мы и обратимъ главнымъ образомъ свое вниманіе.

Борисъ и Глѣбъ, въ христіанствѣ Романъ и Давидъ, сыновья св. Владимира Великаго, рожденные имъ отъ Болгарыни и, слѣдовательно, еще въ язычествѣ,—съ юныхъ лѣтъ отличались своимъ умомъ, мужествомъ, благочестіемъ, милосердіемъ къ бѣднымъ: они были, говоритъ Несторъ: „аки двѣ звѣзды свѣтлѣ посредь темныхъ“³⁾. Безъ сомнѣнія эти высокія личныя достоинства доставили имъ любовь ихъ отца и Кіевлянъ. Но послѣднее обстоятельство вооружило противъ нихъ ихъ старшаго брата Святополка, который опасался, что Владимиръ раздѣлитъ всю русскую землю между ними, поставивъ другихъ братьевъ въ подчиненное къ нимъ отношеніе. Чтобы не допустить этого, Святополкъ, желая одинъ владѣть всею русскою землею⁴⁾, рѣшился послѣ смерти отца своего перебить всѣхъ братьевъ. И дѣйствительно, первыми жертвами этихъ честолюбивыхъ политическихъ замысловъ со стороны Святополка и были св. Борисъ и Глѣбъ, изъ которыхъ первый былъ убитъ 24-го Іюля 1015 года, а второй 5-го Сентября того же года близъ Смоленска⁵⁾ (при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Смядыни). Тѣло св. Бориса послѣ его насильственной смерти было погребено въ Вышгородѣ у церкви св. Василя⁶⁾, а тѣло св. Глѣба было брошено убійцами „на пусте мѣсте на бреже, межъ двема колодома“⁷⁾, гдѣ оно и лежало очень долгое время⁸⁾, именно до тѣхъ поръ, пока Ярославъ окончательно не побѣдилъ Святополка и не началъ спокойно княжить въ Кіевѣ. Тогда онъ сталъ разузнавать, гдѣ находится тѣло св. Глѣба; нашедши послѣднее, перенесъ его въ Вышгородъ и похоронилъ вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ⁹⁾. Время

³⁾ Несторъ въ повѣсти о житіи и погубленіи блаж. Бориса и Глѣба—Прав. Собесѣдникъ 1858 г. I, стр. 588.

⁴⁾ Степенная книга I, стр. 186—7.

⁵⁾ П. С. Р. Л. I, стр. 57—8; 58—9.

⁶⁾ Соф. Временникъ I, 105; Никон. Лѣтописъ I, 18; П. С. Р. Л. III, 70 и дал.

⁷⁾ Ibid; Ник. Лѣт. I, 120; 1 Соф. Лѣт. стр. 131.

⁸⁾ Ibid.

⁹⁾ Въ Четьи-Минейхъ св. Димитрія Ростовскаго Май подъ 5 числомъ и Прологъ (1685 г.) мѣс. Іюль подъ 24 числомъ разсказывается между прочимъ, что тѣло св. Глѣба уже ранѣе было перенесено въ Смоленскъ и отсюда уже въ Вышгородъ. Но это, очевидно, неточность, которая произошла отъ сокращенной передачи факта въ 1 Соф. Лѣт., стр. 133 и Соф. Врем. I, 110.

этого событія опредѣляется сопоставленіемъ извѣстія о вступленіи Ярослава на кievскій престоль, что случилось въ 1019 году, со словами Несторова житія Бориса и Глѣба, гдѣ онъ говоритъ: „повелѣжь христіюлюбивый князь изыскати тѣло св. Глѣба, его же много искавше и не обрѣтоша; по лѣтѣ жъ единомъ ходяще ловцы обрѣтоша тѣло святаго лежаще цѣло ¹⁰⁾. Отсюда, слѣдовательно, тѣло Глѣба перенесено было въ Вышгородъ въ 1020 году.

Вскорѣ у могилы св. Бориса и Глѣба стали совершаться чудеса, которыя, когда объ нихъ было донесено великому князю Ярославу, и подали поводъ къ открытію ихъ мощей. Мощи были открыты митрополитомъ Иоанномъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ и поставлены въ нарочно устроенной для нихъ часовнѣ, причѣмъ совершена была торжественная служба. Новыя чудеса, исцѣленіе хромого и слѣпого, совершившіяся при гробѣ св. братьевъ, еще болѣе убѣдили всѣхъ въ прославленіи ихъ отъ Господа. И тогда митрополитъ Иоаннъ подалъ великому князю мысль о построеніи храма въ честь Бориса и Глѣба и объ установленіи праздника въ честь ихъ. Князь съ радостію согласился исполнить мысль митрополита. И вотъ послѣ этого немедленно, въ зимнее время, былъ приготовленъ матеріаль для будущей церкви, а какъ настало лѣто, она была сооружена надъ тою самою часовнею, гдѣ стояли раки св. мучениковъ. Вновь созданную церковь митрополитъ съ соборомъ торжественно освятилъ 24 Іюля, въ день убіенія св. Бориса, поставилъ въ ней мощи новоявленныхъ чудотворцевъ на правой сторонѣ, и установилъ ежегодно праздновать этотъ день въ память ихъ совокупно. Установленіе праздника послужило поводомъ къ составленію службы св. братьямъ, которая и была или личнымъ трудомъ самого митрополита, или трудомъ неизвѣстнаго, сдѣланнымъ по его распоряженію ¹¹⁾. Житіе св. Бориса и Глѣба явилось гораздо позднѣе; ихъ составлено было два. Первое, принадлежащее мниху Іакову, явилось не позднѣе 1072 года ¹²⁾; второе составлено Несторомъ, не ранѣе 1091 года ¹³⁾.

¹⁰⁾ Церковная Исторія митр. Макарія I, примѣчаніе 160.

¹¹⁾ Церк. Исторія Е. Е. Голубинскаго I, 2, 334.

¹²⁾ Сказаніе Іакова напечатано въ Христ. Чтеніи 1849 г., II, 329—86; сказаніе Іакова, говоритъ Е. Е. Голубинскій, есть именно только повѣсть объ убіеніи св. Бориса и Глѣба и не было настоящимъ ихъ житіемъ, и вотъ по этой причинѣ Несторъ и пишетъ новое житіе (Ц. И. I, 1, стр. 620).

¹³⁾ Ц. И. Е. Е. Голубинскаго I, 1, стр. 620.

Такимъ образомъ, на вопросы: кѣмъ и какъ совершена была первая канонизація въ Русской Церкви,—мы находимъ вполне достаточный отвѣтъ. Но трудно точно опредѣлить время ея совершенія, потому что всѣ памятники, сюда относящіеся, не говорятъ прямо и точно объ этомъ. Вообще, по имѣющимся даннымъ можно только опредѣлить время, ранѣе и позднѣе котораго не могла совершиться канонизація св. братьевъ; ибо, съ одной стороны, очевидно, что она не могла быть ранѣе 1020 года, когда послѣдовало перенесеніе тѣла Глѣба въ Вышгородъ. А такъ какъ, съ другой стороны, положительно извѣстно, что открытіе мощей и установленіе праздника въ честь Бориса и Глѣба случилось при митрополитѣ Иоаннѣ, который умеръ когда-то до 1039 г. (ибо подъ этимъ годомъ упоминается уже другой митрополитъ Феопемптъ)¹⁴⁾, то очевидно, что канонизація ихъ могла совершиться въ промежутокъ времени между 1020 и 1039 гг.¹⁵⁾

Хотя св. Борисъ и Глѣбъ не были мучениками въ собственномъ смыслѣ, потому что пострадали не за вѣру Христову, а вслѣдствіе политическихъ замысловъ ихъ брата Святополка, тѣмъ не менѣе ихъ истинно-благочестивая жизнь, незаслуженная смерть отъ руки брата и чудеса, совершавшіяся послѣ ихъ смерти, все это было причиною того, что память ихъ праздновалась очень торжественно, и не только мѣстно, но во всей Русской Церкви. Что дѣйствительно память св. Бориса и Глѣба съ первыхъ же поръ праздновалась торжественно во всей Русской Церкви, это видно изъ того, что митрополитъ Георгій въ своихъ правилахъ причисляетъ праздникъ въ честь Бориса и Глѣба къ великимъ праздникамъ Русской земли (правило 9-е). Затѣмъ, въ Новгородѣ уже въ половинѣ XI вѣка строили храмы въ честь св. мучениковъ и, значить, праздновали имъ¹⁶⁾. Наконецъ, въ мѣсяцесловахъ, дошедшихъ до насъ отъ XII и XIII в. в., мы встрѣчаемъ памяти ихъ и притомъ не разъ, а по нѣскольку разъ въ годъ¹⁷⁾. Торжественно праздновался не только день 24 Іюля,

¹⁴⁾ 1. Соф. Лѣт. 137; см. П. С. Р. Л. I, 66; Ник. Лѣт. I, 135.

¹⁵⁾ Не знаемъ, на основаніи какихъ источниковъ преосв. Макарій относитъ смерть митрополита Іоанна къ 1035 году—I, 66.

¹⁶⁾ 2 Новгород. Лѣт. 121; см. Соф. Врем. I, 155.

¹⁷⁾ Праздникъ 24 іюля встрѣчается уже въ мѣсяцесловѣ при Евангеліяхъ 1164 и 1270 г. г. (Описаніе рукописей Румянц. Музея, стр. 171); въ Сербскомъ прологѣ XIII в.—»въ тожде день (24 Іюля) святого мученику рушского царю Бориса и Глѣба“ (Ibid. 453). Въ мѣсяцесловѣ при Евангеліи XIII, в. встрѣчаемъ праздникъ 2 мая; въ мѣсяцесловѣ при обиходѣ XIII в. встрѣчаемъ

установленный митрополитомъ Иоанномъ съ в. к. Ярославомъ, но и дни послѣдующихъ перенесеній ихъ мощей изъ ветхихъ церквей въ новоустроенныя, изъ которыхъ одно было при в. князѣ Изяславѣ въ 1072 году, а второе—при Владимирѣ Мономахѣ въ 1115 году. Такъ какъ св. Борисъ и Глѣбъ были первые изъ русскихъ, причисленные къ лику святыхъ, и такъ какъ они не переставали разливать благодѣянія на страждущее отечество, то на нихъ стали смотрѣть, какъ на патроновъ Русской земли, и въ тяжелыя времена народныхъ бѣдствій прибѣгали къ нимъ съ молитвами о ходатайствѣ предъ Богомъ: „вы еста заступника Русскѣй земли, говоритъ лѣтописецъ, и свѣтильника сіяюща и молящася ко Владыцѣ о своихъ людехъ“¹⁸⁾.

Преподобный Θεодосій Печерскій, устроитель и организаторъ русскаго монашества, за свою истинно-благочестивую жизнь, за свои великіе подвиги еще при жизни сподобившійся благодатныхъ даровъ прозрѣнія и чудотвореній, пользовался великимъ уваженіемъ среди своихъ современниковъ. Онъ скончался 3-го Мая 1074 года. Преподобное уваженіе къ преподобному послѣ его смерти не только не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось. Препод. Несторъ, написавшій житіе Θεодосія, называетъ его „вторымъ по преподобномъ и богоносномъ отцѣ нашемъ Антоніи Печерскомъ свѣтиломъ велиемъ россійскаго небесе“. Князья, отправляясь на войну или по другимъ дѣламъ, имѣли обыкновеніе поклоняться гробу Θεодосія¹⁹⁾. Это уваженіе къ преп. Θεодосію было причиною того, что тѣло его, спустя 17 лѣтъ по представленіи его, изъ пещеръ²⁰⁾, гдѣ оно сперва было погребено, перенесено въ самый монастырь и положено было въ церкви: ибо братія Печерскаго монастыря говорила: „не добро есть лежати отцу нашему

праздники 24 іюля, 5 сентября и 2 мая (Ibid. 404). Въ послѣдующихъ святцахъ кромѣ этихъ дней мы встрѣчаемъ еще памяти ихъ 20 мая, ошибочно вмѣсто 2 мая, 12 августа, ошибочно день убіенія Бориса, 11 августа перенесеніе ветхихъ ракъ ихъ въ Смоленскій монастырь на Смядынь въ 1191 году.— (Полный мѣсяцесловъ Востока арх. Сергія II, 193); въ „книгѣ глаголемой описаніе россійскихъ святыхъ“ (рук. М. Д. А. № 209) встрѣчается еще память ихъ 24 сентября.

¹⁸⁾ Лавр. Лѣт. стр. 59.

¹⁹⁾ Ник. Лѣт. 2, подъ 1106 г.

²⁰⁾ Причина, по которой преп. Θεодосій погребенъ былъ въ пещерахъ, бывшихъ очевидно общимъ кладбищемъ, состояла въ томъ, что церковь еще не была отстроена ко дню его смерти, и потому долго почему-то не была освящаема до самаго 1089 г.

Θеодосѣви кромѣ монастыря церкве; понеже той есть основаль церковь и черноризцы совокупилъ²¹⁾. Перенесеніе мощей преподобнаго произошло слѣдующимъ образомъ. Почему-то въ началѣ это дѣло велось въ глубокой тайнѣ. Игумень, назначившій для откапыванія гроба преп. Θеодосія первоначальнаго нашего лѣтописца, говоритъ ему: „не мози повѣдати никому же отъ братіи, да не вѣсть никто же, но поими его же хочещи, да ти поможетъ“²²⁾. Глубокой ночью, когда уже стали звонить къ заутренѣ нашъ лѣтописецъ съ своимъ помощникомъ докопались наконецъ до гроба преп. Θеодосія и увидѣли его: „лежаще мощми, но сстави не распалися бѣша и власи главніи притяскли бяху“²³⁾. На другой день собравшимися епископами, игуменами другихъ монастырей, при стеченіи множества народа обрѣтенныя мощи торжественно были перенесены на приготовленное для нихъ въ церкви мѣсто 14 Августа 1091 года и „праздноваше тотъ день свѣтло“²⁴⁾, добавляетъ лѣтописецъ. Со времени этого открытія мощей память преп. Θеодосія безъ сомнѣнія мѣстно чтилась въ Кіевѣ. Всеобщая же канонизація его совершилась въ 1108 г. Въ этомъ году, рассказываетъ лѣтописецъ, „вложи Богъ въ сердце Θеоктисту, игумену Печерьскому и нача возвѣщати князю Святополку²⁵⁾, дабы вписалъ Θеодосѣя въ сенаникъ; и радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати въ синодикъ, и повелѣ вписывати по всемъ епископьямъ, и вси же епископи съ радостью вписаша, и поминати ѿ на всехъ сборѣхъ“²⁶⁾. Но что разумѣется здѣсь подъ сенаникомъ или синодикомъ и сборами, на которыхъ поминалось имя преп. Θеодосія? Сенаникъ или синодикъ нерѣдко встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и понятіе о немъ можетъ дать,

²¹⁾ П. С. Р. Л. I, 89.

²²⁾ Ibid. 90.

²³⁾ П. С. Р. Л. т. I, 90.

²⁴⁾ Ibid. т. V, 140.

²⁵⁾ Страннымъ представляется на первый взглядъ то обстоятельство, что игумень Θеоктистъ съ такою просьбою обращается не къ митрополиту, къ которому бы слѣдовало, а къ великому князю. Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ служить то, что митрополиты — греки не все вѣрили въ святость русскихъ угодниковъ даже и послѣ ихъ канонизаціи; подтвержденіемъ этому можетъ служить фактъ невѣрія митрополита Георгія, рассказанный въ лѣтописи подъ 1072 годомъ, и слова Нестора, который говоритъ: „митрополитъ же бѣ невѣрствуя, яко свята блаженная“. Въ силу такого отношенія послѣднихъ къ русскимъ святымъ, Θеоктистъ и могъ обратиться къ вел. князю вмѣсто митрополита Никифора-грека.

²⁶⁾ П. С. Р. Л. т. I, 120—1.

напр., слѣдующее извѣстіе, записанное въ первой псковской лѣтописи: „Въ лѣто 6958 приѣха пресвященный архіепископъ В. Новгорода и Пскова владыка Евфимій въ домъ св. Троицы и синодикъ чтоша: злыя прокляша, которыя хотять дому св. Софіи и дому св. Троицѣ и в. Новгороду и Пскову зла, а благовѣрнымъ княземъ, лежащемъ въ дому св. Софіи и св. Троицы, тѣмъ пѣша вѣчную память, такъ же и инѣмъ добрымъ людемъ, которыя положиша главы своя и кровь свою проль- яша за дома Божія и за православное христіанство“²⁷⁾. Итакъ, подъ синодикомъ, въ который, по распоряженію митрополита и в. кн. Святополка, по всемъ епископіямъ было внесено имя преп. Θεодосія очевидно нужно разумѣть тотъ синодикъ, который обыкновенно читается въ недѣлю православія; а подъ сборами — соборныя совершенія чина православія²⁸⁾. Такимъ образомъ, канонизація преп. Θεодосія, совершенная въ 1108 году, состояла въ томъ, что имя его было внесено въ синодикъ недѣли православія для его возглашенія вмѣстѣ съ именами другихъ защитниковъ и поборниковъ вѣры Христовой. Слѣдовательно, и эта канонизація не была канонизаціей въ томъ собственномъ смыслѣ, чтобы въ извѣстный день было постановлено праздновать его память посредствомъ особой службы. Это празднованіе памяти преп. Θεодосія несомнѣнно началось уже въ періодъ до-монгольскій; но было ли оно введено другою, такъ сказать, настоящею канонизаціей, записи о которой не сохранилось, или ввелось само собой и постепенно на основаніи нашей канонизаціи, остается неизвѣстнымъ. Вѣроятнѣйшимъ представляется послѣднее: въ нѣкоторыхъ святцахъ до-монгольскаго періода и писанныхъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. в.,

²⁷⁾ Ibid. т. IV, 214.

²⁸⁾ Слово „сборъ, сборный“ издревле прилагалось какъ къ церквамъ (въ смыслѣ храмовъ), такъ къ нѣкоторымъ днямъ святыхъ, и ко дню недѣли православія. Такъ, съ послѣднимъ значеніемъ это слово мы встрѣчаемъ не разъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, напр., въ Новгородской 1-й лѣтописи: „на сборъ святыхъ Евфимій“ (стр. 15 и 22), „по чистой недѣли на сборъ“ (стр. 46), или „на сборъ чистой недѣли“ (стр. 52). Въ первомъ значеніи слово „сборный“ есть переводъ греческаго слова „καθολικῆ“ (ἐκκλησία); а „καθολικαὶ ἐκκλησίαι“ назывались церкви кафедральныя. Во второмъ случаѣ слово „сборъ“ есть переводъ греческаго слова „συναξίς“ — собраніе для молитвы, всякая церковная служба и въ частности литургія. Этимъ словомъ въ древней Греческой Церкви называли богослужебныя собранія въ честь мучениковъ и святыхъ, память которыхъ торжественно праздновалась. Очевидно, что слово „сборъ“ въ данномъ мѣстѣ нужно разсматривать въ послѣднемъ смыслѣ, — въ смыслѣ собранія для совершенія обряда православія.

въ которыхъ вписаны имена Бориса и Глѣба, нѣтъ имени Θεодосія; если бы официально было установлено празднованіе памяти Θεодосія, то писцы, внося имена Бориса и Глѣба, конечно, не забыли бы вмѣстѣ съ ними и Θεодосія; отсутствіе его имени въ сей часъ указаннаго рода святцахъ даетъ знать, что первоначально то или другое время не вездѣ было ему празднуемо ²⁹⁾.

Исторія прославленія преп. Θεодосія представляетъ намъ ту въ послѣдующее время не встрѣчающуюся уже намъ особенность, что оно совершилось чрезъ внесеніе имени его въ синодикъ. Поэтому, естественно возникаетъ вопросъ: какаѣ цѣль примѣненія ея въ данномъ случаѣ? — То обстоятельство, что преп. Θεодосій былъ внесенъ не только въ синодикъ Кіевской Церкви, но по всѣмъ епархіямъ, можетъ свидѣтельствовать, что этимъ хотѣли придать ему характеръ всероссійскаго святаго и почитаніе его распространить на всю Русскую Церковь. — Мощи преп. Θεодосія Печерскаго при нашествіи Батя въ 1240 г. „были сокрыты братією, и съ тѣхъ поръ уже не являлись“ ³⁰⁾. Въ настоящее время въ соборной или главной церкви Печерскаго монастыря находится только его кенотафъ (одна, ничего не содержащая въ себѣ, рака, составляющая только какъ бы памятникъ) ³¹⁾.

Св. Леонтій, епископъ Ростовскій. Поводомъ къ прославленію св. Леонтія, епископа Ростовскаго, (скончавшагося не позднѣе 1077 года, когда вступилъ на Ростовскую епископію его преемникъ св. Исаія) послужило открытіе мощей его, которое произошло по слѣдующему совершенно случайному поводу. Въ 1161-мъ году въ Ростовѣ сгорѣлъ храмъ. Когда въ 1167 году начали строить новый, то при копаніи рововъ для него обрѣли гробъ, покрытый двумя досками, въ которомъ и лежало тѣло св. Леонтія ³²⁾. Безъ сомнѣнія, это открытіе мощей и послужило первымъ побужденіемъ къ собранію свѣдѣній объ этомъ сватителѣ, преданія о которомъ среди Ростовцевъ, несмотря на то, что онъ былъ ихъ просвѣтителемъ, какъ можно судить по первой редакціи житія его, были очень смутны и темны. Это собраніе свѣдѣній о святомъ на первыхъ порахъ и выразилось въ повѣсти объ открытіи мощей его. Прославленіе Леонтія церковнымъ образомъ или установленіе празднованія ему послѣдовало не позднѣе 1190 — 94 года при епи-

²⁹⁾ Ц. И. Е. Е. Голубинскаго т. I, ч. 2, стр. 336—367.

³⁰⁾ Евгеній, митр. Описаніе Кіево-Печерскія Лавры 90—1.

³¹⁾ Ц. И. Е. Голубинскаго т. I, 2, стр. 337.

³²⁾ Житіе св. Леонтія, Прав. Собесѣдникъ 1858 г. ч. I, 308; см. Н. Л. т. II, 191.

скопъ Ростовскомъ Іоаннѣ³³⁾, который и установилъ праздникъ 23 Мая въ честь открытія его мощей. Установленіе праздника, говоритъ В. О. Ключевскій, въ память св. Леонтія въ 1190 году создавало потребность прославленія святаго въ литературномъ произведеніи³⁴⁾. Такимъ образомъ явилось житіе его (первая редакція), происхождение котораго относится тѣмъ же авторомъ ко времени 1194—1204 г. г.³⁵⁾. Къ этому же времени есть основанія относить и происхождение службы этому святителю. Ибо въ одной псалтири XVI в. мы встрѣчаемъ канонъ съ надписью: „канонъ св. Леонтію Ростовскому—твореніе Іоанна, епископа тоя же богоспасаемаго епископіа“³⁶⁾. Такимъ образомъ совершилась канонизація св. Леонтія. Можно думать, что она совершена была еп. Іоанномъ безъ сношенія съ митрополитомъ и потому имѣла мѣстный характеръ. По крайней мѣрѣ, кромѣ Никоновской лѣтописи, которая говоритъ, что еп. Іоаннъ установилъ праздникъ св. Леонтію съ благословенія митрополита Θεодора³⁷⁾, мы нигдѣ еще не находимъ подтвержденія этого извѣстія. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ едва-ли можно полагаться на свидѣтельство Никоновской лѣтописи, какъ явившейся уже тогда, когда у насъ, въ Русской Церкви, право канонизаціи перешло исключительно къ высшей центральной власти. Поэтому, автору этой лѣтописи могло показаться страннымъ и мало вѣроятнымъ то, что канонизація св. Леонтія совершается мѣстнымъ епископомъ, и чтобы сгладить эту странность, онъ и дѣлаетъ прибавку: „съ благословенія митрополита“, впадая при этомъ въ ошибку относительно имени послѣдняго³⁸⁾. Между тѣмъ отсутствіе извѣстій о какихъ бы то ни было сношеніяхъ по поводу канонизаціи св. Леонтія съ митрополитомъ въ другихъ источникахъ, явившихся гораздо ранѣе Никоновской лѣтописи, практика Греческой Церкви, въ

³³⁾ Ник. Л. т. II, 191; въ рукописи Троице-Сергіевой Лавры № 600, XV—XVI в. в., между прочимъ находимъ такую замѣтку: „установлено блаж. Іоанномъ, еп. Ростовскимъ, праздновати“.

³⁴⁾ Ключевскій, В. О. Житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 11.

³⁵⁾ Ibid. стр. 10.

³⁶⁾ Рук. Псалтирь Троице Сергіевой Лавры № 313, л. 407.

³⁷⁾ Ник. Лѣт. II, 191.

³⁸⁾ Н. Л. II, 191. Митрополитъ здѣсь называется Θεодоромъ; онъ занималъ кафедру въ 1161—63 г. г.; значить, имя митрополита названо здѣсь невѣрно; вѣроятнѣе всего, если уже вѣрить въ этомъ случаѣ Ник. Лѣтописи, такимъ долженъ быть митрополитъ Никифоръ 2-ой, который и былъ современникомъ еп. Іоанну. (Цер. Исторія. Е. Е. Голубинскаго т. I, 1, стр. 787—8).

которой канонизация святыхъ совершалась и мѣстными епископами и, наконецъ, подобные же примѣры канонизации мѣстными епископами въ послѣдующее время и въ нашей Церкви, — все это дѣлаетъ очень вѣроятнымъ наше предположеніе о канонизации св. Леонтія однимъ только еп. Иоанномъ, безъ сношенія съ митрополитомъ.

Празднованіе св. Леонтію, имѣвшее въ первое время только мѣстное значеніе, потомъ однако выходитъ за предѣлы Ростовской области и принимаетъ характеръ всеобщій. Можно думать, что эта перемѣна въ празднованіи святителю началась очень рано, именно, не позднѣе второй половины XII в., когда уже можно замѣтить у князей сѣверной Руси тѣ политическія стремленія, которыя въ послѣдующее время послужили причиною отдѣленія Сѣверной Руси отъ южной и которыя могли въ то же время повліять и на эту перемѣну въ характерѣ празднованія. Подобнаго рода стремленія, которыми съ этого времени стали руководиться въ своей дѣятельности князья сѣвера, ясно проглядываютъ въ попыткѣ Андрея Боголюбскаго учредить у себя во Владимірѣ особенную, отдѣльную отъ Кіевской, митрополию. Прославленіе перваго на сѣверѣ святаго, каковымъ является св. Леонтій, давало какъ бы освященіе этимъ политическимъ стремленіямъ. Это ясно высказывается въ тѣхъ словахъ, которыя авторъ житія св. Леонтія влагаетъ въ уста Андрея Боголюбскаго (самаго яркаго представителя этихъ стремленій): „хваляю и славлю тя, Господи Боже мой, яко сподобилъ мя еси сизего сокровища въ области моего царствія видѣти, уже ничимъ же оужденъ есмь“³⁹⁾ (предъ другими, разумѣется, князьями, имѣвшими въ своихъ удѣлахъ мощи святыхъ). Трудно допустить, чтобы въ это время не было празднуемо первому святому сѣвера и во всей Владимірской области. Съ теченіемъ времени празднованіе св. Леонтію распространяется и на другія области. Такъ, во второй половинѣ XV вѣка св. Леонтій упоминается въ числѣ великихъ святителей русскихъ и чудотворцевъ самими митрополитами нашими Іоною и Филиппомъ и цѣлымъ соборомъ русскихъ архипастырей⁴⁰⁾. Въ 1493 году канонъ этому святому пѣли въ Новгородѣ⁴¹⁾. Вообще св. Леонтій послѣ своей смерти

³⁹⁾ Прав. Собесѣдникъ 1858 г. I, 310—311.

⁴⁰⁾ А. П. I, №№ 43, 51, 282 и 90. Св. Леонтій упоминается подъ 23 числомъ Мая по мѣсяцесловамъ въ рук. Троице Сергіевой Лавры XV в., №№ 314, 761. Службы ему подъ 23 ч. мая въ рукоп. той же Лавры XV в., №№ 313, 558, 617 и 762.

⁴¹⁾ П. С. Р. Л. т. III, 146.

сдѣлался такимъ славнымъ и популярнымъ, что каедрѣ Ростовская называлась „каедрою Леонтія чудотворца“. Чудеса, которыя стали совершаться при еп. Трифонѣ отъ мощей св. Леонтія, еще болѣе способствовали его прославленію. Съ этого времени Ростовцы стали смотрѣть на него, какъ на своего патрона, и въ общественныхъ бѣдѣ ствіяхъ всегда прибѣгали къ нему съ молитвами. Св. равноапостольная Ольга († 969) со времени своей кончины несомнѣнно пользовалась глубокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать уже отчасти тотъ восторженный отзывъ, который дѣлаетъ намъ о ней первый лѣтописецъ. Сказавши объ ея смерти, онъ продолжаетъ: „си бысть предтекущія крестыяни ствѣи земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сіяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтается.. Си перво вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Русіе сынове, аки начальницу: ибо по смерти моляше Бога за Русь“⁴²⁾. Это уваженіе и благоговѣніе къ памяти почившей еще болѣе должно было увеличиться со времени открытія ея мощей и перенесенія ихъ митрополитомъ Леонтіемъ и великимъ княземъ Владиміромъ въ Десятинную церковь. Объ открытіи и перенесеніи мощей главнымъ образомъ повѣствуется въ позднѣйшихъ уже источникахъ, именно въ житіяхъ ея⁴³⁾. Но подтвержденіе этого мы находимъ и въ древней нашей лѣтописи и у мниха Іакова. Въ первой подъ 969 годомъ между прочимъ говорится: „се бо вси челоуѣцы прославляютъ, видяще лежащая въ тѣлѣ на многія лѣта“⁴⁴⁾; у второго читаемъ: „Богъ прослави тѣло своея си Ольги, и есть во гробѣ тѣло ея честное и не разруσιμο, пребываетъ и до сихъ дней“⁴⁵⁾; слѣдовательно, ко времени того и другого автора мощи благовѣрной княгини Ольги были уже открыты. Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи подъ 1007 годомъ мы находимъ извѣстіе: „перенесени святіи въ св. Богородицю“⁴⁶⁾. Правда, что послѣднее извѣстіе неопредѣленно, но большинство ученыхъ съ вѣроятностію видятъ въ немъ указаніе на перенесеніе мощей блаженной княгини Ольги. Такимъ образомъ, сопоставляя эти

⁴²⁾ Лавр. Л. I, 29.

⁴³⁾ См. Степенная книга ч. I, 35—55; Прологъ 11 Юля; житіе св. Ольги въ рукоп. XVI в., помѣщенное въ 153 примѣчаніи Дер. Исторіи митр. Макарія т. I, стр. 228—30.

⁴⁴⁾ Лавр. Л. I, 29.

⁴⁵⁾ Христ. Чтеніе 1849 г. II, 322

⁴⁶⁾ Лавр. Л. I, 55.

извѣстія нашей лѣтописи и мнѣха Іакова, можно утверждать, что открытіе мощей св. Ольги совершенно великимъ княземъ Владиміромъ и, вѣроятно, въ 1007 году⁴⁷⁾. Съ этого времени, безъ сомнѣнія, началось мѣстное чествованіе памяти св. Ольги въ нашей Церкви. Но съ какого времени это мѣстное чествованіе перешло во всеобщее и когда совершена была собственно ея церковная канонизація,—на это трудно дать прямой и положительный отвѣтъ. Пресвященныя Макарій и Филаретъ черниговскій относятъ начало всеобщаго празднованія или ея канонизацію къ очень раннему времени и приурочиваютъ послѣднюю именно къ открытію ея мощей⁴⁸⁾. Это мнѣніе, повидимому, подтверждается и Степенной книгой, въ которой между прочимъ говорится, что память св. Ольги, равно какъ св. Владиміра, Бориса и Глѣба „преславно Церкви Божіей праздновати пріяла единаго Іулія мѣсяца, въ немъ же прежде память блаженныя Ольги въ 11 день“⁴⁹⁾. Ссылаются еще на службу св. Ольги, какъ на доказательство прославленія ея въ до-монгольскій періодъ, потому что она своимъ содержаніемъ указываетъ какъ будто бы на до-монгольскій періодъ. Но съ указаннымъ нами мнѣніемъ о времени канонизаціи св. Ольги нельзя согласиться. Прежде всего, свидѣтельство Степенной книги едва ли можетъ быть принято за доказательство установленія праздника въ честь св. Ольги при Владимірѣ. Оно только вообще говоритъ, что Церковь пріяла празднованіе; но когда это случилось, оно ничего не говоритъ.

⁴⁷⁾ Нельзя однако съ полною увѣренностью приурочивать открытіе мощей княгини Ольги къ 1007 году, потому что въ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто „перенесени“ читается: „принесени“, а въ нѣкоторыхъ другихъ опредѣленно: „принесены святыя иконы“ (Бенигсб. Голубинскаго Ц. И. т. I, 1, стр. 72, примѣч. 167, 2).—Мощи благовѣрной княгини Ольги во время нашествія татарскаго на Кіевъ были сокрыты подъ спудомъ, а потомъ, какъ гласитъ преданіе, вновь открыты митрополитомъ Петромъ Могилою, при сооруженіи имъ, на развалинахъ Десятинной, новой церкви, гдѣ и почивали онѣ до начала XVIII в., когда, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, вновь сокрыты въ неизвѣстномъ мѣстѣ (Макарій, митр. Цер. Исторія т. I, 85, 87).

⁴⁸⁾ Макарій митр. Цер. Исторія, I, 159—162; Филаретъ, Русскіе святые т. II, 74.

⁴⁹⁾ Стен. книга, I, 43; ср. новый лѣтописецъ глава II (Врем. № 17), гдѣ еще явнѣе говорится, что „кости же ея (Ольги) въ царство внуна ея равноапостольнаго Владиміра и митрополита Леонтія обрѣтошася цѣлы, ихъ же Владиміръ за святыя поднесе и день празднованія ея устави Іулія въ 11 день“. Но очевидно, это извѣстіе основывается на свидѣтельствѣ Степенной книги, о которомъ смотри въ текстѣ.

Авторъ ея, видя въ свое время праздникъ въ честь св. Ольги, могъ сказать, что Церковь пріяла его „купно съ праздникомъ въ честь Бориса и Глѣба и Владимира“; но изъ этихъ словъ вывода какого-нибудь о времени установленія праздника сдѣлать нельзя. Точно также и указаніе службы св. Ольги имѣетъ въ этомъ отношеніи мало значенія; потому что, говоритъ Е. Е. Голубинскій, гораздо вѣроятнѣе представлять себѣ дѣло такъ, что позднѣйшіе творцы службы переносятся въ обстановку до-монгольскаго періода просто въ своемъ воображеніи для приданія своему представленію большей наглядности и для сего пользуются такъ называемою ораторскою вольностью⁵⁰⁾. Такимъ образомъ, ни свидѣтельство Степенной книги, ни служба не могутъ быть приняты за доказательство установленія праздника въ честь св. Ольги въ до-монгольскій періодъ, а тѣмъ болѣе при Владимирѣ. А между тѣмъ молчаніе нашихъ лѣтописей, а равно и мниха Іакова, у котораго ни слова нѣтъ объ установленіи праздника въ его время въ честь св. Ольги, дѣлаетъ очень вѣроятнымъ то предположеніе, что такого праздника и не было установлено. Отсутствие, далѣе, имени св. Ольги во всѣхъ мѣсяцесловахъ, какіе мы имѣемъ отъ до-монгольскаго періода, еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе, хотя мы имѣемъ такіе мѣсяцесловы, составители которыхъ имѣли очевидное намѣреніе внести именъ Русскихъ святыхъ какъ можно болѣе⁵¹⁾. Такимъ образомъ, установленіе праздника св. Ольгѣ нужно относить къ неизвѣстному дальнѣйшему, послѣ до-монгольскаго періода, времени. По крайней мѣрѣ, начиная съ XIII и XIV в. в. имя св. Ольги уже вносится въ святцы и мѣсяцесловы, что можетъ указывать на ея церковное прославленіе. Такъ, въ Прологѣ XIII—XIV в. в. мы находимъ подъ 11 Іюля: „преставленіе св. царице русьскіе Ольги, проматерьъ всѣхъ царей Русьскихъ⁵²⁾“. Къ этому времени и нужно относить начало ея всеобщаго прославленія въ Русской Церкви.

⁵⁰⁾ Е. Е. Голубинскаго I, 2, стр. 339. На основаніи Филарета—Обзоръ Дух. Литературы, 95,—нельзя ли сдѣлать предположеніе, что служба св. Ольги составлена Пахоміемъ Логоветомъ.—Житіе и похвала св. Ольги, по мнѣнію Срезневскаго, написаны около 1078 года (Древніе Памятники русскаго письма и языка), что очень вѣроятно, потому что оба они говорятъ о мощахъ ея, какъ открыто еще почивающихъ въ Десятинной церкви, и видимыхъ всѣми русскими людьми, чего авторъ не могъ бы сказать, если бы онъ жилъ послѣ до-монгольскаго періода, когда мощи ея были скрыты подъ спудомъ.

⁵¹⁾ Таковы, напр., святцы при Обиходникѣ XIII вѣка, напечатанные въ 3 томѣ Ц. И. митр. Макарія примѣч. 179, стр. 270—292.

⁵²⁾ Востоковъ, описаніе рукописей Румянц. Музея 452; см. Церк. Уставъ 1398 г.—Сергій, Агіология I, 125.

Святой и равноапостольный князь Владимиръ скончался 15-го Юля 1015 года въ селѣ Берестовѣ, недалеко отъ Кіева. Оплакиваемого народомъ князя положили въ созданномъ имъ же самимъ храмѣ Пресвятыя Богородицы, въ мраморномъ гробѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что память св. Владимира свято чтилась народомъ со времени его погребенія. Но церковное прославленіе памяти его или его канонизація совершилась сравнительно уже поздно. Что дѣйствительно Владимиръ не былъ долгое время причтенъ къ лику святыхъ, это ясно видно какъ изъ словъ Іакова мниха, который доказываетъ, что св. Владимиръ, хотя и не творитъ чудесъ, но святъ дѣлами⁵³⁾ (очевидно, если бы онъ былъ причтенъ, то такое доказательство было бы излишне), такъ еще яснѣе изъ словъ житія его, въ которомъ прямо говорится, что во время составленія житія онъ не былъ еще не только прославленъ, но не молились даже и въ день преставленія его: „да аще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносили Богу зань, въ день преставленія его, видя бы Богъ тщаніе наше къ нему прославиль бы и“⁵⁴⁾. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XII вѣка, когда появилась похвала, св. Владимиръ не былъ не только прославленъ, но память его и мѣстно церковнымъ образомъ не чтилась. Точно также и въ послѣдующее время этого періода мы нигдѣ не находимъ ясныхъ свидѣтельствъ о прославленіи св. Владимира. Въ лѣтописяхъ къ имени Владимира не прилагается даже эпитета святой, а великій⁵⁵⁾. Наконецъ, и въ святцахъ, дошедшихъ до насъ изъ этого періода и заключающихъ въ себѣ имена Бориса и Глѣба и Θεодосія Печерскаго, мы не находимъ имени св. Владимира. На основаніи всего этого можно утверждать, что прославленіе Владимира совершилось уже въ послѣдующее время. Этому нашему выводу, повидимому, противорѣчатъ слова митрополита Иларіона, который въ своемъ похвальномъ словѣ Владимиру говоритъ, что Богъ удостоилъ просвѣтителя земли Русской славы и почестей небесныхъ, называетъ его блаженнымъ, апостоломъ и, наконецъ, обращается къ нему съ молитвою. Мнихъ Іаковъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ Владимиру, какъ уже къ святому; такъ онъ говоритъ: „о блаженный и преблаженный княже Володимире: мзда твоя многа зѣло предъ Богомъ“. Ниже онъ уподобляетъ его святымъ царямъ: Давиду, Езекии, Константину и др. Авторъ

⁵³⁾ Похвала кн. Владимиру. Хр. Чтеніе 1849 г. II, 324.

⁵⁴⁾ Житіе кн. Владимира. Хр. Чтеніе 1849 г. II, 334.

⁵⁵⁾ Напр., Ипатьевск. Лѣт. подъ 1229 голомъ.

„Житія“ къ подобнымъ ублаженіямъ и величаніямъ присоединяетъ и собственную молитву ко Владимиру. Такое, говорятъ, молитвенное обращеніе ко Владимиру естественно предполагаетъ, что святость его была уже тогда признана Церковью ⁵⁶⁾. Но съ послѣднимъ выводомъ, который дѣлаютъ изъ словъ приведенныхъ нами авторовъ, едва ли можно согласиться. Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ словахъ выражается личное благоговѣніе авторовъ къ памяти Владимира, личная вѣра ихъ въ него, что онъ за свои дѣла удостоенъ небеснаго воздаянія и блаженства. Такую вѣру съ ними раздѣляли, конечно, и лучшіе изъ современныхъ имъ христіанъ русскихъ. Но все это еще не означаетъ, чтобы память Владимира чествовалась и праздновалась, какъ святаго, внесеннаго въ церковные мѣсяцесловы или святцы, съ приуроченіемъ ея и службы ему къ извѣстному дню, какимъ имѣлъ быть и былъ потомъ день успенія его 15-го Іюля. Выраженія же, подобныя приведеннымъ, довольно обычны въ похвальныхъ словахъ вообще о лицахъ, отличавшихся при жизни дѣлами благочестія и заслугами для Церкви, но не стоявшихъ однако и не стоящихъ въ ликѣ причтенныхъ ко святымъ. То же должно сказать и о самыхъ молитвенныхъ обращеніяхъ ко Владимиру въ Похвалѣ ему и Житіи. Такія обращенія были обычны въ похвальныхъ рѣчахъ о достойныхъ, особенно дорогихъ или почитаемыхъ лицахъ, какъ довольно обычны и теперь въ подобныхъ же рѣчахъ ⁵⁷⁾. Между тѣмъ молчаніе нашего

⁵⁶⁾ Ц. И. митр. Макарія, I, 66, 67.

⁵⁷⁾ Въ доказательство прославленія кн. Владимира въ до-монгольской періодъ ссылаются еще между прочимъ на извѣстное уже намъ мѣсто изъ Степенной книги, гдѣ говорится, что „памяти св. Ольги, равно какъ и Владимира, Бориса и Глѣба преславно церкви Божіа праздновати пріяда есть единого Души мѣсяца“ (Степ. книга I, 43), а также и на службу св. Владимира, въ которой выраженія которой (Кіевъ, напр., называется „велимъ градомъ“, каковымъ онъ пересталъ быть послѣ нашествія Монголовъ; русскіе люди приглашаются въ ней сниться „къ честиѣй церкви Владимира преблаженнаго“, которая послѣ нашествия Монголовъ перестала существовать), даютъ, повидимому, поводъ думать, что она написана до нашествия Монголовъ. Но что свидѣтельство Степенной книги нисколько не говоритъ въ пользу существованія праздника св. Владимира въ до-монгольской періодъ, подобно тому, какъ оно не служитъ доказательствомъ прославленія и св. Ольги въ тотъ же періодъ, это мы уже выше видѣли, когда излагали исторію канонизаціи этой послѣдней. Что же касается до службы св. Владимиру, то она въ связи съ другими болѣе ясными свидѣтельствами дѣйствительно можетъ служить основаніемъ для заключенія о существованіи праздника св. Владимиру до нашествия Монголовъ, когда Кіевъ еще дѣйствительно былъ „велимъ градомъ“. Но объ этомъ будетъ сказано ниже въ текстѣ.

лѣтописца и монаха Іакова, у которыхъ ни слова нѣтъ объ установленіи праздника въ ихъ время, дѣлаютъ вполне вѣроятнымъ то предположеніе, что такого праздника въ періодъ до-монгольской и вовсе не было установлено.

Если же справедливо то положеніе, что св. Владимиръ не былъ формально причисленъ къ лику святыхъ во все продолженіе до-монгольского періода, то естественно рождается вопросъ, когда же это случилось? Ясныхъ и опредѣленныхъ указаній на время совершенія канонизаціи св. Владимира мы не находимъ. Однако, есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно, хотя бы и приблизительно, опредѣлить послѣднее. Мы прежде всего укажемъ время, не позже котораго память св. Владимира стала праздноваться въ Русской Церкви, а потомъ уже постараемся высказать свои предположенія и о времени совершенія его канонизаціи. Основанія для приблизительнаго опредѣленія начала празднованія св. Владимиру слѣдующія. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя св. Владимира, какъ уже прославленнаго святаго, подъ 1311 годомъ, въ первой Новгородской Лѣтописи, гдѣ говорится, что епископъ Новгородскій Давидъ „постави церковь камену на воротѣхъ, во имя благовѣрнаго князя Владимира, крестившаго Русскую землю“⁵⁸⁾. Съ этого времени имя св. Владимира стало вноситься и въ богослужебныя книги. Такъ, оно встрѣчается въ минеяхъ и прологахъ конца XIII и XIV в. в. и церковномъ уставѣ 1398 года⁵⁹⁾. Въ XV и XVI вв. память св. Владимира встрѣчается почти во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ того времени⁶⁰⁾. Такимъ образомъ, празднованіе св. Владимиру установлено когда-то въ XIII вѣкѣ, именно, какъ мы видѣли, не позднѣе 1311 года.

Постараемся теперь точнѣе, насколько это возможно, опредѣлить время канонизаціи св. Владимира. Прежде всего имѣемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что 15-го Іюля 1240 года, когда совершилась Невская побѣда, еще не существовало празднованія Владимиру Святому. Ибо въ первой Новгородской Лѣтописи, писанной въ Новгородѣ и притомъ чуть-ли не современникомъ самой побѣды, мы находимъ только греческій памяти безъ прибавленія имени князя Владимира, именно здѣсь говорится, что эта побѣда была 15-го Іюля „на соборѣ св. отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, и на память св. мученикъ Кирика и Улиты“.

⁵⁸⁾ Первая Новгород. Лѣт. подъ 1311 годомъ.

⁵⁹⁾ Описание рук. Рум. Музея 452.

⁶⁰⁾ Ibid. 455, 453, 710—12.

Трудно допустить, чтобы летописец опустил имя крестителя Руси, который, бывъ причисленъ къ лику святыхъ, считался бы естественно ея покровителемъ. Между тѣмъ, служба, составленная ему, конечно, по установленіи этого празднованія, написана однако тогда, когда Кіевъ былъ „велимъ градомъ“, и церковь Десятинная продолжала существовать до 6-го Декабря того же года, когда на Николинъ день Кіевъ разоренъ былъ Монголами, и Десятинная церковь, подобно другимъ, обращена была въ развалины. Такимъ образомъ, мы имѣемъ два момента, изъ коихъ ранѣе одного и позднѣе другого не могла быть составлена служба; здѣсь между этими двумя моментами и должно искать времени, когда установлено было празднованіе Владимиру, а для празднованія написана была и служба ⁽¹⁾.

Присматриваясь къ обстоятельствамъ, которыя переживала Русская земля въ это время, нетрудно придти къ тому заключенію, что празднованіе св. Владимиру могло быть установлено въ сѣверной Руси и именно въ Новгородѣ, а не въ южной — Кіевѣ. Южная Русь въ это время находилась въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Отовсюду окруженная Монголами, она доживала свои послѣдніе дни и, наконецъ, въ 1240-мъ году была окончательно покорена ими, причемъ и Кіевъ былъ разрушенъ. Но если въ Кіевѣ не могло быть установлено такого празднованія Владимиру Святому, то какое побужденіе, какой особенный поводъ къ тому могла найти сѣверная Русь въ моментъ съ 15-го Іюля по 6-е Декабря? И кто бы здѣсь взялъ на себя инициативу такого дѣла? Митрополитъ, какимъ былъ тогда Іосифъ? Но помимо совершенной неизвѣстности за нимъ какой-либо дѣятельности, подобное предположеніе исключается уже тѣмъ фактомъ, что митрополиты-греки не были расположены устанавливать праздники русскимъ святымъ. Митрополитъ Георгій „бѣ невѣрствуя“ прославленію св. Бориса и Глѣба даже тогда, когда они уже считались у насъ прославленными. При канонизаціи преп. Θεодосія Печерскаго Печерскій игумень Θεоктистъ обратился по этому дѣлу не къ митрополиту, а къ князю Святополку, чтобы онъ повелѣлъ митрополиту вписать память Θεодосія въ соборныя синодики. И въ дѣлѣ канонизаціи св. Владимира починъ имѣлъ принадлежать князю. Но Кіевъ въ годъ нашествія Монголовъ оставался уже безъ князя. Что затѣмъ, послѣ Кіева, ни въ одномъ изъ стольно-княжескихъ и епископскихъ городовъ главнѣйшихъ тогда об-

⁽¹⁾ Малышевскій. Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владимира 15-го іюля. Труды К. Д. А. 1882 г. I, 54.

ластей Суздальской и Волынско-Галицкой не могло въ данный историческій моментъ совершиться установленіе праздника, этого и не нужно доказывать. Остается Новгородъ. Онъ одинъ въ данный историческій моментъ былъ въ такомъ положеніи, при которомъ могло совершиться въ немъ подобное дѣло. Онъ не былъ разрушенъ Монголами и не находился подъ угрозою такого разрушенія. Онъ имѣлъ князя и епископа. А главное, въ немъ случилось теперь событіе, которое могло послужить прямымъ побужденіемъ къ установленію празднованія: Это именно Невская побѣда, послѣдовавшая въ день успенія Владимира, 15-го Іюля. Герой побѣднаго дѣла, Александръ Невскій, князь притомъ весьма благочестивый, имѣлъ и побужденіе, и усердіе, и власть, совмѣстно съ архіепископомъ Спиридономъ, установить празднованіе. Въ древней Руси, также и въ Новгородѣ, было въ обычаѣ ознаменовывать память славныхъ побѣдъ дѣлами благочестія, въ частности, дни побѣдъ установленіемъ религіозныхъ торжествъ. А Невская побѣда была одною изъ славнѣйшихъ и сопровождалась сильнымъ религіознымъ воодушевленіемъ. При желаніи ознаменовать день побѣды, само собою представлялось знаменательнымъ то обстоятельство, что побѣда одержана въ день успенія Владимира. День этотъ, какъ мы уже указывали, хотя и не значился въ мѣсяцесловахъ того времени, но такимъ лицамъ, какъ Александръ и архіепископъ, былъ, конечно, извѣстенъ изъ лѣтописей и другихъ сказаній о Владимирѣ, а многимъ могъ быть извѣстенъ изъ поминальныхъ записей или синодиковъ. Очень вѣроятно, что въ день успенія Владимира издавна совершались поминальныя молитвы о немъ, какъ можно заключить изъ словъ упомянутыхъ выше писателей XII вѣка, внушавшихъ русскимъ христіанамъ съ тѣмъ же усердіемъ совершать молитвы за Владимира въ день успенія его, чтобы Богъ прославилъ его. Такимъ образомъ, поминальное моленіе о Владимирѣ совершалось въ чаяніи прославленія его. Прославленіе имѣло быть свидѣтельствовано какимъ-либо чудомъ или знаменіемъ. Такимъ знаменіемъ и представлялось совпаденіе дня славной побѣды со днемъ успенія и поминовенія Владимира. Александръ Невскій могъ приписать побѣду свою, одержанную въ день поминовенія праотца всѣхъ князей русскихъ (такъ называется онъ въ службѣ), Владимиру, тѣмъ болѣе, что это былъ такой праотецъ, который крестилъ землю Русскую и былъ къ этому времени блаженнымъ и чаемымъ святымъ. А при такой вѣрѣ въ заступничество и ходатайство Владимира предъ Богомъ значеніе побѣды становилось еще внушительнѣе, какъ знаменіе, указывающее, что день успенія Вла-

димира, въ какой она одержана, долженъ теперь стать днемъ празднованія памяти его, какъ уже святаго-прославленнаго ⁶²⁾.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что празднованіе святому Владимиру установлено Александромъ Невскимъ въ Новгородѣ когда-то между 15 Іюля 1240 года и 6 Декабря того же года. Можно при этомъ предполагать, что такое празднованіе было установлено Александромъ вскорѣ же послѣ своей знаменитой побѣды. Предположеніе это подкрѣпляется слѣдующими соображеніями. Александръ Невскій оставался въ Новгородѣ недолго послѣ 15 Іюля. Вслѣдствіе какихъ-то распрій съ Новгородцами, онъ зимою того же года выѣхалъ изъ Новгорода къ отцу своему и вновь прибылъ туда уже въ слѣдующемъ году и притомъ не ранѣ весны; пробывъ тамъ недолго, онъ тотчасъ долженъ былъ снаряжаться на новую войну противъ Нѣмцевъ. Нельзя полагать, чтобы празднованіе Владимиру установлено было послѣ этого новаго прибытія Александра и затѣмъ во время войны, т. е. чтобы оно установлено было лѣтомъ 1241 года; ибо до этой поры въ Новгородѣ не могли уже не знать о полномъ разореніи Кіева, его церкви, въ числѣ ихъ Десятиной, и въ службѣ Владимиру, написанной одновременно или вслѣдъ за установленіемъ праздника, не могли бы назвать Кіева „велимъ градомъ“. Итакъ, празднованіе св. Владимиру установлено до отъѣзда Александра Невского зимою 1240 года, т. е. до зимы этого года. А это приближаетъ время установленія къ 15 Іюля 1240 года и служитъ къ подкрѣпленію мысли, что празднованіе установлено въ связи съ событіемъ дня, т. е. съ Невскою побѣдой ⁶³⁾.

Страннымъ и удивительнымъ можетъ казаться тотъ фактъ, что Русская Церковь на первыхъ же порахъ не установила празднованія такимъ знаменитымъ своими заслугами ей лицамъ, какими несомнѣнно являются Ольга и Владимиръ. Но это странное на первый взглядъ обстоятельство можно, однако, объяснить довольно основательными причинами. Въ числѣ правилъ, которыми наша Церковь постоянно руководилась при канонизаціи своихъ святыхъ, было между прочимъ, какъ увидимъ ниже, требованіе чудесъ отъ мощей святаго. Если мы примемъ теперь во вниманіе это правило, то для насъ будетъ понятна и причина, почему ни Ольга, ни Владимиръ не были прославлены въ до-монгольскій періодъ. Мощи св. Ольги, хотя и были открыты, но за отсутствіемъ извѣстій о чудесахъ, въ лѣтописяхъ, можно съ увѣ-

⁶²⁾ Труды К. Д. А. 1882 г. I, 56—58. II. 4. 181. 101011. 9X (°)

⁶³⁾ Труды К. Д. А. 1882 г. I, 58—59. I. 011111111111. II. II (°)

ренностью сказать, что послѣднихъ не было, если не считать за чудо то, что передается о мощахъ св. Ольги въ одномъ житіи ея и у Іакова мниха: „и есть на верху гроба оконце сотворено, и туда видѣти тѣло блаж. Ольги лежаще цѣло, да иже съ вѣрою придетъ, отворится оконце, и видѣтъ честное тѣло лежаще цѣло... а другимъ, иже не съ вѣрою приходятъ, не отворится оконце гробное, и не видятъ тѣло того честного, но токмо гробъ“⁶⁴). Мощи же св. Владимира не были открыты во все продолженіе до-монгольскаго періода⁶⁵). Что св. Владимиръ по своей смерти не творилъ чудесъ,—это мы положительно знаемъ изъ словъ Іакова мниха, который ясно говоритъ: „не дивимся возлюбленніи, аще чудесъ не творить по смерти: мнозѣ бо святѣи, праведнѣи не сотвориша чудесъ, но святѣи суть“, и потомъ приводитъ мѣсто изъ св. Златоуста, доказывающее, что святые познаются не отъ чудесъ, но отъ дѣлъ⁶⁶). Такимъ образомъ, это отсутствіе чудесъ отчасти можетъ намъ объяснить, почему въ до-монгольскій періодъ не были прославлены ни св. Ольга, ни св. Владимиръ. Кромѣ того, можно указать и еще одну причину, которую не слѣдуетъ упускать изъ вида, когда говорятъ о прославленіи св. Владимира. Такою причиною могли быть тѣ излюбленные пиры Владимира-язычника, память о которыхъ въ былинахъ долго жила въ народѣ. Они-то и могли смущать и затруднять совѣсть народную признать Владимира святымъ, ибо пиры и святость, которая—по позднѣйшимъ, впавшимъ въ односторонность, понятіямъ, стала непремѣннымъ условіемъ аскетизма,—должны были представляться вещами трудно совмѣстимыми⁶⁷). Только съ теченіемъ

⁶⁴) Хр. Чтеніе 1849 г. II, 322; житіе св. Ольги у пр. Макарія т. I, примѣч. 153, стр. 228—30.

⁶⁵) До нашествія монголовъ мощи св. Владимира хранились въ мраморномъ гробѣ, въ Десятинной церкви. Но при нашествіи ихъ гробъ его былъ скрытъ въ землѣ подъ развалинами этой церкви. Затѣмъ онъ открытъ уже былъ Петромъ Могилою, митрополитомъ Кіевскимъ, въ 1635 году, при чемъ „митрополитъ взялъ въ воспоминаніе будущимъ родамъ великаго онаго князя только главу, которую сперва положилъ въ церкви Преображенія Господня; потомъ же положилъ въ великой Кіево-Печерской церкви, гдѣ и донынѣ сіе дражайшее сокровище хранится“. (Евгеній митр., Описаніе Кіево-Печер. Лавры, 113—114). Одна челюсть этой главы хранится въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ,—будучи прислана Петромъ Могилой Алексѣю Михайловичу на благословеніе, а ручная кость—въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (Евгеній, Описаніе Кіево-Соф. Собора, 49).

⁶⁶) Хр. Чтеніе 1849 г. II, 324.

⁶⁷) Ц. Н. Голубинскаго I, 160.

времени память об этих пирах могла ступаться, и предъ глазами потомства его заслуги, какъ просвѣтителя своего народа, представлялись во всемъ ихъ величїи. И дѣйствительно мы видимъ, что въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ имя св. Владимира является не иначе, какъ съ приложеніемъ эпитета „новаго Константина великаго Рима“; его прежняя жизнь въ язычествѣ позабывается и онъ является въ памяти потомства такимъ, какимъ онъ сталъ со времени принятїи имъ христіанства: „дивно есть, волико добра сотвори въ Русѣй землѣ, крестивъ ю, и волико ревностью божественною подвизался о вѣрѣ христове; и благими дѣлы просія яко солнце, и вторый равноапостольный Константинъ явися“⁶⁸). То великое уваженіе и благоговѣніе, которое являлось естественнымъ слѣдствіемъ представленія его великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ Русской землѣ, и заставляло, безъ сомнѣнія, чтить его память.

Св. Петръ, первый митрополитъ Московскій, скончался 21-го Декабря 1326 года и погребенъ былъ въ Успенскомъ соборѣ. Почитаніе его началось непосредственно послѣ его смерти. Ибо св. Петръ такъ прославился своимъ благочестіемъ и своими заслугами Церкви и отечеству, что уже люди, погребавшіе его, считали его святымъ и многіе изъ больныхъ, прибѣгая къ его сильному ходатайству, получали исцѣленія отъ его нетлѣнныхъ мощей. Какимъ уваженіемъ и высокимъ благоговѣніемъ пользовался святитель и въ послѣдующее время, это видно изъ того, что удѣльные и служилые князья при гробѣ его дѣловали крестъ въ вѣрности великому князю Московскому. При гробницѣ св. Петра были избираемы и нарекаемы Русскіе святители. Это великое уваженіе, бывшее естественнымъ слѣдствіемъ какъ благочестивой жизни усопшаго святителя, такъ и его гражданской и церковной дѣятельности, послужило причиною того, что мѣстное почитаніе его началось въ Москвѣ очень рано. Такъ думать насъ заставляютъ кромѣ того и чудеса, которыя совершались у гроба св. Петра. Еще когда несли его въ Успенскій соборъ для погребенія, одинъ иновѣрецъ, находившійся въ толпѣ и сомнѣвавшійся въ его святости, внезапно пораженъ былъ видѣніемъ, будто святитель воссѣдитъ на одрѣ живой и на обѣ стороны благословляетъ народъ, его сопровождающій⁶⁹). Затѣмъ спустя 20 дней послѣ его кончины по-

⁶⁸) Ник. Л. I. 114—115.

⁶⁹) Житіе св. Петра, усвояемое Прохору, напечат. въ прилож. къ Дух. Вѣстнику, 1862 г., I, 17—22; Степен. книга I, 420—21.

слѣдовали новыя чудеса, которыя и должны были свидѣтельствовать о томъ, что почившій архипастырь прославленъ отъ Бога. Такъ, при гробѣ святителя въ это время получили исцѣленія три человѣка: одинъ юноша, не владѣющій руками, и потомъ еще глухой и слѣпой⁷⁰⁾. Великій князь Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ записать эти чудеса и передалъ рукопись въ каедральный Владимирскій соборъ, въ которомъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней Ростовскій епископъ Прохоръ и прочиталъ ее съ амвона предъ всѣмъ народомъ и въ присутствіи великаго князя⁷¹⁾. А присутствовавшій тутъ же иновѣрецъ исповѣдалъ передъ всѣми о бывшемъ ему чудесномъ видѣніи⁷²⁾.

Это записываніе чудесъ и чтеніе списка ихъ въ соборѣ въ присутствіи князя и народа мы встрѣчаемъ впервые въ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ. Какъ, спрашивается, нужно смотрѣть на этотъ фактъ? На основаніи нѣкоторыхъ аналогичныхъ явленій въ исторіи канонизаціи Русской Церкви послѣдующаго времени можно думать, что въ данномъ случаѣ это записываніе чудесъ и ихъ публичное чтеніе было приступомъ къ канонизаціи св. Петра. Преосв. Макарій также говоритъ, что именно съ этого времени, какъ можно думать, начали уже у насъ чтить св. Петра, какъ угодника Божія, по крайней мѣрѣ, мѣстно⁷³⁾. Правда, мы не находимъ прямыхъ извѣстій, что въ это же время былъ установленъ и праздникъ въ честь св. Петра; тѣмъ не менѣе есть основанія думать, что это празднованіе тогда же было установлено. Подтвержденіемъ послѣдней мысли можетъ служить то обстоятельство, что приблизительно въ это же время были составлены тѣмъ же Прохоромъ, еп. Ростовскимъ, служба святителю Петру и житіе его, которое, какъ видно изъ самаго заглавія его: „мѣсяца того же (Декабря) 21 день, преставленіе Петра митрополита всея Руси; а се ему чтеніе, твореніе Прохора“ и проч. имѣло проложную

⁷⁰⁾ Житіе, Дух. Вѣсти. 1862 г. I, 21; Степен. кн. I, 421.

⁷¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія св. Петра, усвояемаго Прохору, этотъ князь названъ Иваномъ; но эта позднѣйшая поправка и очень неудачная. Нѣсколько строкъ выше говорится, что князь послалъ списокъ чудесъ. Очевидно, если бы князь Иванъ самъ присутствовалъ въ это время, то ему не было бы надобности посылать этотъ списокъ. По другимъ спискамъ читается: „почудися в. кн. Александръ Михайловичъ и весь народъ“. Это послѣднее чтеніе болѣе вѣрное, такъ какъ дѣйствительно въ началѣ 1327 года, когда это происходило, в. княземъ Владимирскимъ былъ Александръ Михайловичъ.

⁷²⁾ Житіе, усвояемое Прохору, 21; Степен. кн. 421.

⁷³⁾ Церковная Исторія митр. Макарія, IV, 252.

форму и читалось послѣ 6-й пѣсни канона⁷⁴⁾. Эта служба и житіе не имѣли бы мѣста, если бы не праздновали св. Петру, какъ прославленному угоднику, по крайней мѣрѣ, мѣстно, въ Москвѣ. Такимъ образомъ можно утверждать, что канонизація св. Петра совершилась вскорѣ послѣ его смерти и совершена Прохоромъ, еп. Ростовскимъ; причѣмъ эта канонизація имѣла только мѣстный характеръ.

Спустя 12 лѣтъ, именно въ 1339 году, послѣдовала другая канонизація этого святителя. Митрополитъ Θεογностъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ увѣрившись въ чудотвореніяхъ своего предшественника, донесъ о нихъ Константинопольскому патріарху Іоанну XIV, прося его разрѣшенія причислить къ лику святыхъ митрополита Петра. Въ отвѣтной грамотѣ патріарха и собора Θεογносту мы читаемъ: „Мы получили писаніе твоего святительства, извѣщающее насъ о бывшемъ прежде тебя архипастырѣ той же святѣйшей Церкви, какъ онъ по смерти прославленъ отъ Бога и содѣлался близкимъ Ему угодникомъ, какъ совершаются отъ него великія чудеса и исцѣляются всякія болѣзни. И мы возрадовались о семъ и возвеселились духомъ и вознесли Богу подобающее славословіе. А какъ твое святительство и отъ насъ искало наставленія о томъ, что слѣдуетъ учинить съ таковыми св. мощами; да и самому тебѣ небезызвѣстно, какого чина и обычая держится въ подобныхъ случаяхъ Церковь Божія: то получивъ твердое и несомнѣнное удостовѣреніе относительно сего (святаго), твое святительство да поступитъ въ настоящемъ случаѣ по тому же самому уставу Церкви: почти и ублажи угодника Божія пѣснопѣніями и священными славословіями, и предай сіе на будущее время, во хвалу и славу Бога, прославляющаго прославляющихъ Его“⁷⁵⁾. Этотъ отвѣтъ патріарха и Константинопольскаго собора Θεογностъ объявилъ великому князю и всѣмъ, и безъ сомнѣнія тогда же совершилъ открытіе

⁷⁴⁾ Обзоръ Дух. Литер. Филарета § 66, 98; время происхожденія службы и житія св. Петра легко опредѣлить приблизительно. Святитель Петръ скончался 21 декабря 1326 г. А 7-го сентября слѣдующаго 1327 года скончался Прохоръ, значить, то и другое могли явиться когда нибудь не позднѣе сентября 1327 года. В. О. Ключевскій старается еще точнѣе опредѣлить это время происхожденія и утверждаетъ, что житіе написано до окончанія и освященія Успенскаго собора въ Москвѣ (въ августѣ 1327 г.); слѣдовательно, вскорѣ по прочтеніи авторомъ во Владимирскомъ соборѣ свитка чудесъ св. Петра (Ключевскій, житія святыхъ, 76—77).

⁷⁵⁾ У Павлова, въ Памятникахъ канонич. права № 2, 12—13, Рус. Ист. Библиот. т. IV; см. Степен. кн. I, 422.

мощей новоявленного угодника и установилъ въ честь его праздникъ (21 Декабря) во всей Русской Церкви.

Но если, какъ мы видѣли, канонизація св. Петра совершена была уже ранѣе, въ 1327 году, то естественно возникаетъ вопросъ: какое же значеніе и какаѣ были цѣль этой второй канонизаціи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны взять во вниманіе, съ одной стороны, характеръ прежней канонизаціи, а съ другой—тѣ политическія стремленія, какими съ этого времени задаются Москва и ея дѣятели. Первая канонизація св. Петра, совершонная еп. Прохоромъ, очевидно должна была имѣть только мѣстный характеръ. Между тѣмъ Москва уже съ конца XIII вѣка начинаетъ въ политическомъ отношеніи все болѣе и болѣе возвышаться и усиливаться, подчиняя своему вліянію другія удѣльныя княжества. Ея политическіе дѣятели употребляютъ все средства, чтобы предоставить гегемонію своему княжеству. Перенесеніе туда митрополіи, сдѣлавши ее центромъ всей Россіи въ церковномъ отношеніи, не только, такъ сказать, санкціонировало стремленія этого рода Московскихъ князей, но и способствовало еще болѣе ихъ осуществленію въ дѣйствительности, такъ какъ съ этого времени послѣдніе въ лицѣ митрополитовъ приобрѣли себѣ дѣятельныхъ помощниковъ, которые всегда шли рука объ руку съ князьями въ дѣлѣ возвышенія Москвы. Св. Петръ изъ церковныхъ дѣятелей является первымъ поборникомъ этой идеи. Онъ не только своею дѣятельностью старался осуществить ее, но и умирая благословилъ своего любимаго князя Ивана Даниловича идти въ томъ же направленіи, обѣщая ему и сѣмени его милость и благословеніе отъ Бога до вѣка⁷⁶⁾. Канонизація св. Петра, какъ поборника такихъ политическихъ стремленій, естественно должна была придать освященіе и этимъ послѣднимъ. Смотри же съ такой точки зрѣнія на эту канонизацію, мы поймемъ и цѣль, и значеніе ея. До сихъ поръ канонизація св. Петра имѣла только мѣстный характеръ. Послѣдній она долго бы сохранила, ибо удѣльнымъ князьямъ, желавшимъ во что бы-то ни стало сохранить свою самостоятельность, конечно, не могли нравиться поборники московскихъ идей, шедшихъ въ разрѣзъ со стремленіями этихъ князей. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что почитаніе св. Петра такъ и ограничилось бы только Москвой. Но это не было въ видахъ послѣдней. Какже заставить удѣльныхъ князей почитать св. Петра, патрона Москвы, или другими словами, какъ придать канонизаціи его всецерковный характеръ? Хотя митрополитъ и могъ самъ канонизо-

⁷⁶⁾ Степен. кн. I, 420.

вать св. Петра, но онъ не могъ заставитьъ всѣхъ удѣльныхъ князей, при ихъ независимости отъ Москвы, почитать его въ своихъ удѣлахъ. При томъ же митрополита могли заподозрить въ излишней привязанности къ Москвѣ и ея князю, въ ущербъ другимъ князьямъ. Оставалось одно средство, это обратиться къ Константинопольскому патриарху и его авторитетомъ заставитьъ удѣльныхъ князей и въ своихъ удѣлахъ почитать св. Петра, покровителя Москвы. Такимъ образомъ, какъ цѣль канонизаціи св. Петра, такъ и особенность, которую она представляетъ, совершившись черезъ Константинопольскаго патриарха, вполне объясняются тѣми политическими цѣлями, которыя хотѣли достигнуть чрезъ эту канонизацію⁷⁷⁾.

Св. Алексій, митрополитъ Московскій, скончался 12 февраля 1378 года и погребенъ былъ въ Чудовъ монастырь, имъ основанномъ. Открытіе мощей его произошло по слѣдующему случайному поводу. Однажды во время литургіи куполь храма св. Архистратига Михаила, въ которомъ погребено было тѣло св. Алексѣя, обрушился. По повелѣнію Самодержца и Первосвятителя стали строить новую церковь и, при копаніи рововъ для нея, обрѣли „многочудесныя мощи блаж. Алексія митрополита цѣлы и невредимы и ризы его не истлѣвшы“⁷⁸⁾. Вѣроятно съ этого времени и началось мѣстное почи-

⁷⁷⁾ Мощи св. Петра до 1472 года хранились въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ были положены сначала. Но въ этомъ году, по волѣ великаго князя Іоанна III и по благословенію митрополита Филиппа, съ благоговѣніемъ открыли надгробницу св. Петра и св. мощи его перенесены были въ новосозданный храмъ и положены были тутъ въ новой каменной ракѣ (П. С. Р. Л. VIII, 171—173).

По случаю паденія этого храма онъ вторично были перенесены въ 1475 году на время въ церковь Іоанна Лѣтвичника, и по совершенномъ сооруженіи Успенскаго собора въ 1479 году перенесены были сюда и положены подъ сводомъ. Послѣ этого перенесенія мощей св. Петра, праздникъ перенесенія ихъ установленъ въ 24 день Августа (VIII, 201—2).

⁷⁸⁾ Степен. кн. I, 470—73. Время открытіе мощей св. Алексѣя съ точностью трудно опредѣлять. В. О. Ключевскій допускаетъ, что оно произошло въ 1431 году и, слѣдовательно, при митрополитѣ Фотіи (стр. 134). Къ тому же году относитъ это событіе и преосвященный Филаретъ (Русск. Свят. Февр. 116). Между тѣмъ преосвященный Макарій, основываясь на словахъ епископа Питирима: „честныя мощи твоя въ шестьдесятое лѣто (т.е. послѣ погребенія св. Алексія) обрѣтошася не тлѣнны“, относитъ это событіе къ 1438 году (1378+60=1438) (т. VIII, 36). Которое изъ этихъ мнѣній признать болѣе справедливымъ? Намъ

таніе святителя Алексѣя. Но канонизація собственно церковная или учрежденіе праздника произошло уже позднѣе при митрополитѣ Іонѣ, на что мы находимъ указаніе въ одной слѣдовавшей псалтири XVI вѣка. Въ мѣсяцесловѣ, въ ней находящемся, празднико 12 февраля св. Алексія, митрополита Кіевскаго и всея Руси, — сопровождается слѣдующими дополнительными словами: „состави же ся по благословенію господина преосвященнаго архіепископа Святѣйшаго и всея Русі Іоны и прорассужденіемъ еже о немъ честнаго събора святительска, волею же христоролюбиваго и вседръжавнаго государя великаго князя Василя Василевича всея Русі и при благороднѣмъ и благочестивомъ сыну его великомъ князи Іоаннѣ Васильевичи всея Русі“⁷⁹⁾. Въ приведенномъ мѣстѣ мы не находимъ указанія, когда же именно установленъ былъ этотъ праздникъ митрополитомъ Іоною. Для опредѣленія года установленія празднованія св. Алексѣю намъ помогутъ свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ одной изъ редакцій его житія, именно третьей. Здѣсь между прочимъ говорится, что составленная Питиримомъ, еп. Пермскимъ, служба на день открытія мощей св. Алексія принесена была имъ къ митрополиту Іонѣ, который по совѣщаніи съ соборомъ епископовъ постановилъ праздновать память его 12 февраля и обрѣтеніе мощей — 20 мая⁸⁰⁾. А Питиримъ пріѣзжалъ въ Москву въ 1448 году, чтобы присутствовать на соборѣ для избранія Іоны въ митрополиты⁸¹⁾; слѣдовательно, не позднѣе этого года должна была совершиться и канонизація нашего святителя.

Самый ходъ канонизаціи св. Алексѣя, на основаніи извѣстій, сохранившихся въ житіяхъ его, можно представить себѣ слѣдующимъ образомъ. Послѣ обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей составляютъ

кажется, что первое. Ибо Питиримъ, опредѣляя время открытія мощей, могъ сказать приблизительно, взявъ круглую цифру 60. Притомъ тотъ же Питиримъ и его современники, рассказами которыхъ пользовался Пахомій, легче могли ошибиться въ числѣ лѣтъ, протекшихъ со смерти св. Алексѣя, чѣмъ въ имени митрополита, при которомъ произошло обрѣтеніе, бывшее на ихъ памяти (Ключевскій, 134). А митрополита большинство источниковъ, которые говорятъ объ этомъ событіи, называютъ Фотія (Ср. Степен. кн. I, 470, 73, 74).

⁷⁹⁾ Описаніе слав. рук. М. Син. Б-ки, III, I, 442—443. Въ манск. новымъ чудотворцамъ 1494 г., написанной въ Вологдѣ, подъ 12 февр. читаемъ: „Алексіа митрополита Московскаго состави жеся волею митрополита Іоны (Описан. рук. Соа. Б-ки, № 616 (518), стр. 358—360).

⁸⁰⁾ Ключевскій 134.

⁸¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 121—122.

прежде всего служба и житіе св. Алексія. Поводомъ къ составленію ихъ послужило, какъ разсказывается въ третьей редакціи житія, слѣдующее обстоятельство. Спустя много времени по открытіи мощей одинъ чудовскій іеромонахъ разсказалъ, что ему во снѣ явился св. Алексій и повелѣлъ епископу Питириму написать стихиры и канонъ въ память его ⁸²⁾. Дѣйствительно, епископъ Питиримъ „нѣчто мало о святѣмъ списа и канонъ тому въ похвалу изложи, слышавъ извѣстно о его житіи, паче же о самѣхъ чудесѣхъ, бывающихъ отъ раки бо-гоноснаго отпа“ ⁸³⁾. Написанная служба, вѣроятно, и житіе представлены были на соборъ 1448 года.

Служба, написанная еп. Питиримомъ, составлена была на день обрѣтенія мощей св. Алексія. Такимъ образомъ не было еще ни службы на 12 Февраля, ни сказанія объ обрѣтеніи мощей, такъ какъ Питиримъ, какъ можно видѣти изъ словъ житія св. Алексія, — „прочая же не успѣ, времени тако зовущи“ ⁸⁴⁾, — не успѣлъ этого сдѣлать. Между тѣмъ установленіе митрополитомъ Іоною празднованія и 12 Февраля, дня кончины святителя Алексія, вызывало потребность въ составленіи службы и на этотъ день, а равно и сказанія объ обрѣтеніи мощей его. Написать такое сказаніе вмѣстѣ съ службой на 12 Февраля и полнымъ житіемъ и было тогда же поручено соборомъ Пахомію. По крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ спискахъ службы св. Алексія, написанной Пахоміемъ, мы находимъ замѣтку, что она написана „по благословенію митрополита Іоны и собора и по волѣ великаго князя Василя Василіевича“ ⁸⁵⁾. Порученіе относительно житія Пахомій исполнилъ позднѣе, въ 1459 году ⁸⁶⁾, но службу и повѣсть объ обрѣтеніи мощей, какъ болѣе нужныя для Церкви, онъ долженъ былъ написать скорѣе. И дѣйствительно, какъ можно заключать изъ заглавія послѣдней: „по преставленіи св. Алексія минувшимъ лѣтомъ мало мнѣ семидесятимъ паки (послѣ Питирима) составися повѣсть сія іеромонахомъ Пахоміемъ“, та и другая должны бытъ написаны около 1450 года ⁸⁷⁾.

Преподобнаго Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и благовѣрнаго князя Феодора Смоленскаго и Ярославскаго и чадъ его,

⁸²⁾ Ключевскій, 134.

⁸³⁾ Степен. кн. I, 445.

⁸⁴⁾ Степен. кн. I, 445.

⁸⁵⁾ Рукон. Трефол. Тр. Л. № 528 и Волок. сб. М. Д. А. № 634.

⁸⁶⁾ По Филарету въ 1460 г. См. Обзоръ Духов. Литер., § 95.

⁸⁷⁾ Ключевскій, стр. 136.

Давида и Константина мы относимъ точно также къ первому классу, хотя о канонизаціи всѣхъ этихъ святыхъ всеобщей, а не мѣстной, мы не находимъ ясныхъ свидѣтельствъ. Основаніемъ для насъ въ данномъ случаѣ по отношенію къ преп. Сергію служитъ то соображеніе, что трудно допустить, чтобы послѣднему, таѣмъ почитавшемуся великими князьями Московскими, не было до половины XV вѣка установлено праздника, или другими словами, чтобы онъ до сихъ поръ формально не былъ причтенъ къ лику святыхъ. Что же касается до остальныхъ двухъ святыхъ: Кирилла Бѣлоозерскаго и благовѣрнаго князя Феодора Смоленскаго и чадъ его, то основанія, по которымъ мы относимъ ихъ къ этому классу, будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Св. Сергій Радонежскій, основавшій Троицкую Сергіеву Лавру, скончался 25 Сентября 1392 года. Прославленіе его началось лѣтъ черезъ 30 послѣ его кончины, именно со времени открытія мощей его. Послѣднее, какъ разсказывается въ житіи преп. Сергія, написанномъ Епифаніемъ, совершилось слѣдующимъ образомъ. Одинъ благочестивый мужъ, имѣя велію вѣру къ почившему угоднику, часто приходилъ молиться къ его гробу. Однажды во время молитвы ему, какъ бы въ тонкомъ снѣ, явился преп. Сергій и сказалъ: „возвѣсти игумену обители сея, вскую мя остависте толико время во гробѣ землю покровенна, водѣ утѣсняючи тѣло мое“⁸⁸⁾. Это видѣніе онъ послѣшилъ сообщить ученику преп. Сергія Никону, бывшему тогда игуменомъ. Послѣдній возвѣстилъ объ этомъ всему братству обители и общимъ совѣтомъ рѣшили открыть мощи преподобнаго. Открытіе произошло въ присутствіи князя Георгія Дмитріевича и при стеченіи многочисленнаго народа. Когда открыли гробъ, то увидѣли, что „не токмо честное и св. тѣло цѣло и свѣтло соблюдется, но и одежда его, въ ней же погребенъ бысть, цѣла баше, всякому тлѣнію никакоже сопричастна, и вода отъ обою страну ковчега стояше видима, тѣлеси же святаго, ни ризы его, никакоже прикасаема“⁸⁹⁾. Сотворивша же праздникъ радостенъ мѣсяца Іюля въ пятый день и въ раку честно положиша со псалмы и пѣсньми, видѣле и донныѣ честныя его и многоцѣлебныя мощи, всѣми видимы, исцѣленія неоскудно подавають вѣрою приходящимъ“⁹⁰⁾. Это открытіе мощей совершилось 5-го Іюля 1422 года, чрезъ 30 лѣтъ послѣ кончины преп. Сергія. Съ этого времени, говоритъ преосвященный Макарій, установленъ праздникъ

⁸⁸⁾ Церк. Истор. митр. Макарія, т. IV, прилож. XIX—XX, 355.

⁸⁹⁾ Житіе пр. Сергія—Церк. Истор. митр. Макарія т. IV, 156.

⁹⁰⁾ Ibid.

5-го Юля въ честь преп. Сергія ⁹¹⁾. Но съ такимъ мнѣніемъ о времени канонизаціи преп. Сергія едва ли можно согласиться. Прежде всего мы нигдѣ не находимъ извѣстій, чтобы со времени открытія мощей преп. Сергія установленъ былъ ему всеобщій праздникъ. Правда, есть мѣсто въ приведенномъ выше отрывкѣ житія его, гдѣ, повидимому, говорится о такомъ праздникѣ ⁹²⁾. Но это указаніе нельзя принимать въ смыслъ установленія праздника въ честь преподобнаго Сергія и на будущее время: оно говоритъ только о томъ, что день открытія мощей сопровождался празднованіемъ. Затѣмъ, долгое время послѣ открытія мощей не было составлено ни службы преп. Сергію, ни житія его, которое могло бы читаться въ церкви послѣ 6-й пѣсни канона ⁹³⁾. Все это, по нашему мнѣнію, можетъ говорить о томъ, что преп. Сергій не былъ канонизованъ при открытіи его мощей въ томъ собственномъ смыслѣ, чтобы въ память его былъ установленъ всеобщій праздникъ. Можно только думать, что съ этого времени именно началось мѣстное его почитаніе ⁹⁴⁾.

Если же преп. Сергій не былъ формально причтенъ въ велику святыхъ непосредственно вѣдѣ за открытіемъ его мощей, то, естественно, возникаетъ вопросъ, когда же это случилось и какъ? На первую половину вопроса, хотя и предположительно, можно еще отвѣтить; на вторую же половину вопроса,— о томъ, какъ онъ причисленъ: соборомъ ли русскихъ архипастырей, или однимъ только митрополитомъ, за неимѣніемъ данныхъ, отвѣтить положительно невозможно.

То великое уваженіе, какимъ преп. Сергій пользовался при жизни и послѣ своей блаженной кончины, его великое значеніе для сѣвернаго монашества и, наконецъ, чудеса, совершавшіяся отъ его мощей,—все это не позволяетъ намъ слишкомъ далеко относить начало

⁹¹⁾ Церк. Ист. митр. Макарія, т. IV, 254; сл. т. VIII, 30, прим. 35.

⁹²⁾ „Сотвориша же праздникъ радостенъ мѣсяца Юля въ пятый день“.

⁹³⁾ Житіе Епифанія, хотя и явилось ранѣе открытія мощей преп. Сергія (спустя 26 лѣтъ послѣ смерти—слѣд. въ 1417—18 г.), но оно неудобно было для чтенія въ церкви: оно было слишкомъ обширно для этого и притомъ ничего не говорило ни объ открытіи мощей святаго, ни о чудесахъ, послѣ того совершившихся.

⁹⁴⁾ Проложное сокращеніе житія Епифанія, по всей вѣроятности—принадлежащее Нахومیю, оканчивается въ рукописяхъ привиской: съвршається съборъ его (преп. Сергія) въ томъ же монастыри, идѣже положень бысть, мѣсяца септеврія 25 (Голубинскій, преп. Сергій Радонеж. 98).

всеобщаго почитанія его. Правда, извѣстно, что празднованіе преп. Сергію въ Новгородѣ началось не ранѣе конца XV в. ⁹⁵⁾; но это, какъ увидимъ ниже, условливалось особенными причинами, вслѣдствіе которыхъ почитаніе святыхъ за весь этотъ періодъ отличалось преимущественно мѣстнымъ характеромъ. Вообще же начало всеобщаго празднованія преп. Сергію нельзя относить далѣе конца первой половины XV вѣка, когда имя его, какъ святаго и чудотворца, начинаетъ намъ встрѣчаться въ святцахъ, въ официальныхъ актахъ и другихъ памятникахъ наравнѣ съ ранѣе уже признанными святыми: Петромъ и Алексіемъ, митрополитами Московскими, Леонтіемъ, еп. Ростовскимъ, и др., а главное приблизительно въ это же время явились житіе и служба ему. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя Сергія, какъ уже прославленнаго святаго, наравнѣ съ митрополитами Московскими Петромъ, Алексіемъ и епископомъ Ростовскимъ Леонтіемъ, въ лѣтописи подъ 6956 (1448) годомъ и въ посланіи митрополита Іоны того же года. Въ лѣтописи подъ этимъ годомъ разсказывается о походѣ в. к. Василія на Шемаю. Послѣдній, убоявшись, сталъ просить у вел. князя мира „и крестъ на томъ цѣловаль и грамоты проклятыя на себя далъ“, въ которыхъ на ряду съ чудотворцами—Петромъ, Алексіемъ и Леонтіемъ—поминаетъ и Сергія, игумена, чудотворца ⁹⁶⁾. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи 1448 года причисляетъ преп. Сергія къ числу великихъ чудотворцевъ наравнѣ съ преп. Кирилломъ Бѣлозерскимъ ⁹⁷⁾. Послѣднее свидѣтельство, принадлежащее митрополиту, главѣ Русской Церкви, для насъ должно быть особенно важно. Время составленія какъ службы, такъ и житія преп. Сергія В. О. Ключевскій относитъ ко времени между 1449—1459 годами, когда Пахомій Логоетъ, авторъ ихъ, жилъ въ Лаврѣ ⁹⁸⁾. По своему характеру житіе преп. Сергія, написанное Пахоміемъ, про-

⁹⁵⁾ При архіеп. Іонѣ, впервые построившемъ въ Новгородѣ церковь во имя преп. Сергія около 1460—63 г. (Памяти. Стар. Р. Лт. т. IV, 33; см. 2 Новгород. Лѣт. 141—постави владыка Іона (церковь) св. Сергія въ лѣто 6971 (1463 г.).

⁹⁶⁾ П. С. Р. Л. т. VIII, 121.

⁹⁷⁾ А. П. т. I, № 43, стр. 87.

⁹⁸⁾ Ключевскій, 119. Можно, кажется, точнѣе опредѣлить время составленія этого житія. Въ каноникѣ Тр. С. Л. XVI в. № 264, между прочимъ, говорится въ послѣсловіи къ житію преп. Сергія: „въ лѣто 6900 мѣсяца сентября 25 преставися Сергій чудотворецъ, а жилъ лѣтъ 78. Въ лѣто 6967 (1459) индикта 6 и пр.“. Послѣднее и есть, кажется, точная дата времени появленія житія.

ложное. Очевидно, что оно писалось для чтенія въ церкви на праздникъ памяти святаго. На такой характеръ житія, между прочимъ, указываетъ и находящееся въ немъ обращеніе къ предстоящей братіи, призывающее ее достойно праздновать память святаго⁹⁹⁾. Съ другой стороны, до Пахомія не было составлено службы преп. Сергію; Пахомій первый составилъ ему службу, которая встрѣчается уже въ рукописномъ сборникѣ 1459 года и притомъ на 25 Сентября, день смерти этого святаго. Составленіе службы и житія можетъ уже говорить о существованіи праздника преп. Сергію и не только 5-го Іюля, но и 25-го сентября, какъ показываетъ служба Пахомія, написанная имъ на день преставленія его. Приведенныя нами данныя говорятъ о томъ, что къ половинѣ XV вѣка, именно къ 1448 году, преп. Сергій былъ уже прославленнымъ нашею Церковью угодникомъ; но когда это случилось, точной даты мы не находимъ. То обстоятельство, что имя преп. Сергія, какъ святаго, встрѣчается намъ впервые въ посланіи митрополита Іоны, какъ будто говоритъ о томъ, что преп. Сергій канонизованъ на томъ же самомъ соборѣ 1448 года, на которомъ канонизованъ и св. Алексій. Такому предположенію не противорѣчить и время появленія службы и житія преп. Сергію. Вѣроятно, митрополитъ Іона, причисливъ преп. Сергія къ лику святыхъ, потомъ и далъ Пахомію порученіе составить службу и житіе этого святаго, которое Пахомій и исполнилъ когда-то между 1449—1459 гг. Нашъ выводъ о началѣ всеобщаго празднованія преп. Сергію отчасти подтверждается и тѣмъ, что съ половины XV вѣка имя преп. Сергія начинаетъ встрѣчаться въ святцахъ и богослужебныхъ книгахъ. Такъ, имя его мы находимъ въ святцахъ 1487 года¹⁰⁰⁾, и въ мѣсяцесловѣ, находящемся при Слѣдованной Псалтири XV в.¹⁰¹⁾ Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другомъ подъ 25 Сентября мы читаемъ: „преставленіе преп. Сергія Радонежскаго“. Затѣмъ имя преп. Сергія мы встрѣчаемъ въ служебникѣ XV в., въ молитвѣ — егда молвити о здравіи государю, вмѣстѣ съ именами: Петра, Алексія, митрополитовъ Московскихъ, Леонтія, еп. Ростовскаго, преп. Кирилла Бѣлоозерскаго и Варлаама

⁹⁹⁾ Въ сборникѣ Тр. С. Л. № 466, 1505 г., л. 270 служба Сергію, составленная Пахоміемъ, сопровождается припиской: „и на ней чтеніе: приидите, честное и святое постникъ слово“; этими словами начинается Пахоміево житіе Сергія; значить, оно читалось въ церкви.

¹⁰⁰⁾ Описан. рукоп. Тр. С. Л. № 761.

¹⁰¹⁾ Описан. рук. Син. Библ. III, I, 418.

Хутынского ¹⁰²). Въ псалтири съ возлѣдованіемъ 1474 года, писанномъ въ Кіевѣ, мы находимъ и имя преп. Сергія ¹⁰³); наконецъ, въ минеѣ 1494 г., писанной въ Вологдѣ, мы находимъ канонъ преп. Сергію, составленный Пахоміемъ ¹⁰⁴).

Преп. Кирилль Бѣлоозерскій, основатель Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, скончался 9-го Іюня 1427 года. Канонизація его совершилась сравнительно очень рано. Такъ уже митрополитъ Іона въ 1448 году въ своемъ посланіи причисляетъ преп. Кирилла Бѣлоозерскаго къ числу великихъ чудотворцевъ, наравнѣ съ преп. Сергіемъ Радонежскимъ ¹⁰⁵). Точной записи однако о времени канонизаціи преп. Кирилла мы не находимъ; но то обстоятельство, что имя его, какъ прославленнаго святаго, встрѣчается намъ впервые въ посланіи митрополита Іоны, какъ будто говорить о томъ, что преп. Кирилль канонизованъ на томъ же соборѣ 1448 года, на которомъ канонизованы св. Алексій и Сергіи Радонежскій. Житіе и служба преп. Кирилла Бѣлоозерскаго явились гораздо позднѣе его канонизаціи, и составлены Пахоміемъ Логоетомъ по порученію высшей власти нашей Церкви. Въ житіи преподобнаго Пахомій пишетъ, что по благословенію митр. Θεодосія и повелѣнію великаго князя Василя Васильевича онъ отправился въ Кирилловъ монастырь, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія для біографіи святаго ¹⁰⁶). Точнѣе время этой поѣздки можно опредѣлить чрезъ сопоставленіе года избранія Θεодосія на митрополию съ годомъ смерти в. к. Василя Васильевича. Первый возведенъ на митрополию въ Маѣ 1461 года, а великій князь Василій умеръ въ Мартѣ 1462 года; значитъ, Пахомій ѣздилъ на Бѣлоозеро въ этотъ промежутокъ времени. Но изъ словъ автора въ предисловіи можно замѣтить, что эта обширная біографія написана уже по смерти Василя и приблизительно, какъ думаетъ Блжочевскій, около 1470 года ¹⁰⁷). Служба преп. Ки-

¹⁰²) Описан. рук. М. Д. А. Арх. Леонида № 182; конецъ молитвы: „спаси Господи и помилуй государя нашего благовѣрнаго князя Івана Васильевича“.

¹⁰³) Описан. рук. М. Д. А. Арх. Леонида № 69.

¹⁰⁴) Описан. рук. Солов. Библ. № 616 (518); кромѣ того, канонъ преп. Сергія мы находимъ въ каноникѣ Тр. С. Л. № 255 XV в. и службу ему въ толковомъ Апостолѣ того же вѣка въ рук. Тр. С. Л. № 116.

¹⁰⁵) А. Н. т. I. № 43, 87.

¹⁰⁶) Рукоп. сбор. Тр. С. Л. XV+XVI в. № 764, л. 2.

¹⁰⁷) Блжочевскій, 123.

риллу, составленная тѣмъ же Пахоміемъ, встрѣчается намъ въ спискахъ конца XV вѣка¹⁰⁸⁾. Съ вѣроятностью можно думать, что послѣдняя составлена вмѣстѣ съ житіемъ и по тому же благословенію митр. Θεодосія и повелѣнію великаго князя Василя Васильевича.

Благовѣрный князь Смоленскій и Ярославскій Θεодоръ и чада его—Давидъ и Константинъ, жившіе въ концѣ XIII и началѣ XIV вв.¹⁰⁹⁾, погребены были вмѣстѣ въ Ярославль, въ монастырѣ св. Спаса. Прославленіе ихъ начинается со времени открытія мощей ихъ, совершившагося въ 1463 году. Самый процессъ открытія по многимъ чертамъ настолько интересенъ и типиченъ, что мы разсмотримъ его подробнѣе. До 1463 года тѣла св. князей покоились во гробѣ на верху земли. По какой-то неизвѣстной причинѣ въ 1463 году „совѣтъ же сотвори игумень и весь священный соборъ съ благовѣрнымъ великимъ княземъ Александромъ Θεодоровичемъ да сошедшася положить мощи ихъ въ землю съ великою честію въ той же церкви св. Спаса, гдѣ онѣ и прежде лежали“. Но когда приступили къ исполненію этого намѣренія, то отъ святыхъ мощей совершилось нѣсколько чудесъ, которыя всѣхъ поразили и удивили. Прѣжнее намѣреніе было оставлено: мощи опять оставили лежать поверхъ земли, и надъ ними стали пѣть молебны. Объ этихъ новоявившихся мощахъ донесено было мѣстному епископу Трифону Ростовскому, который отнесся съ недовѣріемъ къ нимъ. Между тѣмъ чудеса отъ святыхъ мощей продолжали совершаться все болѣе и болѣе и, слыша объ нихъ, Трифонъ, наконецъ, вынужденъ былъ послать въ Ярославль Ростовскаго протопопа для обслѣдованія дѣла. Этотъ протопопъ, именемъ Константинъ „иже бѣ мужъ честенъ и сановитъ и божественныхъ писаній рачитель, но естествомъ гордъ бѣ“, отправляется въ Ярославль, чтобы „дозрѣти чудотворцевъ, како будутъ въ тѣлеси лежать, и како исцѣленія многа творятъ, истинна ли то будетъ или лжа на прелесть челоувѣкомъ“. Явившись въ храмъ, гдѣ лежали мощи чудотворцевъ и „яряся на игумена, мня симъ чудотвореніемъ игумень много богатство приобрѣте, еже приношаху гражане на молебны къ рацѣ ихъ приходяще“, протопопъ съ дерзостью приступилъ къ освидѣтельствуванію мощей, но былъ пораженъ невидимою силой, поверженъ на землю и онѣмѣлъ. Архіепископъ Трифонъ, услышавъ объ

¹⁰⁸⁾ Трѣф. Тр. С. Л. XV в. № 613, л. 764.

¹⁰⁹⁾ Въ лѣтописяхъ кончина князя Θεодора записана подъ 1299 годомъ, 19 сентября (IV, 46; V, 203); кончина кн. Давида подъ 1321 годомъ (VII, 198), годъ кончины князя Константина неизвѣстенъ.

этомъ, также за свое невѣріе наказанъ былъ разслабленіемъ всѣхъ своихъ членовъ. Отказавшись отъ архіепископіи, онъ удалился въ монастырь св. Спаса, гдѣ лежатъ мощи чудотворцевъ, чтобы своимъ раскаяніемъ получить себѣ прощеніе отъ Бога ¹¹⁰⁾. Со времени этого открытія мощей, вѣроятно, и началось мѣстное почитаніе Ярославскихъ чудотворцевъ. На это указываетъ уже то, что непосредственно за этимъ открытіемъ, какъ мы видѣли, имъ начали пѣть молебныя. Но это мѣстное почитаніе скоро переходитъ во всеобщее. Чудеса, которыя совершались отъ мощей этихъ угодниковъ, затѣмъ извѣстныя уже исторія съ еп. Трифономъ, все это не могло не дойти до слуха великаго князя и митрополита и не возбудить въ нихъ вѣры въ ново-явившихся чудотворцевъ. И мы дѣйствительно видимъ, что вскорѣ же отъ великаго князя Ивана Васильевича и митрополита Филиппа іеромонаху Спасскаго монастыря Антонію дается порученіе составить житіе благовѣрныхъ князей Θεодора, Давида и Константина ¹¹¹⁾, которое и должно было явиться не позднѣе 1473 года, когда скончался митрополитъ Филиппъ ¹¹²⁾. Можно думать, что около этого же времени появилась и служба имъ. По крайней мѣрѣ уже въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1476—1482 гг. находимъ тропари и кондаки какъ на убіеніе князя Θεодора, такъ и на открытіе мощей его ¹¹³⁾, а въ рукописномъ Трефологѣ Тр. С. Л. XV в. мы уже находимъ на 19 Сентября и полную имъ службу ¹¹⁴⁾. А такъ какъ время появленія житія и службы говоритъ уже о церковномъ

¹¹⁰⁾ Житіе благовѣрныхъ князей Ярославскихъ помѣщено въ Четвы-Миле-яхъ Макарія (изд. Арх. Ком.) Сентябрь подъ 19 ч., л. 1255—1282 г. Стеней. кн. I, 392—401; II. С. Р. Л. VI, 185—187; VIII, 150; Ник. Лѣт. VI, 1—2; Соф. Врем. II, 92—93.

¹¹¹⁾ Объ этомъ прямо говорится въ заглавіи житія, составленнаго Антоніемъ; составлено же бысть сіе житіе и чудеса ермонахомъ инокомъ Антоніемъ того же монастыря св. Спаса, благолѣннаго его преображенія; по благословенію господина преосвященнаго митрополита Филиппа, волею же боголюбиваго и вседержавнаго государя, великаго князя Іоанна Васильевича ипроч. (Ч. М. Макарія Сент. 1261).

¹¹²⁾ Преосв. Филаретъ (Обзоръ Дух. Лит. 100) относитъ житіе къ 1465 г., но В. О. Ключевскій опредѣляетъ время написанія житія между 1471—1473 гг. на томъ основаніи, что біографъ о князѣ, при которомъ произошло открытіе мощей, говоритъ какъ будто его уже не было на свѣтѣ, а онъ умеръ въ 1471 г.

¹¹³⁾ Митр. Макарій, Церк. Ист. VIII, 39.

¹¹⁴⁾ Арсеній, Описаніе рук. Тр. С. Л. стр. 193.

прославленіи того или другого святаго, то и въ данномъ случаѣ можно думать, что по волѣ того же великаго князя и благословенію митрополита Филиппа, по порученію которыхъ было составлено житіе, установлено было празднованіе Ярославскимъ чудотворцамъ и не только мѣстное, но и по всей Россіи. Такимъ образомъ, канонизація св. князей Θεодора, Давида и Константина, начавшись открытіемъ ихъ мощей, при чемъ мы впервые встрѣчаемся съ фактомъ свидѣтельства ихъ, потомъ совершена была митрополитомъ, установившимъ съ согласія великаго князя всеобщее празднованіе имъ.

Преп. Варлаамъ Хутынской, основатель Хутынскаго близъ Новгорода монастыря, скончался 6 Ноября 1192 года. Среди Новгородцевъ онъ своимъ благочестіемъ еще при жизни своей приобрѣлъ великое уваженіе и почитаемъ былъ ими за великаго угодника Божія. Обильныя исцѣленія ознаменовали святость его при самомъ погребеніи, и память его болѣе всѣхъ угодниковъ Божіихъ, коими прославился великій Новгородъ, близка была сердцу Новгородцевъ. Въ виду сказаннаго естественно предположить, что почитаніе памяти этого святаго должно было бы начаться вскорѣ же послѣ его смерти, по крайней мѣрѣ въ Новгородской землѣ. А между тѣмъ до конца XIII и начала XIV вв. мы не находимъ никакихъ слѣдовъ, даже и мѣстнаго чествованія преп. Варлаама, и только въ это время находимъ нѣкоторыя указанія на то, что память его начинаетъ уже чествоваться церковнымъ образомъ. На чествованіе такого рода указываетъ то обстоятельство, что въ XIII вѣкѣ мы находимъ проложное житіе его, встрѣчающееся намъ въ прологахъ XIII и XIV вв.¹¹⁵⁾ Если же существовало житіе, которое, какъ можно заключать по формѣ его, имѣло церковное употребленіе, читаясь въ день памяти святаго, то уже а priori можно полагать, что существовала тогда же и служба святому. И дѣйствительно, въ первой половинѣ XV в., именно въ минеѣ 1438 года мы встрѣчаемъ и житіе и полную службу преп. Варлааму¹¹⁶⁾. Наконецъ, въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ еще одинъ фактъ, который уже несомнѣнно свидѣтельствуемъ, что преп. Варлаамъ въ началѣ XV в. чтился въ Новгородѣ, какъ прославленный святой. Такъ, въ первой Новгородской Лѣтописи подъ 6918 (1410) годомъ мы читаемъ: „того же лѣта Варлаамъ архимандритъ постави церковь камену въ воротѣхъ монастыря Лиситьскаго, во имя преп. Варлаама,

¹¹⁵⁾ Митр. Макарій, Церк. Истор., т. VIII, 36—7.

¹¹⁶⁾ Изв. Ак. т. VI, 295.

игумена св. Спаса Хутыньскаго¹¹⁷⁾. Но когда совершилась эта мѣстная канонизація этого святаго, за недостаткомъ данныхъ, опредѣлить точно невозможно. Съ теченіемъ времени однако мѣстное почитаніе преп. Варлаама мало по малу распространяется и за предѣлы Новгородской епархіи. На это распространеніе памяти Варлаама можетъ отчасти указывать извѣстный намъ изъ лѣтописи тотъ фактъ, что отрокъ Тумгень, москвичъ, имѣлъ уже житіе и канонъ этого святаго. Затѣмъ, въ половинѣ XV вѣка мы находимъ нѣкоторыя данныя, которыя свидѣтельствуютъ о большемъ оживленіи въ это время памяти преп. Варлаама какъ въ Новгородѣ, такъ за нимъ и въ другихъ областяхъ Руси, что вполне объясняется цѣлымъ рядомъ чудесъ, совершенныхъ преп. Варлаамомъ въ это время. Въ Новгородѣ это оживленіе памяти святаго выразилось въ томъ, что появляются новыя редакціи его житія и службы. Такъ, когда извѣстный уже намъ составитель каноновъ Пахомій Логоетъ прибылъ въ Новгородъ, то владыка Евфимій (раньше Марта 1459 года) поручилъ ему съѣздить въ обитель Варлаама, чтобы собрать свѣдѣнія о чудесахъ его, и написать его житіе¹¹⁸⁾. Послѣднее, равно какъ и канонъ ему¹¹⁹⁾, писанный тѣмъ же Пахоміемъ, по порученію архіепископа Іоны, явились, правда, позднѣе, именно въ 1460 году¹²⁰⁾, тѣмъ не менѣе эти заботы новгородскихъ владыкъ о составленіи житія и службы святому такимъ знаменитымъ творцомъ каноновъ, какимъ считался Пахомій, могутъ свидѣтельствовать и о заботахъ ихъ о большемъ прославленіи преп. Варлаама. Кромѣ того, сохранилось извѣстіе, впрочемъ въ позднѣйшихъ спискахъ житія Варлаама, что владыка Евфимій думалъ открыть мощи его¹²¹⁾. Не знаемъ, почему эта попытка не осуществилась; но такія заботы, однако, въ концѣ концовъ достигли цѣли. Въ 1460 году пріѣхалъ въ Новгородъ великій князь Василій Васильевичъ. Въ свитѣ его былъ одинъ отрокъ, по имени

¹¹⁷⁾ П. С. Р. Л. т. 3, 104; см. 3 Новгор. Л. 235, 4 Нов. л. 112.

¹¹⁸⁾ Блжочевскій, 122.

¹¹⁹⁾ Канонъ преп. Варлаама, сочиненный Пахоміемъ, находится въ слѣдованной Псалтири Тр. С. Л. 1462—1490 г. № 308, л. 234. (Описаніе рук. Тр. С. Л. Арсенія, стр. 82).

¹²⁰⁾ Филаретъ, Обзоръ Дух. Литер. 95; Церк. Истор. митропол. Макарія, т. VIII, 54.

¹²¹⁾ Блжочевскій, 122; Амвросій, Истор. Россійск. іерархіи т. II, 264; гр. Толстой, Святини и древности Новгорода, 187—88.

Тумгень, котораго преп. Варлаамъ воскресилъ изъ мертвыхъ ¹²²⁾. Это чудо и послужило побужденіемъ къ началу празднованія преп. Варлааму и въ Москвѣ. Подъ 6969 (1461) годомъ, т. е. подъ слѣдующимъ же непосредственно годомъ, когда случилось это чудо, въ лѣтописяхъ мы читаемъ: „того же лѣта поставлена бысть церковь на Москвѣ каменна св. Іоаннъ Предтеча, иже предѣль имать св. о. Варлаама Новгородскаго, великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ; *Варлаама же оттоль начаша праздновати на Москвѣ*“ ¹²³⁾. Съ этого же времени и начинается всеобщее празднованіе преп. Варлааму во всей Русской Церкви.

¹²²⁾ П. С. Р. Л. т. VI, прибавл. 321—325.

¹²³⁾ П. С. Р. Л. т. VI, стр. 184; Соф. Вр. II, 86.— Мощи преп. Варлаама почиваютъ подъ спудомъ, въ аркѣ между соборною церковью и южнымъ Покровскимъ придѣломъ (Толстой, Святѣи и древности Новгорода В. 190). Были двѣ попытки къ ихъ открытію. Объ одной, какъ мы видѣли, упоминается въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ житія. Владыка Евфимій, послѣ трехнедѣльнаго поста въ обители и многихъ всенощныхъ бдѣній, вмѣстѣ съ игуменомъ Тарасіемъ и инокомъ Іоанномъ, приступили къ открытію гроба. Владыка сталъ у главы, а игумень у ногъ раки, и вмѣстѣ сняли они каменную доску, прикрывавшую гробъ. Тогда увидѣли честныя мощи, „на верху земли лежаща и ничимже не врежены, не разрушены и весь образъ его, и браду его видѣша, яко же и на иконѣ написанъ, воистину тѣмъ подобіемъ, иже надъ мощьми чудотворца образъ“. (Ibid. 188). Кажется, что это открытіе мощей преп. Варлаама владыкою Евфиміемъ было тайное, потому что въ противномъ случаѣ трудно объяснить то обстоятельство, что Наванайлъ (о немъ ниже), у котораго эта попытка должна быть еще на свѣжей памяти, ничего не зналъ о ней. Описаніе другой попытки мы находимъ въ лѣтописяхъ, гдѣ разсказывается, что великій князь Іоаннъ Васильевичъ въ 1471 году, пришедши въ Хутынъ на поклоненіе преподобному, спросилъ игумена Наванайла: „для чего не открываютъ гробъ чудотворца, чтобы можно было приложиться къ мощамъ его?“ Игумень смиренно отвѣчалъ, что намъ не вѣдомы мощи чудотворца Варлаама, и какъ положенъ бысть, на верху земли или въ землѣ, того не вѣмы; а иконы не смѣетъ никто дерзнуть зрѣти мощей чудотворцевыхъ, ни отъ великихъ князей Россійскихъ, ни архіепископы, ни отъ рода боярська, даже и до днесь, дондеже Богъ благоволитъ, или отъ великія вѣры кому Богъ извѣститъ и чудотворецъ Варлаамъ“. Тогда князь дерзновенно велѣлъ поднять доску и копать землю, но внезапно поднялся отъ гроба высокой дымъ и затѣмъ пламень. Князь приказалъ „престати копати и съ уакомъ поиде изъ церкви“ (З Новгор. Лѣт. 241 — 242), оставивъ тамъ желъ, который и доселѣ хранится въ Хутынскомъ монастырѣ.

II.

Ко второму классу святыхъ мы относимъ тѣхъ изъ нихъ, которые долгое время почитались только мѣстно и всеобщее прославленіе которыхъ началось не ранѣе конца XV и начала XVI вѣковъ; при чемъ мы не находимъ никакихъ указаній на то, какимъ образомъ всѣ эти святые изъ мѣстныхъ угодниковъ сдѣлались всецерковными, или другими словами,—не находимъ указанія на ихъ всеобщую канонизацію. Чтò послужило причиной такой перемѣны въ характерѣ почитанія всѣхъ этихъ святыхъ,—мы увидимъ это впоследствии, когда будемъ говорить о характерѣ канонизаціи за весь этотъ періодъ. А что такая перемѣна совершилась, это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что имена ихъ мы встрѣчаемъ въ концѣ XV и началѣ XVI вв. въ святцахъ и мѣсяцесловахъ, помѣщаемыхъ обыкновенно въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгахъ, наравнѣ со святыми перваго класса; во-вторыхъ, авторъ житія св. Іоны, митрополита Московскаго, перечисляя святыхъ, канонизованныхъ соборами 1547 и 1549 годовъ, дѣлаетъ перечень и тѣхъ святыхъ, которымъ до нихъ праздновалось во всей Русской Церкви. Въ этомъ перечнѣ мы встрѣчаемъ имена всѣхъ святыхъ, которыхъ мы относимъ ко второму классу¹²⁴).

Къ этому классу мы относимъ слѣдующихъ святыхъ: св. Михаила, князя Черниговскаго и боярина его Θεодора, св. Исая и Игнатія, епископовъ Ростовскихъ, и преподобныхъ: Димитрія Прилуцкаго, Никиту Переславскаго, Авраамія Ростовскаго, Антонія Печерскаго.

При обзорѣ исторіи прославленія всѣхъ этихъ святыхъ Русскою Церковью, мы будемъ сперва указывать время совершенія мѣстной канонизаціи, если, конечно, о ней сохранились извѣстія, а затѣмъ уже—время, не позднѣе котораго началось всеобщее празднованіе въ Русской Церкви памяти того или другого изъ этихъ святыхъ. Начнемъ свое обзорѣніе исторіи канонизаціи этого класса святыхъ съ св. благовѣрнаго князя Черниговскаго Михаила и его боярина Θεодора.

Святый благовѣрный князь Черниговскій Михаилъ и его бояринъ Θεодоръ были убиты въ Ордѣ, по повелѣнію хана Батые 20 Сентября 1245 года за то, что не хотѣли пройти сквозь разложенный предъ ставкою хана священный огонь и поклониться кумирамъ. По убіеніи

¹²⁴) Ключевскій, Житія, прилож. IV, 462.

тѣла ихъ были выброшены на снѣдѣніе псамъ¹²⁵⁾. Но въ продолженіе многихъ дней они сохранялись неповрежденными, причемъ „столпъ огнень отъ земли до небесе явися надъ тѣлесема ею; сіяющъ пресвѣтлыми лучами на утверженъе христьяномъ, и на обличеніе тѣмъ, иже оставиша Бога“¹²⁶⁾. Затѣмъ, немного времени спустя послѣ смерти ихъ, мощи перенесены были въ Черниговъ, гдѣ и хранились до 1578 года. Въ этомъ году царь Іоаннъ, „соборне совѣтовавше съ отцомъ своимъ митрополитомъ Антоніемъ и со святители Русскія земли и со всеѣмъ освященнымъ соборомъ“, написалъ къ Черниговскимъ угодникамъ посланіе, приглашая ихъ „яко живыхъ“ въ престольный градъ¹²⁷⁾. Мощи дѣйствительно были перенесены и въ память этого перенесенія былъ установленъ праздникъ 14 Февраля и построена церковь во имя Черниговскихъ чудотворцевъ.

Св. князь Михаилъ и его бояринъ Феодоръ, погибшіе за свою ревность и преданность вѣрѣ Христовой, явились въ нашей Церкви первыми ея мучениками. Поэтому, очень вѣроятно, что память ихъ стала мѣстно чтиться вскорѣ же послѣ ихъ мученической кончины. Такое предположеніе очень вѣроятно, если мы примемъ во вниманіе, что мощи св. мучениковъ вскорѣ же были перенесены въ свой родной городъ, и вскорѣ же явилось житіе ихъ, написанное, какъ думаетъ преосвященный Макарій, очевидцемъ¹²⁸⁾. Но когда совершилась собственно канонизація ихъ, на это, за неимѣніемъ положительныхъ извѣстій, отвѣтить невозможно; можно только дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

До XIV вѣка имя черниговскихъ мучениковъ не встрѣчается намъ ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ агиографіи;

¹²⁵⁾ Житіе князя Черниговскаго Михаила, написанное о. Андреемъ, помѣщено въ Церк. Ист. Митр. Макарія, т. V, прил. 5.

¹²⁶⁾ Ibid.

¹²⁷⁾ Барсуковъ, Источники русской Агиографіи 374. Причиною этого перенесенія мощей могло служить опасеніе, чтобъ онѣ не подверглись поруганію со стороны папистовъ, по переходѣ Чернигова подъ власть польскую. — Въ первое время онѣ были положены подъ спудомъ въ соборной церкви Черниговскихъ чудотворцевъ, находившейся въ Кремлѣ, близъ Тайницкихъ воротъ. Когда же упраздненъ былъ этотъ храмъ для завладѣнія Кремлевскаго двора, тогда онѣ, повелѣніемъ импер. Екатерины II-ой, торжественно перенесены въ 1770 году августа 25 въ Срѣтенскій соборъ на Сѣняхъ, откуда въ 1774 году черемѣшены въ Архангельскій соборъ, гдѣ и донынѣ покоятся (Снегиревъ, Памяти. Моск. Древн. XXXIII и 67).

¹²⁸⁾ Церк. Ист. митр. Макарія, т. 5, 140.

не существовало также и службы имъ. Поэтому можно думать, что до сихъ поръ память ихъ чтилась только мѣстно въ той церкви, гдѣ покоились ихъ мощи, т. е. въ Черниговской. Житіе св. князя Михаила и его боярина Феодора впервые встрѣчается намъ въ прологахъ XIV и XV вв., именно: въ пергаменныхъ прологахъ (подъ 20 сентября) №№ 346, 354 типографской¹²⁹⁾ и синодальной (№ 248) библиотекъ. Приблизительно съ этого же времени стало вноситься имя Черниговскихъ чудотворцевъ и въ наши богослужебныя книги и святцы. Такъ, въ служебникѣ XIV вѣка, писанномъ въ Новгородѣ, мы встрѣчаемъ имя Михаила и его боярина Феодора въ числѣ святыхъ на ряду съ Борисомъ и Глѣбомъ¹³⁰⁾; а въ церковномъ Уставѣ Тр. Сер. Л., написанномъ въ 1429 году, находится уже имъ тропарь и кондакъ¹³¹⁾. Точно также въ XV в. мы встрѣчаемъ имена этихъ мучениковъ въ святцахъ и мѣсяцесловахъ. Такъ, въ мѣсяцесловѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ Тр. С. Л., писанномъ въ 1487 году въ Ростовѣ при архіепископѣ Іоасафѣ, читаемъ: 20 Сентября убіеніе князя Михаила Черниговскаго и его боярина Феодора¹³²⁾. То обстоятельство, что имена Черниговскихъ мучениковъ встрѣчаются намъ въ XIV—XV вв. въ богослужебныхъ книгахъ Новгорода, Ростова и Москвы, можетъ уже свидѣтельствовать о томъ, что первоначальное мѣстное ихъ почитаніе и празднованіе все болѣе и болѣе распространяется и наконецъ получаетъ всеобщій характеръ. Хотя и нельзя указать точно время, когда это случилось, но все-таки приблизительно можно опредѣлить вѣкъ, не позднѣе котораго должно было установиться это общее празднованіе св. Михаилу и его боярину Феодору. Основаніемъ для такого опредѣленія можетъ служить время появленія службы¹³³⁾ этимъ угодникамъ, а равно и второй редакціи ихъ житія¹³⁴⁾. Какъ служба, такъ и житіе своимъ происхожденіемъ обязаны

¹²⁹⁾ Барсуковъ, 375—6.

¹³⁰⁾ Служеб. Соф. Б.—ки, по описанію Куріянова № LXXVI—въ Извѣст. II отд. И. Акад. Наукъ. VI, 217.

¹³¹⁾ Правосл. Собесѣдн. 1865 г., I, 10, 14.

¹³²⁾ Описан. рукоп. Тр. С. Л. № 761.

¹³³⁾ Службу Черниговскимъ чудотворцамъ мы находимъ въ Трефологахъ Тр. С. Л. 15 в. № 617, 642, 643 и въ рукописи № 466 1505 года, гдѣ она озаглавляется: „святыхъ два канона—твореніе таха іеромонаха св. Горы Пахомія.

¹³⁴⁾ Житіе Черниговскимъ чудотворцамъ помѣщено въ Макарьевскихъ Четьи-Минеехъ подъ 20 Сентября (Изд. Арх. ком. стр. 1298—1305) безъ надписанія.

одному и тому же лицу, именно Пахомію Логовету. А извѣстно, что Пахомій писалъ свои сочиненія не по собственной инициативѣ, а по порученію или великаго князя и митрополита (напр. службу св. Алексію), или мѣстныхъ епископовъ (напр. Іоны, еп. Новгородскаго). Поэтому можно думать, что и служба Черниговскимъ чудотворцамъ имѣла такое же официальное происхожденіе. Дѣятельность Пахомія относится къ концу первой и началу второй половины XV вѣка; слѣдовательно, въ это же время должны были появиться служба и житіе Черниговскихъ чудотворцевъ. Существованіе службы и житія въ такой именно формѣ, какую имѣетъ житіе написанное Пахоміемъ¹³⁵⁾, несомнѣннымъ образомъ можетъ говорить о празднованіи дня памяти этихъ святыхъ церковнымъ образомъ. Итакъ, начало всеобщаго празднованія дня памяти кн. Михаила и его боярина Θεодора приблизительно можно относить ко времени не позднѣе половины XV вѣка.

Св. Исаія, еп. Ростовскій, преемникъ св. Леонтія въ дѣлѣ апостольства и продолжатель его трудовъ, скончался въ 1089 году¹³⁶⁾. Мощи его были открыты вмѣстѣ съ мощами св. Леонтія въ 1164 году, и съ этого времени, вѣроятно, стали мѣстно чтить его память. Хотя въ житіи св. Θεодосія Печерскаго и говорится, что Ростовъ чтилъ своего епископа Исаію наряду со святыми уже въ началѣ XII в.¹³⁷⁾, но нигдѣ не видно, чтобы до XV в. установлено было празднованіе памяти его. Преосвященный Филаретъ Черниговскій считаетъ приведенное извѣстіе житія Θεодосія позднѣйшей вставкой на томъ основаніи, что причтеніе Исаіи къ лику святыхъ и установленіе празднованія ему послѣдовало, по его мнѣнію, въ 1164 году при обрѣтеніи мощей¹³⁸⁾. Но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ преосвященнаго Филарета согласиться нельзя. Прежде всего, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакой необходимости подозрѣвать подлинность приведеннаго изъ житія св. Θεодосія свидѣтельства о почитаніи Исаіи святымъ въ Ростовѣ; ибо писатель житія, употребляя выраженія „и тако со святыми чтуть его“, могъ разумѣть не церковное празднованіе ему,

¹³⁵⁾ Форма этого житія проложная. Такого рода житія, какъ увидимъ ниже, имѣли богослужебное употребленіе, читаясь на утрени послѣ 6-й пѣсни канона. Поэтому установленіе праздника святому всегда дѣлало необходимымъ и явленіе житія въ послѣдней формѣ.

¹³⁶⁾ Церк. Ист. Е. Е. Голуб., I, 1, 175.

¹³⁷⁾ Барсуковъ, 228.

¹³⁸⁾ Р. Святые, Май, 106.

а только его народное почитаніе; въ вторыхъ, нѣтъ прямого извѣстія и о томъ, чтобы празднованіе еп. Исаіи было установлено въ 1164 году. Напротивъ, изъ житія его видно, что до самаго перенесенія его мощей, что уже случилось въ концѣ XV вѣка „гробъ его въ небреженіи бысть, яко николиже въ притворѣ ономъ свѣщѣ горѣти у гроба святаго, священнику приходити съ кадиломъ ко гробу“¹³⁹⁾. Изъ этихъ словъ ясно видно, что св. Исаія до этого времени не чтился церковнымъ образомъ. То же самое подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что до XV вѣка намъ не встрѣчается ни житія, ни службы этому святому, равно какъ не находится и имени его въ святцахъ за все это время. Не пользуясь почитаніемъ церковнымъ, св. Исаія безъ сомнѣнія уже задолго до XV в. чтился мѣстно. На это могутъ указывать слѣдующія слова его житія: „видѣвъ (архіепископъ Ростовскій) образъ св. Исаіи почитаемъ и покланяемъ отъ всѣхъ“¹⁴⁰⁾.

Страннымъ съ перваго взгляда является то обстоятельство, что св. Исаіи не было установлено празднованія вмѣстѣ съ св. Леонтіемъ, хотя мощи ихъ, какъ мы видѣли, и были открыты въ одно и то же время. Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ быть то, что отъ мощей перваго не было чудесъ. И дѣйствительно, тогда какъ отъ св. мощей Леонтія при самомъ открытіи ихъ совершилось много исцѣленій, мощи св. Исаіи, какъ можно думать, не были прославлены чудесами, потому что нигдѣ объ этомъ не говорится, кромѣ, впрочемъ, житія его. Но и въ послѣднемъ говорится объ этомъ глухо, вообще: „многа же и чудеса быша тогда отъ св. тѣла“¹⁴¹⁾. Но какія чудеса и сколько,—объ этомъ ни слова, что прямо свидѣтельствуетъ, что это не больше, какъ обычный житійный литературный приѣмъ, а не историческій фактъ.

Когда установлено официально празднованіе памяти св. Исаіи,—объ этомъ извѣстій не сохранилось. Можно только думать, что такое празднованіе установлено когда-нибудь во второй половинѣ XV вѣка. Ибо съ этого времени имя св. Исаіи мы встрѣчаемъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ. Такъ напр., онъ упоминается между святыми въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1476—1482 гг., гдѣ помѣщены ему тропарь и порядокъ всей службы¹⁴²⁾; точно также въ сборникѣ, писанномъ въ Ростовѣ въ 1487 году при архіепископѣ

¹³⁹⁾ Житіе св. Исаіи, напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1858 г. I, 446.

¹⁴⁰⁾ Житіе св. Исаіи—Прав. Собесѣдн. 1858, I, 447.

¹⁴¹⁾ Ibid. 446.

¹⁴²⁾ Церк. Ист. митр. Макарія, VIII, 34.

Иоасафъ, и именно въ мѣсяцесловѣ этого сборника мы встрѣчаемъ подъ 15 Мая и имя Исаи¹⁴³⁾; наконецъ, въ служебникѣ начала XVI вѣка, употреблявшемся въ Троице - Сергіевомъ монастырѣ¹⁴⁴⁾. Къ тому же времени относится и составленіе житія¹⁴⁵⁾ и службы этому святому¹⁴⁶⁾. По времени появленія житія и службы можно уже заключать о началѣ церковнаго прославленія святаго. То же обстоятельство, что имя св. Исаи встрѣчается намъ въ богослужебныхъ книгахъ разныхъ мѣстъ: Ростова, Новгорода и Москвы, можетъ говорить о томъ, что празднованіе ему приняло къ этому времени всеобщій характеръ. Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что такое празднованіе этому святому установлено со времени перенесенія мощей его, которое было въ 1474 году при архіепископѣ Ростовскомъ Васіанѣ Рыло (1468 — 1480). Мѣстный архіепископъ, какъ разсказывается въ житіи св. Исаи, видя, что „гробъ же его заключенъ въ величѣмъ небреженіи пребывающъ“, 15-го Мая созываетъ „священниковъ той св. Церкви и, сотворивъ молитву, касается чудотворнаго гроба святаго, переноситъ его и полагаетъ его съ великою честью въ новомъ гробѣ, на той же сторонѣ, близъ южныхъ дверей, гдѣ и нынѣ онъ подаетъ исцѣленія съ вѣрою приходящихъ къ его гробу¹⁴⁷⁾).

Блаженная кончина св. Игнатія послѣдовала 28 Мая 1288 года. Прославленіе его началось непосредственно послѣ его смерти. Именно—чудеса, совершившіяся при самомъ его погребеніи, побудили клиръ и народъ (поставить открыто св. мощи на томъ мѣстѣ, гдѣ и донынѣ онѣ обрѣтаются. Безъ сомнѣнія нужно думать, что съ этого времени и началось мѣстное чествованіе блаж. Игнатія, которое къ концу XIV—началу XV в., мало-по-малу распространяясь за предѣлы Ростовской епархіи, перешло въ Москву и сдѣлалось всецерковнымъ. На такую перемѣну въ характеръ чествованія св. Игнатія указываетъ то, что имя его, прежде не встрѣчавшееся въ богослужебныхъ книгахъ, съ конца XIV—начала XV в. начинаетъ вноситься въ нихъ.¹⁴⁸⁾

¹⁴³⁾ Сбор. Тр. С. Л. № 761, (Опис. рук. Тр. С. Л. 168).

¹⁴⁴⁾ Описан. Рук. Синод. Б-ки Ш, 1, 50.

¹⁴⁵⁾ Блужевскій, 24.

¹⁴⁶⁾ Служба св. Исаи встрѣчается уже въ богослужебныхъ книгахъ XV в. напр. см. Трэф. Тр. С. Л. XV в. № 617 (Опис. рук. Тр. С. Л. 914).

¹⁴⁷⁾ Прав. Собесѣдн. 1858 г., I, 447—448.

¹⁴⁸⁾ Такъ въ церковномъ Уставѣ XIV в. № 383 Синод. Библиотеки подъ 28 Мая значится „Игнатія, еп. Ростовскаго (Опис. рук. Синод. Б-ки, Ш, 1, 279; си. стр. 317, 429). Въ святцахъ Слѣдованной Псалтири Императ. Публ. Библ.

Приблизительно къ этому же времени можно относить и составленіе житія и службы этому святому ¹⁴⁹). Въ 1480 г. архіепископъ Ростовскій Вассіанъ въ посланіи своемъ на Угру къ великому князю Іоанну III молитвенно воспоминаетъ: „да будетъ милость великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, молитвами Пречистыя Его Матери и святыхъ великихъ чудотворецъ Леонтія, Исаи и Игнатія Ростовскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ“ ¹⁵⁰).

Преп. Димитрій Прилуцкій скончался 11-го Февраля 1391 года. Какъ и когда онъ канонизованъ, объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Если же и можно дѣлать относительно этого какія-либо соображенія, то они не идутъ далѣе однихъ предположеній. Несомнѣнно только одно, что съ первой половины XVI вѣка Димитрій Прилуцкій прославлялся уже церковнымъ образомъ. Ибо въ самомъ началѣ XVI вѣка мы находимъ указаніе на существованіе иконы св. Димитрія и, что всего важнѣе, настолько уважаемой, что она берется великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ первый его походъ на Казань. По окончаніи похода, украсивши эту икону золотомъ и серебромъ, великій князь въ 1503 году, 3-го Іюня возвратилъ ее въ Вологду и она встрѣчена на Прилукахъ еп. Стефаномъ (неизвѣстно какою епархіей) и въ память сего принесенія Вологжане поставили на мѣстѣ встрѣчи церковь и уставили съ тѣхъ поръ ежегодное празднованіе ¹⁵¹). Затѣмъ въ 1542 году въ самой Прилуцкой обители построенъ былъ соборный храмъ съ придѣломъ, посвященнымъ св. Димитрію ¹⁵²), въ которомъ почиваютъ его мощи.

Какъ и вообще большинство нашихъ русскихъ святыхъ, преп. Димитрій, вѣроятно, чтился долгое время только мѣстно. Затѣмъ, по мѣрѣ распространенія славы о немъ, какъ о великомъ чудотворцѣ, почитаніе его, сперва мѣстное, распространялось все далѣе и далѣе. Этому безъ сомнѣнія способствовали какъ чудеса, которыя совершались при гробницѣ св. Димитрія, такъ и его ходатайство и заступни-

---

in F. № 28, XV в., вмѣстѣ съ Петромъ, митрополитомъ Московскимъ, упоминается и св. Игнатій.

¹⁴⁹) Время составленія житія св. Игнатія В. О. Ключевскій относить ко времени не позже половины XIV в. (42); а службу ему мы находимъ въ Трѣфологѣ Тр. С. Л. нач. XVI в. № 618 подъ 28 мая (см. Арсеній, Опис. рукоп. Тр. С. Л. стр. 914).

¹⁵⁰) П. С. Р. Л. т. VIII, 213; см. V, 201.

¹⁵¹) Амвросій, Ист. Р. іерархіи т. VI, 221—222.

¹⁵²) Истор. Слов. о русск. святыхъ, 75; ср. Ключевскій, 271.

чество во дни общественныхъ бѣдствій и несчастій. Такъ, въ его житіи передается, что во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Вологдѣ, многіе больные прибѣгали съ молитвами къ мощамъ преподобнаго и получали исцѣленія; затѣмъ, во время нападенія Димитрія Шемяки на Вологду въ 1450 году, помощію св. Димитрія, — о чемъ тогда было видѣніе, — жители Вологды отразили этого врага. Эти чудеса, конечно, не могли не способствовать прославленію св. Димитрія. И мы дѣйствительно видимъ, что уже во второй половинѣ XV в. почитаніе св. Димитрія выходитъ за предѣлы той мѣстности, гдѣ онъ жилъ и подвизался. Такъ, мы видимъ, что съ этого времени имя этого святаго начинаетъ встрѣчаться въ святцахъ. Для примѣра укажемъ святцы при Слѣдованной Псалтири XV в. Императорской Публичной Библиотеки № 89, гдѣ въ числѣ русскихъ святыхъ находится и преп. Димитрій Прилуцкій ¹⁵³). Пресвященный Макарій, опредѣляя точнѣе время, когда мѣстное почитаніе этого святаго превратилось во всецерковное, говоритъ: „очень вѣроятно, что вскорѣ послѣ 1450 года, т. е. послѣ отраженія Шемяки отъ Вологды, установлено было церковное празднованіе Димитрію (11 Февраля) по всей Россіи; такъ какъ въ это же время написано житіе и служба ему однимъ изъ преемниковъ его по управленію обителию игуменомъ Макаріемъ ¹⁵⁴), который при описаніи чудесъ его представляется самовидцемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и рядъ этихъ чудесъ окончилъ именно чудомъ, совершившимся при отраженіи Шемяки отъ Вологды ¹⁵⁵).

О св. Аврааміи, архимандритѣ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря, очень мало сохранилось достовѣрныхъ извѣстій. Житія его, которыхъ насчитываютъ до трехъ редакцій, явились не ранѣе XV вѣка, когда жизнь этого святаго успѣла уже принять легендарный характеръ. Въ этихъ легендахъ, которыя въ послѣдующее время соединились съ именемъ преп. Авраамія, при ихъ противорѣчии лѣтописнымъ извѣстіямъ, весьма трудно разобраться. Поэтому даже о времени жизни святаго существуютъ различныя мнѣнія. Одни (и при томъ большинство) относятъ время его жизни къ концу первой и началу второй

¹⁵³) Митр. Макарій, Ц. И. IV, 260; см. Описан. Рук. Сил. Библ., III, 1, 50, 317, 428.

¹⁵⁴) Рукон. сборникъ Тр. С. Л. № 765 XV—XVI вв. л. 197. — Служба преп. Димитрію Вологодскому съ надписаніемъ: творенія Киръ Макарія, игумена той же обители.

¹⁵⁵) Ц. И. митр. Макарія VIII, 41.

половины XI столѣтія ¹⁵⁶). Другіе же (Е. Е. Голубинскій) относятъ время жизни преп. Авраамія къ очень уже позднему времени, именно: къ концу первой и началу второй половины XIV в. ¹⁵⁷). Какое изъ этихъ мнѣній справедливѣе, за отсутствіемъ ясныхъ и положительныхъ данныхъ, трудно рѣшить. Мы однако будемъ слѣдовать общепринятому первому мнѣнію, потому что со вторымъ мнѣніемъ нельзя примирить извѣстія, по которому мощи этого святаго открыты задолго до того времени, къ которому относитъ оно жизнь св. Авраамія, именно мощи открыты при внуцѣ Мономаха, великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212) ¹⁵⁸). Со времени этого открытія мощей, вѣроятно, и началось мѣстное его почитаніе, которое не ранѣе конца XV вѣка и начала XVI выступаетъ за предѣлы Ростова и принимаетъ характеръ всецерковный. На это, во первыхъ, указываетъ то, что имя преп. Авраамія, не встрѣчавшееся ранѣе въ богослужебныхъ книгахъ, съ этого времени стало вноситься въ нихъ. Такъ, мы находимъ имя этого святаго въ святцахъ при Слѣдованной Псалтири конца XV и начала XVI вв. М. Д. А. № 214 (Волокол.), впрочемъ, не въ текстѣ, а на полѣ; затѣмъ, въ Слѣдованной Псалтири, принадлежавшей митрополиту Даниилу (1522—39) о преп. Аврааміи записано подъ 29 Октября: „въ той же день преставленіе преп. Авраамія, игумена бывшаго у св. Богоявленія въ Ростовѣ“ ¹⁵⁹). Во вторыхъ, на то же можетъ указать и время появленія службы и житія этому святому. Первое встрѣчается въ Трефологѣ Тр. С. Л. XV в. № 617 ¹⁶⁰); а житіе, по мнѣнію Ключевского и Е. Е. Голубинскаго, точно также явилось не ранѣе XV в. (средняя редакція) ¹⁶¹).

Когда и какъ канонизованъ преп. Никита Переяславскій, — извѣстій объ этомъ не сохранилось ¹⁶²). Между тѣмъ имя его встрѣ-

¹⁵⁶) Преевъ. Макарій т. I, прим. 331 относитъ смерть преп. Авраамія къ 1045 году; а В. О. Ключевскій жизнь и дѣятельность его въ Ростовѣ относитъ къ промежутку епископства Леонтія и Исаи 1073—1077 гг., когда Ростовская кафедра оставалась незанятою (37).

¹⁵⁷) Ц. П. Е. Е. Голуб. I, 2, 646.

¹⁵⁸) Амвросій, Истоб. Р. іерархіи 3, 64.

¹⁵⁹) Ц. П. Е. Е. Голуб. I, 2, 647.

¹⁶⁰) Арсеній, Описан. рук. Тр. С. Л., 214.

¹⁶¹) Е. Е. Голубинскій, Ц. П. I, 2, 641—50; Ключевскій, 26—38.

¹⁶²) Время жизни и годъ кончины его опредѣляютъ различно. Преевъ. Макарій годомъ кончины его считаетъ 1193, 24 Мая; тотъ же годъ выставленъ и въ одномъ спискѣ житія этого святаго. Но В. О. Ключевскій считаетъ это

чается въ XV—XVI вв. въ богослужебныхъ книгахъ и святцахъ. Поэтому можно думать, что чествованіе преп. Никиты, начавшись его мѣстнымъ прославленіемъ, затѣмъ мало по малу приняло характеръ всецерковнаго. Что дѣйствительно мѣстное почитаніе св. Никиты началось очень рано, это доказывается тѣмъ, что житіе этого святаго, хотя явилось сравнительно и не скоро послѣ смерти его, однако было очень распространено въ древней русской письменности. Затѣмъ еще до XVI в. надъ его могилою была устроена гробница, на которой былъ уже образъ Столпника¹⁶³⁾. Первую попытку къ церковному прославленію преп. Никиты мы встрѣчаемъ при митрополитѣ Фотіи, который, какъ разсказывается въ описаніи чудесъ этого святаго, думалъ было открыть его мощи. Но эта попытка не удалась. Наконецъ, уже въ началѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ ясное свидѣтельство о томъ, что преп. Никита чтился церковнымъ образомъ и не только въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ и подвизался, но и во всей Русской Церкви. При митрополитѣ Варлаамѣ (1511—1522) впервые является мысль устроить въ монастырѣ, гдѣ подвизался св. Никита, храмъ во имя его, который дѣйствительно тогда же и былъ устроенъ. Созданіе храма во имя Столпника дѣлало необходимымъ ежегодное празднованіе его памяти, что вело за собою необходимость составленія службы и продолжнаго житія съ похвальнымъ словомъ ему. Дѣйствительно, около этого же времени приблизительно являются въ богослужебныхъ книгахъ житіе и служба преп. Никиты. Такъ напр., житіе его мы находимъ въ сборникѣ Тр. С. Л. 1487 года № 761¹⁶⁴⁾; а службу — въ рукописномъ Трефологѣ того же XV в. № 617¹⁶⁵⁾. Точно также съ этого времени имя преп. Никиты стало вноситься и въ святцы¹⁶⁶⁾.

Наконецъ, къ этому же времени, къ концу XIV и началу XV вв. мы должны отнести и начало церковнаго прославленія преп. Антонія Печерскаго, потому что только съ этого времени имя его стало

мѣсто за позднѣйшую вставку (47). Поэтому Е. Е. Голубинскій относитъ время жизни св. Никиты уже къ Монгольскому періоду (Ц. И. I, 2, 639—640).

¹⁶³⁾ Ключевскій, стр. 49.

¹⁶⁴⁾ Арсеній, описан: рук. Тр. С. Л. 169.

¹⁶⁵⁾ Ibid. 914.

¹⁶⁶⁾ Описаніе рук. Синод. В-ки, III, 1, 428, 438. Въ сборникѣ Кирилло-Вѣлозерской библ. нынѣ Спб. Дух. Ак. 1476—1482 г. № 1083, л. 195, написано: „мѣсяца Мая 24 святаго Никиты Переяславскаго. Есть ему и стихиры и канонъ гласъ 4, тропарь же общій“. И затѣмъ помѣщенъ съдѣланъ и кондакъ преподобному (митр. Макарій, Ц. И. т. VIII, 36, прим. 46).

вноситься въ наши богослужебныя книги. Какъ ни странно, но то составляетъ неопровержимый фактъ, что до XV вѣка мы не встрѣчаемъ ни житія, ни службы этому святому, равно какъ и не находимъ имени его въ святцахъ ранѣе этого времени. Все это ясно показываетъ, что до XV в. преп. Антоній не былъ прославляемъ у насъ церковнымъ образомъ, или другими словами онъ не былъ канонизованъ. Мы даже не находимъ долгое время признаковъ и мѣстнаго его почитанія. Несмотря на то, что преп. Антоній оказалъ важныя заслуги Русской Церкви, какъ первый насадитель монашества на Русской землѣ, несмотря на свою благочестивую жизнь, за которую онъ пользовался великимъ уваженіемъ современниковъ и еще при жизни считался святымъ, несмотря на все это, память о немъ почему-то скоро исчезла. Не было даже написано и житія преп. Антонія, которое сохранило бы намъ свѣдѣнія объ его жизни ¹⁶⁷⁾. Эта странность еще болѣе увеличивается, если мы вспомнимъ, что другой подвижникъ, его современникъ и его помощникъ, преп. Θεодосій, вскорѣ же послѣ своей смерти, нашелъ біографа въ лицѣ знаменитаго Нестора, и сравнительно скоро, какъ мы видѣли, былъ причисленъ къ лику святыхъ. Какъ бы, повидимому, при канонизаціи послѣдняго не вспомнить и про св. Антонія и не причислить его вмѣстѣ съ Θεодосіемъ къ лику святыхъ. И однако можно положительно утверждать, что св. Антоній до XV в. не былъ причтенъ къ лику святыхъ. Не вдаваясь въ изложеніе причинъ этого страннаго и удивительнаго факта,

¹⁶⁷⁾ Вопросъ о древнемъ житіи преп. Антонія рѣшается различно. Пр. Филаретъ (Обзоръ Дух. Лит., стр. 39) думаетъ, что такое житіе существовало, но оно не дошло до нашего времени. Но существованіе такого житія очень сомнительно. Хотя Симонъ и Поликарпъ въ своихъ повѣствованіяхъ часто указываютъ на какое-то житіе Антонія, но эти ссылки (онѣ собраны у Кубарева въ его статьѣ: „о Патерикѣ Печерскомъ“, — Чт. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. (47, 9, 14—15) очень неопредѣленны и часто недостоверны (напр. о посвященіи Антошіемъ Иларіона въ монашество); при томъ же въ концѣ житія Аганаита Лѣвца, который былъ самовидцемъ, какъ св. Антоній молитвою исцѣлялъ больныхъ, давая имъ вкушать своей нищи, говорится: „таковыя и болша сихъ содѣяшася отъ тѣхъ св. Черноризецъ, ихъ же воспомянувъ добродѣтельное житіе, дивлюся, како премоложена быша великая исправленія св. о. нашего Антонія. Да аще толико свѣтило угасе небреженіемъ нашимъ, то како отъ него лучи возсіяють?“ (Ibid. 15). Поэтому Е. Е. Голубинскій, говоря объ этомъ житіи, замѣчаетъ, что существованіе его составляетъ довольно темную загадку (I, 1, 267, пр. 1).

причины, которыя будутъ только произвольными гипотезами, мы прямо укажемъ время, не позднѣе котораго, по нашему мнѣнію, началось церковное прославленіе преп. Антонія въ нашей Церкви. Первое важное въ этомъ отношеніи для насъ извѣстіе мы встрѣчаемъ уже въ концѣ XIV в. „Въ 1394 г. Арсеній, епископъ на Тѣри постави церковь на рѣкѣ на Тмацѣ, во имя св. Θεодосія и Антонія“¹⁶⁸⁾. Такимъ образомъ, къ концу XIV в. преп. Антоній былъ уже почитаемымъ святымъ и, слѣдовательно, его канонизація произошла когда то ранѣе. Но опредѣлить и указать точно время совершенія ея нѣтъ возможности. Въ XV вѣкѣ мы находимъ уже болѣе ясныя слѣды церковнаго чествованія преп. Антонія. Такъ, въ это время его признавали въ числѣ святыхъ, наравнѣ съ преп. Θεодосіемъ Печерскимъ, самымъ первосвятителемъ Русской Церкви Фотій, называя ихъ въ своемъ посланіи въ Кіево-Печерскій монастырь божественными отцами, великими, предстоящими во славу Владыкѣ—Христу¹⁶⁹⁾. Затѣмъ, то обстоятельство, что въ началѣ же XV в. мы встрѣчаемъ проложное житіе¹⁷⁰⁾ Антонія и службу ему¹⁷¹⁾, которую находимъ въ служебной Миней за Іюль Тр. С. Л. XV в. № 577,—все это можетъ говорить, что въ это время онъ уже чтился въ Русской Церкви, какъ признанный святой. Наконецъ, съ этого же времени имя его начинаетъ намъ встрѣчаться и въ святцахъ¹⁷²⁾.

Къ этому же классу мы относимъ и тѣхъ святыхъ, которые, хотя и были канонизованы нашею Церковью, но во весь этотъ періодъ пользовались только исключительно мѣстнымъ почитаніемъ; общее же прославленіе ихъ Русскою Церковью, или вѣрнѣе многихъ изъ нихъ, началось уже во второй періодъ канонизаціи нашихъ святыхъ, именно со времени Макарьевскихъ соборовъ 1547 и 1549 гг. Такого рода

¹⁶⁸⁾ Карамзинъ, II. Г. Р. т. V, прим. 254, стр. 99.

¹⁶⁹⁾ Дополн. къ II. А., 1, № 180.

¹⁷⁰⁾ Прологъ 1406 г. Москов. Успен. собора (Снегиревъ, Памятн. Москов. Древн. 43).

¹⁷¹⁾ Арсеній, Опис. рук. Тр. С. Л. 184; см. стр. 914, № 617—Трефологъ русск. святыхъ XV в. л. 148, — служба преп. Антонію; предъ первымъ канономъ сказано: „аще хочеша увѣдѣти творца и повелителя, смотри 7 и 9 пѣсни. Начальныя слова тропарей обоихъ каноновъ указанныхъ пѣсней составляютъ слѣдующую рѣчь: „Повелѣиємъ св. архіеп. В. Новгорода владыки Іоны благодарно принесся великому Антонію Печерьскому, рукою многогрѣшнаго Пахомія, иже отъ св. горы“.

¹⁷²⁾ Опис. рук. Синод. Б. Ш., 1, 317, 437.

святыхъ было очень много. Каждый городъ, особенно удѣльный, каждый почти монастырь болѣе или менѣе значительный и знаменитый имѣли своего собственнаго святаго, почитаніе котораго въ большинствѣ случаевъ и ограничивалось только этимъ городомъ или монастыремъ. Такой святой обыкновенно считался покровителемъ или патрономъ того мѣста, гдѣ онъ жилъ и подвизался, и здѣсь преимущественно память его и праздновалась. Такъ, можно несомнѣнными историческими свидѣтельствами доказать, что почти во всѣ святые, канонизованные соборами 1547 и 1549 годовъ, гораздо ранѣе этихъ соборовъ прославлялись уже церковнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили и подвизались. Почитаніе всѣхъ этихъ святыхъ совершалось съ разрѣшенія или митрополита, или мѣстныхъ епископовъ. Это разрѣшеніе выражалось обыкновенно въ томъ, что съ благословенія послѣднихъ писались служба и житіе этихъ святыхъ, которыя и отправлялись въ день ихъ празднованія. О нѣкоторыхъ святыхъ находимъ извѣстія, что во имя ихъ строились, конечно, съ разрѣшенія высшей власти, церкви. Что почитаніе этихъ святыхъ было исключительно мѣстнымъ во весь разсматриваемый нами періодъ, объ этомъ можетъ говорить и то обстоятельство, что именъ большинства ихъ мы не находимъ въ святцахъ. Къ такого рода святымъ мы относимъ: преп. Никона Радонежскаго, Пафнутія Боровскаго, Іону, митрополита Московскаго, св. Арсенія, епископа Тверскаго, св. бл. князя Всеволода-Гавриіла и Довмонта-Тимоея Псковскихъ, св. Феодора, епископа Ростовскаго и св. Стефана, еп. Пермскаго, преп. Савву Виперскаго, преп. Прокоція Устюжскаго, преп. Зосиму и Савватія Солловецкихъ и св. Евѣимія, архіепископа Новгородскаго.

Мѣстное почитаніе преп. Никона, игумена Радонежскаго, начинается со второй половины XV вѣка, когда, по благословенію митрополита Іоны, составляется инокомъ Пахоміемъ житіе и служба ему ¹⁷³⁾; затѣмъ, около этого же времени имя его стало вноситься и въ наши богослужебныя книги и мѣсяцесловы. Такъ имя преп. Никона мы встрѣчаемъ въ крюковомъ стихирарѣ М. Д. А. № 231 XV в. (послѣ 1460 г.) рядомъ съ Варлаамомъ Хутынскимъ, Сергіемъ Радонежскимъ и др. ¹⁷⁴⁾. Точно также можно доказать мѣстное церков-

¹⁷³⁾ Обзоръ Дух. Литерат. Филарета, 95; житіе и служба Никона написаны Пахоміемъ между 1440—1459 гг. Служба встрѣчается въ рукоп. М. Д. А. №. 87 (375). Волог. XV в. (см. опис. іер. Іосифа), а также въ рукописяхъ Тр. С. Л. № 268 и церковномъ уставѣ той же Б. ки первой половины XVI в. № 242, житіе—въ Толк. Апостолѣ Тр. С. Л. № 116, XV в.

¹⁷⁴⁾ Описан. рук. М. Д. А. арх. Леонид.

ное почитаніе и преп. Пафнутія Боровскаго. Въ Служебной Миней Тр. С. Л. XVII в. № 563 мы находимъ службу этому святому съ двумя канонами ему, причеиъ впереди перваго сказано: „канонъ преп. Пафнотію твореніе ученика его Иннокентія, инока тоя же обители, въ державу благовѣрнаго и христіюлюбиваго царя прав. великаго князя Василя Ивановича, государя всеа Руси, господиномъ преосвященнымъ архіепископомъ Даніиломъ, митрополитомъ всеа Руси, съ всеиъ священнымъ соборомъ благословилъ пѣти канонъ и житіе чести въ л. 7039 (1531 г.) Мая въ 1 день“¹⁷⁵⁾. Св. Іона, митрополитъ Московскій, вскорѣ же послѣ своей смерти (1461 г.) чтился уже церковнымъ образомъ. На это, во первыхъ, указываетъ то обстоятельство, что вскорѣ же послѣ смерти этого святителя являются его житіе и канонъ. Біографъ Новгородскаго архіепископа Іоны между прочимъ пишетъ, что сей послѣдній „понуdivше Пахомія, иже отъ св. горы мниха попа, списати послѣдованіе памяти его и службы канонъ свяц. Іонѣ митрополиту, вѣдяще бо его добродѣтели, сего ради и память его каноны почти равно со святыми“¹⁷⁶⁾. Въ Москвѣ почитаніе этого святаго началось со времени обрѣтенія его мощей 29-го Мая 1472 г., сопровождавшася многочисленными чудесами¹⁷⁷⁾; при этомъ тогда же „и канонъ принесенію мощемъ учинити и слово доспѣти о церковномъ замышленіи и обрѣтеніи Іонинѣ повелѣша Пахомію Сербину, мниху Сергіева монастыря, иже сотвори два канона“¹⁷⁸⁾. Св. Арсеній, еп. Тверской, прославлялся церковнымъ образомъ въ Твери уже въ концѣ XV в. Объ этомъ мы узнаемъ изъ одного списка службы св. Арсенію, относящагося ко второй половинѣ XVI в., въ которомъ эта служба сопровождается, между прочимъ, припиской, содержащей извѣстіе, что канонъ ему и стихиры составлены въ 1483 году въ Желтиковомъ монастырѣ, по благословенію Тверскаго епископа Вассіана, рукою многогрѣшнаго инока Теодосія¹⁷⁹⁾. Псковскіе князья: Всеволодъ - Гаврилъ и Довмонтъ - Тимоѣей уже въ XIII—XIV вв. чтились въ Псковѣ, какъ прославленные святые. Церковное прославленіе перваго началось, вѣроятно, со времени открытія его мощей,

¹⁷⁵⁾ Рук. Тр. С. Л. № 563 (Арсеній, Опис.).

¹⁷⁶⁾ Памят. Стар. Р. Литер. т. IV, 33.

¹⁷⁷⁾ П. С. Р. Л. VIII, 170—171; VI, 195—196.

¹⁷⁸⁾ Ibid.—Обзоръ Дух. Лит. Филарета—95. Служба св. Іонѣ встрѣчается уже въ Миней 1494 г., писанной въ Вологдѣ,—см. опис. рук. Солов. Б-ни, № 616 (518);

¹⁷⁹⁾ Ключевскій В. О., 181.

которое произошло въ 1192 году ¹⁸⁰⁾. Относительно же церковнаго прославленія второго мы имѣемъ изъ XIV вѣка несомнѣнное свидѣтельство, что онъ въ это время считался уже за прославленнаго святаго, и въ честь его уже строились церкви. Такъ въ 1374 г. Псковитяне строятъ во имя этого князя церковь ¹⁸¹⁾. Далѣе, святые Теодоръ, еп. Ростовскій, и Стефанъ, еп. Пермскій, также въ XV в. прославлялись уже церковнымъ образомъ. О почитаніи св. Теодора можно заключать какъ потому, что тропарь и кондакъ его помѣщены въ сборникѣ Кирилло - Бѣлоозерскаго монастыря 1476 — 1482 гг. ¹⁸²⁾, такъ и потому, что имя святителя мы встрѣчаемъ въ мѣсяцесловахъ XV в. Такъ, въ святцахъ Слѣдованной Псалтыри Император. Публичной Библиот. № 89 XV в., вмѣстѣ съ Петромъ и Алексіемъ, митрополитами Московскими, упоминается и Теодоръ, архіепископъ Ростовскій ¹⁸³⁾. Въ концѣ же XV вѣка мы находимъ первые слѣды церковнаго прославленія и св. Стефана, еп. Пермскаго. Въ Трефологѣ русскимъ святымъ Тр. С. Л. № 624 XVI — XVII вв. мы встрѣчаемъ службу этому святому, въ которой передъ первымъ канономъ сказано: „господина іеромонаха св. горы“, а начальныя слова, слоги и буквы тропарей, начиная съ седьмой пѣсни, представляютъ слѣдующую рѣчь: „повелѣніемъ владыки Филоеія епископа, рукою многогрѣшнаго и непотребнаго раба Пахомія Сербина“ ¹⁸⁴⁾. Житіе же этого святаго, написанное Епифаніемъ, явилось ранѣе, именно въ первой половинѣ XV вѣка ¹⁸⁵⁾. Кромѣ того, имя Стефана Пермскаго мы встрѣчаемъ и въ мѣсяцесловахъ XV и началѣ XVI в.в. Такъ, въ святцахъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Тр. С. Л., писанномъ въ 1487 году въ Ростовѣ, при архіепископѣ Іоасафѣ, подъ 26 Апрѣля читаемъ: „Стефана Пермскаго“. Далѣе, имя этого святаго находится въ мѣсяцесловахъ, помѣщенныхъ въ рукописномъ требникѣ библиотеки преосв. Макарія начала XVI вѣка № 89-ый и въ Уставѣ той-же библиотеки первой половины XVI вѣка № 88 ¹⁸⁶⁾. Церковное почитаніе преп. Саввы Вишерскаго началось вскорѣ же послѣ его смерти (1-го Октября 1460 г.),

¹⁸⁰⁾ Сергій, I, 193; II, 37.

¹⁸¹⁾ Митр. Макарій, II, IV, 258.

¹⁸²⁾ Ц. И. митр. Макарія, VIII, 48, прим. 63.

¹⁸³⁾ Ibid. т. IV, 260.

¹⁸⁴⁾ Арселей, Опис. рук. Тр. С. Л. 205; ср. Филаретъ, — Обзоръ Дух. Лит. 95 — Филоеій былъ епископомъ въ Перми въ 1472 — 1501 г.

¹⁸⁵⁾ Оно помѣщ. въ Памят. Стар. Рус. Лит. IV, 119 — 171.

¹⁸⁶⁾ Ц. И. митр. Макарія, VIII, 42, пр. 56.

не позднѣе конца XV вѣка. Ибо въ числѣ житій, которыя владыка Новгородскій Иона поручилъ написать Пахомію, когда послѣдній жилъ у него въ Новгородѣ, мы находимъ житіе и канонъ этого святаго. Самъ Пахомій при томъ замѣчаетъ въ концѣ житія, что написалъ его по порученію Ионы. Между посмертными чудесами преп. Саввы у Пахомія есть рассказъ о прїѣздѣ въ Саввинъ монастырь Ионы, который повелѣлъ тогда написать образъ преподобнаго, также составить канонъ и прочая въ память его ¹⁸⁷⁾. Церковное прославленіе св. Прокпія началось не позднѣе конца XV вѣка, ибо въ 1495 году Устюжане построили во имя его храмъ и, слѣдовательно, въ это время онъ уже оффиціально былъ причтенъ къ лику святыхъ ¹⁸⁸⁾. О церковномъ почитаніи преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ мы находимъ ясныя свидѣтельства изъ первой половины XVI вѣка. Такъ, въ третьей Новгородской Лѣтописи подъ 7048 (1540) годомъ читаемъ, что въ этомъ году посвященъ былъ предѣлъ „святыхъ и преподобныхъ отцемъ Зосимѣ и Савватію“ ¹⁸⁹⁾ и, значить, они были уже прославленными святыми. Наконецъ, находимъ ясныя указанія въ началѣ XVI вѣка на церковное почитаніе и св. Евѳимія, архіепископа Новгородскаго. Въ Вязицкомъ монастырѣ, гдѣ хранятся мощи этого святи- теля, уже въ 1500 году во имя его существовалъ храмъ ¹⁹⁰⁾. Житіе св. Евѳимія написано по порученію Новгородскаго архіепископа Ионы Пахоміемъ Логоетомъ около 1460 года ¹⁹¹⁾. Имя этого святи- теля встрѣчается уже въ Минеѣ, писанной въ 1494 году въ Во- лодѣ ¹⁹²⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вторую часть этой главы мы посвятимъ тѣмъ общимъ выводамъ, какіе можно сдѣлать о канонизаціи святыхъ въ Русской Церкви за этотъ періодъ на основаніи собраннаго нами матеріала. Приступая къ изложенію этихъ выводовъ, мы не можемъ не сказать о трудности придти къ однообразнымъ и точнымъ выводамъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство будетъ уже зависѣть не отъ насъ, а отъ количества и

¹⁸⁷⁾ Ключевскій В. О., 156; см. Памяти. Стар. Рус. Лит. т. IV, 31; Филаретъ, Обзоръ Дух. Лит. § 95.

¹⁸⁸⁾ Рус. святые Филарета, т. II, 57.

¹⁸⁹⁾ 3-я Новгород. Лѣт. л. 244.

¹⁹⁰⁾ Сергій, Агіол. т. II, 63.

¹⁹¹⁾ Обзоръ Дух. Лит., стр. 143.

¹⁹²⁾ Рус. Сол. Библиот. № 616 (518).—Опис. рук. стр. 358—360.

качества самого материала, при недостатке которого вывести что-нибудь общее является делом не только весьма трудным, но и едва ли возможным. Но при этом недостатке данных мы встречаемся еще с неясностью и неопределенностью в формулировке общих правил, которыми руководились тогда при совершении канонизации святых. Без сомнения, это отсутствие точно сформулированных правил, которые определяли бы совершение канонизации, явление удивительное, хотя и не совсем необъяснимое. Чтобы понять и хотя бы немного объяснить себе, почему такой высокой важности дело, как канонизация святых, не было регулировано точными и определенными церковными постановлениями и правилами, нужно припомнить, что и в Греческой Церкви, от которой несомненно заимствовала приемы и способы канонизации Церковь Русская, таких точно сформулированных правил также не существовало. Отсюда и там формы и приемы канонизации святых носили такой же неопределенный характер, как это мы увидим и в Русской Церкви. Хотя патриарх Константинопольский Иоанн XIV и говорит в своей известной уже нам ответной грамоте митрополиту Теофосту, что в его время существовал „устав и чин“ прославления святых угодников, но, по нашему мнению, этот устав и чин определяли только самое празднование святому, а не самый порядок и ход канонизации. Если же Русская Церковь не могла взять из Греческой Церкви вполне определенных и точно сформулированных правил, определяющих и регулирующих совершение канонизации святых, то она, очевидно, должна была сама, в виду того важного значения, какое имеет канонизация святых, выработать эти правила и постановления. Нам кажется, что на весь этот период и нужно смотреть, как именно на такое время, когда только еще выработывались те правила, которые окончательно сформулированы митрополитом Макарием на его соборах 1547—1549 годов.

Нельзя сомневаться, что все сказанное о количестве и качестве собранного материала осложняет нашу задачу, так как при недостатке и неопределенности данных весьма трудно вывести правила и общие положения. Однако мы попытаемся достигнуть этой цели, насколько, конечно, это можно сделать на основании собранного материала. Мы попытаемся сделать общие выводы: 1) о способах и приемах канонизации, 2) об условиях и правилах совершения ее, 3) о лицах, совершавших канонизацию святых этого периода и о характере ее.

1) Способы и приемы канонизации.

Прежде чѣмъ приступить къ обзорѣннѣмъ способамъ и приемамъ, которые наша Церковь употребляла за этотъ періодъ при канонизаціи своихъ святыхъ, мы должны указать на самую общую черту прославленія нашихъ святыхъ, которая каждому съ перваго же взгляда бросается въ глаза. Эта черта, замѣчаемая въ исторіи канонизаціи почти каждаго угодника, есть его мѣстное почитаніе. И дѣйствительно, всѣ наши святые этого періода болѣе или менѣе долгое время сперва прославляются мѣстно, только въ томъ монастырѣ, городѣ или вообще той мѣстности, гдѣ они жили, подвизались, и гдѣ покоились ихъ мощи. Даже такіе святые, какъ Теодосій Печерскій, св. Алексій, митрополитъ Московскій, Сергій Радонежскій, Кирилль Бѣлоозерскій, прославлялись ⁸²то или другое время только мѣстно. При этомъ мѣстное почитаніе нѣкоторыхъ святыхъ, какъ напр., Варлаама Хутынскаго, Никиты Переяславскаго, Михаила Черниговскаго продолжалось цѣлыя столѣтія.—Такое мѣстное почитаніе являлось естественнымъ слѣдствіемъ уваженія со стороны народа къ жизни подвижника. Это впрочемъ и естественно. Вспомнимъ, что наши святые, подражая въ подвигахъ восточнымъ аскетамъ, нисколько не уступая иногда имъ въ этихъ подвигахъ, однако по своему характеру были далеки отъ той мистико-созерцательной, отрѣшенной отъ всякихъ земныхъ интересовъ жизни, которая составляетъ отличительную черту восточнаго монашества. Наши подвижники вели трудовую, полную тяжелой борьбы съ природою жизнь, которая сильно дѣйствовала на народъ. Они первые заселяли далекія пустыни Сѣвера; они же первые заносили туда сѣмена христіанства и своею высокою жизнью показывали образецъ лучшихъ христіанскихъ нравовъ. Высокая мудрость подвижниковъ, и тотъ авторитетъ, какой они имѣли у властей и у самаго правительства, заставляли окрестныхъ жителей обращаться къ нимъ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ и затрудненіяхъ жизни, искать у нихъ совѣта, благословенія, молитвы, заступленія предъ сильными міра и т. под. Поэтому неудивительно, если еще при жизни подвижника, основателя обители, между нимъ и окрестнымъ населеніемъ завязывались самыя тѣсныя связи, благодаря которымъ послѣднее относилось съ глубокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ первому. Будучи столь близкимъ къ подвижнику при его жизни, народъ не могъ представить, чтобы этотъ добрый, любвеобильный старецъ по смерти прервалъ съ нимъ свою родственную связь; въ его глазахъ святой и по кончинѣ своей оставался бдительнымъ покровителемъ мѣста своихъ

земныхъ подвиговъ ¹⁹³⁾. Отсюда и почитаніе святаго начиналось обыкновенно вскорѣ послѣ его смерти. Однако трудно прослѣдить отдѣльные моменты этого мѣстнаго чествованія того или другого святаго. Первое время, конечно, память его совершалась только въ монастырѣ или городѣ, гдѣ подвижникъ жилъ и подвизался. „Здѣсь въ монастырѣ, въ кругу старцевъ, хранителей преданій, жизнь почившаго подвижника рано получала то благоговѣнно настраивающее гиперболическое освѣщеніе, въ которомъ черты ея, теряя мелкія подробности, сливались въ величественный образъ его, какъ человѣка, весьма высокой, примѣрной нравственности“ ¹⁹⁴⁾. Но съ теченіемъ времени (иногда вскорѣ же послѣ кончины) почитаніе святаго выходитъ за предѣлы монастыря. Слава о почившемъ подвижникѣ распространялась все далѣе и далѣе, и вотъ народъ толпами спѣшить къ могилѣ его, гдѣ и служить по немъ панихиды. Съ началомъ чудесъ эти панихиды замѣняются молебнами, и чествованіе святаго начинаетъ принимать уже церковный характеръ. Съ этого времени появляются тропарь и кондакъ святаму; надъ могилой угодника поставляется рака, которая покрывается покровомъ, надъ ракой ставится изображеніе святаго или его икона съ неугасимою лампадою передъ ней ¹⁹⁵⁾. Мѣстное народное чествованіе и появленіе чудесъ были самыми обыкновенными побужденіями, заставлявшими монастырь дать своимъ воспоминаніямъ о преподобномъ церковно-литературную обработку въ формѣ стихирь, канона и житія. Явленіе житія и службы тому или другому святаму можетъ служить яснымъ признакомъ перехода почитанія народнаго къ его почитанію церковному.

То и другое обыкновенно подготовляетъ канонизацію. Поводомъ къ послѣдней большею частію служили чудеса, совершавшіяся отъ раки святаго, и рѣже открытіе мощей. Появленіе чудесъ побуждало высшую церковную власть, митрополита съ соборомъ, если прославленіе святаго хотѣли распространить на всю Церковь, или же просто мѣст-

¹⁹³⁾ Яхонтовъ, Житія съвер. — русск. подвижниковъ, 265—6.

¹⁹⁴⁾ Блужевскій В. О., Житія, 384.

¹⁹⁵⁾ Мы уже видѣли, что икона св. Исаи, еп. Ростовскаго, послѣ открытія его мощей поставлена была надъ его ракой. Встрѣчаемъ и еще факты подобнаго рода. Такъ, въ житіи св. Андрея, кн. Смоленскаго, между прочимъ, говорится, что еще задолго до его церковнаго прославленія „на иконахъ образъ его рисуемъ“ (былъ). Точно также и въ житіи преп. Саввы Вишерскаго, написанномъ Пахоміемъ Логоетомъ, есть рассказъ о томъ, что Іона, архіепископъ Новгородскій, повелѣлъ написать образъ преподобнаго. (Блужевскій, 156).

наго епископа, если прославленіе святаго хотѣли сдѣлать мѣстнымъ, своимъ авторитетомъ утвердить это народное чествованіе святаго. Въ чемъ же и какъ это утверженіе выражалось? Такимъ образомъ мы подошли къ обзорѣню способовъ и пріемовъ канонизаціи въ собственномъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Въ древней Греческой Церкви канонизація святыхъ выражалась, какъ мы видѣли, въ установленіи дня празднованія памяти святаго. Въ этомъ же установленіи дня празднованія памяти святаго, какъ показываютъ собранныя нами данныя, выражалась въ разсматриваемый нами періодъ канонизація святыхъ и въ нашей Церкви. Обыкновенно это учрежденіе празднованія дня памяти того или другого святаго при канонизаціи падало на день смерти его. Такъ, напр., установленъ былъ при канонизаціи Бориса и Глѣба праздникъ 24 Іюля, день убіенія перваго, въ честь препод. Θεодосія 3-го Мая,—день смерти его. Вообще, въ большинствѣ случаевъ, при канонизаціи святаго устанавливался праздникъ именно въ день его смерти, что, какъ мы видѣли, было и въ Греческой Церкви, въ которой также праздновали обыкновенно день смерти того или другого мученика или святаго. Впрочемъ, иногда, если канонизація святаго вызывалась открытіемъ мощей его, то устанавливалось празднованіе дня обрѣтенія мощей. Съ теченіемъ времени, впрочемъ, всегда устанавливалось и празднованіе дня смерти послѣдняго рода святыхъ.

Для рѣшенія вопроса о томъ, кѣмъ устанавливались праздники въ честь святыхъ этого періода, естественнѣе и ближе всего слѣдовало бы обратиться къ актамъ высшей духовной и гражданской власти, которыми узаконялись эти праздники. Но, къ сожалѣнію, за весь этотъ періодъ мы имѣемъ только одинъ подобный актъ, — это именно грамоту Константинопольскаго патріарха Іоанна XIV объ установленіи празднованія св. Петру, митрополиту Московскому. Объ установленіи же праздниковъ въ честь другихъ нашихъ святыхъ такихъ актовъ до насъ не сохранилось.

Но и за неимѣніемъ такихъ актовъ на вопросъ о томъ, — кѣмъ въ настоящій періодъ устанавливались праздники въ честь нашихъ святыхъ, можно отвѣтить въ положительной формѣ, такъ какъ собранный уже выше матеріалъ даетъ намъ для этого достаточныя данныя. На основаніи этихъ данныхъ можно сдѣлать заключеніе, что учрежденіе мѣстныхъ праздниковъ въ честь мѣстно-чтимыхъ святыхъ во весь настоящій періодъ принадлежало мѣстнымъ епископамъ; такъ, напр., Леонтію, еп. Ростовскому, установилъ празднованіе Іоаннъ, еп. Ростовскій. Но въ нашей Церкви наряду съ этими мѣстными праздни-

ками въ честь святыхъ съ самаго же перваго времени появляются праздники всеобщіе т. е. праздники, совершаемые всею Русскою Церковью. Именно таковыми до XV вѣка были праздники: въ честь святыхъ Бориса и Глѣба, преп. Феодосія Печерскаго, митрополитовъ Московскихъ: Петра и Алексія, Сергія Родонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго. Само собою разумѣется, что праздники послѣдняго рода должны быть устанавливаемы высшею властію Русской Церкви. И дѣйствительно, собранные нами выше факты вполне подтверждаютъ это общее положеніе. Какъ въ исторіи канонизаціи святыхъ Бориса и Глѣба, такъ и въ исторіи канонизаціи другихъ святыхъ этого періода: Феодосія Печерскаго, Алексія, митрополита Московскаго, Сергія Родонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго, мы находимъ свидѣтельства объ установленіи имъ праздниковъ высшею властію Русской Церкви. А такъ какъ такую властью въ этотъ періодъ былъ митрополитъ съ соборомъ своихъ епископовъ, ему подвѣдомыхъ, то ему, очевидно, и должно было принадлежать это право. Что дѣйствительно власть устанавливать всеобщіе праздники принадлежала въ то время митрополиту съ соборомъ епископовъ, это можно видѣть изъ исторіи канонизаціи св. Алексія, митр. Московскаго, праздникъ въ честь котораго „составижеся по благословенію господина преосвященнаго архіепископа святѣйшаго и всея Руси Іоны и прорассужденіемъ еже о немъ честнаго събора святительска, волею же христіолюбиваго и вседержавнаго государя великаго князя Василія Васильевича всея Руси“ и проч.¹⁹⁶

Учрежденіе всеобщихъ праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ этого періода, какъ мы видѣли, зависѣло не только отъ благословенія митрополита съ соборомъ, но и еще отъ воли великаго князя. Естественно рождается при этомъ вопросъ: въ чемъ состояло это участіе и чѣмъ оно обусловливалось? По нашему мнѣнію, это участіе высшей гражданской власти въ учрежденіи праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ не нужно представлять въ очень широкихъ размѣрахъ. Главнымъ образомъ учрежденіе праздниковъ было дѣломъ высшей церковной власти — или митрополита съ соборомъ, или мѣстныхъ епископовъ; отъ нихъ часто выходила инициатива установленія этихъ праздниковъ; отъ нихъ же главнымъ образомъ зависѣла и санкція ихъ. На долю же высшей гражданской власти обыкновенно оставалось только дать свое согласіе и утвердить своимъ авторитетомъ то, что уже постановлено высшею духовною властію: отсюда и формула установленія этихъ праздниковъ — „прорассужденіемъ или просто благословеніемъ митро-

¹⁹⁶ описан. рук. Спб. В-ки, III, 442, 443.

полита, волею же великаго князя“. Такимъ образомъ, это участіе гражданской власти является намъ въ томъ же видѣ и въ той же самой почти формѣ, въ какой и въ настоящее время является участіе императора, какъ органа высшей свѣтской правительственной власти въ Россіи, въ дѣятельности Св. Синода, высшаго у насъ духовнаго учрежденія. Такое участіе высшей гражданской власти въ учрежденіи праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ вполнѣ объясняется тою тѣсною связью Церкви съ государствомъ, какую мы видимъ у насъ во весь этотъ періодъ.

Праздникъ въ честь того или другого святаго, учреждавшійся при его канонизаціи высшею духовною властью съ участіемъ высшей гражданской, устанавливался въ цѣляхъ прославленія памяти святаго. Эта послѣдняя цѣль достигалась составленіемъ ему службы и житія, необходимыхъ для отправленія богослуженія въ посвященный памяти его день. Подобное же явленіе мы видѣли и въ Церкви Греческой, когда говорили о канонизаціи святыхъ въ позднѣйшее время (съ VI—XII вв.). Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе предположить, что обычай этотъ заимствованъ нами оттуда. Но тамъ не было никакой возможности прослѣдить того отношенія службъ и житій къ праздникамъ, въ какомъ тѣ и другія находились между собою; вслѣдствіе чего и трудно было сказать, — всегда-ли вмѣстѣ съ учрежденіемъ праздника въ честь того или другого святаго являлись и служба ему и житіе его. Между тѣмъ въ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ относительно этого мы находимъ данныя, на основаніи которыхъ можно сдѣлать опредѣленный выводъ¹⁹⁷⁾. При извѣстии объ учрежденіи праздниковъ святыхъ, исторію канонизаціи которыхъ выше разсмотрѣли, мы въ то же время находимъ извѣстія о составленіи имъ стихирь, каноновъ, вообще службъ и житій. Такъ, непосредственно вслѣдъ за канонизаціей св. Бориса и Глѣба составляется и служба имъ, которая, какъ мы видѣли, и была написана или самимъ митрополитомъ Іоанномъ, канонизовавшимъ ихъ, или кѣмъ-либо другимъ, но только по его непосредственному порученію; точно также непосредственно вслѣдъ за канонизаціей явились службы и житія святыхъ: Леонтія, еп. Ростовскаго, Петра и Алексія, митрополитовъ Московскихъ. Наконецъ, есть всѣ основанія утверждать о совпаденіи времени появленія службъ и житій со временемъ канонизаціи и святыхъ:

¹⁹⁷⁾ Въ данномъ случаѣ мы не будемъ говорить объ отношеніи службъ и житій святыхъ къ ихъ канонизаціи, о чемъ скажемъ нѣсколько ниже, въ главѣ объ условіяхъ и правилахъ канонизаціи за этотъ періодъ.

Кирилла Бѣлоозерскаго, Ярославскихъ чудотворцевъ — Теодора, Давида и Константина ¹⁹⁸⁾. Это уже одно совпаденіе времени появленія службъ и житій со временемъ установленія нашимъ святымъ праздниковъ можетъ говорить объ ихъ тѣсной связи между собою, въ силу которой явленіе одного обуславливало собою и вызывало другое. И дѣйствительно, на основаніи собранныхъ нами выше фактовъ можно сдѣлать заключеніе, что учрежденіе праздника въ честь того или другого святаго всегда вело за собою потребность въ его литературно-церковномъ прославленіи, что и выразалось въ составленіи ему службы и житія.

Служба тому или другому святому, явившаяся указаннымъ образомъ, представляла изъ себя нѣчто стройное, сложное, части которой были слѣдующія: канонъ, стихиры, житіе съ похвальнымъ словомъ святому. Обыкновенно въ большинствѣ случаевъ прежде всего появлялся тропарь и кондакъ святому. Тотъ и другой большею частію составлялись при началѣ чудесъ отъ раки святаго. Изъ этихъ первоначальныхъ основныхъ элементовъ постепенно образовывались и слѣдующія части, входящія въ составъ службы. Тропарь, содержащій въ общемъ главныя черты жизни святаго, при дальнѣйшемъ ходѣ прославленія его, обыкновенно ложился въ основаніе житія, которое представляло только болѣе подробное изложеніе тѣхъ же самыхъ общихъ мѣстъ тропаря. Послѣ житія, на основаніи его, составлялись канонъ и стихиры святому. Таковъ въ общихъ чертахъ процессъ образованія службъ нашимъ святымъ.

Содержаніе службы обуславливается цѣлью составленія ея. А цѣль ея та же самая, какую указывали мы выше, когда говорили о житіяхъ и похвальныхъ словахъ въ честь святыхъ и мучениковъ въ Церкви Греческой. Тамъ эта цѣль службы была двоякая. Съ одной стороны, она имѣла въ виду прославленіе угодника, памяти котораго была посвящена, съ другой, назиданіе и наставленіе вѣрующихъ. Точ-

¹⁹⁸⁾ Совпадало ли время появленія службъ и житій со временемъ установленія праздниковъ въ честь остальныхъ святыхъ этого періода: св. Михаила, кн. Черниговскаго и его боярина Теодора, преп. Варлаама Хутынскаго, Димитрія Прилуцкаго, Никиты Переяславскаго и св. Исаіи и Игнатія Ростовскихъ, — трудно положительно сказать. Но основываясь на томъ, что къ XV и началу XVI в., когда мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе ясныя указанія на существованіе праздниковъ всѣмъ этимъ святымъ, мы въ то же время находимъ въ богослужебныхъ книгахъ этого времени каноны, службы и житія ихъ, можно утверждать, что такое совпаденіе имѣло мѣсто и по отношенію къ этимъ святымъ.

но такія же цѣли имѣлись въ виду и въ нашей Русской Церкви при составленіи службъ и житій нашимъ святымъ угодникамъ. Этими цѣлями опредѣлялось и содержаніе службъ. Присматриваясь къ нимъ, мы видимъ, что всѣ онѣ составлены по одному шаблону, что вполнѣ объясняется одинаковостью ихъ цѣлей. Отсюда происходитъ ихъ однообразіе содержанія, простирающееся иногда до очень большого сходства. Все содержаніе службъ и частей ихъ: службы въ собственномъ смыслѣ, въ которую входятъ—стихиры, канонъ, потомъ житія съ похвальными словами,—все содержаніе ихъ можно раздѣлить на двѣ части. Первая часть обыкновенно посвящается похвалѣ святаго, его подвигамъ и добродѣтелямъ; во второй же части эти подвиги и добродѣтели выставляются образцами и примѣрами, которымъ вѣрующіе должны подражать. При этомъ прославленіе святаго и похвала его добродѣтелямъ преимущественно составляютъ содержаніе каноновъ и похвальныхъ словъ святымъ, цѣлямъ же назиданія и наученія примѣромъ жизни святаго главнымъ образомъ посвящается житіе, которое въ концѣ этого періода принимаетъ форму проповѣди и ораторскаго слова.

Послѣ установленія дня празднованія памяти святаго и составленія ему службы и житія, вторымъ приемомъ канонизаціи этого періода, повидимому, должны бы служить святцы или мѣсяцесловы, въ которые въ настоящее время, напримѣръ, непосредственно вслѣдъ за канонизаціей вносятся имена святыхъ. Но изъ предварительныхъ свѣдѣній мы уже знаемъ, что наши святцы не стояли подъ контролемъ высшей церковной власти, и внесеніе въ нихъ именъ святыхъ зависѣло отъ произвола переписчиковъ; при томъ за весь этотъ періодъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ указанія на то, чтобы непосредственно вслѣдъ за канонизаціей того или другого святаго имя его вносилось въ мѣсяцесловы. Съ другой стороны, обращая вниманіе на дошедшіе до насъ изъ этого періода святцы, мы видимъ, что содержаніе ихъ далеко не исчерпываетъ всего количества святыхъ этого времени. Такъ, въ святцахъ XIII вѣка¹⁹⁹⁾ мы встрѣчаемъ только имена св. Бориса и Глѣба и преподобнаго Феодосія Печерскаго, хотя, несомнѣнно, къ XIV вѣку число святыхъ въ нашей Церкви значительно увеличилось. Въ послѣдующее время до самаго XVI вѣка цифра русскихъ святыхъ и праздниковъ въ честь ихъ въ мѣсяцесловахъ этого време-

¹⁹⁹⁾ Мы имѣемъ въ виду здѣсь святцы XIII, в.—III, т. II. митр. Макарія. стр. 279—92.

ни также очень незначительна и колеблется между шестью и десятью. До послѣдней цифры не достигаетъ, говоритъ И. Д. Мансветовъ, ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ устава, но мы ставимъ ее предѣльнымъ пунктомъ, до котораго доходить итогъ русскихъ памятей по разнымъ спискамъ этого послѣдняго ²⁰⁰).

Самый полный по количеству славянскихъ памятей мѣсяцесловъ есть уставъ изъ библіотеки Троице-Сергіевой Лавры № 239 XV вѣка, въ которомъ записано восемь славянскихъ памятей; въ Синодальномъ Студійскомъ уставѣ 1389 г. ихъ значится шесть ²⁰¹); въ псалтири митрополита Кипріяна семь южно-славянскихъ святыхъ и между ними одинъ только русскій—Петръ митрополитъ (ср. Агіол. 1, 139—140). Было, конечно, за этотъ періодъ немало мѣстныхъ памятей, но онѣ справлялись въ своихъ областяхъ и не заходили на страницы общаго типика ²⁰²). Такимъ образомъ, изъ этого краткаго историческаго обзорѣнія нашихъ святцевъ за этотъ періодъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что канонизація святыхъ не сопровождалась внесеніемъ именъ ихъ въ святцы; ибо въ противномъ случаѣ количество русскихъ памятей въ нихъ должно бы быть къ XVI вѣку гораздо болѣе и притомъ въ святцахъ одного и того же времени должно бы быть болѣе или менѣе одинаковымъ, чего мы однако не замѣчаемъ. Если же канонизація святыхъ этого періода не сопровождалась внесеніемъ именъ ихъ въ святцы, то послѣдніе, очевидно, и не могли быть формою или пріемомъ ея.

II. Правила совершенія канонизаціи.

Тотъ недостатокъ историческихъ данныхъ, какой мы видѣли въ исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ за данный періодъ и на который мы уже не разъ указывали, нигдѣ такъ не затрудняетъ изслѣдователя, какъ именно по отношенію къ вопросу о правилахъ, которыми у насъ въ это время руководились при совершеніи ея. Но кромѣ этого недостатка матеріала и данныхъ, изслѣдователь встрѣчаетъ не менѣе важное затрудненіе и со стороны самаго качества этого матеріала, который отличается неясностью и неопредѣленностью. Изъ исторіи канонизаціи святыхъ этого періода можно видѣть, что въ одномъ случаѣ примѣнялись одни правила, въ другомъ—совершенно другія,

²⁰⁰) Мансветовъ, Церковный Уставъ, стр. 284—5.

²⁰¹) Ibid.

²⁰²) Мансветовъ, Ц. Уставъ, 284—5.

а въ третьемъ, наконецъ, случаѣ никакихъ указаній на примѣненіе такихъ бы то ни было правилъ мы не находимъ. Такъ напр., при канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго, мы впервые встрѣчаемъ записываніе чудесъ и чтеніе ихъ въ церкви, при чемъ въ послѣдующее время этого періода мы не всегда находимъ указанія на это. При открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, мы впервые встрѣчаемся съ фактомъ свидѣтельства ихъ, который потомъ уже въ этомъ періодѣ не повторяется. Точно также, наконецъ, встрѣчаемъ примѣръ повѣрки вышею властію Церкви житій и каноновъ, именно, при канонизаціи св. Алексія, митрополита Московскаго. И записываніе чудесъ, и освидѣтельствованіе мощей и эта, наконецъ, повѣрка житій,—все это, безъ сомнѣнія, можно отнести къ правиламъ совершенія канонизаціи. Поэтому, основываясь на вышеприведенныхъ фактахъ, можно бы, кажется, сдѣлать заключеніе, что и на самомъ дѣлѣ это было такъ. Но вѣрность и справедливость такого заключенія будетъ очень сомнительна; потому что по единичнымъ фактамъ примѣненія этихъ правилъ, при совершеніи канонизаціи, дѣлать заключеніе къ ихъ общему и постоянному употребленію въ практикѣ Русской Церкви за все это время, логика намъ не позволяетъ. При такомъ разнообразіи единичныхъ фактовъ, непохожихъ одинъ на другой, исследователь попадаетъ въ очень затруднительное положеніе. Не говоря уже о трудности обобщенія и приведенія ихъ къ одному, такъ сказать, знаменателю, онъ, съ одной стороны, не имѣетъ права обобщить всѣ эти разнообразные факты, а съ другой,—и не можетъ совершенно игнорировать ихъ. Единственно возможный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, это то предположеніе, которое мы выше сдѣлали, что въ этотъ періодъ только еще вырабатывались тѣ правила совершенія канонизаціи, которыя мы видимъ существующими въ ней въ послѣдующее время.

Самое главное правило, которымъ постоянно наша Церковь въ этотъ періодъ руководилась при совершеніи канонизаціи своихъ святыхъ, состояло въ томъ, чтобы тѣла или мощи ихъ были прославлены чудотвореніями. Чудеса были необходимымъ условіемъ для церковнаго прославленія сятаго. Въ древней Руси извѣстно было правило, которое требовало для церковнаго признанія открывшихся мощей „да сотворять три чуда: глухъ да прослышитъ, нѣмъ проглаголетъ, слѣпъ да прозритъ; и аще сотворять чудеса, то отъ Бога и отъ св. Апостолъ; аще ли не сотворять тѣхъ чудесъ, то не примите ихъ“²⁰³).

²⁰³) Ключевскій. Житія, 423—24. Это правило встрѣчается уже въ сборникѣ XII в. См. Опис. рук. Сп. Б. кн, 2, 283.

Примѣненіе этого правила въ практикѣ Русской Церкви мы встрѣчаемъ съ самаго начала исторіи канонизаціи. Уже авторъ житія Владимира и вслѣдъ за нимъ лѣтопись считаютъ чудеса необходимымъ условіемъ для церковнаго прославленія святаго. Первый и за нимъ вторая жалуются, что русскіе люди, обязанные Владимиру такимъ великимъ благомъ, какъ христіанская вѣра, не воздаютъ своему крестителю „почестья противу онаго взданью: да аще быхомъ, говорятъ они, имѣли тщаніе и молбу приносили Богу за нѣ въ день преставленія его, вида бы Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы и“²⁰⁴), т. е. чудесами, послѣ чего, разумѣется, послѣдовало бы причисленіе его къ лику святыхъ. И дѣйствительно уже въ періодѣ до-монгольскомъ можно прослѣдить слѣдствія примѣненія этого правила. Такъ, одновременно съ Борисомъ и Глѣбомъ потерпѣлъ мученическую смерть отъ руки Святополка третій сынъ Владимира Святославъ; но его тѣло отсутствовало²⁰⁵) и не творило чудесъ, а поэтому онъ вмѣстѣ съ двумя первыми и не причисленъ къ лику святыхъ. Въ Ростовѣ были одновременно открыты мощи Леонтія и Исаи, и однако причисленъ къ лику святыхъ только одинъ первый: необходимо под-разумѣвать причиной то, что только при его мощахъ совершались чудотворенія. Въ Смоленскѣ было написано житіе Авраамія, и однако онъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ: ясно, что къ свидѣтельству житія не доставало свидѣтельства чудотвореній²⁰⁶).

Въ послѣдующее время монгольскаго и послѣ-монгольскаго періода до самыхъ Макарьевскихъ соборовъ мы точно также видимъ самое строгое и постоянное примѣненіе этого правила при совершеніи канонизаціи святыхъ въ практикѣ Русской Церкви. Множество фактовъ показываетъ намъ, что канонизація того или другого святаго совершалась не прежде того, какъ тѣло его было прославлено отъ Бога знаменіями и чудесами. Всѣ святые этого періода, канонизацію которыхъ мы выше разсмотрѣли и о способѣ канонизаціи которыхъ сохранились свѣдѣнія, по смерти своей прославились многими чудотвореніями, послѣ которыхъ и на основаніи которыхъ они и были канонизованы. Вспомнимъ для примѣра канонизацію св. Петра митрополита Московскаго, чудеса отъ св. тѣла котораго стали совершаться со времени его погребенія, и канонизація котораго совершилась не

²⁰⁴) Христ. Чт. 1849 г., II, 334; П. С. Р. Л. I, 57.

²⁰⁵) Бѣжавъ отъ Святополка въ Венгрію, онъ убитъ и погребенъ на горѣ Угорской или на Барпатахъ.

²⁰⁶) Е. Е. Голубинскій, Ист. Р. Церкви, I, 2 ч., 341.

ранѣ, какъ всё увѣрились посредствомъ чудотвореній отъ его мощей въ его прославленіи отъ Бога, на что, между прочимъ, указывается и въ отвѣтной грамотѣ Константинопольскаго патріарха Іоанна XIV къ митрополиту Теогносту: „писаніе пріяхомъ твоего святительства, повѣдающе убо и извѣщающее преже бывшаго святителя Петра, како прославленъ бысть и по смерти отъ Бога и ближній его служитель бысть и угодникъ, яко убо и чудесемъ великимъ совершатися отъ него и всякія болѣзни изцѣляти“²⁰⁷⁾; вспомнимъ канонизацію св. Алексія, митрополита Московскаго, которая точно также обуславливалась чудесами, совершавшимися отъ его раки. Нагляднѣе всего это требованіе чудесъ отъ тѣлъ угодниковъ, требованіе, отъ котораго безусловно зависѣла канонизація ихъ, выразилось при открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ—князя Θεодора и чадъ его, Константина и Давида. Мы видѣли, при разсмотрѣніи исторіи ихъ канонизаціи, что до самаго открытія ихъ мощей, случившагося въ 1463 году, имъ не было даже воздаваемо и мѣстнаго почитанія. Въ этомъ году почему-то игумень съ братією, съ согласія великаго князя Александра Θεодоровича, рѣшили положить мощи ихъ, доселѣ лежавшія наверху земли, съ великою честью въ землю въ той же церкви св. Спаса, гдѣ онѣ и прежде лежали. Но когда приступили къ исполненію этого намѣренія, то отъ св. мощей совершилось много чудесъ и исцѣленій. „Игумень же, и священники, и князь Александръ, и весь народъ видѣша таковыя чудеса и исцѣленія удивившася и прославиша Бога и его угодниковъ и начаша проповѣдати всюду ихъ дивная чудеса. Священники же молебны пѣвше и воду съ мощей ихъ освятиша и князь и народъ окропиша“²⁰⁸⁾. Эти чудеса, влѣдствіе которыхъ мощи оставлены были опять поверхъ земли, и повели за собою канонизацію этихъ угодниковъ²⁰⁹⁾. Можно бы привести и еще нѣсколько фактовъ

²⁰⁷⁾ Степен. кн. I, 422.

²⁰⁸⁾ Степен. мн. I, 398.

²⁰⁹⁾ Если нельзя точно провѣрить строго примѣненія правила, по которому отъ открывшихся мощей для признанія ихъ требовалось, чтобы онѣ сотворили три чуда: „глаухъ да прослышитъ, нѣмъ проглаголетъ, слѣпъ да прозритъ“, то можно съ несомнѣнностью утверждать, что отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, требовалось не одно чудо, а именно, какъ показываетъ настоящій фактъ открытія мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, „чудеса и исцѣленія многа“. Во всякомъ случаѣ одного чуда для этого было недостаточно, какъ показываетъ слѣдующій фактъ. Подъ 1474 годомъ второй Соф. Лѣтописи между прочимъ разсказывается о томъ, что въ этомъ году Богъ простилъ у гроба митрополита Теогноста чело-

подобнаго рода, но такъ какъ они у насъ собраны уже выше, то чтобы не повторяться, мы ограничимся только этими фактами.

Что дѣйствительно чудеса были необходимымъ условіемъ канонизаціи того или другого святаго, это видно изъ сопоставленія съ приведенными уже примѣрами слѣдующихъ фактовъ. Въ этотъ періодъ между прочимъ были открываемы мощи и другихъ святыхъ; но празднованія ихъ памятей не было установлено. Такъ, въ 1472 году, мѣсяца Іюля „обрѣтоша въ церкви св. Спаса княгиню Марію великаго князя Семена Ивановича, нареченную во мнишескомъ чину Фетинію, въ тѣлѣ не врежену ничимъ же, толико риза истлѣ; и посла князь велики по игуменію Олексѣевскую и повелѣ ея облещи во всѣ новыя ризы мнишескія и облече ея“²¹⁰). Въ 1479 году, мѣсяца Іюля въ 27 день, было совершено перенесеніе мощей въ новую церковь пресв. Богородицы изъ церкви Іоанна Лѣствичника, гдѣ онѣ до сихъ поръ временно находились, митрополитовъ: Кипріяна, Фотія, Іоны чудотворца, и князя Юрья Давидовича; при этомъ лѣтописецъ рассказываетъ, что „митрополитъ Геронтій съ кадиломъ, и владыка и вси священники съ нимъ, и князь велики съ сыномъ и съ всѣми преждереченными придоша ко гробу пресвященнаго митрополита Филиппа: той бо лежаше посторонь новыя церкви на лѣвой сторонѣ, положенъ бѣ въ той церкви, юже самъ заложилъ, и открыша гробъ, и видѣша его лежаща всего цѣла въ тѣлѣ, якоже и преосвященный митрополитъ Іона, и ризы его ни мало не истлѣша, а уже по преставленіи его 6 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ безъ 8 дней“, и далѣе повѣствуется о самомъ перенесеніи этихъ новооткрытыхъ мощей²¹¹). Почему, спрашивается, всѣмъ этимъ лицамъ, чьи нетлѣнныя мощи были открыты, не было установлено праздниковъ? Единственный вѣроятный отвѣтъ на этотъ вопросъ, который можно дать, состоитъ въ томъ, что къ свидѣтельству нетлѣнія мощей не доставало еще свидѣтельства чудотвореній. И дѣйствительно,

вѣка глухонѣмаго. Объ этомъ чудѣ было донесено митрополиту Геронтію и великому князю „Они же, говорится далѣе, невѣриемъ одержими бѣша, не повелѣша звонити всему городу славити его; но послади новую церковь сотвориша ту св. Богородицу и задѣлаша мощи его въ землю покопавши, и покрову на гробницу каменной не положиша, и нынѣ въ небреженіи гробъ его“ (стр. 198). Причина этого невѣрія со стороны митрополита и великаго князя вѣроятно всею вызвана была тѣмъ обстоятельствомъ, что болѣе чудесъ отъ гроба не было

²¹⁰) П. С. Р. Л. VI, 198.

²¹¹) П. С. Р. Л. т. VIII, 203.

въ лѣтописяхъ, которыя всегда такъ точно отмѣчаютъ подобные факты, мы нигдѣ не находимъ замѣтокъ о томъ, чтобы отъ мощей всѣхъ этихъ лицъ совершались до этого времени чудеса и исцѣленія²¹²⁾. Это именно отсутствіе свидѣтельства чудесъ, хотя мощи и были прославлены уже нетлѣніемъ, и было причиною того, что тогда какъ при перенесеніи мощей Петра, митр. Московскаго, бывшемъ 23 Августа 1479 года, ему пѣли молебны, какъ прославленному отъ Бога множествомъ чудотвореній²¹³⁾, при перенесеніи же мощей остальныхъ митрополитовъ, 27 Августа того же года, по нимъ пѣли только еще панихиды—, и отпѣвъ вечерняя панихида (повелѣша) пѣти по нихъ“²¹⁴⁾, что прямо свидѣтельствуешь о томъ, что они еще не прославлялись церковнымъ образомъ.

Чудеса, совершавшіяся отъ мощей того или другого угодника, служа необходимымъ условіемъ его церковнаго прославленія или его канонизаціи, должны были имѣть поэтому важное значеніе. На нихъ смотрѣли, какъ на самое главное доказательство прославленія угодника отъ Бога. Поэтому къ сохраненію ихъ принимались особенныя мѣры: ихъ записывали, и эти записи, при канонизаціи святаго, представлялись высшей церковной власти для провѣрки. Впрочемъ, въ этотъ періодъ мы встрѣчаемъ очень мало фактовъ и этого записыванія чудесъ и этого ихъ свидѣтельствованія или провѣрки высшею властію Церкви. Первые указанія на записываніе чудесъ мы встрѣчаемъ уже сравнительно въ позднее время этого періода, именно въ XIV—XV вѣкахъ. Такъ, въ житіи св. Петра, митрополита Московскаго, усвояемому епископу Ростовскому Прохору, мы читаемъ: „да егда благовѣрный князь Иванъ, написавъ та чудеса и посла въ градъ Володимеръ ко святому сбору, и, взявъ свитокъ преподобный епископъ Прохоръ, взиде на онболъ и нача чести чудеса, бывшаа въ

²¹²⁾ Впрочемъ, за исключеніемъ мощей митрополита Юны, отъ которыхъ при самомъ ихъ перенесеніи исцѣлился разслабленный отрокъ (Степен. кн. II, 89), и затѣмъ постоянно время отъ времени совершались чудеса (П. С. Р. Л. VI, 196). Но это исключеніе нисколько не противорѣчитъ и не колеблетъ правильности того положенія, по которому чудеса были необходимы для прославленія того или другого угодника, а напротивъ подтверждаетъ его, такъ какъ и митрополитъ Юна, благодаря этимъ чудесамъ, какъ мы видѣли, къ концу XV в. прославлялся уже церковнымъ образомъ.

²¹³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 201.

²¹⁴⁾ Ibid.

градъ Москвѣ отъ гроба святаго митрополита Петра²¹⁵⁾. Другой фактъ подобнаго записыванія мы имѣемъ уже изъ начала второй половины XV вѣка. Именно, въ 1461 году въ Новгородѣ, во время пребывания тамъ великаго князя Московскаго Василія Васильевича случилось чудо, — препод. Варлаамъ Хутынский воскресилъ отрока Тумьгена изъ мертвыхъ. Это чудо было тогда же официально описано, вѣроятно, по порученію великаго князя, Московскимъ митрополичьимъ дякомъ Родіономъ Кожухомъ²¹⁶⁾. Свѣдѣній о записываніи чудесъ другихъ святыхъ этого времени мы не имѣемъ до самаго XVI вѣка. Впрочемъ, при житіяхъ святыхъ обыкновенно въ концѣ ихъ мы встрѣчаемъ почти всегда болѣе или менѣе полный реестръ ихъ чудесъ. Это явленіе особенно становится замѣтнымъ съ XV вѣка. И дѣйствительно, присматриваясь къ житіямъ, явившимся въ это время, и авторомъ большей части которыхъ былъ Пахомій Логоетъ, мы находимъ въ нихъ всегда приложеніе и этихъ чудесъ. Можно думать, что послѣднія были заимствуемы въ житія изъ монастырскихъ записей чудесъ, которыя велись тамъ, на чтò, повидимому, можетъ указывать и то обстоятельство, что Пахомій Логоетъ нерѣдко для написанія того или другого житія отправлялся въ монастырь, въ которомъ подвизался святой, для собиранія матеріала. Поэтому очень возможно, что въ числѣ послѣдняго были и эти записи чудесъ. Наконецъ, то обстоятельство, что обычай записыванія чудесъ въ XVI вѣкѣ дѣлается уже у насъ постояннымъ, можетъ говорить въ пользу того, что онъ получилъ свое начало ранѣе, именно въ этотъ первый періодъ канонизаціи нашихъ святыхъ. Но примѣнялось ли это записываніе чудесъ по отношенію къ каждому святому въ этомъ періодѣ, на этотъ вопросъ, за недостаткомъ данныхъ, сюда относящихся, трудно дать отвѣтъ. Напротивъ, находимъ извѣстія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что чудеса святыхъ не всегда старательно записывались. Такъ, въ житіи преп. Кирилла Бѣлоозерскаго, авторъ его — Пахомій Логоетъ, сказавъ о погребеніи преподобнаго, продолжаетъ далѣе: „множайша же ина чудеса при животѣ бывшая блаженнаго Кирилла множества ради, паче же и предъ многими лѣты быша, писанію не предашеса“²¹⁷⁾.

Если же на основаніи имѣющихся изъ всего этого періода двухъ фактовъ записыванія чудесъ трудно положительно отвѣтить на вопросъ: прилагался ли этотъ обычай къ каждому святому, то еще труднѣе

²¹⁵⁾ Духовный Вѣстникъ, 1862 года 1, прил. 4, стр. 21.

²¹⁶⁾ П. С. Р. Л. т. VI, стр. 320.

²¹⁷⁾ Рук. Сборн. Тр. С. Л. № 764, л. 2, пис. Пасіемъ Ярославовымъ.

объяснить дѣль, съ какою въ указанныхъ случаяхъ канонизація производилась эта запись. То обстоятельство, что какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ это записываніе исходитъ отъ лица высшей власти и, слѣдовательно, имѣетъ оффиціальнѣйшій характеръ, равно какъ и чтеніе въ первомъ случаѣ этой записи въ церкви въ присутствіи князя и всего народа, — все это какъ будто даетъ достаточное основаніе заключить намъ объ ихъ близкомъ отношеніи къ канонизаціи того и другого святаго. Это отношеніе подтверждается еще болѣе, если мы припомнимъ, что и на самомъ дѣлѣ это записываніе совпадаетъ со временемъ канонизаціи обоихъ этихъ святыхъ, о записи чудесъ которыхъ мы сейчасъ разсуждаемъ. Такъ, мы выше видѣли, что запись чудесъ св. Петра представлена была во Владимирѣ епископу Прохору, который и совершилъ тогда же канонизацію его (мѣстную); точно также и чудо преп. Варлаама Хутынскаго, записанное дякомъ Родіономъ Кожухомъ, совпадаетъ со временемъ начала его всеобщаго почитанія. Поэтому можно думать, что въ данныхъ случаяхъ это записываніе чудесъ имѣло ближайшее отношеніе къ канонизаціи. Но трудно точнѣе опредѣлить это отношеніе. Можно указать двѣ дѣли, съ какими эти чудеса святыхъ записывались. Во-первыхъ, дѣль оглашенія ихъ въ обществѣ Церкви и во-вторыхъ, возможность провѣрки этихъ чудесъ. Поэтому, если мы докажемъ далѣе, что въ Русской Церкви въ это время существовало это правило провѣрки чудесъ, то тогда легко будетъ и записываніе послѣднихъ объяснить этимъ правиломъ.

Какъ можно уже видѣть изъ представленной исторіи канонизаціи каждаго святаго въ отдѣльности, свѣдѣній о существованіи правила провѣрки высшею церковною властію чудесъ и о постоянномъ примѣненіи его при совершеніи ея сохранилось очень мало. Въ до-монгольской періодъ такую провѣрку можно предполагать относительно чудесъ, совершавшихся при мощахъ Бориса и Глѣба. Основаніемъ для такого предположенія можетъ служить замѣчаніе лѣтописца, указанное нами уже при изложеніи исторіи канонизаціи преп. Θεодосія Печерскаго, что нѣкоторые митрополиты Греки не вѣрили святости Русскихъ угодниковъ. Такое невѣріе митрополита Грека въ святость нашихъ угодниковъ естественно должно было заставить его съ особенною осторожностію отнестись къ чудесамъ свв. Бориса и Глѣба и провѣрить ихъ. Изъ послѣдующаго времени этого періода мы имѣемъ два факта подобнаго рода провѣрки чудесъ высшею духовною властію. Первый фактъ такой провѣрки чудесъ высшею церковною властію мы встрѣчаемъ въ исторіи канонизаціи Ярославскихъ чудо-

творцевъ. Мы видѣли уже, что когда отъ открывшихся мощей стали совершаться многія чудеса, то игумень съ братіей сочли нужнымъ донести какъ о мощахъ, такъ и объ этихъ чудесахъ Ростовскому епископу Трифону, къ епархіи котораго принадлежалъ Ярославль. Этотъ епископъ, какъ читаемъ въ Степенной книгѣ и Софійскомъ Временникѣ, „слышавъ, яко многа чудеса и исцѣленія у гроба святыхъ бывають во градѣ Ярославли отъ мощей новоявленныхъ чудотворецъ благовѣрнаго великаго князя Θεодора Ростиславича Смоленскаго и Ярославскаго и сыновъ его Давида и Константина, и бысть невѣріемъ одержимъ о чудесѣхъ святыхъ, и нешевая, яко ложь есть, и посла во градъ Ярославль видѣти и извѣстно испытати Ростовскаго протопопа, Константина именемъ“, чтобы, какъ послѣдній самъ высказалъ игумену цѣль своего прибытія въ монастырь Спаса, „дозрѣти вашихъ чудотворцевъ, како будутъ въ тѣлеси лежать, и како исцѣленія многа творять, истина ли то будетъ или лжа на прелесть чловѣкомъ“²¹⁸⁾. Другой фактъ, хотя и не такой рѣшительный и ясный, какъ вышеприведенный,—это чтеніе записи чудесъ при канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго²¹⁹⁾.

Само собою разумѣется, что трудно на основаніи двухъ имѣющихся на лицо фактовъ провѣрки чудесъ сдѣлать заключеніе къ существованію общаго правила, которое постоянно практиковалось бы при совершеніи канонизаціи въ это время. Сдѣлать такой выводъ не позволяетъ намъ отсутствіе свидѣтельствъ и указаній на примѣненіе этого правила въ другихъ случаяхъ канонизаціи святыхъ этого времени. Но тѣ же факты, не дозволяя признать этого правила общимъ правиломъ, въ то же время свидѣлствуютъ о томъ, что оно все-таки существовало въ практикѣ Церкви и иногда примѣнялось. Въ пользу этого положенія можно привести, кромѣ того, и нѣкоторыя другія соображенія. Такъ, мы уже говорили о невѣріи митрополитовъ Грековъ въ святость Русскихъ святыхъ, которое должно было способ-

²¹⁸⁾ Степен. кн. ч. I, 398; Соф. Врем. II, 12—13.

²¹⁹⁾ Впрочемъ иногда запись чудесъ читалась въ церкви предъ народомъ не съ цѣлью провѣрки ихъ (Ключевскій, Житія, 421), а просто съ цѣлью оглашенія ихъ. Поэтому нельзя ли предполагать подобную же цѣль и при чтеніи записи чудесъ митроп. Петра? Но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ подобной цѣли нельзя предполагать. Что здѣсь дѣйствительно была повѣрка, на это можетъ указывать свидѣтельство иновѣрца, который своимъ личнымъ показаніемъ снова подтверждаетъ свое видѣніе, безъ сомнѣнія уже внесенное въ общую запись.

ствовать явленію обычая повѣрки чудесъ въ самое же первое время совершенія у насъ канонизаціи нашихъ святыхъ. Съ другой стороны, въ послѣдующее время, какъ можно заключать изъ словъ протопопа Константина, посланнаго свидѣтельствовать новоявленные мощи Ярославскихъ чудотворцевъ, въ церковной жизни того времени были явленія, которыя могли служить достаточнымъ побужденіемъ для примѣненія правила о повѣркѣ чудесъ. Въ слѣдописяхъ между прочимъ разсказывается, что этотъ протопопъ Константинъ, „пришедъ въ церковь, яряся на игумена, мня симъ чудотвореніемъ игумень много богатство приобрѣте, еже приношаху гражане на молебны къ рацѣ ихъ приходяще“²²⁰). Если же въ то время дѣйствительно могли быть такія явленія, на какія намекаетъ протопопъ, то естественно они могли быть сильнымъ побужденіемъ къ приложенію на практикѣ правила повѣрки чудесъ, что мы и видимъ на примѣрѣ Трифона, епископа Ростовскаго, пославшаго съ цѣлью повѣрки чудесъ Ярославскихъ чудотворцевъ своего протопопа. Такимъ образомъ, въ виду указанныхъ нами фактовъ и соображеній мы должны сдѣлать то заключеніе, что правило о повѣркѣ чудесъ въ этотъ періодъ существовало въ нашей Церкви, хотя и не всегда прилагалось при совершеніи канонизаціи, или другими словами, что оно не было общимъ и постояннымъ правиломъ.

Рѣшивъ вопросъ о существованіи въ практикѣ Русской Церкви этого времени при совершеніи ею канонизаціи святыхъ правила повѣрки вышею властію ихъ чудесъ, можно отвѣтить и на вопросъ о существованіи у насъ въ это время правила записыванія послѣднихъ. Это правило стоитъ въ тѣсной и прямой связи съ правиломъ повѣрки чудесъ, потому что для того, чтобы выполнить послѣднее, необходимъ списокъ или записъ ихъ. Поэтому, если было у насъ въ это время правило повѣрки чудесъ, то очевидно долженъ былъ быть и обычай ихъ записыванія. Этотъ выводъ подтверждается и указанными выше фактами записыванія чудесъ при канонизаціи св. Петра и Варлаама Хутынскаго, записыванія, которое и было именно сдѣлано въ цѣляхъ повѣрки ихъ. Но такъ какъ общаго и постояннаго правила повѣрки чудесъ во весь періодъ этотъ, какъ мы видѣли, не существовало, то, слѣдовательно, и правило записыванія чудесъ, стоящее въ тѣсной связи съ первымъ, также не было общимъ и постояннымъ. Этимъ и объясняется частію то странное на первый взглядъ обстоя-

²²⁰) Степенн. кн. I, 398.

тельство, что такъ мало сохранилось указаній на приложеніе этихъ правилъ при совершеніи канонизаціи святыхъ этого періода. Съ другой стороны, факты канонизаціи, совершавшіеся у насъ въ этотъ періодъ, могли и не требовать приложенія къ себѣ этихъ правилъ. Дѣйствительно, присматриваясь къ нимъ, мы видимъ, что они и сами по себѣ были таковы, что не требовали ни записыванія чудесъ, ни ихъ повѣрки. То и другое имѣло бы мѣсто тогда, еслибы святые, которые были причтены у насъ въ это время къ лику святыхъ, жили бы или задолго до времени совершенія канонизаціи, или бы гдѣ-нибудь вдали отъ центральной духовной власти; очевидно, что при существованіи обоихъ этихъ условій письменныя записи чудесъ святаго, которыя могли бы быть представлены высшей духовной власти при его канонизаціи, дѣйствительно являлись бы необходимыми. Между тѣмъ, многіе святые, канонизованные въ этотъ періодъ, не нуждались въ этихъ предварительныхъ формальностяхъ, такъ какъ канонизація ихъ была совершаема или самими митрополитами, или мѣстными епископами, которые были непосредственными очевидцами чудесъ, совершавшихся святыми и, значить, записыванье ихъ и повѣрка были бы только лишнюю всякаго смысла формальностью. Таковы, наприм., святые: Алексій, митрополитъ Московскій, Леонтій, Исаія и Игнатій, епископы Ростовскіе.

Однако страннымъ можетъ казаться то обстоятельство, что въ послѣдующій періодъ канонизаціи, именно на Макарьевскихъ соборахъ и послѣ нихъ, мы видимъ уже постоянное приложеніе обоихъ этихъ правилъ. Какъ извѣстно, канонизаціи на соборѣ 1549 года предшествовали „обыски о новыхъ чудотворцахъ“, производившіеся епархіальными архіереями, которые, собирая житія, каноны и чудеса мѣстныхъ святыхъ, повѣряли ихъ, руководствуясь при этомъ показаніями мѣстныхъ жителей всякаго званія. Точно также и въ послѣдующее время послѣ этого собора канонизація того или другого святаго всегда сопровождалась, какъ увидимъ ниже, подобнаго же рода „обысками“. Неужели, спрашивается, эти правила явились и выработаны были только на Макарьевскихъ соборахъ, со времени которыхъ начинается ихъ постоянное употребленіе въ практикѣ нашей Церкви? Само собою разумѣется, что на этотъ вопросъ послѣ всего сказаннаго нами о существованіи правилъ записыванія и повѣрки чудесъ въ этотъ періодъ мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Правила эти существовали, какъ мы видѣли, уже задолго до Макарьевскихъ соборовъ въ практикѣ Русской Церкви и, если они въ послѣдней въ это время не всегда прилагались къ канонизаціи святыхъ, такъ это

зависѣло отъ особенныхъ условій времени, а вовсе не отъ того, чтобы ихъ совсѣмъ не было. Между тѣмъ ко времени Макарьевскихъ соборовъ эти особенныя условія, которыя, какъ мы видѣли, дѣлали излишнимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенія канонизаціи примѣненіе этихъ формальностей, совершенно измѣнились. Ко второй половинѣ XVI вѣка у насъ произошли важныя перемѣны какъ въ гражданской жизни, такъ и въ церковной. Въ первой эта перемѣна выразилась усиленіемъ великаго князя Московскаго, что повело за собою объединеніе подъ его высокую и мощную державу всѣхъ до того разрозненныхъ и обособленныхъ частей Русской земли. Во второй эта перемѣна выразилась въ большемъ подчиненіи мѣстныхъ епископовъ власти Московскаго митрополита, что повело за собою усиленіе централизаціи въ Русской Церкви. Это послѣднее въ частности, въ приложеніи къ канонизаціи святыхъ повело за собою ту перемѣну, что право совершенія ея, какъ увидимъ ниже, съ этихъ поръ перешло къ высшей центральной власти Русской Церкви, какую представлялъ въ своемъ лицѣ митрополитъ со своимъ соборомъ. Эта незначительная, повидимому, перемѣна произвела, однако, весьма важныя послѣдствія. Ибо съ этихъ поръ канонизація, всегда совершаясь митрополитомъ, требовала для своего совершенія исполненія многихъ формальностей, которыя прежде устранялись личнымъ свидѣтельствомъ. Эти формальности болѣе всего касались чудесъ, записъ и повѣрка которыхъ сдѣлались необходимымъ условіемъ совершенія канонизаціи того или другого святаго. Практическое примѣненіе этихъ формальностей мы уже встрѣчаемъ въ началѣ XVI вѣка, до соборовъ 1547 и 1549 годовъ. Такъ, въ первой половинѣ этого вѣка мы встрѣчаемъ два факта канонизаціи: Іакова Боровицкаго и Андрея Смоленскаго и при этомъ канонизаціи каждаго изъ нихъ предшествовали обыскъ или предварительное изслѣдованіе, при которомъ мы находимъ и записи чудесъ и повѣрку ихъ. Примѣненіе въ данныхъ случаяхъ обоихъ этихъ правилъ вполнѣ объясняется именно тою перемѣною въ жизни Церкви и государства, ближайшимъ послѣдствіемъ которой по отношенію къ канонизаціи святыхъ былъ переходъ права совершенія ея къ центральной власти Церкви.

Къ числу правилъ совершенія канонизаціи того или другого святаго относится свидѣтельствованіе высшею духовною властью житій и службъ святымъ по ихъ написаніи. Существовало-ли такое свидѣтельствованіе во все это время въ нашей Русской Церкви, и въ чемъ оно выражалось? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно выяснитъ отношеніе житій и службъ къ канонизаціи святыхъ вообще.

По этому вопросу въ нашей литературѣ уже высказано опредѣленное мнѣніе и намъ остается его только провѣрить. По этому мнѣнію, „составленіе жизнеописаній нашихъ подвижниковъ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о признаніи ихъ святыми, и такое мнѣніе имѣетъ извѣстную долю значенія. Дѣйствительно, когда признавали кого-нибудь святымъ и полагали чтить его память, то въ это время особенно заботились о составленіи ему жизнеописанія;—таковъ несомнѣнно былъ вѣкъ Макарія. Но въ этомъ случаѣ нужно строго различать признаніе почитанія мѣстнаго отъ всероссійскаго, потому что признавашіе менѣе заботились о составленіи жизнеописаній святыхъ мѣстно чтимыхъ. Эта литературная дѣятельность въ составленіи жизнеописаній, имѣвшая большую связь съ инициативой сверху, строго должна быть отличена отъ инициативы литературныя дѣла снизу. Инициатива литературнаго дѣла, начинавшаяся сверху, имѣла въ виду искусную редакцію жизнеописанія, такъ что въ вопросѣ о редакціяхъ искусно составленныхъ господствующее мнѣніе можетъ имѣть свое приложеніе“²²¹⁾). Собранные нами факты изъ исторіи канонизаціи этого періода вполне подтверждаютъ это мнѣніе. Прежде всего, на основаніи ихъ мы можемъ сдѣлать то заключеніе, что житія, а равно и службы святымъ составляли необходимое условіе для ихъ церковнаго прославленія. Нѣсколько позднѣе, именно въ концѣ XVI вѣка, епископъ Варлаамъ, въ описаніи чудесъ Евфросиніи Суздальской, объясняя, что подобаешь святымъ, перечисляетъ стихиры, канонъ и житіе²²²⁾). Въ этотъ же періодъ хотя мы и не встрѣчаемъ столь ясно выраженнаго требованія, но тѣмъ не менѣе практика этого времени показываетъ, что послѣднее существовало. Ибо всегда канонизація того или другаго святаго сопровождалась появленіемъ житія его и составленіемъ службы ему. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи собранные нами факты позволяютъ намъ сдѣлать выводъ двоякаго рода. Прежде всего, иногда житіе святаго появлялось задолго до его церковной канонизаціи, какъ напр. преп. Феодосія Печерскаго, Варлаама Хутынскаго, Никиты Переяславскаго, св. Исая Ростовскаго, св. великаго князя Михаила Черниговскаго, Сергія Радонежскаго (Епифаніевская редакція) и др., и въ этомъ случаѣ оно обыкновенно готовило канонизацію и вызывало ее. Иногда же оно являлось уже по поводу совершенія канонизаціи и составлялось послѣ нея; въ этомъ послѣднемъ случаѣ житіе было слѣдствіемъ цер-

²²¹⁾ Некрасовъ, Зарод. Націон. Литер. 133—134.

²²²⁾ Ключевскій, Житія, 386.

ковной канонизации. Таково, напр., появление житий Леонтія, еп. Ростовскаго, Петра и Алексія, митрополитовъ Московскихъ, препод. Кирилла Бѣлозерскаго. При этомъ не трудно замѣтить, что инициатива первыхъ житий всегда выходила снизу, тогда какъ инициатива составленія вторыхъ принадлежала высшей власти Русской Церкви, епископу или митрополиту съ соборомъ, какъ составлены, напр., всѣ Пахоміевскія житія и житіе Ярославскихъ чудотворцевъ, написанное іеромонахомъ Антоніемъ. Но какъ бы то ни было, житіе святаго, являлось-ли оно до или послѣ канонизации, всегда составляло необходимое условіе ея. Все, что сказано о житіяхъ, вполне приложимо и къ службамъ, которыя, какъ и первыя, являлись иногда до канонизации (и въ этомъ случаѣ онѣ составлялись въ большинствѣ случаевъ безъ вѣдома высшей власти), а иногда послѣ нея (и въ этомъ случаѣ инициатива составленія ихъ принадлежала послѣдней), составляли также необходимое условіе канонизации, подготавливая или сопровождая ее.

Такъ какъ житіе и служба имѣли церковное употребленіе, то само собою разумѣется, что онѣ, прежде чѣмъ получить такое значеніе, должны были быть, если не просмотрѣны, то, по крайней мѣрѣ, одобрены высшею духовною властью. По нѣкоторымъ фактамъ можно заключать, что такой надзоръ высшей власти надъ житіями и службами существовалъ въ нашей Церкви и въ это время. Такъ, въ одной изъ редакцій житія св. Алексія, митрополита Московскаго, между прочимъ говорится, что составленная Пятиримомъ, епископомъ Пермскимъ, служба въ честь открытія мощей его принесена была имъ къ митрополиту Іонѣ; затѣмъ съ вѣроятностью можно предполагать, что всѣ службы, которыя писались по порученію высшей власти, представлялись ей на разсмотрѣніе и одобреніе. Но какъ производилось это разсмотрѣніе житий и службъ въ данный періодъ и въ чемъ оно состояло,—на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ свѣдѣній, трудно сказать что-нибудь положительное. Впрочемъ, относительно второй половины вопроса еще можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Извѣстно, что у насъ для житий и службъ существовала особенная форма или стиль, котораго наши агіобіографы строго всегда и держались. Поэтому можно думать, что „официальный церковный надзоръ бодрствовалъ только надъ установленнымъ стилемъ житія. Простыя біографическія записи не годились для церковной службы и мало распространялись даже въ неофициальной читающей средѣ“²²³). Послѣднее пред-

²²³) В. О. Ключевскій, Житія, 409.

положеніе очень вѣроятно, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что и въ послѣдующее время на Макарьевскихъ соборахъ и послѣ нихъ этотъ надзоръ, какъ увидимъ ниже, не шелъ дальше вѣншей стороны житій и службъ или ихъ стила.

Намъ остается еще рассмотреть одно правило, которое въ настоящее время составляетъ одно изъ необходимыхъ условій совершенія канонизаціи,—это нетлѣніе мощей. Собранные нами факты даютъ намъ право сдѣлать заключеніе, что какъ въ Греческой Церкви нетлѣніе мощей не было необходимымъ условіемъ для совершенія канонизаціи, такъ и въ Русской такого условія за весь этотъ періодъ не существовало. Въ до-монгольской періодъ всѣ святые были канонизованы или ранѣе открытія мощей ихъ, или гораздо позднѣе. Такъ, мощи Бориса и Глѣба, бывъ открыты, найдены нетлѣнными, но учредить праздникъ въ честь ихъ или канонизовать ихъ рѣшено было прежде, чѣмъ открыты были мощи. Въ извѣстіи о канонизаціи преп. Θεодосія ничего не говорится о его мощахъ. Св. Леонтій былъ канонизованъ не тотчасъ и не вскорѣ послѣ того, какъ были открыты и найдены нетлѣнными его мощи²²⁴). Хотя открытіе мощей Исаіи, епископа Ростовскаго, и произошло вмѣстѣ съ открытіемъ мощей св. Леонтія, однако, какъ мы видѣли, Исаія и послѣ долгое время не былъ канонизованъ, что несомнѣнно доказываетъ, что фактъ нетлѣнія мощей того или другого святаго не былъ условіемъ для его церковнаго прославленія.

Точно также и, въ послѣдующее время въ нашей Церкви канонизація святыхъ, какъ показываютъ собранные нами факты, не обусловливалась нетлѣніемъ ихъ мощей²²⁵). Такъ, присматриваясь къ

²²⁴) Голубинскій Е. Е., Ц. Ш. I, 2, 341—42.

²²⁵) Какъ въ Греческой Церкви, такъ и въ Русской подлѣ нетлѣніемъ мощей не разумѣлась непременно цѣлость всего тѣла, а только цѣлость костей. Прежде всего, говоритъ Е. Е. Голубинскій, самое слово „мощи“ значить именно кости (отъ глагола „мощи“, мочь т. е. то въ человѣческомъ тѣлѣ, что придаетъ ему силу, крѣпость, каковы кости) и съ совершенною ясностью иногда употребляется въ старомъ языкѣ для обозначенія ихъ однѣхъ, а не цѣлыхъ тѣлъ; въ 1472 году въ Москвѣ, по случаю перестройки Успенскаго собора, открывали гробы митрополитовъ, и въ одной лѣтописи читаемъ о результатѣ досмотра: „Тону цѣла суца обрѣтоша, Фотѣя же цѣла суца не всего, елины ноги толико въ тѣлѣ, а Випріана всего нетлѣвша, едины мощи“ (П. С. Р. Л. VI, 195). Что касается въ частности и собственно мощей святыхъ, то упомянутый выше лѣтописецъ прямо и ясно высказываетъ, что подлѣ мощами святыхъ должно разумѣть ости и говорить о простомъ народѣ: „кой толко не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ

ходу канонизации у нас за это время, мы видимъ, что одни святые, не святъ, а того не помянуть, яко кости наги источаютъ исцѣленія“ (Ibid. 196). Зиновій Отенскій въ своемъ „Истинѣ показаніи“, писанномъ въ 1566 г., говоритъ: „во святыхъ Господнихъ въ церквахъ положенныхъ, воистинну удивляетъ вся воля Божія: чудо бо преславно воистинну—кости голы сухи на всякія недуги и болѣзни исцѣленія точать и бѣсовъ прогоняютъ“. Въ грамотѣ Новгородскаго митрополита Питирима отъ 1667 года читаемъ о мощахъ Нила Столбенскаго: „гробъ и тѣло его святое земли предался, а мощи святые его цѣлы всѣ“ (А. П. IV, 207). Если съ сейчасъ приведенными указаніями относительно значенія и употребленія слова мощи мы обратимся къ извѣстіямъ о мощахъ святыхъ періода до-монгольскаго, то увидимъ, что и они въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорятъ о костяхъ, а не о цѣлыхъ тѣлахъ. Первоначальный нашъ лѣтописецъ, бывший монахомъ Печерскаго монастыря и самъ откачивавшій, по порученію игумена, мощи преп. Θεодосія, говоритъ: „прокопахъ (мѣсто въ пещерѣ, гдѣ положенъ былъ Θεодосій) велми и видѣхомъ (съ товарищемъ) и (Θеодосія) лежащъ мощми, но состави не распалися бѣша и власи главніи притяскли бяху“; оборотъ „мощми“ и слово „состави“ при соображеніи указаннаго выше не оставляетъ сомнѣнія, что лѣтописецъ говоритъ объ обнаженныхъ костяхъ, при чемъ вмѣсто не совсемъ опредѣленнаго „не распалися бѣша“ въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ совершенно опредѣленное „не разсыпалися бѣша“. О мощахъ Бориса и Глѣба, Леонтія и Исаіи сказанія говорятъ какъ о цѣлыхъ тѣлахъ (Голубинскій, Е. Е. II. I, 2, 342—43).

Если въ до-монгольскій періодъ, какъ думаетъ Е. Е. Голубинскій, мощи святыхъ полагались у насъ не на вскрытіи въ томъ смыслѣ, что оставалась открытою верхняя гробовая доска, а въ наглухо закрытыхъ гробахъ (Ibid. 443), то въ послѣдующее время у насъ, кажется, стали преимущественно полагать мощи святыхъ открытыми. Именно, такъ лежали мощи св. Сергія Радонежскаго, Іоны и Алексія, митрополитовъ Московскихъ, и Игнатія Ростовскаго. На такой именно обычай положенія мощей у насъ въ этотъ періодъ указываетъ самъ князь Иванъ Васильевичъ III, свидѣтельство котораго въ этомъ случаѣ имѣетъ особенное значеніе. Послѣдній, пріѣхавши въ Новгородъ, отправился поклониться гробу Варлаама Хутынскаго. Увидѣвши, что мощи преподобнаго лежатъ подъ спудомъ, князь обратился къ игумену монастыря съ вопросомъ: „почто не скрываютъ раки чудотворца Варлаама и къ мощамъ его не прикладываются, яко *сть* *обычай* у *всѣхъ* *святыхъ* *великихъ* *чудотворцевъ*, къ честнымъ и святымъ ихъ мощемъ прикасаются и цѣлуютъ, яко же на Москвѣ у чудотворцевъ Алексія, Іоны митрополитовъ и у Сергія чудотворца“ (П. С. Р. I. III, 241—2). Впрочемъ, какъ въ это время мощи нѣкоторыхъ святыхъ, какъ напр. Леонтія, Исаіи, Варлаама Хутынскаго, Дмитрія Прилуцкаго, такъ и въ послѣдующее время, полагались подъ спудомъ, т. е. совершенно скрытыми въ землѣ. Почему онѣ не были полагаемы на вскрытіи, — на этотъ вопросъ трудно отвѣтить, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ были свидѣтельствованы и фактъ нетлѣнія ихъ былъ констатированъ, какъ, напр., преп. Варлаама Хутынскаго.

какъ, напр., Петръ, митрополитъ Московскій, преп. Кириллъ Бѣлоозерскій, Варлаамъ Хутынской были канонизованы задолго до открытія ихъ мощей; другіе, напротивъ, какъ напр. св. Игнатій, еп. Ростовскій, преп. Сергій Радонежскій, св. Алексій, митрополитъ Московскій, св. Феодоръ Ярославскій и чада его — Давидъ и Константинъ были канонизованы уже послѣ обрѣтенія мощей ихъ.

Если же открытіе и обрѣтеніе мощей не всегда вело за собою канонизацію святаго, то естественно рождается вопросъ: какаѣ же были цѣль открытій ихъ? Авторы какъ краткихъ житій Леонтія и Исаи, такъ и повѣстей объ открытіи мощей святыхъ, являвшихся у насъ въ послѣдующее время этого періода, какъ, напр., преп. Сергія, Алексія и Ярославскихъ чудотворцевъ, говоря объ открытіи ихъ мощей и обрѣтеніи послѣднихъ нетлѣнными, выражаютъ такую радость, что какъ бы это было уже самымъ прославленіемъ святыхъ. Изъ сего можно заключать, что нетлѣніе мощей, если и не служило условіемъ канонизаціи, то подготовляло её. Что дѣйствительно такое значеніе и на самомъ дѣлѣ имѣло это обрѣтеніе мощей нетлѣнными, это видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ этого времени. Такъ, канонизація нѣкоторыхъ святыхъ вызвана была именно обрѣтеніемъ ихъ мощей, о чемъ можно судить по ходу канонизаціи св. Алексія и Ярославскихъ князей, поводомъ и побужденіемъ къ которой именно послужило открытіе мощей этихъ святыхъ. Кромѣ того, открытіе мощей того или другаго святаго, не сопровождаясь церковнымъ его прославленіемъ, всегда вело за собою мѣстное почитаніе угодника. Св. Леонтій, Михаилъ Черниговскій и его бояринъ Феодоръ, Сергій Радонежскій, Игнатій Ростовскій, — всѣ эти святые начали уже мѣстно чтиться, какъ мы видѣли, со времени открытія ихъ мощей. Нагляднѣе всего это можно показать на св. Исаи Ростовскомъ, который со времени открытій мощей, хотя не былъ канонизованъ, но мѣстно чтился. Въ житіи его читаемъ, что образъ св. Исаи, стоявшій надъ его гробницею, всѣ почитаютъ и поклоняются ему ²²⁶).

Свидѣтельствованіе мощей, которое въ послѣдующее время всегда предшествовало открытію ихъ, и которое сопровождалось иногда очень сложными формальностями, мы во весь этотъ продолжительный періодъ встрѣчаемъ только однажды, — это при открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, когда Ростовскій епископъ Трифонъ послалъ своего протопопа Константина „дозрѣти чудотворцевъ, како будутъ въ

²²⁶) Прав. Собесѣдн. 1858, I, 447.

тѣлеси лежать, и како исцѣленія многа творять²²⁷⁾. Но этотъ фактъ, однако, не можетъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ относительно существованія въ практикѣ нашей Церкви за это время свидѣтельствванія мощей, какъ постояннаго правила совершенія канонизаціи; ибо если послѣдняя совершалась до открытія мощей, то само собою разумѣется, что свидѣтельствванія ихъ и не могло быть. Съ другой стороны, основываясь на молчаніи нашихъ лѣтописей объ этомъ, можно думать, что и вообще свидѣтельствваніе мощей у насъ въ это время не практиковалось; въ противномъ случаѣ, наши лѣтописцы не преминули бы занести такіе важные факты въ свои хроники.

III.

Изъ представленнаго обзрѣнія исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ за все это время, мы видимъ прежде всего, что они были канонизованы собственною властью нашей Церкви безъ сношенія съ патріархами Константинопольскими, отъ которыхъ долгое время этого періода она зависѣла. Единственное исключеніе изъ этого общаго правила представляетъ канонизація 1339 года св. Петра, митрополита Московскаго, совершенная по сношенію съ Константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ XIV, которая, какъ вызванная особыми цѣлями, чисто политическими, при сужденіи о томъ, кому принадлежало въ этотъ періодъ право совершенія канонизаціи святыхъ и не можетъ браться въ счетъ. Такимъ образомъ, Русская Церковь, хотя въ большую часть этого періода и стояла въ большей или меньшей зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, но канонизацію своихъ святыхъ совершала собственною своею властью. Такъ это было, какъ мы видѣли, и въ Церкви Греческой, гдѣ канонизація святыхъ точно также принадлежала предстоятелямъ мѣстныхъ Церквей.

Собранные нами факты изъ исторіи канонизаціи святыхъ этого періода позволяютъ намъ сдѣлать по вопросу о томъ, кому принадлежало право канонизаціи въ нашей Церкви за это время, болѣе или менѣе точные выводы. Внимательно присматриваясь ко всѣмъ этимъ фактамъ, не трудно вывести изъ нихъ два общія правила относительно права совершенія канонизаціи. Обращая вниманіе на святыхъ, всеобще чтимыхъ въ это время въ Русской Церкви и о канонизаціи которыхъ сохранились свѣдѣнія, мы видимъ, что всѣ они были канонизованы или митрополитомъ однимъ, или же съ соборомъ епископовъ. Именно,

²²⁷⁾ Степен. кн. I, 399.

такъ канонизованы были: св. Борисъ и Глѣбъ, Θеодосій Печерскій, св. Алексій, митрополитъ Московскій; митрополитъ одинъ или съ соборомъ епископовъ учреждалъ имъ праздники; по порученію его и собора были составляемы житія ихъ и службы. Къ этому же классу можно отнести и слѣдующихъ святыхъ этого періода: преподобныхъ Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Θеодора, князя Ярославскаго и чада его Давида и Константина, о которыхъ, какъ мы видѣли, сохранились извѣстія, что житія и службы имъ составлены были по порученію митрополита и великаго князя. Присматриваясь же къ канонизаціи остальныхъ святыхъ этого періода, не трудно замѣтить, что канонизація ихъ, сперва мѣстная, совершалась только мѣстнымъ епископомъ, по благословенію котораго устанавливалось празднованіе памяти ихъ, и составлялись службы и житія имъ. Такъ, напр., канонизованы были: св. Леонтій и Исаія, епископы Ростовскіе, Арсеній, еп. Тверской, Стефанъ, еп. Пермскій, преп. Савва Вишерскій и— какъ можно съ вѣроятностью думать—Владимиръ святой, преп. Антоній Печерскій, Михаилъ, князь Черниговскій и его бояринъ Θеодоръ, преп. Авраамій Ростовскій, Игнатій, епископъ Ростовскій и Никита Переяславскій.

Остается при этомъ еще рѣшить одинъ вопросъ: совершалась ли канонизація мѣстныхъ святыхъ съ разрѣшенія высшей духовной власти Русской Церкви, которую въ это время сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ митрополитъ, или же единственно властію одного мѣстнаго епархіальнаго владыки безъ всякаго сношенія и разрѣшенія перваго? Кажется, нужно было бы ожидать, что канонизація святыхъ должна стоять выше компетенціи одного мѣстнаго архіерея, исключительно завися отъ высшей власти въ Церкви. Но практика нашей Русской Церкви разсматриваемаго нами періода не подтверждаетъ этого. Напротивъ, не только, какъ мы видѣли, канонизація святыхъ совершалась мѣстными епископами, но тѣ же извѣстія, которыя говорятъ объ этомъ, совершенно умалчиваютъ о какихъ бы то ни было сношеніяхъ по этому поводу съ митрополитомъ. Такимъ образомъ можно думать, что канонизація мѣстныхъ святыхъ совершалась мѣстными епископами безъ сношенія съ митрополитомъ. Этотъ выводъ приобретаетъ еще болѣшую вѣроятность, если мы припомнимъ, что и въ Греческой Церкви канонизація святыхъ, очень долго сохранявшая мѣстный характеръ, совершалась мѣстными епископами.

Въ тѣсной связи съ только что разсмотрѣннымъ нами вопросомъ стоитъ и вопросъ о характерѣ канонизаціи и объ условливаемомъ имъ характерѣ почитанія нашихъ святыхъ въ это время. Во весь

этотъ періодъ весьма продолжительный мы можемъ указать только не болѣе семи святыхъ, во всей Русской Церкви прославляемыхъ, именно: св. Бориса и Глѣба, Еодосія Печерскаго, св. равноапостольныхъ Владимира и Ольгу, Петра и Алексія, митрополитовъ Московскихъ. Только эти святые преимущественно во весь этотъ періодъ вносились въ древнѣйшіе харатейные мѣсяцесловы и прологи; по крайней мѣрѣ въ большинствѣ дошедшихъ до насъ памятниковъ этого рода намъ чаще всего встрѣчаются имена этихъ святыхъ. Точно также и праздники, въ честь ихъ установленные, торжественно совершались во всей Русской Церкви. Между тѣмъ, мы видѣли, что кромѣ этихъ святыхъ въ этотъ періодъ было не мало другихъ подвижниковъ, память которыхъ, прежде чѣмъ сдѣлаться всеобще празднуемою, долгое неопредѣленное время совершалась только мѣстно. Къ числу послѣдняго рода святыхъ относятся всѣ прочіе святые, канонизацію которыхъ мы разсматривали въ первой части настоящей главы. Всѣ эти святые вносились долгое время только въ мѣстные святцы и прославлялись церковнымъ образомъ только въ той мѣстности, гдѣ они жили, подвизались и гдѣ покоятся св. мощи ихъ. Отсюда, значитъ, и канонизація святыхъ у насъ носила, главнымъ образомъ, въ это время мѣстный характеръ. Таковъ, впрочемъ, характеръ канонизаціи у насъ и долженъ былъ быть; ибо въ Греческой Церкви, которой во всемъ подражала Церковь Русская, канонизація святыхъ точно также носила исключительно почти мѣстный характеръ. Послѣдній тамъ обусловливался, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что право совершенія ея принадлежало мѣстному епископу. Точно также и въ Русской Церкви, какъ мы видѣли, право совершенія канонизаціи продолжало оставаться за епархіальными архіереями до самой половины XVI вѣка, когда это право перешло исключительно къ высшей центральной власти Русской Церкви. А такъ какъ власть каждаго епархіальнаго архіерея простирается только на одинъ округъ, составляющій его епархію, то, очевидно, и канонизація того или другого святаго, совершенная имъ, должна была имѣть силу для этой только епархіи. Дѣйствительно мы и видимъ, что святые, канонизованные только властью мѣстнаго епископа, какъ, напр., св. Леонтій и Исаія Ростовскіе, Арсеній Тверской и Стефанъ Пермскій и др., очень долгое время оставались только мѣстно чтимыми святыми.

Если же канонизація нашихъ святыхъ за весь этотъ періодъ преимущественно носила мѣстный характеръ, то естественно ожидать, что такой же характеръ носило и почитаніе святыхъ. Дѣйствительно, присматриваясь къ внутренней жизни Русскаго народа за все это время,

мы видимъ, что почитаніе святыхъ тогда у насъ было исключительно мѣстнымъ. Святой прославлялся только въ своей мѣстности, гдѣ онъ родился, подвизался. Правда, были за этотъ періодъ нѣкоторые святые, прославляемые всею Русскою Церковью; но число ихъ сравнительно съ общимъ количествомъ мѣстно чтимыхъ въ это время угодниковъ очень незначительно. Это теоретическое мнѣніе, выведенное а priori изъ характера за этотъ періодъ канонизаціи нашихъ святыхъ, вполне подтверждается и нѣкоторыми историческими памятниками того времени. Всего лучше и яснѣе этотъ мѣстный взглядъ древне-русскаго челоуѣка на святыхъ угодниковъ подтверждается важнымъ въ этомъ отношеніи указаніемъ изъ рукописнаго житія св. Прокопія Устюжскаго. Вотъ это мѣсто: „великій Новградъ блажитъ архієпископовъ Іоанна и Евфимія, Никиту и Іону, и преп. Варлаама и Савву, и Михаила Клопскаго. Псковъ же градъ блажитъ блаженныхъ благовѣрныхъ и великихъ князей Всеволода и Довмонта. Московское же Русское царство блажитъ и славитъ преосвященныхъ митрополитовъ Петра и Алексія, и Іону, и блаженныхъ Христа ради Максима и Василя, и иныхъ святыхъ. Ростовъ же блажитъ и славитъ епископовъ Леонтія и Исаію, и Игнатія, и Якова, Вассіана и Ефрема, и Авраамія, и Сидора блаженнаго. Смоленскій градъ же и Ярославль блажитъ и славитъ великаго князя Феодора и чадъ его Давида и Константина. Градъ же Вологда блажитъ и славитъ пр. Дмитрія Прилуцкаго, и иныя же тамо окрестныя веси славятъ преподобныхъ отецъ Корнилія Комельскаго, Павла Обнорскаго и Сергія Нурмельскаго, и Діонисія и Амфилохія Глушицкихъ. Сѣверная же страна по Двинѣ рѣцѣ зовомая рѣка Вага, на ней же грады и веси, и тамо блажатъ и славятъ Георгія, юродиваго Христа ради. Соловецкій же островъ въ поитѣ Окіана моря и вси окрестныя жители блажатъ и славятъ преп. о. Зосиму и Савватія. И кааждо убо страна и градъ блажитъ и славитъ и похваляетъ своихъ чудотворцевъ. Восточная же страна, въ ней же градъ имануемый Устюгъ и градъ Выборъ, предѣль Соли-вычегодскія, и окрестныя ихъ предѣлы и веси блажатъ и прославляютъ тебе, досточудне и преблаженне Прокопіе. Имѣемъ ты вси, яко стража и хранителя, и заступника граду нашему, яко никогда убо ты воздремлещи, ниже опочіеши, но всегда сохраняя отчину свою великій градъ Устюгъ и окрестныя предѣлы, и веси, и вси живущія ту люди“²²⁸). Не менѣе ясно проведенъ этотъ господствующій у насъ тогда мѣстный взглядъ на

²²⁸) Яхонтовъ, 264, примѣч. 1.

святыхъ угодниковъ и въ „повѣсти о Нифонтѣ, еп. Новгородскомъ“, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ отъ выше приведеннаго уже нами мѣста, что въ этомъ житіи это мѣстное почитаніе ставится въ связь съ такимъ же почитавіемъ святыхъ и въ другихъ христіанскихъ странахъ. Именно, въ „Похвалѣ святителю Христову Нифонту, епископу Новгородскому“, мы читаемъ: „хвалить бо Римъ великій и со окрестными грады Петра и Павла.... А Иоанна Богослова, дѣвственника и наперстника Христова, Ефесъ градъ великій и Потмоскій островъ и вся страна Асійская похвальными пѣснями почитаетъ.... Марка же великая Александрія хвалить.... Также хвалить и Лоуку градъ Антиохія и со окрестными грады и весми.... Также хвалить и Греческая земля царя Константина съ матерію Еленою, равноапостольское дѣло сотворивша и крестъ Христовъ и копіе и гвоздие обрѣтша. И градъ же Кіевъ и вся Русская земля великаго князя Владимира похваляетъ.... Московская же земля Петра Митрополита, иже въ ученіи превеликаго. Ростовская же святителя своего Леонтія епископа.... Псковская земля оублажаетъ своихъ чудотворцевъ великаго князя Всеволода Мстиславича, нареченнаго во св. крещеніи Гавріила и преп. о. Евросина и спостника его Савоу, Крыпецкія обители начальника.... О пречистиѣйшій святителю Христовъ Нифонтѣ! тебе же хвалить Великій Новѣградъ и вся земля Новгородская и Псковская, епископа своего нелѣностнаго во оученіихъ и крѣпкаго въ терпѣннѣи, и многи души спасша добродѣтельнымъ своимъ оученіемъ и ко Христу приведшаго и Церковь Божию просвѣтившаго, и отъ ересей соблюлъ еси непоколебиму и не мятежну“²²⁹). Изъ этихъ двухъ приведенныхъ мѣстъ видно, что большинство нашихъ святыхъ, канонизованныхъ въ этотъ періодъ, были только мѣстно-чтимыми святыми. Ниже мы приведемъ еще нѣсколько фактовъ для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдиться въ этомъ, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію причинъ такого усиленнаго развитія у насъ мѣстнаго почитанія святыхъ.

Одну изъ причинъ этого усиленнаго развитія у насъ въ это время мѣстнаго чествованія угодниковъ мы уже знаемъ. Эта причина, которую можно назвать каноническою,—та же самая, каковая была и въ Греческой Церкви, именно—мѣстный характеръ канонизаціи святыхъ. Но и помимо этой, такъ сказать, канонической причины были въ жизни Русскаго общества того времени условія, которыя еще болѣе могли усилить дѣйствіе въ этомъ направленіи главной и первой

²²⁹) Памяти. стар.-русск. литер. т. IV, 7—8.

причины. Къ такимъ условіямъ, способствовавшимъ усиленію у насъ мѣстнаго почитанія угодниковъ, доходившаго до исключительности и презрительнаго отношенія, какъ увидимъ ниже, къ святымъ другихъ областей, можно отнести прежде всего и главнѣе всего раздробленіе Русскаго государства на удѣлы и обусловливаемыя послѣднимъ обособленность и разрозненность русскаго народа.

Удѣльный періодъ Русскаго государства совпадаетъ съ усиленнымъ развитіемъ у насъ мѣстнаго почитанія нашихъ святыхъ. Это уже одно совпаденіе много можетъ говорить о тѣсной причинной связи этихъ обоихъ явленій. Дѣйствительно въ Кіевской Руси послѣднее явленіе мало замѣтно. Но когда Русская земля распалась на множество центровъ, изъ которыхъ каждый, имѣя своего отдѣльнаго князя, своего епископа, жилъ совершенно отдѣльною, обособленною жизнью отъ другихъ подобныхъ же центровъ, то тогда на первый планъ выступаетъ мѣстный характеръ почитанія святыхъ, становясь характеристическою чертою удѣльнаго періода жизни Русскаго народа.

Такъ какъ каждый удѣлъ представлялъ изъ себя цѣлую, замѣтную общину, жившую своею особенною, вполнѣ самостоятельною жизнью, то для каждаго удѣла важно было имѣть свою святыню, около которой онъ обыкновенно и сосредоточивался. Если ея не было, то всѣчески старались ее приобрѣсть. Вспомнимъ Андрея Боголюбскаго, который, уѣзжая изъ Кіева, богатаго святынями, въ новый удѣлъ (Суздальскій), гдѣ ихъ не было, не остановился предъ похищеніемъ чудотворной иконы Божіей Матери. Точно также, смотря съ этой точки зрѣнія, для насъ понятна будетъ радость и въ то же время гордость, сквозящая въ словахъ этого же князя, которыя онъ сказалъ при открытіи мощей св. Леонтія, еп. Ростовскаго: „теперь я уже ничѣмъ не охужденъ“, разумѣется, предъ другими князьями, у которыхъ въ удѣлахъ были свои мощи. Такой святыней былъ въ большинствѣ случаевъ какой нибудь подвижникъ, святитель или князь, много поработавшій на благо этого удѣла. По смерти этого подвижника связь его съ своимъ удѣломъ не прекращалась. Переселившись въ другую жизнь, онъ и тамъ продолжалъ свою прежнюю благодѣтельную дѣятельность. Но и эта посмертная дѣятельность святаго простирается не на весь Русскій народъ, а только на жителей опредѣленнаго края: святой является по смерти патрономъ именно той мѣстности, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни на землѣ. Отсюда произошло то весьма замѣчательное явленіе въ жизни Русскаго народа, что каждый удѣлъ, каждый почти монастырь наиболѣе старались „поставить на свѣщницѣ“, прославлять и чествовать только своего мѣстнаго святаго. Къ

нему преимущественно обращались съ молитвами о ходатайствѣ предъ Богомъ во время общественныхъ какихъ нибудь бѣдствій; его имя призывалось въ битвахъ и войнахъ, которыя приходилось вести за свободу своего родного города. Такъ, Псковитяне въ своихъ битвахъ и войнахъ съ Нѣмцами призывали своихъ князей Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимоѣя, считая ихъ патронами своего города. Обращаясь въ своихъ нуждахъ и во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ къ своему мѣстному, удѣльному святому и получая отъ него помощь, народъ естественно долженъ былъ болѣе прославлять и чествовать своего святаго въ ущербъ святымъ, которые были патронами другихъ удѣловъ. Такъ было и въ дѣйствительности: Ростовъ блажитъ Леонтія, Москва—Петра, Алексія, Іону, Псковъ—Всеволода и Довмонта, словомъ каждый городъ имѣлъ своего святаго, котораго преимущественно прославлялъ предъ другими святыми.

Такой взглядъ на святыхъ, какъ на патроновъ и покровителей одного какого-нибудь города нагляднѣе всего обнаруживается въ отношеніяхъ къ этимъ святымъ князей и жителей какого-нибудь другого удѣла, особенно враждебнаго первому. Обыкновенно, удѣль, имѣвшій много святыхъ, тщеславился ими и дерзалъ даже хульно отзываться о святыхъ и подвижникахъ другихъ мѣстностей. Примѣромъ подобныхъ отношеній къ чужимъ святымъ можетъ служить Сергій, москвичъ родомъ, назначенный архіепископомъ въ Новгородъ и назвавшій святаго Новгородскаго архіепископа Моисея „смердомъ“. Князья, извѣстные своею набожностью, не считали грѣхомъ грабить храмы чужихъ областей и награбленными сокровищами украшать храмы и раки святыхъ въ своемъ удѣлѣ. Такъ въ 1066 году Вселавъ Полоцкій взял Новгородъ и унесъ изъ его св. Софіи колокола, паникадила, ерусалимъ церковный и сосуды служебные ²³⁰⁾. Въ 1171 г. рать Андрея Боголюбскаго, предводимаго его сыномъ Мстиславомъ, взяла Кіевъ, и—„грабили монастыри и Софью и Десятинную Богородицу: перкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колоколы изнесоша всѣ, и вся святыни взята бысть ²³¹⁾. Въ 1203 году Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ Кіевъ у своего соперника съ помощію союзниковъ и эти послѣдніе „митрополью св. Софью разграбиша, и Десятинную Св. Богородицу разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честныя и ссуды священныя и

²³⁰⁾ Новгород. 1 Лѣт. под. 1066 г. и Ипат. Лѣт. под. 1178 г. 2 изд., стр. 412.

²³¹⁾ Ипат. Лѣтоп. подъ 1171. г.

знии, то положиша все собѣ въ полонѣ ²³²). Въ послѣдующее время удѣльнаго періода можно найти еще болѣе фактовъ безцеремоннаго отношенія къ святынямъ другого удѣла. Стоитъ только вспомнить Московскихъ князей, которые обыкновенно по присоединеніи того или другого удѣла всѣ святыни послѣдняго свозили къ себѣ на Москву. Благодаря именно такому хищничеству князей, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ очутились: икона Спаса изъ покореннаго Новгорода, изъ Устюга икона Благовѣщенія, предъ которою молился Проконій Устюжскій объ избавленіи города отъ каменной тучи, изъ Владиміра икона Одигитріи, изъ Пскова икона Псково-печерская.

Всѣ эти факты, приведенные нами для иллюстраціи отношеній жителей одного удѣла къ святынямъ другого, безъ сомнѣнія для насъ кажутся въ настоящее время весьма странными. Но если мы станемъ на точку зрѣнія того времени, то всѣ эти факты найдутъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ воззрѣніи, по которому тотъ или другой святой считался исключительно только ходатаемъ за свой городъ. Поэтому князь одного удѣла, грабя святыни и храмы другого и награбленными сокровищами украшая раки своихъ мѣстныхъ чудотворцевъ, оставался вполне вѣрнымъ современнымъ ему воззрѣніемъ; ибо чрезъ это онъ унижалъ святыню другого удѣла и еще болѣе прославлялъ свою. Точно также для насъ, если мы будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія этихъ воззрѣній, будетъ понятно и то явленіе, что князья, присоединяя къ своему удѣлу какой нибудь другой, старались перенести въ главный свой городъ и всѣ святыни его: будетъ-ли то чудотворная икона, или даже просто колоколь. Мы уже выше говорили, что каждый удѣлъ сосредоточивался около какой-нибудь святыни. Поэтому послѣдняя служила залогомъ отдѣльности и индивидуальности области. Отсюда какъ скоро тотъ или другой удѣлъ терялъ свою святыню, то вмѣстѣ съ нею терялъ какъ бы и свою самостоятельность, что и выражалось наглядно перемѣщеніемъ святыни изъ покореннаго удѣла въ главный городъ покорившаго. Такова напр. исторія, перенесенія иконы Всемиловитаго Спаса изъ Софійскаго Новгородскаго собора въ Москву въ 1476 году великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, которую онъ взялъ именно какъ священный трофей покоренія Новгорода ²³³), а также и исторія перенесенія иконы Одигитріи

²³²) Лавр. Лѣт. подъ 1203 г.

²³³) Снегиревъ, Памят. Моск. древн., стр. 11.

Смоленскія Божія Матери, которая была взята великимъ княземъ Василиемъ Иоанновичемъ изъ покореннаго имъ Смоленска въ 1514 году²³⁴). Такого рода возрѣнія на святыхъ, какъ на покровителей только извѣстнаго края, извѣстной области, господствовавшія у насъ въ удѣльный періодъ, естественно должны были повести за собою и мѣстное почитаніе ихъ. Святой прославлялся какъ великій чудотворецъ и ходай только въ той области, въ томъ городѣ, покровителемъ котораго онъ считался. Вслѣдствіе этого происходило то, что, наприм., святые новгородскіе не прославлялись на Москвѣ, и наоборотъ. При той обособленности и разрозненности, при той децентрализаціи, которая необходимо связывалась съ удѣльнымъ порядкомъ вещей, иногда мотивы непочитанія одною областію святаго другой были чисто политическаго характера. Такъ, мы знаемъ уже, что въ Новгородѣ не было чествованія преп. Сергію, особенно почитаемаго въ Москвѣ. Его стали чтить тамъ только уже при Василии Темномъ, въ послѣдніе годы независимости Новгорода. Владыка Іона, отправляясь въ Москву хлопотать за свой городъ предъ суровымъ княземъ, далъ обѣтъ построить въ Новгородѣ первый храмъ св. Сергію²³⁵). Еще нагляднѣе эти политическіе мотивы проглядываютъ въ исторіи канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго, этого перваго изъ соработниковъ въ собираніи Русской земли. Мы видѣли, что св. Петръ, хотя и былъ ранѣе мѣстно канонизованъ, но въ силу того, что этотъ святой тянулъ всегда на сторону Москвы, почитаніе его оставалось долгое время мѣстнымъ. Другіе удѣлы, враждебно относившіеся къ Москвѣ за ея попытки къ собственному на чужой счетъ возвышенію, никогда не стали бы прославлять этого святаго уже по тому одному, что онъ сталъ покровителемъ враждебной Москвы. Чтобы преодолѣть эти чисто политическіе мотивы, пришлось, какъ мы видѣли, обратиться къ экстреннымъ мѣрамъ, именно прибѣгнуть къ Константинопольскому патріарху и его авторитетомъ заставить другіе удѣлы прославлять покровителя Москвы, св. Петра, какъ святаго и великаго чудотворца. Та же самая политическая рознь и антагонизмъ, существовавшіе между разными областями и служившіе причиною мѣтнаго характера почитанія нашихъ святыхъ, соединенные, конечно, съ низкимъ умственнымъ и религіознымъ развитіемъ, были причиною того, что иногда жители одного удѣла относились съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ къ святынямъ и святымъ

²³⁴) Ibid., стр. 14—15.

²³⁵) Костомаровъ, Сѣверно-русскаго народоправства II, 314.

другого удѣла. Особенно такового рода отношенія ярко обрисовываются отношеніями Москвы къ Новгороду, причемъ первая не рѣдко дѣйствительно стремилась какъ будто даже унижить Новгородскую святыню. Существуетъ сказаніе, отчасти уже извѣстное намъ, въ которомъ повѣствуется, что Іоаннъ III пожелалъ видѣть мощи препод. Варлаама Хутынскаго, вѣроятно, не довѣряя ихъ дѣйствительности, но былъ вразумленъ чудеснымъ пламенемъ, вырвавшимся изъ земли, и уразумѣлъ, что святыня завоеванной земли не подлежитъ волѣ завоевателя²³⁶⁾. Но еще ярче и рельефнѣе проглядываетъ это пренебрежительное и презрительное отношеніе къ святымъ не своей области въ лѣтописномъ разсказѣ о томъ, какъ коренной москвичъ Сергій, назначенный архіепископомъ въ Новгородъ, не хотѣлъ почитать мощей великаго угодника Новгородскаго Моисея. Вотъ самый разсказъ. Во время путешествія въ Новгородъ Сергію пришлось проѣзжать мимо монастыря Архангела Михаила на Сквородкѣ. Зашедши въ этотъ монастырь и поклонившись иконамъ, „молебная совершивъ по обычаю“, онъ пошелъ было изъ церкви, но тутъ на паперти „сказаша ему гробъ строителя монастыря того архіепископа Моисея. Онъ же возрѣвъ на священника (его сопровождавшаго), и повелѣ ему гробъ скрыти архіепископа Моисея; священникъ же, не смѣя дерзнути гроба скрыти святительска, и рече архіепископу Сергію: подобаетъ святителю святителя скрывать; архіепископъ же Сергій рече съ гордостію: кого сего смердовича и смотрити? — и поиде изъ монастыря, и всѣдъ на конь и пріѣде въ Новгородъ“²³⁷⁾. Впрочемъ, такое отношеніе къ Новгородской святыни Сергію не прошло даромъ. Лѣтописецъ Новгородскій, записавшій этотъ фактъ, продолжаетъ далѣе: „и бысть отъ того времени пріиде на него изумленіе, овогда видяху его въ Евѣмиевской паперти въ одной ряскѣ сѣдяща, овогда же видяху его въ полдни у св. Софѣи сѣдяща въ одной ряскѣ и безъ манатіи; и свезоша его болна къ Троицы въ Сергіевъ монастырь“²³⁸⁾.

Такимъ образомъ, одною изъ главныхъ причинъ мѣстнаго у насъ въ этотъ періодъ почитанія святыхъ былъ удѣльный складъ нашего общества, который способствовалъ той разобщенности и разрозненности, которыя и обуславливали собою то обстоятельство, что святые, прославляемые въ одной области, не только не прославлялись въ другой, иногда сосѣдней съ первою, но тамъ часто не знали даже и дня

²³⁶⁾ Костомаровъ, Сѣв.-русс. народопр. II, 334.

²³⁷⁾ Пол. Собр. Л. III, 183—4.

²³⁸⁾ Ibid. 184.

памяти ихъ. Что дѣйствительно удѣльный порядокъ, господствовавшій у насъ въ XII—XV в.в., былъ одною изъ главныхъ причинъ мѣстнаго почитанія святыхъ, это уже довольно ясно видно изъ приведеннаго нами выше примѣра канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго. Примѣръ этотъ ясно показываетъ, насколько сильно было дѣйствіе этой причины, если для преодоленія ея приходилось обращаться къ авторитету патріарха, такъ какъ авторитета главы Русской Церкви было недостаточно для этого. Но еще нагляднѣе и яснѣе доказывается эта тѣсная связь и зависимость мѣстнаго почитанія отъ удѣльнаго порядка вещей тѣмъ сразу бросающимся въ глаза явленіемъ, что съ уничтоженіемъ и съ постепеннымъ прекращеніемъ послѣдняго постепенно уменьшалось и первое, и когда къ XVI вѣку уничтожились удѣлы и вполнѣ сформировалось Московское государство, тогда и мѣстное почитаніе святыхъ въ такой узкой, исключительной формѣ, въ какой оно выражалось до этого времени, совершенно уничтожается. Дѣйствительно, внимательнѣе присматриваясь къ исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ за это время, не трудно замѣтить странное, повидимому, явленіе: многіе наши святые, какъ напр. св. Леонтій, Исаія и Игнатій, епископы Ростова, Авраамій Ростовскій, Антоній Печерскій, Дмитрій Прилудскій, Никита Переяславскій, св. бл. князь Михаилъ Черниговскій и его бояринъ Феодоръ и др., бывшіе до половины XV вѣка только мѣстными святыми, вдругъ съ этого времени становятся общероссійскими святыми. Какъ это случилось, спрашивается? Не было ли произведено въ это время когда-нибудь общей канонизаціи всѣхъ этихъ святыхъ, подобной той канонизаціи, которая совершена была на знаменитыхъ соборахъ 1547 и 1549 годовъ? Но исторія намъ не сохранила ни одного даже намека на что-нибудь подобное. Отсюда и предположеніе это не можетъ быть принято. А между тѣмъ, очевидно, что этой метаморфозы не могло случиться, еслибы не были уничтожены причины, которыми обусловливалось мѣстное почитаніе нашихъ святыхъ. Присматриваясь къ порядку вещей въ это время у насъ на Руси, мы дѣйствительно видимъ, что къ XV вѣку прежній удѣльный складъ русскаго общества постепенно уничтожается, поддаваясь мало-по-малу давленію Москвы, стремящейся на развалинахъ стараго строя построить новое государство на началахъ самодержавнаго единодержавія. Задавшись такою идеей, Московскіе князья, благодаря, съ одной стороны, выгодному географическому положенію своего княжества, а съ другой, благодаря своей умной, энергической и упорной дѣятельности, направленной исключительно къ расширенію своихъ предѣловъ на счетъ сосѣднихъ областей, къ XV вѣку на-

столько успѣли осуществить свою идею, что чуть не цѣлая Россія была подъ ихъ властію и отъ прежняго удѣльнаго строя остались одни обломки. Такое явленіе въ исторической жизни нашего народа несомнѣнно должно было такъ или иначе отразиться на всѣхъ сторонахъ жизни его. Стягиваніе удѣловъ подъ высокую руку Москвы, начавшееся еще съ XIV вѣка, отразилось и на почитаніи святыхъ. Мы выше видѣли, какую важную роль играла мѣстная святыня при удѣльно-вѣчевомъ складѣ Русскаго общества. Знаемъ и то, почему князья, порабощавшіе одинъ удѣлъ, старались перевезть къ себѣ и святыни его. Московскіе князья, присоединявшіе удѣлъ за удѣломъ, слѣдовали точно такой же политикѣ въ этомъ случаѣ. Присоединяя одинъ удѣлъ къ своему княжеству, они къ своимъ Московскимъ святымъ присоединяли и святыхъ покореннаго удѣла. Такимъ образомъ, объединеніе Руси Москвою, начавшееся уничтоженіемъ удѣловъ, вело за собою необходимо и объединеніе всѣхъ святыхъ, начавшееся съ постепеннаго ослабленія мѣстности почитанія ихъ. „До сего времени наши святые, говоритъ Буслаевъ, прославляемые какъ знаменитые дѣятели въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они подвизались, становились героями мѣстными, и въ теченіе вѣковъ память ихъ чтилась, какъ областная или мѣстная святыня. Какъ въ государственномъ дѣлѣ Москвѣ суждено было покорить всѣ областныя силы древней Руси и сосредоточить ихъ въ себѣ, такъ и въ отношеніи мѣстныхъ святыхъ Москва стала центромъ, къ которому собирались всѣ областныя священныя преданія и изъ мѣстныхъ провинціальныхъ стали потомъ все-россійскими. Въ области литературы это совершилось въ XIV вѣкѣ при пособіи образованнаго Новгорода въ Макарьевскихъ Четы - Минеяхъ, въ которыя внесены были многія сказанія о мѣстныхъ русскихъ святыхъ и о мѣстныхъ святыхъ“²³⁹⁾, а въ церковной жизни русскаго народа это выразилось въ превращеніи прежнихъ мѣстно-чтимыхъ святыхъ въ общероссійскихъ.

Кидая общій взглядъ на пройденный нами періодъ канонизаціи русскихъ святыхъ, можно сдѣлать заключеніе, что въ общихъ чертахъ она совершалась точно такимъ же образомъ, какъ и въ Греческой Церкви. Это сходство касается не только общей формы и хода совершенія ея, но простирается еще и далѣе. Мы видѣли, что въ Греческой Церкви отличительною чертою канонизаціи святыхъ былъ мѣстный характеръ ея, что въ свою очередь вело за собою и мѣстное почи-

²³⁹⁾ Буслаевъ, Истор. очерки, т. II, стр. 2, 242.

таніе святыхъ. Другою отличительною чертою канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви была невыработанность и нѣкоторая неопредѣленность правилъ, регулирующихъ ея совершеніе. Тѣ же самыя отличительныя черты мы находимъ и въ Русской Церкви за этотъ періодъ.

Такъ, прежде всего Русская Церковь, хотя въ продолженіе пяти слишкомъ вѣковъ своего существованія, которые обнимаетъ разсмотрѣнный нами періодъ, воспитала весьма много угодниковъ Божіихъ, однако почти всѣ они чествуемы были только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подвизались и покоились по смерти, а не по всей Россіи. Да и эти мѣстныя чествованія, какъ не утвержденныя высшею властью въ Русской Церкви, властью митрополита и собора, не могли имѣть полной обязательности для православныхъ всѣхъ областей. Если же иногда учреждаемы были у насъ церковною властью и общія или повсемѣстныя празднества въ честь того или другого святаго, напр. въ XI вѣкѣ въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба, въ началѣ XII вѣка—въ честь преп. Θεодосія Печерскаго, въ XIV вѣкѣ—въ честь святителя Петра, въ XV—въ честь св. митрополита Алексія, то подобныя событія были сравнительно рѣдки и совершались отдѣльно одно отъ другого. Отсюда и канонизація всеобщая въ этотъ періодъ является по большей части единичнымъ и случайнымъ актомъ; главный же характеръ ея, какъ и въ Греческой Церкви, во весь этотъ періодъ по преимуществу былъ мѣстный.

Что касается далѣе правилъ, которыми руководились у насъ въ это время при совершеніи канонизаціи святыхъ, то мы видимъ только одно общее и главное правило,—это требованіе чудесъ, при чемъ на освидѣтельствованіе или повѣрку ихъ, кромѣ одного или двухъ случаевъ, мы не находимъ никакихъ указаній. Такое отсутствіе выработанныхъ и точно сформулированныхъ правилъ естественно должно было такъ или иначе отражаться и на характерѣ прославленія угодниковъ Божіихъ. Мы уже выше видѣли, что многіе изъ нашихъ святыхъ этого періода долгое время только мѣстно чтимые въ послѣдующее время становятся всероссійскими святыми, при чемъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о какомъ нибудь актѣ высшей духовной власти, изданномъ ею въ этихъ видахъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, общецерковное прославленіе того или другого святаго въ нашей Церкви не всегда являлось слѣдствіемъ утвержденія его высшею духовною властію, но часто предупреждало это утвержденіе, являясь само собою. Точно также встрѣчаемъ факты, показывающіе, что церковный контроль и надзоръ не всегда предупреждалъ и мѣстное почитаніе того или другого угодника; вслѣдствіе чего въ этотъ

періодъ было однимъ изъ обычныхъ то явленіе, по которому святой уже чтился церковнымъ образомъ, т. е. ему составлялось житіе и служба, имя его вносилось въ мѣсяцесловы и проч., хотя официальной канонизаціи его еще и не было. Любопытныя въ этомъ отношеніи извѣстія мы находимъ въ житіи юродиваго Устюжскаго Прокопія. Въ 1458 году пришедшій съ Москвы „нищій человекъ“ Іоаннъ, собравъ рассказы Устюжанъ о Прокопіи, заказалъ написать образъ его и построилъ надъ могилой блаженнаго „часовню малу“, гдѣ поставилъ образъ на поклоненіе приходящимъ, т. е. самовольно установилъ чествованіе святаго, еще не признаннаго Церковью. Соборнымъ іереямъ и діаконамъ „вниде въ сердца лукавый помысль“, не захотѣли они творить памяти блаженному, прогнали Іоанна, разорили и разметали его часовню и унесли образъ Прокопія. Но въ 1471 году Устюжскіе ратные люди, воротившись изъ похода въ Нижній, по обѣту построили надъ могилой Прокопія церковь во имя его, сдѣлали гробницу, на которой поставили образъ блаженнаго, „и отъ того времени начаша праздновати честно и торжественно праздникъ блаженнаго Прокопія мѣсяца Іуліа въ 8 день“. Во всемъ этомъ житіе не указываетъ участія церковной власти и только въ 1547 году Московскій церковный соборъ утвердилъ мѣстное празднованіе Прокопію 8-го Іюля ²⁴⁰). Кромѣ этого примѣра можно находить въ этотъ періодъ и другіе въ этомъ же родѣ. Такъ, въ 1539 году Даніиль Переяславскій, хлопоча объ открытіи мощей св. князя Андрея Смоленскаго „его же нигдеже помнаше“, представилъ царю и митрополиту древній образъ его, стихиры съ канономъ изъ старыхъ книгъ, свидѣтельствуя при этомъ, что онъ Даніиль „не предъ многими лѣты своиа очима видѣ память ему сотворяему во храмѣ, въ немъ же мощи его почиваху, и службу ему совершаему и стихеры и канунъ имени его пѣваемы и на иконахъ образъ его написуемъ; нынѣ не вѣмъ чесо ради и таковъ святъ мужъ ни отъ кого поминаемъ“ ²⁴¹). Между тѣмъ ни митрополитъ Іосафъ, какъ заявили присланные въ Переяславль духовные слѣдователи, чудовскій архимандритъ Іона и Богородскій протопопъ Гурій, и никто изъ высшей іерархіи ничего не знали объ этомъ святомъ ²⁴²).

Подобныя явленія въ прославленіи нашихъ святыхъ, обусловливаемые, съ одной стороны, недостаточностію контроля высшей цен-

²⁴⁰) Ключевскій, В. О. Житія, 387—8.

²⁴¹) Рук. Тр. С. Л. № 696, л. 223—4.

²⁴²) Ibid. л. 229—31.

тральной власти, съ другой, невыработанностию и проистекающею отсюда неясностию и неопредѣленностию правилъ и основаній, которыя могли бы служить руководствомъ при совершеніи канонизаціи святыхъ въ разсматриваемый нами періодъ, могли служить достаточнымъ побужденіемъ для митрополита Макарія—обратить свое особенное вниманіе на эти слабыя стороны ея и такъ или иначе исправить ихъ. Впрочемъ, сознаніе этихъ, если и не всѣхъ, то нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ, мы находимъ уже ранѣе. Въ XVI вѣкѣ мы не встрѣчаемъ уже ни одного факта совершенія канонизаціи мѣстнымъ епископомъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ три факта послѣдней. Это—канонизація Пафнутія Боровскаго, Іакова Боровицкаго и Андрея, князя Смоленскаго. Несмотря на то, что канонизація этихъ святыхъ носитъ мѣстный характеръ, тѣмъ не менѣе совершается она уже митрополитомъ, т. е. высшею властью Русской Церкви. При этомъ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ мы встрѣчаемъ уже и примѣненіе тѣхъ правилъ, которыя вошли въ постоянную практику нашей Церкви только не ранѣе второй половины этого вѣка. Но первую попытку къ болѣе однообразному прославленію святыхъ, къ выработкѣ болѣе опредѣленныхъ правилъ для этого предмета и представляютъ изъ себя знаменитые Макарьевскіе соборы 1547 и 49 годовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы далѣе и перейдемъ.

ГЛАВА III.

Соборы 1547 и 1549 годовъ.

Соборы 1547 и 1549 годовъ, созванные митрополитомъ Макаріемъ для канонизаціи святыхъ, представляютъ явленіе, подобнаго которому мы не находимъ ни ранѣе, ни послѣ и не только въ Русской Церкви, но и въ Церквахъ Востока и Запада. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не удивительно то обстоятельство, что, повидимому, внезапно возбуждается мысль собрать всеѣ памяти святыхъ, которымъ до сего времени „не было соборнаго пѣнія и уставити празднованіе имъ по прежеуложенному уставу св. отецъ“¹⁾. Не менѣе удивительно и то обстоятельство, что какъ скоро, повидимому, эта мысль возбуждается, точно такъ же скоро и быстро она и осуществляется. Въ какіе нибудь два три года у насъ въ Русской Церкви канонизуется столько святыхъ, сколько не было канонизовано во всеѣ предшествующіе пять вѣбовъ, протекшихъ со времени основанія нашей Церкви до этихъ соборовъ. Какъ нова мысль, которая лежитъ въ основаніи этихъ соборовъ, такъ точно новъ и оригиналенъ и способъ осуществленія ея. Одною изъ отличительныхъ чертъ, характеризующихъ совершеніе канонизаціи до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, былъ мѣстный характеръ ея. Святой обыкновенно прославлялся преимущественно только въ той мѣстности, гдѣ жилъ, подвизался и гдѣ хранились его мощи. Другою отличительною чертою канонизаціи того времени была невыработанность и проистекающая отсюда неясность и неопредѣленность правилъ совершенія ея въ нашей Церкви и приложенія ихъ на практикѣ. Правда, встрѣчаются иногда указанія на приложеніе и примѣненіе къ практикѣ ея нѣсколькихъ правилъ, напр.: свидѣтельствванія чудесъ и мощей, провѣрки житій и каноновъ; но эти указанія такъ рѣдкы и при томъ такъ часто неопредѣленны и неясны, что возводитъ ихъ въ

¹⁾ А. Э. 1, № 213.

общія правила совершенія тогда у насъ канонизаціи святыхъ мы не имѣемъ права. Между тѣмъ на Макарьевскихъ соборахъ мы не видимъ ничего подобнаго; напротивъ, съ перваго взгляда замѣчаемъ шагъ впередъ. Ими формулируются и вводятся въ практику Церкви опредѣленные правила канонизаціи, которыя потомъ становятся у насъ постояннымъ руководствомъ при совершеніи ея; представляются новыя основанія и условія канонизаціи, при чемъ она принимаетъ характеръ обще-церковный, а не мѣстный, какой преимущественно имѣла до этихъ соборовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что Макарьевскіе соборы имѣютъ весьма важное значеніе для канонизаціи нашихъ святыхъ, потому что со времени ихъ устанавливается болѣе правильный и постоянный способъ совершенія ея и начинается новый періодъ въ ея исторіи.

Несмотря, однако, на столь важное значеніе этихъ соборовъ въ дѣлѣ канонизаціи нашихъ святыхъ, имъ почему-то не посчастливилось въ нашей церковно-исторической наукѣ. Наши изслѣдователи-историки почему-то проходятъ мимо нихъ, ограничиваясь обыкновенно самыми общими замѣчаніями, а иногда и просто только однимъ констатированіемъ голаго историческаго факта. Даже люди, спеціально писавшіе о митрополитѣ Макаріи, бывшемъ душею этихъ соборовъ, и тѣ не считали нужнымъ много распространяться о нихъ, хотя и нужно было бы ожидать отъ нихъ болѣе или менѣе подробнаго изложенія исторіи этихъ соборовъ, такъ какъ послѣдніе составляютъ одну изъ видныхъ сторонъ церковной дѣятельности этого іерарха ²⁾. Трудно подыскать основательныя причины такого научнаго равнодушія къ этимъ соборамъ, имѣвшимъ такое важное значеніе для канонизаціи нашихъ святыхъ. Былъ-ли причиною послѣдняго недостатокъ матеріала и данныхъ, дѣйствительно, въ очень незначительномъ, какъ увидимъ ниже, количествѣ сохранившихся, или просто отсутствіе всякаго интереса среди нашихъ изслѣдователей къ вопросу о канонизаціи вообще, трудно рѣшить. Единственное, краткое, но имѣющее научный интересъ изслѣдованіе о занимающихъ насъ въ настоящее время соборахъ есть у В. О. Ключевского, въ его сочиненіи: „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ ³⁾. Авторъ послѣдняго сочиненія,

²⁾ Мы разумѣемъ здѣсь гг. Н. Лебедева и Защинскаго. Изслѣдованіе перваго: „Макарій, митрополитъ всероссійскій“, помѣщено въ Чт. Общ. Люб. Дух. Пр. 1887 г., ч. 2, и 1878 г., ч. 1; а изслѣдованіе втораго подъ точно такимъ же заглавіемъ помѣщено въ журн. М. Н. Пр., т. 217 и 218.

³⁾ Ключевскій, Житія, 221—242.

правда, такъ сказать, мимоходомъ касается этихъ соборовъ, именно настолько, насколько они способствовали развитію и оживленію у насъ въ это время агіобіографіи, но тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ высказать много интересныхъ замѣчаній объ этихъ соборахъ.

Приступая къ исторіи самыхъ соборовъ, мы, прежде всего, въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ о нихъ укажемъ цѣль, побужденія и идею, которая легла въ основаніе этихъ соборовъ; затѣмъ, постараемся рѣшить вопросъ о томъ, кому принадлежала инициатива ихъ; наконецъ перейдемъ уже къ исторіи самыхъ соборовъ, сперва, конечно, внѣшней, а потомъ разсмотримъ какъ самый ходъ канонизаціи на этихъ соборахъ, такъ и значеніе ихъ для канонизаціи святыхъ въ послѣдующее время.

I.

Какъ цѣль, такъ и побужденія, послужившія поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ, довольно ясно указываются самимъ митрополитомъ Макаріемъ и Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Такъ, первая довольно ясно намѣчена въ окружной грамотѣ митрополита Макарія, которую онъ рассылалъ послѣ этихъ соборовъ по церквамъ, въ слѣдующихъ словахъ: „мы же о Святѣмъ Дусѣ съ сынами своими, со архіепископы и епископы и со всѣми священными соборы, уставихомъ на томъ соборѣ праздновати по преуложенному уставу св. отецъ“⁴⁾. и проч. Такимъ образомъ, ближайшею цѣлью этихъ соборовъ было совершеніе канонизаціи святыхъ.

Если же мы, далѣе, обратимъ вниманіе на совершеніе канонизаціи святыхъ до этихъ соборовъ и сравнимъ съ прежнимъ способомъ настоящей способъ совершенія ея, то нетрудно будетъ опредѣлить и тѣ побужденія, которыя послужили поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ. До XVI вѣка все-церковная канонизація была болѣе чѣмъ рѣдкимъ явленіемъ; въ большинствѣ случаевъ намъ встрѣчается канонизація мѣстная, при томъ какъ та, такъ и другая являлась случайнымъ и единичнымъ фактомъ. Теперь же канонизаціи приданъ собирательный характеръ, сдѣлана попытка ввести въ церковный календарь всѣхъ извѣстныхъ Русскихъ чудотворцевъ и притомъ сдѣлать ихъ достояніемъ всей Русской Церкви; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія извѣстіе, что соборъ 1549 года „предалъ Божіимъ церквамъ“, для пѣнія и празднованія, всѣ собранныя и свидѣтельствованныя житія и каноны новымъ чудотворцамъ,

⁴⁾ А. 9. 1, № 213, 203.

не раздѣляя послѣднихъ на общихъ и мѣстныхъ, какъ это сдѣлалъ соборъ 1547 года; затѣмъ, церковное признаніе святаго становится дѣломъ общаго центрального собора Русской Церкви, а не епархіальной іерархіи⁵⁾; наконецъ, на этихъ соборахъ прилагаются новыя правила канонизаціи, которыя уже потомъ постоянно практикуются въ нашей Церкви. Всѣ эти новыя черты канонизаціи святыхъ, появившіяся у насъ со времени только этихъ соборовъ, тѣмъ удивительнѣе, что ранѣе однѣ изъ нихъ совершенно не встрѣчались намъ въ практикѣ нашей Церкви, другія же, если и встрѣчались, то только въ зачаточномъ состояніи. Поэтому невольно является вопросъ, какимъ же образомъ могла произойти у насъ такая рѣзкая перемѣна какъ въ формѣ совершенія канонизаціи, такъ и въ характерѣ ея? Очевидно, были какія нибудь особенныя обстоятельства и причины, которыя, служа побужденіями, и обусловливали собою эту перемѣну. Какія же это могли быть обстоятельства и причины? Прежде всего такимъ побужденіемъ къ перемѣнѣ формы и характера канонизаціи могли служить неясность и неопредѣленность правилъ, а равно и недостаточность контроля высшей центральной власти Русской Церкви, которая замѣчалась въ чествованіи святыхъ до этихъ соборовъ;—все это, естественно, могло возбуждать мысль о ненормальности такого положенія въ умахъ лучшихъ людей того времени и желаніе выйти изъ него посредствомъ тѣхъ или другихъ мѣръ и средствъ. Что дѣйствительно такая мысль и такое желаніе могли имѣть мѣсто, это можно уже видѣть, съ одной стороны, изъ словъ Грознаго, который разумѣетъ именно этотъ недостатокъ контроля высшей церковной власти, когда говоритъ, „что праздновати повсюду симъ великимъ свѣтильникомъ неузаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныя раки со св. мощами бяху, ту и славими быша“⁶⁾, а съ другой стороны, изъ того, что въ XVI вѣкѣ намъ уже не встрѣчается случаевъ установленія мѣстнаго празднованія святому мѣстнымъ епископомъ. Даже благословеніе праздновать преп. Пафнутію Боровскому въ его обители, данное въ 1531 году, исходитъ уже отъ митрополита „со всѣмъ священнымъ его соборомъ“. Точно также отъ митрополита же исходитъ повелѣніе ежегодно совершать память св. Іакова Боровицкаго, предписанное грамотой 1545 года митр. Макарія⁷⁾, и св.

⁵⁾ Блючевскій, В. О. Житія, 227.

⁶⁾ Блючевскій, Житія, прил. 4, 461.

⁷⁾ Рук. Тр. С. Л. № 654, л. 74.

Андрея, князя Смоленскаго⁸⁾. Затѣмъ, съ начала XVI вѣка мы встрѣчаемъ факты свидѣтельствованія мощей и чудесъ и притомъ въ такой формѣ, въ какой оно практиковалось у насъ послѣ макарьевскихъ соборовъ, факты, указаніе на которые въ практикѣ раннѣйшихъ временъ мы, несмотря на продолжительность періода, встрѣаемъ только одинъ разъ,—это при открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, князя Θεодора и чады его—Давида и Константина. Да и то это указаніе констатируетъ собственно только самый фактъ свидѣльствованія, но ничего не говоритъ ни о формѣ, ни о способѣ совершенія послѣдняго. Укажемъ эти факты. Въ 1521 году Колязинскій игуменъ послалъ въ князю Георгію „како обрѣтоша тѣло блаж. Макарія дѣло и тлѣнію не причастно, отъ него многа и различна исцѣленія бываху, послажъ имена всѣхъ исцѣлѣвшихъ на хартіи написавъ; князь же Георгій прочетъ написанное возрадоваса“⁹⁾. Вслѣдствіе этого донесенія, послѣдній, какъ говорится въ одной сохранившейся, въ высшей степени любопытной запискѣ, имѣющей предметомъ своимъ біографію преп. Макарія Колязинскаго, „лѣта 7032, марта во 2 день пыталъ Стрѣтеньскыя старицы Ефросиніи Васильевой жена Кожина, о житіи преподобнаго Макарія чудотворца отъ каковыхъ родителей родися и каково было житіе его“¹⁰⁾ и проч. Въ 1544 году архіепископъ Новгородскій Θεодосій, по челобитью Боровицкихъ обывателей, духовенства и мірянъ, послалъ въ Боровичи „игумена Онтонова монастыря Константина, до Соѣйскаго собора священника Василея, да Соѣйскаго дьякона Патрикѣя, смотрити мощей Іаковлихъ и о чудесѣхъ его испытати многими людьми и священники“. Освидѣльствовахъ мощи Іакова, посланные „и про жизнь его опрашивали тѣхъ же мѣстныхъ священникъ и старость и волостныхъ людей добрыхъ—сколько давно туто лежать и есть ли на него туто паметухи и знахари“. Ничего не узнавши объ этомъ, слѣдователи собрали показанія о совершавшихся у гроба Іакова чудесахъ и составили имъ опись, въ которой приложили руки всѣхъ духовныхъ лицъ, присутствовавшихъ при осмотрѣ мощей, и міряне, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій. Получивъ этотъ обыскъ, архіепископъ послалъ его митрополиту и т. д.¹¹⁾ Всѣ сейчасъ при-

⁸⁾ Рук. Тр. С. Л. № 696, 225—32.

⁹⁾ Некрасовъ, Зарожд. націон. лит., 46.

¹⁰⁾ Некрасовъ, 47.

¹¹⁾ Рук. Тр. С. Л. № 654, л. 74—88.

веденные нами факты могутъ говорить намъ о сознаниі высшею властію необходимости болѣе строгаго отношенія къ канонизаціи святыхъ. Если же такая мысль разъ явилась, то нужны только благопріятныя обстоятельства для ея осуществленія и проведенія въ жизнь общества. И эти обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятно сложились въ половинѣ XVI вѣка.

Въ половинѣ XV вѣка самостоятельное политическое значеніе Византіи окончилось, а вмѣстѣ съ нимъ упало и значеніе самой Греческой Церкви. Наоборотъ, для Россіи XV—XVI вѣка, бывшіе эпохой постепеннаго возвышенія и усиленія гражданской и церковной власти, ознаменовались подъемомъ собственнаго духа, сознаниемъ національной независимости и преобладающаго значенія Руси въ ряду другихъ православныхъ обществъ. Прежде, въ періодъ существованія Греческой имперіи, послѣдняя считалась главною представительницею и защитницею всего православнаго міра. Теперь, съ паденіемъ Константинополя, она не могла, очевидно, играть такой уже роли. Къ кому же эта роль должна была перейти? Освобожденіе отъ монгольскаго ига, уничтоженіе удѣловъ и объединеніе Руси сдѣлали послѣднюю могущественною и сильною державою, вслѣдствіе чего національное самолюбіе Русскихъ и не замедлило перенести такую роль на самихъ себя. Теперь, по сознанию Русскихъ людей того времени, Русская земля осталась единственною представительницею православія, а ея государь—единственнымъ его защитникомъ. Особенное развитіе эта идея получила именно въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Василія Ивановича, а Іоаннъ Грозный стремился уже осуществить ее въ своей дѣятельности, исполнить тѣ обязанности, которыя налагало на него новое положеніе его въ Русскомъ государствѣ и Церкви,—именно, стремился поставить въ уровень съ этимъ положеніемъ Московское государство и Московскую Церковь. Въ царствованіе Василія Ивановича эта мысль ясно выражена была старцемъ Псковскаго Елизарова монастыря Филоооємъ: „Пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему государю.... браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыхъ вселенскія и апостольскія Церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, иже вмѣсто Римскія и Константинопольскія просіявшу (ей). Церковь древняго Рима, говорится далѣе въ этомъ посланіи, пала, вслѣдствіе принятія Аполлинаріевой ереси. Двери Церкви втораго Рима - Константинополя града разсѣкли агаряне. Сія же соборная и апостольская Церковь новаго Рима - державнаго твоего царства - своею христіанскою вѣрою, во всѣхъ концахъ вселенной, во всей поднебесной паче солнца свѣтится. И да знаетъ твоя держава,

благочестивый царь, что всё царства православной христианской вѣры сошлись въ одномъ твоёмъ царствѣ: единъ ты во всей поднебесной христианинъ царь“¹²⁾. Эти воззрѣнія на роль новаго Московскаго государства и его государя въ судьбахъ православія были, кажется, очень распространены въ обществѣ того времени, о чемъ можно судить какъ, съ одной стороны, потому, что тѣ же воззрѣнія проводятся и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ того же вѣка, такъ и потому, что къ тому же времени относятся сказанія о чудесномъ переходѣ святынь изъ Церкви Греческой въ Церковь Русскую, какъ единственное убѣжище теперь православія.

Эти новыя воззрѣнія на Русскую Церковь, какъ на центръ православія, и Русское государство, какъ единственную православную державу, должны были имѣть своимъ естественнымъ слѣдствіемъ стремленіе нашей Церкви возвыситься до уровня, соответствующаго ея новому положенію, показать себя достойною высокаго мѣста, способною выполнить ту великую задачу, которую Промыселъ назначилъ ей выполнить въ исторіи христианства. Естественнѣ всего и прежде всего такое стремленіе нашей Церкви должно было отразиться на прославленіи нашихъ отечественныхъ святыхъ. Слава Церкви—ея святыне. Угодники Божіи суть ясныя свидѣтели благодати Божіей, почивающей въ Церкви. Отсюда, возвыситъ значеніе отечественной святыни и прославить своихъ отечественныхъ святыхъ было совершенно въ духѣ и потребностяхъ того времени. А для того, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, нужно было собрать свѣдѣнія о святыхъ угодникахъ, открыть изъ-подъ спуда и поставить на видъ скрытое доселѣ сокровище. И мы дѣйствительно видимъ, что именно въ это время митрополитъ Макарій большую часть своей дѣятельности посвящаетъ изслѣдованіямъ о жизни Русскихъ святыхъ, образуетъ цѣлую школу писателей житій и производитъ безпримѣрную въ нашихъ дѣтописяхъ канонизацію святыхъ. Что дѣйствительно такого рода воззрѣнія, господствовавшія въ Русскомъ обществѣ половины XVI вѣка относительно своей выдающейся роли во всемъ православномъ мірѣ, частію обуславливали всю церковную дѣятельность этого времени и главнымъ образомъ соборы о новыхъ чудотворцахъ, доказательствомъ тому служить написанное, по порученію митрополита Макарія, житіе св. Михаила Клопскаго. Писатель этого житія проводитъ ту мысль, что изысканія о жизни и дѣйствіяхъ святыхъ, направленные къ ихъ прославленію, производятся

¹²⁾ Прав. Собесѣдн. 1863 г. I, 344.

съ тою цѣлю, чтобы доказать, что Русская Церковь, хотя она и въ единонадесятый часъ выступила въ исторіи (т. е. основалась послѣ другихъ восточныхъ Церквей), но преуспѣвала усердіемъ дѣлателей отъ перваго часа. Не въ терніи и не на камени падали ея сѣмена, но на доброй тучной землѣ они приносили сторицествующіе плоды. Она столько воспитала святыхъ и великихъ мужей, что вселенная удивляется ихъ добродѣтельному житію. Ихъ прославляютъ не только православные, но и не разумѣющіе Бога, какъ объ этомъ ясно сказано въ житіи чудотворца и святителя Алексія, когда онъ удивилъ безбожныхъ агарянскихъ царей и львообразную ярость ихъ превратилъ въ овчью кротость¹³⁾. Другой біографъ, также стоявшій подъ вліяніемъ Макарія, описываетъ въ яреихъ чертахъ то впечатлѣніе, которое производили соборы о канонизаціи, и тѣмъ указываетъ и мотивы, вызвавшіе ихъ. Біографъ св. Саввы Крыпецкаго, извѣстный авторъ Псковскихъ житій, Василій, упомянувъ о соборномъ установленіи празднованія новымъ чудотворцамъ, замѣчаетъ, что съ того времени церкви Божіи въ Русской землѣ не вдовствуютъ памятями святыхъ и Русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ, якоже второй Римъ и царствующій градъ: „тамо бо вѣра православная испроказися махметовою ересію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ русей землѣ паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ“¹⁴⁾.

Политическія условія, съ своей стороны, немало содѣйствовали развитію такого направленія и проведенію его въ жизнь. Кіевъ, Псковъ, Новгородъ, Суздаль и другіе центры древне-русской жизни, потерявъ самостоятельность, присоединились къ Москвѣ и подчинились центральной церковной власти. Мѣстные святые древнихъ городовъ Русскихъ, дотолѣ праздновавшіеся у себя дома, теперь являются какъ всероссійскіе святые и памяти ихъ торжественно устанавливаются на этихъ соборахъ.

Итакъ, съ одной стороны, усиленіе центральной власти Русской Церкви, которое необходимо должно было отразиться и на канонизаціи святыхъ, уничтоживъ мѣстность ихъ почитанія, съ другой, эти новыя воззрѣнія на Русскую Церковь, какъ на единственную представительницу теперь православія, которыя побуждали Церковь собрать въ одно цѣлое всѣ мѣстныя преданія о святыхъ и сдѣлать почитаніе ихъ общимъ, чтобы наглядно показать, что наша Церковь по количеству въ ней угодниковъ Божіихъ вполне можетъ соотвѣтствовать

¹³⁾ Чт. въ Общ. люб. духовн. проsv., 1878 г., I, 420—421.

¹⁴⁾ Ключевскій, Житія, 227—228.

своему новому положенію,—все это вполне могло послужить источникомъ идеи, которая лежитъ въ основѣ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ. Въ гражданской жизни эти новыя воззрѣнія нашего народа наглядно выразились въ вѣнчаніи Грознаго на царство, благодаря чему прежнее Московское княжество стало государствомъ, въ жизни же Церкви эти новыя воззрѣнія, въ силу того, что послѣдняя должна была соотвѣтствовать величію государства, послужили источникомъ къ прославленію нашихъ святыхъ.

Своего выразителя эта мысль, легшая въ основу соборовъ 1547 и 1549 годовъ, нашла въ лицѣ знаменитаго дѣятеля этой эпохи, митрополита Макарія. Послѣдній скорѣе и лучше, чѣмъ кто другой, могъ выполнить и осуществить это дѣло—произвестъ канонизацію святыхъ, доселѣ мѣстно чтимыхъ, какъ по своему личному характеру, такъ и по обстоятельствамъ жизни, давшей ему средства для осуществленія своихъ плановъ. Дѣятельность митрополита Макарія въ санѣ архіепископа Новгородскаго и затѣмъ митрополита Московскаго даетъ намъ полное право сдѣлать заключеніе о немъ, какъ о человѣкѣ, который цѣлью жизни своей поставилъ исправленіе недостатковъ, вѣками накопившихся въ Русской Церкви, и приведеніе въ болѣе строгій порядокъ того, что „поиспательо“¹⁵⁾. Прибывши въ Новгородъ Великій, въ качествѣ его владыки, онъ вводитъ правильное общежитіе въ тамошніе монастыри, строить и украшаетъ храмы, поновляетъ обветшавшіе памятники церковной святыни, заботится объ украшеніи города, чтобы, по выраженію современнаго лѣтописца, было „велики лѣпо и чудно видѣти“¹⁶⁾. Благодаря этой своей дѣятельности, обусловленной его личнымъ характеромъ, Макарій достигъ того, что Новгородцы, еще не совсѣмъ привышіе къ потерѣ свободы и потому враждебно относившіеся въ Москвѣ и посылаемымъ отсюда въ Новгородъ правительственнымъ лицамъ, такъ были довольны управленіемъ Макарія, что тотъ же лѣтописецъ, характеризуя его дѣятельность, съ восторгомъ замѣчаетъ: „и бысть при семъ владыцѣ во всей его архіепископіи молитвами его времена тиха и прохладна: коробью убо жита купили по семи новгородокъ“¹⁶⁾. Сдѣлавшись митрополитомъ всероссійскимъ, Макарій дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Стоглавый соборъ и соборы о новыхъ чудотворцахъ проникнуты тою же руководящею его дѣятельностью идеею поновленія и приведенія въ порядокъ стараго, пришедшаго въ упадокъ. Такая

¹⁵⁾ П. С. Р. Л. VI, 301.

¹⁶⁾ П. С. Р. Л. IV, 282.

господствующая черта дѣятельности этого іерарха для насъ будетъ понятна, если мы хотя немного познакоимся съ его жизнью. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что Макарій вышелъ изъ монастыря Пафнутія Боровскаго, воспитался въ преданіяхъ сферы, изъ которой вышло замѣтно выдѣляющееся направленіе въ средѣ Русскаго монашества XVI вѣка: согласно съ духомъ своего родоначальника, въ которомъ биографъ выставляетъ преобладающей чертой чувство мѣры—„безмѣрія во всемъ убѣгая, егда время бѣ, глаголаше потребная, и егда подобно, молчанію прилежаше, все во время творя“,—эта школа отличалась стремленіемъ къ дисциплинѣ, къ внѣшнему порядку и благолѣпію и сильнымъ практическимъ смысломъ¹⁷⁾.

На основаніи сказаннаго о личномъ характерѣ митрополита Макарія и его дѣятельности, нетрудно теперь для насъ рѣшить и вопросъ о томъ, кому принадлежала самая инициатива этихъ соборовъ. Въ нѣкоторыхъ источникахъ, сохранившихъ до нашего времени свѣдѣнія о соборахъ 1547 и 1549 годовъ, дѣло представляется такъ, что инициатива этихъ соборовъ и произведенной на нихъ канонизаціи принадлежитъ Іоанну IV. Такъ, въ житіи митрополита Іоны, авторъ его, сказавъ, что памяти многихъ святыхъ, прославленныхъ чудесами, „отъ многогъ временъ и до нынѣ сокровены и забвенію преданы“, продолжаетъ далѣе: „и сего ради христоробивый царь и великій князь Иванъ возвѣщаетъ боголюбезнѣйшему митрополиту Макарію всея Русіи и совѣта блага просить отъ него, еже отъ многога благоговѣнія и любви имѣя желаніе въ мысли своей, дабы симъ новѣйшимъ чудотворцемъ уставити празднество во святыхъ Божіихъ церквахъ повсюду, якоже и прежнимъ, иже въ русской земли провозсіавшимъ новымъ чудотворцемъ“¹⁸⁾. Та же самая мысль проводится довольно ясно и въ окружной грамотѣ этого митрополита, посланной имъ въ Вологду и на Бѣлоозеро и въ Троицкій Сергіевъ монастырь¹⁹⁾. Но гораздо вѣрнѣе дѣло представляется въ Стоглавѣ. Въ послѣднемъ ничего не говорится о первомъ соборѣ, инициатива же второго собора ясно приписывается митрополиту Макарію и бывшему подъ предсѣдательствомъ его первому собору: „по вашему святительскому соборному благословенію и прощенію и вашихъ ради святыхъ молитвъ

¹⁷⁾ Ключевскій, Житія, 221—222.

¹⁸⁾ Ключевскій, Житія, прилож. 4, 461.

¹⁹⁾ См. первую въ А. Э., 1, № 213; вторую — Чт. Общ. А. Д. Пр. 1878 г. 1, 428—429.

Божіимъ строеніемъ осія благодать Св. Духа и коснуса разуму моему, възиде на память мнѣ и вождель душа моя великое и неистощимое богатство отъ многихъ временъ современно и забвенію предано“²⁰⁾ и проч. Последнее представленіе дѣла будетъ вѣрнѣе. Ибо трудно представлять, чтобы у семнадцатилѣтняго царя—юноши, и притомъ юноши невоздержнаго, преданнаго всѣ излишествамъ молодости, могла возникнуть идея о канонизаціи святыхъ и при томъ въ такой безпримѣрной въ исторіи формѣ, въ какой она была произведена на этотъ разъ. Если же въ житіи Ионы и въ первыхъ двухъ приведенныхъ грамотахъ инициатива дѣла приписывается самому царю, то только или потому, что Іоаннъ, толкнутый Макаріемъ посредствомъ вѣнчанія его на царство на новый жизненный путь, вездѣ и всюду хотѣлъ усвоить себѣ не только первенствующую роль, но даже и инициативу, при чемъ, конечно, митрополитъ не могъ препятствовать государю въ этомъ безвредномъ въ существѣ дѣла желаніи его; или потому, что царь дѣйствительно принималъ видное участіе въ этихъ соборахъ, такъ какъ требовалось прежде всего его соизволеніе относительно ихъ, затѣмъ разрѣшеніе на призывъ мѣстныхъ владыкъ и вообще ему могла принадлежать вся вѣшняя административная дѣятельность, направленная на подготовленіе соборовъ; вслѣдствіе всего этого, въ окружныхъ грамотахъ инициатива послѣднихъ и могла быть приписана самому царю, хотя это и несправедливо. Что дѣйствительно инициативу этихъ соборовъ нужно приписывать именно митрополиту Макарію, непрерываемымъ свидѣтельствомъ въ пользу этой мысли можетъ служить и вся дѣятельность его въ Новгородѣ по составленію громаднѣйшаго изъ сборниковъ житій святыхъ и его особенная заботливость о написаніи житій Русскихъ святыхъ. „Макарьевскія Четьи-Минеи, говоритъ В. О. Ключевскій, представляютъ такую же попытку централизаціи въ области древне-русской письменности, какой были соборы 1547 и 1549 годовъ въ области Русскихъ церковно-историческихъ воспоминаній“²¹⁾. Задавшись цѣлью собрать „всѣ святыя книги, какія обрѣтаются въ Русской землѣ“, Макарій долженъ былъ столкнуться съ тою же мѣстностью сказаній, какаю была и въ почитаніи святыхъ. Ибо, говоритъ Буслаевъ, въ древней Руси первоначально не было и не могло быть словесности вообще Русской, а были преданія, сказанія и пѣсни,—кіевскія, новгородскія, муромскія, рязанскія, ростовскія, смоленскія и т. д. Даже Москва, коренившаяся на

²⁰⁾ Стоглавъ, 43.

²¹⁾ Ключевскій, Житія 229.

преданіяхъ суздальскихъ и владимірскихъ, сначала является въ дите-
ратурѣ съ своими мѣстными исключительными интересами, и только
съ половины XVI вѣка начинаетъ поглощать въ своей энергической
дѣятельности мѣстныя особенности старыхъ городовъ²²⁾. Эта мѣст-
ность и разбросанность сказаній, вслѣдствіе чего происходила ихъ
недоступность для всего Русскаго общества, естественно, могла на-
вести Макарія на мысль собрать послѣднія всѣ по возможности въ
одинъ сборникъ и сдѣлать черезъ это ихъ общедоступными. Къ
осуществленію этой мысли Макарій приступилъ, еще будучи архіе-
пископомъ Новгородскимъ, именно въ 1529 году, и надъ исполненіемъ
ея работалъ очень долгое время. Эта его дѣятельность по составленію
Четьи-Миней, въ которыя онъ старался собрать между прочимъ и
житія Русскихъ святыхъ, естественно, могла натолкнуть его на мысль
произвести общую канонизацію святыхъ, доселѣ только мѣстно-чи-
мыхъ, и чрезъ это сдѣлать почитаніе ихъ всецерковнымъ. Такимъ
образомъ, въ этой дѣятельности Макарія по составленію Четьи-Миней
можно видѣть начало и источникъ самой мысли соборовъ о новыхъ
чудотворцахъ.

Какъ соборъ 1547 года, такъ соборъ 1549 г. имѣютъ совер-
шенно одинаковую цѣль и одинъ и тотъ же предметъ; благодаря
этому единству цѣлей и предмета ихъ, второй соборъ является есте-
ственнымъ продолженіемъ перваго; вслѣдствіе чего оба эти собора
можно разсматривать за одинъ соборъ, какъ нѣкоторые дѣйствительно
и дѣлаютъ²³⁾. Если же мы не слѣдуемъ этому плану, то единственно
только въ видахъ достиженія ясности и болѣе раздѣльности пред-
ставленія о каждомъ изъ нихъ, чего, конечно, трудно достигнуть при
одновременномъ и совмѣстномъ изложеніи исторіи этихъ соборовъ.

II.

Соборъ 1547 года.

Изъ предварительныхъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ мы знаемъ,
что инициатива ихъ созванія должна быть приписываема митрополиту
Макарію. Занимаясь составленіемъ своихъ Четьи-Миней, Макарій
естественно могъ натолкнуться на мысль о всецерковномъ просла-
вленіи святыхъ, большинство которыхъ до сихъ поръ только мѣстно

²²⁾ Буславъ, Истор. оч. русск. нар. слов. II, 108.

²³⁾ Напр. В. О. Ключевскій.

чтилось. Безъ сомнѣнія, эту мысль онъ не замедлилъ сообщить царю Ивану IV. Послѣдній, находясь въ это время подъ благотворнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, самого Макарія, съ другой — Сильвестра и Адашева, переживалъ самыя лучшіе годы своего царствованія, когда онъ съ усиленною энергіею заботился о нуждахъ государства и Церкви. Неудивительно поэтому, что молодой царь, только что самъ торжественно вѣнчавшійся на царство, близко къ сердцу принималъ мысль митрополита и постарался употребить все мѣры съ своей стороны къ ея осуществленію. И вотъ, благодаря дружнымъ усиліямъ двухъ выдающихся дѣятелей этой эпохи, въ 1547 году 26 Февраля созывается въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, соборъ, на которомъ присутствовали: Алексѣй, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, Іона, епископъ Суздальскій и Торусскій Іона, епископъ Рязанскій и Муромскій ²⁴⁾, Акакій, епископъ Тверской, Феодосій, епископъ Коломенскій и Каширскій, Савва, епископъ Сарскій и Подонскій, и Кипріанъ, епископъ Пермскій и Вологодскій, архимандриты и игумены ²⁵⁾.

Списокъ святыхъ, канонизованныхъ на соборахъ 1547 и 1549 годовъ, заключается въ четырехъ извѣстныхъ намъ документахъ и во всѣхъ ихъ въ не полномъ и не точномъ видѣ. Документы эти слѣдующіе: а) перечень святыхъ, напечатанный у Карамзина, взятый имъ изъ рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря № 134 ²⁶⁾; б) грамота митрополита Макарія на Бѣлоозеро ²⁷⁾; в) изложеніе соборное Макарія, посланное имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь ²⁸⁾; г) редакція житія митрополита Іоны ²⁹⁾. Первые три документа содержатъ въ себѣ перечень только тѣхъ святыхъ, которые канонизованы на соборѣ 1547 года. Въ послѣднемъ документѣ перечисляются святые обоихъ соборовъ безъ указанія на то, на какомъ изъ нихъ какой святой былъ канонизованъ. Но такъ какъ имена святыхъ, канонизованныхъ

²⁴⁾ Въ А. 9 № 213, 203—Рязанскій епископъ названъ Іосифомъ, — но это невѣрно, — вообще эта грамота съ ошибками писца; поэтому мы будемъ болѣе обращаться къ Карамзину, у котораго въ примѣчаніи 87, 9 т. стр. 26 помѣщена выдержка изъ старой рукописной книги Іосифа Волоколамскаго монастыря объ этихъ соборахъ.

²⁵⁾ Карамзинъ, И. Г. Р. т. IX, прим. 87, 26; А. 9. 1, № 213.

²⁶⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. IX, прим. 87, 26.

²⁷⁾ А. 9. 1, № 213.

²⁸⁾ Чт. общ. люб. д. пр., 1878 г., 1, 428—29.

²⁹⁾ Ключевскій, Житія, прил. 4, 460—63.

на соборѣ 1547 года, извѣстны изъ первыхъ трехъ документовъ, то, очевидно, сопоставленіе первыхъ трехъ и послѣдняго актовъ даетъ возможность опредѣлить, на какомъ изъ соборовъ какой святой былъ канонизованъ.

По карамзинскому списку, на соборѣ 1547 года положено праздновать 12 святымъ повсюду и 9 мѣстно; въ грамотѣ митрополита на Бѣлоозеро перечислены тѣ же святые, кромѣ св. Александра Невского, въ „изложеніи соборномъ“ Макарія митрополита, посланномъ въ Троице-Сергіеву Лавру, напротивъ, къ канонизованнымъ на первомъ соборѣ святымъ причислены еще св. Савва Сторожевскій и Никита, архіепископъ Новгородскій; такъ что по послѣднему акту всѣхъ святыхъ, которымъ установлено этимъ соборомъ повсемѣстное празднованіе, оказывается не 12 и не 11, какъ въ прежде извѣстныхъ актахъ, а 14. Въ житіи митрополита Юны находятся въ числѣ канонизованныхъ святыхъ и Савва Сторожевскій и Никита, архіепископъ Новгородскій (послѣдній, впрочемъ, вмѣстѣ съ Нифонткомъ, архіепископомъ Новгородскимъ, приписаны на поляхъ, а не въ текстѣ)³⁰⁾.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ относительно всѣхъ ихъ можно съ равнымъ правомъ думать, что имена святыхъ въ нихъ могли быть дополняемы писцами, или же послѣдніе могли дѣлать пропуски. Отсюда, конечно, весьма трудно составить совершенно вѣрный списокъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года. Впрочемъ, относительно 12 святыхъ, перечисленныхъ у Карамзина въ списокѣ всеобщихъ святыхъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія и недоразумѣнія, потому что они встрѣчаются во всѣхъ другихъ документахъ почти безъ всякихъ измѣненій. Сомнѣніе можетъ только являться относительно двухъ святыхъ—это Саввы Сторожевскаго и Никиты, архіепископа Новгородскаго, изъ которыхъ первый упоминается и въ житіи Юны, и въ соборномъ изложеніи митрополита Макарія въ Сергіеву лавру, а второй только въ послѣднемъ, при чемъ оба эти святые въ этомъ уложеніи стоятъ въ списокѣ всеобщихъ святыхъ. Противъ внесенія преп. Саввы Сторожевскаго въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, мы ничего не можемъ сказать; что же касается до св. Никиты, архіепископа Новгородскаго, то есть основанія относить его канонизацію къ позднѣйшему времени, именно къ 1558 году³¹⁾. Поэтому перечень

³⁰⁾ Блужевскій, Житія, 462, прилѣч. 2.

³¹⁾ Канонизацію Никиты, архіепископа Новгородскаго, относятъ—одни къ собору 1547 года (г. Лебедевъ), другіе—къ собору 1549 года (Макарій и Сер-

святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, по указаннымъ спискамъ долженъ явиться въ слѣдующемъ видѣ:

На соборѣ 1547 года положено праздновать:

а) *Всюду:*

б) *Мѣстно:*

1) Иоанну, архіепископу Новгородскому, 7 сентября,

Ионѣ, митрополиту всея Руси, 30-го марта,

Пафнутію Боровскому, 1-го мая.

Никону Радонежскому, 17 ноября,

5) Саввѣ Сторожевскому, 3-го декабря,

1) Константину и чадамъ его Михаилу и

Θеодору Муромскимъ, 1-го мая, Петру и

5) Θевроніи Муромскимъ, 25 іюня,

Арсенію Тверскому, 2 марта,

Максиму Московскому юрודивому, 13 августа,

гій, Агіол. 1, 193). Но намъ кажется, что какъ то, такъ и другое мнѣніе о времени совершенія канонизаціи этого святаго несправедливо. Единственное основаніе, которое можетъ говорить въ пользу канонизаціи св. Никиты на этихъ соборахъ,—это то, что имя его находится въ соборномъ уложеніи Макарія въ Троицкую Лавру. Что же касается до Житія митрополита Іоны, гдѣ имя этого святаго находится на полѣ, а не въ текстѣ, то оно едва-ли можетъ служить основаніемъ; такъ какъ, очевидно, имя его внесено когда-то послѣ. Поэтому вѣрнѣе и послѣдовательнѣе уже будетъ, какъ это и дѣлаетъ г. Лебедевъ, относить канонизацію св. Никиты къ первому собору. Но и съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ трудно согласиться по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, нѣтъ рѣшительно никакого основанія утверждать, что соборное уложеніе митрополита Макарія въ Троицкую Лавру не могло подвергнуться ошибкамъ и порчѣ со стороны переписчиковъ. Примѣръ такой ошибки писца мы встрѣчаемъ въ подобной же грамотѣ того же митрополита на Бѣлоозеро, въ которой опущено имя св. Александра Невского. Затѣмъ, ниже мы увидимъ, что канонизація того или другого святаго на этихъ соборахъ стояла въ тѣсной зависимости отъ существованія житія и канона святому. Для перваго собора послѣднія были собраны и приготовлены самимъ Макаріемъ; для послѣдняго же собора это было сдѣлано епархіальными обысками. Между тѣмъ ни житія, ни службы св. Никитѣ мы не находимъ въ это время,—явный признакъ того, что они еще не были составлены. Ибо при существованіи ихъ трудно объяснить, почему митрополитъ Макарій, такъ долго жившій въ Новгородѣ и тамъ составлявшій свои Четьи-Миней, не помѣстилъ ихъ въ послѣднія. Между тѣмъ, какъ ниже увидимъ, есть основанія относить канонизацію св. Никиты къ 1558 году, когда открыты были его мощи и когда составлено было житіе его.

Макарію Колязинскому, 11-го Прокопію и
марта,

Михайлу Клопскому, 11 января, 9) Іоанну Устюжскимъ на Ус-
тюгѣ,

Зосимѣ Соловецкому, 17 апрѣля, 8-го Іюля³²⁾.

Савватию Соловецкому, по лавр.
17 апрѣля, по Карамзину 27 сен-
тября,

10) Павлу Комельскому, 10-го
января,

Діонисію Глушицкому, 1 Іюня,

Александрю Свирскому, 30 ав-
густа,

13) Александрю Невскому, 23
ноября.

Вотъ и все, что сохранила намъ достовѣрнаго исторія о соборѣ 1547 года. Какъ видимъ, извѣстія очень немногочисленныя. Само собою разумѣется, что при такомъ незначительномъ количествѣ извѣстій трудно воспроизвестъ полную картину этого собора, а тѣмъ болѣе написать исторію его. На многіе вопросы, какъ напр.: были ли какія нибудь подготовительныя работы къ нему, какими основаніями руководствовались отцы собора, канонизуя именно этихъ святыхъ, тогда какъ много было и другихъ, канонизація которыхъ совершена была уже послѣ на второмъ соборѣ 1549 года; какія были основанія, въ силу которыхъ отцы собора однимъ святымъ установили празднованіе всецерковное, а другимъ—только мѣстное,—какъ совершалась, наконецъ, самая канонизація всѣхъ этихъ святыхъ,—на всѣ эти вопросы

³²⁾ Г. Лебедевъ, при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, слѣдуетъ исключительно, „уложенію соборному“ митрополита Макарія, посланному имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь; вълѣдствіе чего у него, вмѣсто 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ повсемѣстныя празднованія, получается 14 (Чтенія Общ. Люб. Д. Пр., 1878 г., 1, 423—24). Но мы уже говорили, что совершенно нѣтъ никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ возможность порчи ихъ переписчиками для всѣхъ ихъ, одинакова. Преосв. Сергій (Агіологія I, 15, 193) и Макарій относятъ канонизацію св. Саввы Сторожевскаго и Никиты, архіепископа Новгородскаго, къ собору 1549 года, слѣдуя, очевидно, при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, Карамзину и Блючевскому (Ц. И. митр. Макарія 8, 44).

въ дошедшихъ до насъ свѣдѣнiяхъ мы не находимъ никакого отвѣта. Причина, почему объ этомъ соборѣ дошло до насъ такъ мало извѣстiй, прежде всего, конечно, заключается въ томъ, что не сохранились самые акты или дѣянiя его ³³). За неимѣнiемъ этихъ актовъ, для того, чтобы изслѣдованiе о соборѣ было болѣе или менѣе полно, приходится руководствоваться незначительными указанiями, разсѣянными въ нѣкоторыхъ житiяхъ святыхъ, написанныхъ во время или немного послѣ этого собора, и на основанiи ихъ давать болѣе или менѣе вѣроятные отвѣты на всѣ вышеуказанные вопросы. Для рѣшенiя же нѣкоторыхъ вопросовъ, безъ которыхъ исторiя его была бы неполною, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, приходится прибѣгать къ предположенiямъ, при чемъ дать послѣднимъ характеръ положительной истины, кажется, нѣтъ возможности. Отсюда и все изслѣдованiе собственно о внутренней сторонѣ этого собора по необходимости должно будетъ принять нежелательный намъ характеръ гипотетическiй. Не имѣя возможности измѣнить этого послѣдняго, мы постараемся сдѣлать одно,—это собрать все, что только можно, объ этихъ соборахъ, воспользоваться самыми незначительными извѣстiями, чтобы наши предположенiя о тѣхъ или другихъ возникающихъ вопросахъ, насколько возможно, ближе подходили къ истинѣ.

Прежде всего постараемся отвѣтить на первый вопросъ: были ли какiя нибудь подготовительныя работы къ этому собору?

Исторiя не сохранила извѣстiй о какихъ либо изысканiяхъ о жизни и чудесахъ святыхъ, спеціально назначенныхъ для собора 1547 года. Съ большею вѣроятностью можно предполагать, что такихъ спеціальныхъ изысканiй и не было. Ибо такiя предварительныя изысканiя къ собору 1547 года вполне могли замѣнять собою Макарьевскiя Четьи-Миней. Что, дѣйствительно, послѣдняя мысль имѣетъ основанiе, это можно видѣть уже изъ самаго процесса собиранiя Макариемъ въ Новгородѣ русскихъ сказанiй о святыхъ. Задавшись этою цѣлью, Макариѣ образовалъ около себя цѣлое литературное общество, члены котораго одни рылись въ монастырскихъ библіотекахъ, стараясь найти

³³) Вообще судьба этихъ соборовъ въ исторiи представляется довольно странною и трудно объяснимою. Изъ приведенныхъ уже нами словъ извѣстнаго агиографа макарьевскихъ временъ, Василiя, мы можемъ видѣть, какое сильное впечатлѣнiе производили эти соборы на современниковъ. Но несмотря однако на это, ни въ житiяхъ, въ такомъ множествѣ появившихся у насъ въ то время, ни даже въ лѣтописяхъ мы не находимъ извѣстiй объ этихъ соборахъ, а послѣднiя такъ и совсѣмъ молчатъ о нихъ.

нужный имъ матеріалъ, другіе переписывали разныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія, или передѣлывали старыя сообразно требованіямъ времени. Самъ Макарій принималъ въ этой общій работѣ самое дѣятельное участіе. Онъ, какъ говоритъ одинъ изъ его помощниковъ, Илія ³⁴⁾, любилъ „день и ночь, яко пчелы сладость отовсюду приносить, поискати святыхъ житія. Мнози отъ святыхъ забвенію предани быша, сихъ убо святитель подъ спудомъ не скрываетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ“. Но кромѣ этого общаго характера дѣятельности этого архіепископа въ Новгородѣ, дѣятельности, направленной на отысканіе житій русскихъ святыхъ и ихъ переработку, при чемъ характеръ послѣдней, какъ ниже увидимъ, ясно показываетъ, что митрополитъ имѣлъ въ виду церковное употребленіе ихъ, есть еще одинъ фактъ, который можетъ говорить въ пользу нашей мысли. Въ 1537 году, по распоряженію Макарія, составлена была Василиемъ Михайловичемъ Тучковымъ новая редакція житія св. Михаила Клопскаго. Характеръ этой новой редакціи житія и тѣ побужденія, которыя ее вызвали, показываютъ, что архіепископъ имѣлъ въ виду будущее церковное употребленіе житія, что въ свою очередь необходимо требовало канонизаціи святаго. Прежняя редакція житія Михаила Клопскаго казалась архіепископу „весьма простою“, т. е. лишенною условнаго риторизма и вообще условныхъ литературныхъ формъ житія, назначеннаго для церковнаго употребленія. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что, по распоряженію архіепископа Макарія, (слѣдовательно ранѣе собора 1547 года), написанъ былъ тому же преп. Михаилу Клопскому канонъ пресвитеромъ Иліею ³⁵⁾. Это уже прямо говоритъ за намѣреніе Макарія произвести канонизацію этого святаго. Соборъ 1547 года, опредѣляя предметы изысканій для будущаго собора о канонизаціи святыхъ, ясно указываетъ именно на житія, каноны и чудеса.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ нами вопросомъ стоитъ и слѣдующій за нимъ вопросъ,—почему соборъ 1547 года изъ множества святыхъ выбралъ и канонизовалъ именно только это ограниченное ихъ количество, а не другое? Рѣшивъ такъ или иначе первый вопросъ, мы постараемся дать отвѣтъ и на второй вопросъ, частію

³⁴⁾ Изъ послѣсловія къ житію Георгія, мученика Болгарскаго, авторомъ котораго былъ этотъ Илія, мы узнаемъ, что онъ былъ іеромонахъ, служившій при домовоі церкви Новгородскаго владыки Макарія (Ключевскій житія, 235 стр.).

³⁵⁾ Чтенія Общ. Люб. Д. Пр., 1878 г. 1, 422.

зависящій отъ рѣшенія перваго. Рѣшеніе послѣдняго откроетъ намъ то основаніе, которымъ соборъ руководился при своей канонизаціи святыхъ. Мы уже знаемъ что Четви - Минеи митрополита Макарія имѣли подготовительное значеніе по отношенію къ собору 1547 года. Именно Преосвященный Макарій, составляя послѣднія, одинъ производилъ тотъ обыскъ о новыхъ чудотворцахъ, который потомъ производили уже епархіальные владыки, подготавливая агіобиографическій матеріалъ для слѣдующаго собора 1549 года. Эта подготовительная работа Макарія имѣла своимъ результатомъ собраніе житій русскихъ святыхъ, врацавшихся въ тогдашней литературѣ. При этомъ, конечно, нельзя думать, чтобы въ руки его попали всѣ житія святыхъ мѣстно чтимыхъ, а, вѣроятно, только житія болѣе извѣстныхъ и чтимыхъ святыхъ и потому болѣе другихъ распространенныя. Для канонизаціи того или другаго святаго необходимы были служба и житіе его, которыя могли бы пѣться и читаться въ день празднованія памяти его. Поэтому естественно, что когда у Макарія возникла мысль совершить канонизацію святыхъ, то онъ обратилъ прежде всего вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, службы и житія которыхъ имъ были собраны и просмотрѣны. (Здѣсь, такимъ образомъ, открывается литературный источникъ канонизаціи 1547 года: установленіе празднованія извѣстному святому условливалось существованіемъ житія и канона, которые можно было бы читать и пѣть въ Церкви въ день его памяти ³⁶). Дѣйствительно, присматриваясь къ списку 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ въ немъ все такія имена святыхъ, память которыхъ уже задолго до этого времени читалась церковнымъ образомъ, на что указываетъ существованіе ихъ житій и каноновъ. Но однимъ этимъ источникомъ однакоже нельзя объяснить списокъ именъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года. Ибо въ это время были и другіе святые, имѣвшіе службу и житіе, которые, однако, почему-то не попали въ этотъ списокъ 13. Такъ, ни къ общимъ, ни даже къ мѣстнымъ святымъ соборъ не причислилъ ни князя Тверскаго Михаила, ни князей Ярославскихъ Василія и Константина, хотя житія ихъ были давно составлены, а послѣдніе были даже прославлены открытіемъ мощей въ 1501 году. Чѣмъ, спрашивается, объяснить такое явленіе? Очевидно соборъ, если бы онъ руководился исключительно однимъ литературнымъ источникомъ, долженъ былъ бы причислить и этихъ князей къ лику святыхъ. Здѣсь, такимъ образомъ, открывается необходимость предположить другой какой ни-

³⁶) Блочевскій, Житія, 223.

будь источник канонизации на этомъ соборѣ. Можно думать, что послѣднимъ могло быть повсемѣстно распространенное въ Русскомъ обществѣ почитаніе святаго. Но присматриваясь къ списку 13, которымъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, не трудно видѣть, что только двоимъ изъ всего этого числа, именно: Александру Невскому и митрополиту Іонѣ можно усвоить широкую извѣстность въ Русскомъ церковномъ обществѣ до соборнаго опредѣленія 1547 года; остальные приобрѣли ее вслѣдствіе этого опредѣленія и были прежде святыней мѣстности, гдѣ подвизались и покоились по смерти³⁷⁾. Не имѣя возможности послѣднее признать условіемъ, дѣйствовавшимъ на соборѣ 1547 года, мы должны опять обратить вниманіе на житія и службы и въ степени ихъ распространенности въ тогдашнемъ церковномъ обществѣ искать объясненія списка святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе. А это послѣднее обстоятельство приводитъ насъ снова къ макарьевскимъ Четьи-Минеямъ. Очевидно, что житія святыхъ болѣе распространенныя имѣли больше шансовъ попасть въ послѣднія. Сдѣлавшись же извѣстными Макарію и чрезъ него другимъ членамъ собора, эти святые, слѣдовательно, могли имѣть и больше шансовъ на канонизацию ихъ на этомъ соборѣ. Такимъ образомъ, остается признать, что выборъ опредѣлился двумя условіями: существованіемъ житій и каноновъ этихъ святыхъ и степенью распространенности ихъ въ письменности того времени. Случайность выбора, зависѣвшая отъ этого послѣдняго условія, становится еще замѣтнѣе, при сопоставленіи списка 1547 года съ количествомъ Русскихъ житій, написанныхъ до собора, и съ ихъ сравнительнымъ распространеніемъ въ письменности первой половины XVI вѣка. Почти всѣ имена, занесенныя въ списокъ 13, принадлежатъ святымъ, житія которыхъ встрѣчаются въ рукописяхъ этого времени гораздо чаще, сравнительно съ житіями другихъ, хотя также давно написанными³⁸⁾. Послѣ этого легко дать отвѣтъ и на вопросъ, почему другіе святые, напр.: Михайль Тверской и Ярославскіе князья св. Василий и Константинъ и многіе другіе, житія и каноны которыхъ были уже составлены, не были канонизованы на этомъ соборѣ; отвѣтъ этотъ будетъ состоять въ томъ, что, судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ, есть основаніе считать житія названныхъ святыхъ очень мало распространенными въ письменности до половины XVI вѣка и этимъ объяснять ихъ отсутствіе въ минеяхъ Макарія.

³⁷⁾ Ключевскій, Житія, 224. ³⁸⁾ Ключевскій, Житія, 224.

Наконецъ, при сужденіи о томъ, почему соборъ 1547 года установилъ празднованіе именно этимъ святымъ, а не другимъ, нельзя упускать изъ вида и дѣйствіе третьей причины. Мы уже знаемъ, что Макарьевскія Четьи-Минеи составлялись въ Новгородѣ. Отсюда новгородскіе святые всего скорѣе могли попасть въ нихъ. А это послѣднее обстоятельство могло, какъ мы видѣли, служить и поводомъ къ ихъ канонизаціи. Къ другимъ же святымъ, канонизованнымъ на этомъ соборѣ, митрополитъ имѣлъ личное усердіе, какъ напр. къ Іонѣ, митрополиту Московскому, Александру Невскому и Пафнутію Боровскому. Поэтому мы не ошибемся, кажется, если предположимъ, что списокъ святыхъ составлялся на соборѣ подъ большимъ вліяніемъ предсѣдателя этого собора, т. е. Макарія. По крайней мѣрѣ, это вліяніе послѣдняго можно видѣть въ томъ, что почти $\frac{2}{3}$ изъ 13 общихъ святыхъ составляютъ, съ одной стороны, святые Новгорода, каковы: Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, преп. Засима и Савватій Соловецкіе, Михаилъ Клопскій и Александръ Свирскій, а съ другой—святые, къ которымъ Макарій питалъ личное усердіе, именно Пафнутію Боровскій, Александръ Невскій и Іона, митрополитъ Московскій.

Какъ мы уже знаемъ, соборъ 1547 года однимъ святымъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное. Чѣмъ, спрашивается, руководился онъ, устанавливая такое различіе въ празднованіи памяти канонизованныхъ имъ святыхъ? Присматриваясь къ списку святыхъ всеобщихъ и мѣстныхъ, съ перваго раза можно бы подумать, что въ основѣ такого различія соборъ положилъ тѣ или другія заслуги Церкви и государству извѣстнаго святаго и тогда, значить, это различіе обусловливалось бы степенью ихъ заслугъ. Но такое объясненіе этого различія едва ли можно признать справедливымъ. Просматривая списокъ 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ между ними только 2 лица, которыя дѣйствительно подходятъ подъ это условіе,—это св. Александръ Невскій и митрополитъ Московскій Іона; остальнымъ же святымъ, канонизованнымъ этимъ соборомъ, нельзя приписывать особенныхъ заслугъ церковныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ. Всѣ они принадлежатъ къ типу русскихъ отшельниковъ, основателей монастырей и въ качествѣ послѣднихъ обыкновенно чтились только въ монастырѣ и окружающей его мѣстности. Въ этомъ отношеніи всѣ эти святые ничемъ не отличаются отъ другихъ святыхъ, которымъ тотъ же соборъ установилъ мѣстное празднованіе. Не отличаясь въ послѣднемъ случаѣ, всѣ эти святые, однако, различаются въ другомъ отношеніи. Изъ девяти святыхъ,—поименованныхъ въ списокѣ мѣстныхъ,—

только одному епископу Тверскому Арсенію былъ до собора написанъ канонъ съ житіемъ; житія же остальныхъ не были еще написаны, но собору, вѣроятно, сообщили, что мѣстное населеніе воздастъ и этимъ святымъ церковное чествованіе, хотя послѣднее и не было еще утверждено мѣстною епархіальною властью; по крайней мѣрѣ, это достовѣрно извѣстно о двухъ святыахъ, обозначенныхъ въ спискѣ мѣстныхъ, о Прокопіи и Іоаннѣ Устюжскихъ ³⁹⁾. Между тѣмъ о всѣхъ святыахъ, поименованныхъ въ спискѣ 13, можно съ увѣренностью сказать, что большая часть ихъ уже задолго мѣстно чтилась церковнымъ образомъ съ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти, при чемъ это мѣстное чествованіе нѣкоторыхъ иногда принимало очень широкіе размѣры, по крайней мѣрѣ, это можно сказать о такихъ святыахъ, каковы были: св. Александръ Невскій, митрополитъ Іона, пр. Никонъ Радонежскій, Зосима и Савватій Соловецкіе. Основываясь на этомъ различіи, есть основаніе думать, говорить В. О. Ключевскій, что для послѣднихъ соборъ 1547 года расширилъ чествованіе, сдѣлавъ его изъ мѣстнаго всецерковнымъ, а для первыхъ святыахъ, находящихся въ спискѣ 9, подтвердилъ только фактъ, существовавшій и дѣйствовавшій дотолѣ независимо отъ него ⁴⁰⁾. Такимъ образомъ, въ основѣ этого различія между святыаи, изъ которыхъ однимъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное, лежитъ, собственно говоря, церковно-административный источникъ. При этомъ, при объясненіи мотивовъ, руководствуясь которыми отцы собора установили однимъ изъ канонизованныхъ ими святыахъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное, не нужно, по нашему мнѣнію, упускать изъ вида опять таки личныхъ отношеній самого митрополита и другихъ членовъ собора къ нѣкоторымъ изъ святыахъ. Такъ, наприимѣръ, самъ митрополитъ, благодаря своему пребыванію въ Новгородѣ, могъ познакомиться лично съ жизнью, подвигами и чудесами святыахъ Новгорода и возимѣть сильную вѣру къ нимъ. Это подтверждается и тѣмъ, повидимому, незначительнымъ, но въ данномъ случаѣ имѣющимъ нѣкоторое значеніе обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ Новгородскихъ святыахъ, число которыхъ, какъ мы видѣли, доходитъ почти до половины всѣхъ, канонизованныхъ на этомъ соборѣ для всеобщаго чествованія, не попалъ въ списокъ де-
 вяти мѣстныхъ святыахъ.

³⁹⁾ См. выше, стр. 153.

⁴⁰⁾ Ключевскій, Житія, 226.

Намъ остается, наконецъ, рассмотреть послѣдній вопросъ, который естественно возникаетъ, когда говорятъ о канонизаціи святыхъ на соборѣ 1547 года,—это о самомъ ходѣ или процессѣ ея совершенія. Но недостатокъ и отсутствіе подлинныхъ актовъ или дѣяній этого собора чувствуется здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ при рѣшеніи другихъ вопросовъ. Какой былъ ходъ дѣяній его, были ли какія нибудь разсужденія на немъ, были ли представляемы на него житія и списки чудесъ святыхъ, которыхъ этотъ соборъ думалъ канонизовать, читались ли тѣ и другія во время засѣданій самаго собора—всѣ эти вопросы за отсутствіемъ актовъ являются трудно разрѣшимыми. Не имѣя поэтому возможности дать положительные отвѣты на нихъ, мы стараемся сдѣлать нѣкоторыя соображенія болѣе или менѣе вѣроятныя относительно послѣднихъ двухъ. Само собою разумѣется, что полной картины засѣданій собора представить теперь нѣтъ возможности. Мы даже не знаемъ, сколько было самыхъ засѣданій соборныхъ.

Разсмотримъ сперва вопросъ—представлялись ли на соборъ житія святыхъ? Прямыхъ и ясныхъ указаній на то, чтобы на соборъ 1547 года, подобно слѣдующему собору, были представлены житія и каноны, и чтобы тѣ и другіе на немъ „свидѣтельствовались“, мы нигдѣ не находимъ. Единственное указаніе, которое еще можетъ говорить объ этомъ, мы находимъ въ одной изъ редакцій житія св. Александра Невскаго, писатель котораго, между прочимъ, говоритъ, что „благочестивый царь Іоаннъ Васильевичъ, поболѣвъ душою о ненаписанныхъ о св. Александрѣ ни отъ кого же, положилъ благъ совѣтъ съ преосвященнымъ митрополитомъ Макаріемъ, яко да подвижесе извѣстно изыскати о святѣмъ и писанію предати и митрополитъ Макарій цареву желаніе, паче же Божіе изволеніе, тщася исполнити, созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ, трудолюбно подвигся по священнымъ правиломъ изыскавъ извѣстно обрѣте“⁴¹⁾ и проч. Правда, въ приведенныхъ нами словахъ вовсе не говорится о томъ, чтобы на соборъ было представлено житіе св. Александра Невскаго. Но намъ кажется, что послѣднее необходимо нужно предполагать; ибо въ противномъ случаѣ не по чему было бы производить самыя изысканія. Поэтому, на основаніи словъ писателя этого житія, дѣло нужно представлять такимъ образомъ: на соборъ митрополитомъ Макаріемъ были представлены житія и каноны тѣхъ святыхъ, которыхъ онъ думалъ канонизовать: собравшіеся архіереи на основаніи этихъ житій и про-

⁴¹⁾ Ц. И. митр. Макарія, т. VI, 216, прим. 288.

изводили свои изысканія о нихъ. Что дѣйствительно таковъ въ общихъ чертахъ долженъ былъ быть ходъ канонизаціи святыхъ на этомъ соборѣ и, въ частности, что дѣйствительно были представлены на послѣдній житія и каноны, объ этомъ можно заключать еще изъ слѣдующаго обстоятельства. Мы видѣли, что житія большинства святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, существовали уже задолго до послѣдняго. Если бы на самомъ соборѣ не было изысканія, то можно бы думать навѣрное, что всѣ эти житія послѣ собора вошли бы въ кругъ церковнаго богослуженія для чтенія ихъ во дни празднованія памятей этихъ святыхъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Такъ, хотя житія святыхъ: Александра Невскаго, Никона, игумена Сергіевой Лавры, преп. Павла Обнорскаго, митрополита Ионы, и Михаила Клопскаго уже издавна существовали въ агіобіографической литературѣ, но однако всѣ они послѣ собора появились въ новыхъ редакціяхъ, составленныхъ по порученію Макарія, — что ясно говоритъ, что всѣ эти житія признаны несоотвѣтствующими своей цѣли, т. е. для ихъ церковнаго употребленія. Это же послѣднее обстоятельство можетъ прямо говорить и о томъ, что на соборѣ были представлены житія святыхъ, что они тамъ читались и рассматривались, въ противномъ случаѣ трудно будетъ объяснить указанный уже нами фактъ, въ силу котораго одни житія признаны соотвѣтствующими для своей цѣли, а другія нѣтъ и должны были быть передѣлываемы. Наконецъ, главнымъ образомъ въ пользу доказываемаго нами положенія можетъ говорить слѣдующее обстоятельство. До Макарьевскихъ соборовъ однимъ изъ необходимыхъ условий для совершенія канонизаціи святыхъ были житія и каноны ихъ. Эта необходимость ихъ, съ одной стороны, обуславливалась тѣмъ, что для канонизаціи того или другаго святаго нужны біографическія данныя о немъ, которыя и заключаются въ житіяхъ; съ другой стороны, житія и каноны необходимы были для совершенія праздника, которымъ сопровождается канонизація святаго. Если же это правило встрѣчается въ практикѣ Русской Церкви до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, то, конечно, оно примѣнялось и на этихъ соборахъ тѣмъ болѣе, что необходимость примѣненія этого правила къ совершенію канонизаціи засвидѣтельствовали сами же отцы этого перваго собора; ибо, опредѣляя характеръ и направленіе подготовительныхъ работъ къ слѣдующему собору, они поставляютъ одною изъ главныхъ цѣлей ихъ отысканіе и собраніе житій, каноновъ и чудесъ. Изъ исторіи же слѣдующаго собора мы увидимъ, что эти житія, каноны и чудеса, собранные мѣстными архіереями, представлены были на этотъ соборъ

и тамъ свидѣтельствовались. Если же, такимъ образомъ, отцы перваго собора признавали необходимость примѣненія этого условія на второмъ соборѣ, то, очевидно, потому, что сами его примѣняли. Приведенныя нами слова изъ житія св. Александра Невскаго и представленныя нами выше соображенія какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это наше положеніе.

Установивъ тотъ фактъ, что житія святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, были представлены на него, намъ теперь остается доказать фактъ свидѣльствованія ихъ и опредѣлить характеръ этого свидѣльствованія. Что свидѣльствованіе житій производилось на самомъ соборѣ, указаніе на это можно находить въ извѣстныхъ уже намъ словахъ писателя житія св. Александра Невскаго, что „митрополитъ Макарій созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ, трудолюбно подвигся по священнымъ правиламъ изыскавъ извѣстно обрѣте“ и проч. Но указывая и констатируя самый фактъ изысканій, писатель однако ничего не говоритъ намъ о томъ, въ чемъ послѣднія состояли. Изъ его словъ можно видѣть только результатъ этихъ изысканій. Ибо писатель, сказавъ, что митрополитъ Макарій „изыскавъ извѣстно обрѣте“, продолжаетъ далѣе: „повелѣ мнѣ убогому написати сіе“. Такимъ образомъ, результатомъ соборнаго изысканія явилось порученіе составить новое житіе этого святаго. Послѣднее же обстоятельство даетъ намъ нѣкоторую возможность опредѣлить и самый характеръ этихъ изысканій. Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя житія святыхъ, представленныя на соборъ, не были одобрены послѣднимъ и были передѣланы. Обращая вниманіе на житія, которыя были исправлены или передѣланы въ это время, легко замѣтить, что это или краткія житія первоначальной неразвитой конструкціи, какъ напр., первоначальная редакція житія Михаила Клопскаго, или жизнеописанія, отличающіяся характеромъ простой біографіи историческаго лица, какъ напр. древнее житіе св. Александра Невскаго, или же, наконецъ, краткія, проложныя и сухія житія, каковымъ напр. было житіе преп. Никона Радонежскаго, написанное Пахоміемъ Логоетомъ. Всѣ житія такого рода были, очевидно, признаны неудовлетворительными, потому что всѣ они появились потомъ въ новыхъ редакціяхъ. Присматриваясь затѣмъ къ послѣднимъ, не трудно видѣть и тотъ критерій, которымъ руководились тогда у насъ при этомъ свидѣльствованіи житій. Такимъ критеріемъ служилъ господствовавшій тогда въ нашей агіобіографической литературѣ взглядъ на житіе, какъ на ораторское произведеніе — похвальное слово, украшенное всѣми цвѣтами риторскаго краснорѣчія, при чемъ собственно біографіи святаго отводилось очень мало

мѣста. Само собою разумѣется, что критерій этотъ касался только вѣшней стороны житія или его формы, не касаясь его содержанія. Отсюда и соборныя изысканія, въ основѣ которыхъ лежалъ этотъ критерій, естественно, не должны были идти далѣе поверхностнаго надзора за установленною формою житій. Последнее обстоятельство можетъ указывать частію и на размѣръ этихъ соборныхъ изысканій, который мы должны представлять себѣ въ ограниченномъ видѣ.

Только что выведенному нами заключенію о свидѣтельствovanіи житій святыхъ на соборѣ 1547 года, повидимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе, остались внѣ цензуры послѣдняго. Присматриваясь къ этимъ житіямъ, мы видимъ, что они ни по своему содержанію, ни по своей формѣ не подходятъ подѣ стиль житій, который у насъ установился ко времени митрополита Макарія. Всѣ эти житія отличаются бѣдностью фактическаго содержанія и притомъ составлены мало толково и малограмотно. Такъ, напр., житіе св. Прокція Устюжскаго представляетъ собою не болѣе, какъ сборъ, безъ разбора и провѣрки, разныхъ сказаній о св. юродивомъ XIII вѣка, письменныхъ и устныхъ, носившихся въ народѣ въ теченіе столь долгаго времени, сказаній отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ между собою, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ заимствованій изъ другихъ житій и повѣстей. Подобнымъ же образомъ составлены и житія пѣтерыхъ святыхъ Муромскихъ: житіе св. князя Константина и чадъ его: Михаила и Феодора и житіе св. князя Петра и супруги его Февроніи. Авторъ перваго житія изложилъ въ немъ преимущественно мѣстныя преданія о состояніи Мурома и утвержденіи въ немъ христіанства княземъ Константиномъ въ XII или XIII вѣкахъ, преданія, конечно, имѣвшія фактическую основу, но въ подробностяхъ неизбѣжно повредившіяся въ продолженіе вѣковъ въ устахъ народа, и потому заключающія въ себѣ разныя историческія несообразности и противорѣчія ⁴²⁾. Еще неудачнѣе составлено житіе второе. Составитель его, какой-то „господинъ смиренный мнихъ Герасмъ“ собралъ въ своей повѣсти съ удивительною простотою и довѣрчивостію, не столько извѣстія о христіанскихъ или княжескихъ дѣяніяхъ князя, сколько старинныя легенды, съ незапамятныхъ временъ созданныя фантазіей народа, по древнимъ его вѣрованіямъ и преданіямъ, и только мѣстно примѣненные къ благовѣрному князю и его супругѣ ⁴³⁾.

⁴²⁾ Оно напечатано въ Пам. Стар. Р. л. 1, 229—239.

⁴³⁾ См. это житіе тамъ же 1, 29—48; Хр. Чт. 1873 г., 1, 635—36.

Очевидно, что эти всѣ житія, если бы они были рассмотрѣны на самомъ соборѣ, должны были быть исправлены подобно житіямъ св. Александра Невского, Никона Радонежскаго и др., какъ неудовлетворяющія стилю житій. Но этого почему-то не случилось, и это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе думать, что на соборѣ не всѣ житія канонизованныхъ святыхъ были свидѣтельствованы, и именно не были свидѣльствованы житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе. Съ этимъ выводомъ нельзя и не согласиться, потому что, какъ мы выше говорили, житія большинства этихъ святыхъ не были еще написаны и явились уже послѣ собора. Но здѣсь является другой вопросъ. Мы видѣли, что житія и каноны составляли одно изъ необходимыхъ условій для канонизаціи святаго; чѣмъ, спрашивается, руководились отцы собора въ данномъ случаѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что отцы собора, получивъ свѣдѣнія о мѣстномъ почитаніи этихъ святыхъ, имѣли и біографическія свѣдѣнія о нихъ, заключающіяся или въ различныхъ запискахъ, которыя имѣлись обыкновенно въ монастыряхъ объ ихъ мѣстныхъ святыхъ, или въ первоначальныхъ неразвитыхъ редакціяхъ житій. Изъ этого источника отцы собора и почерпали свѣдѣнія какъ о жизни святаго, такъ и объ его чудесахъ. Но такъ какъ житіе необходимо было еще и для чтенія въ Церкви на праздникъ святаго и такъ какъ существовавшія записки не могли удовлетворить этой цѣли, то отцы собора и поручили чрезъ предсѣдателя своего Макарія написать новыя редакціи житій этихъ святыхъ. Составленіе и пересмотръ житій всѣхъ этихъ мѣстныхъ святыхъ, по мнѣнію преосв. Макарія, и былъ предоставленъ самимъ мѣстнымъ Церквамъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые⁴⁴). Итакъ въ виду всего сказаннаго о свидѣльствованіи житій на соборѣ 1547 г., мы должны придти къ слѣдующему выводу. Хотя объ этомъ свидѣльствованіи житій и не сохранилось ясныхъ и опредѣленныхъ извѣстій, однако нужно думать въ силу указанныхъ основаній, что оно было, при чемъ это свидѣльствованіе имѣло мѣсто только по отношенію къ житіямъ святыхъ, канонизованныхъ для всеобщаго чествованія; цензура же и просмотръ житій мѣстныхъ святыхъ предоставлены были мѣстнымъ Церквамъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые. Но сдѣлавъ возможные соображенія объ этомъ предметѣ, мы не осмѣливаемся подробнѣе опредѣлять степень этого свидѣльствованія и самую форму, въ какой послѣднее производилось, чувствуя недостатокъ вѣрныхъ данныхъ, которыя могли бы са-

⁴⁴) Хр. Чт. 1873 г. 1, 636.

мымъ рѣшительнымъ образомъ дать перевѣсъ тому или другому изъ нашихъ предположеній.

III.

Соборъ 1549 года.

Хотя соборъ 1547 года канонизовалъ и много святыхъ, но дѣло канонизаціи не могло окончиться имъ однимъ. Оставалось еще много святыхъ, которымъ, какъ говоритъ писатель житія митрополита Іоны, „праздновати повсюду не узаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныа раки со св. мощьми бяху, ту и славими быша“⁴⁵⁾. Соборъ 1547 года не могъ установить такого празднованія уже по тому одному, что не имѣлъ данныхъ для этого. Для канонизаціи, какъ мы видѣли, необходимо требовались житія, каноны и чудеса святыхъ. Для перваго собора все это было подготовлено Макаріемъ, при собраніи имъ житій святыхъ для своихъ Четы-Миней. Въ другомъ положеніи было дѣло, когда, заходила рѣчь о канонизаціи другихъ святыхъ. Хотя житія и каноны многихъ изъ нихъ уже существовали, но, находясь въ мѣстахъ почитанія святыхъ, они не могли быть извѣстными высшей центральной власти Русской Церкви, задавшейся теперь цѣлью утвердить своимъ авторитетомъ это почитаніе. На этотъ именно недостатокъ данныхъ, необходимыхъ для совершенія канонизаціи, указываетъ и въ словахъ Грознаго, которыя вкладываетъ въ уста его писатель того же житія св. Іоны. Изъ этихъ словъ видно, что о всѣхъ святыхъ, которые канонизованы слѣдующимъ соборомъ, не было еще до сихъ поръ собрано необходимыхъ данныхъ и только теперь явилась мысль „богатство изыскати и собрати, иже отъ много временъ и донныѣ сокровенно и забвенію предано, великіа свѣтилники, новѣйшіа чудотворцы, овѣхъ своима царскыма очима видѣвъ, а овѣхъ же отъ многихъ извѣстныхъ самовидецъ слышавъ“⁴⁶⁾. И вотъ для достиженія этой цѣли, по мысли отцовъ собора и прежде всего, конечно, по мысли и инициативѣ самого митрополита Макарія, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный обратился въ концѣ перваго собора съ просьбою ко всѣмъ святителямъ Русской земли, чтобы каждый изъ нихъ въ порученныхъ имъ предѣлахъ, въ монастыряхъ, въ пустыняхъ изслѣдовали и изыскивали о великихъ новыхъ чудотворцахъ посредствомъ священныхъ соборовъ, игуменовъ, священниковъ и ино-

⁴⁵⁾ Ключевскій, Житія пр. IV, 461.

⁴⁶⁾ Ключевскій, 461.

ковъ, князей, бояръ и богобоязненныхъ людей, гдѣ какіе чудотворцы прославились знаменіями и чудесами, давно ли и въ какое именно время ⁴⁷⁾. И святители, какъ говорится въ житіи митрополита Іоны, сохранившемъ для насъ драгоценныя свѣдѣнія объ этихъ соборахъ, „слышаще таковое благое начинаніе и теплѣйшую вѣру Богомъ вѣнчаннаго царя, радостію духовною и желаніемъ сердечнымъ безъ законсѣнія собираютъ люботруднымъ подвигомъ и подобопечальнымъ собраніемъ каноны и житія и чюдеса, отъ многихъ временъ чудодѣйствуемы тѣхъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей всѣхъ предиреченныхъ чиновъ, и которойждо святитель отъ своихъ предѣлъ яко многоцѣнный даръ Богу и яко всеплодну жрътву и яко приношеніе пріятно принесоша въ богоспасаемый градъ Москву на боголюбивый соборъ къ благочестивому царю и великому князю Ивану и преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи“ ⁴⁸⁾. Этотъ соборъ состоялся въ 19-ое лѣто возраста Іоанна Васильевича Грознаго ⁴⁹⁾, слѣдовательно, въ 1549 году (родился онъ въ 1530 году). Явившись на этотъ соборъ съ большимъ церковно-историческимъ запасомъ, содержащимъ въ себѣ каноны новымъ чудотворцамъ, житія ихъ и чудеса, отцы собора свидѣтельствовали ихъ и предали Божіимъ Церквамъ для празднованія по нимъ новымъ чудотворцамъ ⁵⁰⁾. Этимъ, собственно говоря, и ограничиваются наши исто-

⁴⁷⁾ Стоглавъ, 43—44.

⁴⁸⁾ Ключевскій прил. IV, 461—2.

⁴⁹⁾ Стоглавъ, 45.

⁵⁰⁾ Стоглавъ, 45. Въ Стоглавъ, которымъ мы преимущественно руководимся при обзорѣ дѣятельности этого собора, встрѣчается намъ неясность, которая требуетъ поясненія. Дѣло въ томъ, что, какъ мы выше видѣли, Грозный со своею рѣчью объ „обыскѣ новыхъ чудотворцевъ обратился къ святителямъ всего нашего російскаго царствія“ и, слѣдовательно, можно думать, что таковой обыскъ производили всѣ мѣстные архіереи въ своихъ епархіяхъ. А между тѣмъ на самый соборъ, какъ увидимъ ниже, явились они далеко не всѣ. Какимъ образомъ архіереи, не подавшие на соборъ, переслали на него результаты своихъ изысканій,—объ этомъ въ Стоглавъ ничего не говорится. Можно думать, что въ большинствѣ случаевъ архіереи, не бывшіе лично на соборъ, поступали точно такимъ же образомъ, какъ поступилъ игумень Ферапонтова монастыря. Послѣдній, какъ разсказывается въ житіи преподобныхъ Мартиніана и Ферапонта Бѣлозерскихъ, собравши, вѣроятно, по повелѣнію своего мѣстнаго архіерея, всѣ біографическія данныя объ этихъ преподобныхъ, отправился въ Москву и вручилъ все это въ руки самого Макарія (Рук. Троице-Сергіевой Лавры, № 696, л. 46—47).

рическія свѣдѣнія о соборѣ 1549-го года. Сколько было засѣданій, долго-ли онъ продолжался, какъ велось дѣло канонизаціи, какъ и въ чемъ состояло свидѣтельствованіе каноновъ, житій и чудесъ, — обо всемъ этомъ точныхъ свѣдѣній не сохранилось. Можно, впрочемъ, только довольно точно указать присутствовавшихъ на соборѣ владыкъ. Конечно, председателемъ этого, какъ и перваго собора, былъ самъ митрополитъ Макарій. Остальные члены собора, какъ можно заключать по ходу рѣчи царя, которую онъ говорилъ на Стоглавомъ соборѣ, были тѣ же самые, что и на первомъ. Это же самое подтверждается и извѣстіемъ, которое мы находимъ въ житіи преп. Феравонта и Мартиніана Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что, когда игумень Феравонтова монастыря привезъ житія этихъ преподобныхъ и вручилъ ихъ митрополиту Макарію, то „сей быше разсмотрѣвъ, повелѣ паки собору быти“, и далѣе перечисляются тѣ же самые епископы, какіе присутствовали и на первомъ соборѣ, именно: „Алексеѣ, архіепископъ Ростовскій, Іона, епископъ Суздальскій, Іона же, епископъ Рязанскій⁵¹⁾, Акакій, епископъ Тверской, Феодосій, епископъ Коломенскій, Сава, епископъ Сарскій, Кипріанъ, епископъ Пермскій“⁵²⁾.

Количество святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, очевидно, должно было опредѣляться количествомъ собраннаго біографическаго матеріала, на основаніи котораго производилась и самая канонизація ихъ. Часть этого матеріала, проверенная и свидѣтельствованная соборомъ, вошла въ составъ макарьевскихъ Четырехъ Миней. Мы разумѣемъ житія святыхъ: архіепископовъ Новгородскихъ — Евѣимія и Іоны, епископа Пермскаго Стефана, Тверскаго князя Михаила, преподобныхъ: Авраамія Смоленскаго, Саввы Вишерскаго, Григорія Пельшемскаго, трехъ мучениковъ Литовскихъ и св. мученика Іоанна Сочавскаго⁵³⁾. Житія же остальныхъ святыхъ появлялись уже послѣ этого собора, иногда черезъ годъ и даже болѣе, какъ напр., житія: преп. Евѣимія Суздальскаго, Евфрема Перекомскаго и др. Но главнымъ источникомъ, благодаря которому представляется возможность узнать имена и опредѣлить число святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года, служить житіе митрополита Іоны, въ которомъ мы находимъ общій

⁵¹⁾ Епископомъ Рязанскимъ въ это время долженъ быть уже не Іона, а Михаилъ, который былъ поставленъ на мѣсто перваго Макаріемъ 22 апрѣля 1548 года (см. Никон. Лѣт. 7, 62—63).

⁵²⁾ Рук. Троице-Сергіевой Лавры № 696, л. 47—48.

⁵³⁾ Митр. Макарій, Ц. П. т. VII, 445.

перечень святыхъ, канонизованныхъ обоими соборами, безъ указанія на то, на какомъ изъ нихъ какой святой былъ канонизованъ. Но такъ какъ имена и количество святыхъ, которые были причислены къ лику святыхъ на первомъ соборѣ, извѣстны намъ изъ официальныхъ документовъ, то опредѣлить число святыхъ, канонизованныхъ вторымъ соборомъ, является уже дѣломъ не труднымъ. Руководствуясь этимъ источникомъ, къ числу святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года, можно отнести слѣдующихъ:

- 1) Новгородскихъ архіепископовъ: Іону и Евѳиміа.
Св. Стефана, епископа Пермскаго.
Св. Іакова, епископа Ростовскаго.
- 5) Благов. князя Всеволода Псковскаго.
Михаила, князя Тверскаго.
Преп. Евѳиміа Суздальскаго.
Преп. Авраамія Смоленскаго.
Преп. Савву Вишерскаго.
- 10) Преп. Евфросина Псковскаго.
Преп. Евфрема Перекомскаго.
Преп. Григорія Пельшемскаго.
Св. Іоанна, }
Антонія, } мучениковъ Литовскихъ.
- 15) Евстафія }
Іоанна, мученика Болгарскаго.
- 17) Арсенія, архіепископа Сербскаго.

Но этотъ перечень святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года, находящійся въ житіи Іоны, митрополита Московскаго, мы должны признать неполнымъ, что могло зависѣть или отъ небрежности переписчиковъ, пропустившихъ имена нѣкоторыхъ святыхъ, или даже и отъ незнанія. Кромѣ этихъ, перечисленныхъ нами святыхъ, есть достаточно вѣскія основанія занести въ этотъ списокъ имена еще нѣкоторыхъ святыхъ. Такія именно основанія мы имѣемъ для внесенія въ него именъ Ферапонта и Мартиніана Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ. Въ житіи этихъ преподобныхъ мы находимъ свѣдѣнія и объ ихъ канонизаціи, свѣдѣнія, которыя ясно пріурочиваютъ послѣднюю ко времени собора 1549 ⁵⁴). Писатель этого житія, между прочимъ, пишетъ:

⁵⁴) Кромѣ житія, указаніе на канонизацію Мартиніана при митр. Макаріи мы находимъ еще въ святцахъ Троице-Сергіевой Лавры № 249, въ которыхъ подь 15 Мая замѣчено: „по уложенію митр. Макарія и прочихъ святителей рос-

„да не соблазнятся нѣщы и о семь глаголюще: почто великій святи-
тель Макарій, митрополитъ Русскія земля, не положи въ грамотахъ
(разумѣется—праздновати этимъ святымъ), иже посла по градомъ и
великимъ монастыремъ, въ лѣто 7055 (1547) въ преименованіи царя
и великаго князя Ивана Васильевича і всея Русіи. Иже избра и раз-
суди того же баше собора пѣти и праздновати повеле святыхъ отецъ
по всѣмъ церквамъ великія Росіи, а сихъ остави“⁵⁵⁾. Объясняя да-
лѣе причину, по которой имена этихъ святыхъ не были внесены въ
списокъ святыхъ собора 1547 года, онъ пишетъ, что „небреже-
ніемъ сія сотвори святыи митрополитъ, ниже просто, якоже прилу-
чися вещь сіа“⁵⁶⁾. Изъ дальнѣйшаго хода его разсказа, можно ви-
дѣть, что этою причиною было то обстоятельство, что къ первому
собору не было еще приготовлено житіе этихъ преподобныхъ. Ибо
какъ только кончился первый соборъ и какъ только, вѣроятно, дошла
до монастыря вѣсть о царскомъ повелѣніи произвести „обыскъ о но-
выхъ чудотворцахъ“, то игумень послѣдняго позаботился о составле-
ніи житія своихъ чудотворцевъ. Написанное житіе „послѣ собора
того много дней минувшимъ“ было отвезено игуменомъ въ Москву и
вручено митрополиту. „Великій же (митрополитъ), продолжаетъ писа-
тель этого житія, повелѣ паки собору быти, и собравшимся къ нему
всѣмъ святителямъ перваго того собора, — Алексѣю, еп. Рязанскому, и
проч. и взять книги твѣ, и повелѣ предъ собою прочести житія свя-
тыхъ и чудеса. И разсудивъ тѣмъ соборомъ, яко не праведно есть
оставити святыхъ: благослови и повелѣ игумену тоя обители пѣти и
праздновати святыхъ отецъ и со предреченными святыми, преп. Фе-
рапонта и Мартиніана, и житія ихъ чести на соборѣ“⁵⁷⁾. и проч.
Этотъ разсказъ даетъ полное право предположить, что оба житія вы-
званы обысками о мѣстныхъ чудотворцахъ, произведенными по распо-
ряженію собора 1547 года. Предположеніе это подтверждаетъ и авторъ
житія этихъ святыхъ, который не разъ намекаетъ, что пишетъ онъ
по распоряженію высшей власти, а не по собственному произволению⁵⁸⁾.

сійскихъ, поютъ съ величаніемъ Еуфросину и Авраамію Смоленскому и Марти-
ніану Бѣлоозерскому“ (Мѣсяцесловъ св. Тр. Сер. Лавры, изд. 2, 1854 г., 59).

⁵⁵⁾ Рук. Тр.-Сер. Лавры № 696, л. 46.

⁵⁶⁾ Ibid.

⁵⁷⁾ Рук. Тр. Сер. Лавры № 696, л. 47—48.

⁵⁸⁾ Ключевскій, Житія, 273. — Впрочемъ, разсказъ этотъ имѣетъ видъ встав-
ки и его нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ житія. Но это послѣднее обстоятель-
ство едва ли можетъ служить основаніемъ къ какому нибудь сомнѣнію относи-

Наконецъ, относятся еще къ этому собору канонизацію Петра, царевича Ордынскаго, и Нифонта, епископа Новгородскаго. Канонизацію первого относятся къ этому собору потому, что въ заглавіи службы ему замѣчено, что она написана въ 7057 году, т. е., въ 1549 году. Поэтому, говоритъ В. О. Ключевскій, можно думать, что послѣдняя явилась, вслѣдствіе начавшагося тогда обыска о новыхъ чудотворцахъ, и представлена была на самый соборъ для свидѣтельстваванія⁵⁹⁾. Канонизацію же второго относятся къ собору 1549 года потому, что въ житіи его говорится, между прочимъ: „помоли же ся Христу Богу, священный отче Нифонте, за причестнѣйшаго архіерея Макарія, иже престоль держащаго, пречистѣй Богородицы честнаго ея усненія во

тѣльно достовѣрности самаго факта. Гораздо важнѣе другое возраженіе, которое могутъ сдѣлать противъ приурочиванія канонизаціи этихъ Бѣлозерскихъ угодниковъ къ собору 1549 года. Дѣло въ томъ, что въ житіи нѣтъ точной даты времени собора, на которомъ послѣдніе были канонизованы. Поэтому вполне возможно отнести ихъ канонизацію къ какому нибудь другому собору, бывшему во время митрополитства Макарія, что и дѣлаетъ преосв. Макарій (Ц. II, 8, 46). А такіе соборы, дѣйствительно, были въ началѣ второй половины XVI-го столѣтія. Такъ, напр., въ 1554 году былъ созванъ соборъ для канонизаціи преподобнаго Саввы Крыпецкаго; въ 1560 году—для канонизаціи преподобныхъ Григорія и Кассіана Авнежскихъ. Но намъ кажется, что это возраженіе, дѣлаемое противъ приурочиванія времени канонизаціи Ферапонта и Мартиніана, Бѣлозерскихъ чудотворцевъ, къ собору 1549 года, легко можно устранить. Стоить только для этого обратить вниманіе на перечень епископовъ, которыхъ призывалъ митрополитъ на этотъ соборъ. Просматривая этотъ перечень, мы видимъ въ немъ имена тѣхъ же владыкъ, какіе были и на первомъ соборѣ. Между тѣмъ, еслибы канонизація этихъ святыхъ совершилась на какомъ нибудь позднѣйшемъ соборѣ, то писатель этого житія не могъ бы уже представить этотъ перечень въ томъ видѣ, въ какомъ мы его сейчасъ читаемъ, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ епископовъ положительно извѣстно, что они уже вскорѣ послѣ второго собора скончались. Такъ, напр., это извѣстно относительно Іоны, еп. Суздальскаго, на мѣсто котораго уже 10 марта 1549 года поставленъ былъ архимандритъ Симоновскій Трифонъ, Алексія, еп. Ростовскаго, на мѣсто котораго былъ поставленъ игуменъ Троицкій Никандръ въ томъ же году (Ист. Г. Р. Карамзина, по изд. Смирдина, т. VIII, пр. 211; ер. Н. Л. 7, 64; Стогл. 19). Такимъ образомъ, этотъ перечень епископовъ, присутствовавшихъ при канонизаціи Мартиніана и Ферапонта, тождественный съ перечнемъ епископовъ первого собора, даетъ намъ право относить канонизацію этихъ святыхъ къ собору 1549 года, на которомъ, какъ можно судить по ходу рѣчи Грознаго на Стоглавомъ соборѣ, присутствовали тѣ же самые епископы, какіе были и на первомъ.

⁵⁹⁾ Ключевскій, Житія, 40.

всей великія Россіи и исправляющаго слово Божіе истинныя вѣры православныя, иже уставльша праздновати соборнѣ память твоего честнаго и святаго преставленія и предавше святымъ Божіимъ церквямъ“⁶⁰). Кромѣ этого, имя св. Нифонта мы находимъ и въ общемъ перечнѣ святыхъ, канонизованныхъ обоими соборами, въ житіи Іоны, только, впрочемъ, не въ текстѣ, а на полѣ. Но основанія, приводимыя въ пользу приурочиванія канонизаціи этихъ святыхъ къ собору 1549 года, по нашему мнѣнію, недостаточны для этого. Что касается, въ частности, Петра, царевича Ордынскаго, то предположеніе объ его канонизаціи на этомъ соборѣ такъ и останется предположеніемъ, которое трудно доказать; а на основаніи одного предположенія, мы и не имѣемъ права внести его въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. Повидимому, болѣе такихъ основаній мы имѣемъ для внесенія въ этотъ списокъ св. Нифонта, епископа Новгородскаго. Ибо изъ житія его мы узнаемъ, что празднованіе ему установлено при митрополитѣ Макаріи, а на основаніи житія Іоны и перечня святыхъ, въ немъ находящагося, можно думать, что послѣднее установлено на которомъ нибудь изъ двухъ соборовъ; ибо въ этомъ перечнѣ, какъ мы видѣли, находится и имя св. Нифонта, рядомъ съ именемъ другаго епископа Новгородскаго Никиты. Но и этихъ данныхъ недостаточно и на основаніи ихъ однихъ нельзя, по нашему мнѣнію, приурочивать канонизацію св. Нифонта къ собору 1549 года, какъ это дѣлаютъ преосвященные Макарій и Сергій (Ц. И. VIII, 44; Агиологія 1, пр. 15, 193). Ибо мы выше, когда говорили о св. Никитѣ, епископѣ Новгородскомъ, видѣли, что присутствіе именъ этихъ святыхъ въ житіи Іоны, гдѣ они вписаны на полѣ, а не въ текстѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ для предположенія объ ихъ канонизаціи на этихъ соборахъ, такъ какъ можно думать, что имена ихъ приписаны уже послѣ. Что же касается до житія св. Нифонта, гдѣ говорится объ установленіи послѣднему празднованія митрополитомъ Макаріемъ, то это мѣсто такъ обще, что едвали, на основаніи его, можно относить канонизацію этого святаго къ собору 1549 года; ибо это празднованіе могло быть установлено митрополитомъ когда нибудь и послѣ этихъ соборовъ. И дѣйствительно, есть основанія, какъ увидимъ ниже, относить канонизацію св. Нифонта къ 1558 году.

Этимъ, за недостаткомъ свѣдѣній, мы и ограничимъ свое изложеніе внѣшней исторіи собора 1549 года, и далѣе перейдемъ къ

⁶⁰) См. это житіе въ Пам. Старин. Р. Литер. 4, 1—9.

разсмотрѣнію внутренней стороны дѣятельности его, къ тому, какъ велось на немъ самое дѣло канонизаціи святыхъ. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми вопросами, какіе намъ приходилось рѣшать при изложеніи перваго собора, съ тою, впрочемъ, только разницею, что относительно нѣкоторыхъ вопросовъ мы имѣемъ здѣсь сравнительно болѣе свѣдѣній, чѣмъ прежде; отсюда, слѣдовательно, имѣемъ возможность и разсмотрѣть ихъ шире и подробнѣе.

Внутреннюю сторону дѣятельности собора 1549 года составляютъ: подготовительныя работы или „обыскъ о новыхъ чудотворцахъ“, и самыя соборныя дѣянія, которыя одинъ изъ памятниковъ характеризуетъ словомъ „свидѣтельствованіе“⁶¹⁾. Разсмотримъ каждую изъ этихъ сторонъ дѣятельности собора 1549 года.

Первая сторона дѣятельности этого собора или обыскъ о новыхъ чудотворцахъ составляетъ подготовительныя работы, имѣвшія своею непосредственною цѣлью собрать тѣ необходимыя агіобіографическія о каждомъ святомъ данныя (житія, каноны и чудеса), которыя составляли непремѣнное условіе канонизаціи. Эти работы начались непосредственно послѣ собора 1547 года и велись въ продолженіе цѣлаго слѣдующаго 1548 года, вплоть до самаго собора. Какъ цѣль, такъ и побужденіе, которыя легли въ основаніе ихъ, довольно ясно высказываются въ извѣстной намъ рѣчи царя Ивана Васильевича Грознаго. Сказавши, что „великое и неистощимое богатство отъ многихъ временъ при прародителяхъ нашихъ сокровено и забвенію предано“—великіе свѣтильники, новые чудотворцы, прославленные многими знаменіями и чудесами, которыхъ мы на помощь призываемъ, царь далѣе говоритъ: „мы же о семъ молимъ святители всего нашего російскаго царствія въ митрополіи, въ архіепископьяхъ, епископьяхъ, койждо во всякихъ предѣлахъ порученныхъ имъ во градѣхъ и въ монастыряхъ и въ пустыняхъ и во всѣхъ (весѣхъ) извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцехъ священными соборы и игумены и священники и иноки и пустынники и князми и бояры и богобознивыми людьми, гдѣ которые чудотворцы прославились великими чудесы и знаменіи отъ коликихъ временъ и въ каковы лѣта“⁶²⁾. Этотъ голосъ, раздавшійся съ высоты трона, съ благословенія митрополита, верховнаго главы Русской Церкви, нашель живой и радостный откликъ въ душахъ всѣхъ мѣстныхъ архіереевъ. „Святители же убо, продолжаетъ царь въ своей рѣчи, отъ радости духовныя, отъ вожде-

⁶¹⁾ Стоглавъ, 45.

⁶²⁾ Стоглавъ, 43—44.

лѣнія сердечнаго и отъ начинанія и повелѣнія нашего моленія вскорѣ собираютъ каноны и житія и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ, которыйждо святитель отъ своихъ предѣль по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ, гдѣ который святой прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чудесы⁶³⁾. Въ послѣднихъ словахъ рѣчи Грознаго мы находимъ указанія и на то, какъ производился и въ чемъ состоялъ этотъ обыскъ о мѣстныхъ чудотворцахъ, указанія на самые существенные вопросы, касающіеся внутренней стороны дѣятельности этого собора. Правда, эти свѣдѣнія очень немногочисленны; они всего заключаются въ нѣсколькихъ строкахъ; но, несмотря на это, они для насъ имѣютъ весьма важное значеніе; ибо, благодаря имъ, можно воспроизвести существенныя черты этого обыска.

Мы уже знаемъ изъ рѣчи Грознаго цѣль и побужденія этого обыска. Намъ теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: въ чемъ состоялъ послѣдній и какъ онъ производился? Епархіальные обыски состояли въ томъ, что святители въ порученныхъ имъ епархіяхъ „собирали каноны и житія и чудеса“ святыхъ, которыя необходимы были для ихъ канонизаціи. Относительно второго вопроса—какъ производились эти обыски, мы находимъ въ той же рѣчи царя, что мѣстные епископы собирали въ этомъ случаѣ каноны, житія и чудеса „по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и отъ княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ, гдѣ которой святой прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чудесы.“ Черты, которыми въ царской рѣчи характеризуются эти обыски, какъ видимъ, выражаются очень общими словами, чтобы по нимъ можно представить полную и оживленную картину этихъ епархіальныхъ обысковъ и выяснитъ ихъ значеніе для канонизаціи. Но, на основаніи нѣкоторыхъ чертъ, которыя даетъ намъ рѣчь Грознаго, все-таки можно сдѣлать заключеніе объ этомъ ихъ значеніи. Прежде всего, на основаніи указанія Стоглава, можно сдѣлать заключеніе, что обыскъ производился въ очень широкихъ размѣрахъ. Къ участію въ немъ были призваны всѣ мѣстные жители, которые могли сообщить тѣ или другія свѣдѣнія о святомъ. Въ своей рѣчи къ архіереямъ перваго собора Грозный прямо говоритъ, чтобы они въ своихъ [епархіяхъ собрали свѣдѣнія о святыхъ, подтвержденныя „священными соборы и игумены и священно-иноки и

⁶³⁾ Стоглавъ, 44—45.

иноки и пустынники и князми и бояры и богобоязливymi люди“. Затѣмъ, эти обыски не ограничивались только однимъ собираніемъ агіобіографическихъ данныхъ, но все собранное провѣрялось, или, по тогдашнему выраженію, „свидѣтельствовалось“. Каждый изъ святителей, говорится далѣе въ рѣчи царя, собиралъ „житія, каноны и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и отъ княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ“⁶⁴). Въ чемъ же именно состояло это свидѣтельствованіе собраннаго агіобіографическаго матеріала „отъ тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и княжеска роду“, и какъ оно производилось?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, естественнѣе всего мы должны бы обратиться къ актамъ этихъ епархіальныхъ обысковъ; но къ сожалѣнію, эти акты не сохранились до настоящаго времени. А въ обоихъ источникахъ, въ которыхъ находятся извѣстія какъ объ обыскахъ, такъ и о свидѣтельствovanіи собраннаго матеріала, послѣднее характеризуется настолько общими чертами, что трудно, на основаніи только ихъ однихъ, представить полную картину этихъ обысковъ, и тѣмъ, значить, труднѣе отвѣтить на вопросы, поставленные выше. Въ этомъ случаѣ, для достиженія нашей цѣли, намъ приходится обратиться къ практикѣ нашей Церкви предыдущаго времени относительно этого предмета и, на основаніи фактовъ, которые мы тамъ встрѣтимъ, и этихъ чертъ, которыми характеризуются эти обыски въ извѣстныхъ намъ источникахъ, сдѣлать заключеніе, которое и будетъ служить отвѣтомъ на поставленные вопросы.

Изъ первой половины XVI вѣка до насъ сохранилось нѣсколько обыскныхъ актовъ, по которымъ можно въ общихъ чертахъ судить и объ „обыскахъ о новыхъ чудотворцахъ“, предшествовавшихъ собору 1549 года. По этимъ сохранившимся до нашего времени обыскнымъ актамъ порядокъ и производство этихъ обысковъ, въ общихъ чертахъ, можно представить слѣдующимъ образомъ. О чудесахъ, совершающихся отъ раки того или другаго святаго, доносится прежде всего мѣстному владыкѣ. Послѣдній входитъ съ отношеніемъ по этому дѣлу къ государю и митрополиту. По повелѣнію государя и благословенію митрополита, мѣстнымъ епископомъ отправляется на мѣсто чудесъ комиссія, состоящая обыкновенно изъ близкихъ къ нему

⁶⁴) Стоглавъ, 44 – 45; см. Ключевскій, прилож. IV, 461.

духовныхъ лицъ, которой и поставляется въ обязанность: во-первыхъ, собрать все свѣдѣнія о житіи и чудесахъ того или другого святаго, во-вторыхъ, провѣрить послѣднія, въ-третьихъ, освидѣтельствовать мощи, если онѣ открыты, и въ четвертыхъ, наконецъ, представить на разсмотрѣніе мѣстнаго епископа житіе, канонъ и чудеса этого святаго, если первые (житіе и канонъ) были уже ранѣе составлены. Какъ исполнялась эта программа на мѣстѣ комиссіей, это хорошо можно видѣть изъ сохранившихся обыскныхъ актовъ св. Іакова Боровицкаго и бл. князя Андрея Смоленскаго. Въ 1544 году Новгородскій архіепископъ Θεодосій послалъ въ Боровичи комиссію, состоявшую изъ софійскаго соборнаго протопопа и другихъ лицъ, для собранія свѣдѣній о св. Іаковѣ Боровицкомъ и для свидѣтельствованія его мощей. Эта комиссія, пришедши въ Боровичи, осмотрѣла, прежде всего, мощи преп. Іакова и, затѣмъ, приступила къ собранію свѣдѣній о его жизни: „и про житіе его опрашивали тѣхъ же священникъ и старостъ и волостныхъ людей добрыхъ—сколько давно туто лежитъ и есть ли на него туто паметухи и знахари, отколе онъ туто появился и гдѣ онъ жилъ, и каково его было житье. И онѣ сказываютъ: кое паметуховъ изъ роду въ родъ нѣтъ, толко сказываютъ отъ дѣдъ и пра-дѣдъ рѣчь ведетца исконно изъ роду въ родъ будто на веснѣ приплылъ на крѣ (льдинѣ) Мстою рѣкою въ колодѣ высподней, а верхней нѣтъ, на святой недѣлѣ во вторникъ, а колода огорѣла. А имя ему потому свѣдали, что онъ учаль являтца въ сновидѣнне старымъ людемъ многимъ. А нарекъ имя себѣ: меня зовутъ Іаковомъ—ангелъ мой Іаковъ, братъ Божій по плоти“⁶⁵). Послѣ этого приступлено было къ собранію свѣдѣній о чудесахъ, совершавшихся у раки преподобнаго Іакова, и провѣркѣ ихъ. Это дѣло велось слѣдующимъ образомъ. Комиссія спрашивала не только самихъ исцѣленныхъ отъ того или другого недуга, но и знакомыхъ ихъ или вообще односельчанъ, при чемъ требовалось свидѣтельство отца духовнаго, т. е. мѣстнаго священника. Затѣмъ, была составлена опись этихъ чудесъ, къ которой приложили руки все духовныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мощей, и міряне, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій, скрѣпленная рукою дьяка, писавшаго эту роспись⁶⁶). Въ 1539 году преп. Даниломъ Пере-

⁶⁵) Рук. Тр.-Сер. Лавры № 654, л. 74—85.

⁶⁶) Рук. Тр.-Сер. Лавры № 654, л. 86—87.—Для знакомства съ ходомъ процесса этого свидѣтельствованія, какъ образецъ, мы въ этомъ примѣчаніи

яславскимъ обрѣтены были мощи бл. князя Андрея Смоленскаго, о чемъ онъ посѣдѣшилъ сообщить царю и митрополиту Иоасафу. Царь и митрополитъ „послаша отъ священныхъ избранныхъ мужей чудов-

приведемъ изъ обыскныхъ актовъ преп. Іакова Боровицкаго то мѣсто, гдѣ описывается это свидѣтельствованіе, сдѣлавъ только небольшія въ немъ сокращенія. „А на освященіе церкви, на Сошествіе св. Духа, Богъ простилъ боярину Ульяну, Рудного жену Талызина главнымъ недугомъ, а сказываютъ лѣтъ 7, какъ тѣмъ недугомъ немощна была, гной изъ ушей шолъ, глава и лицо пухло; да Рудного человекъ Іосифъ Коротавъ Гришицу Богъ простилъ паучимъ недугомъ, а то вѣдомо государю его Рудному и его женѣ тотъ недугъ. А сказывалъ онъ, да и мать того малаго священника, что тѣмъ недугомъ онъ немощенъ былъ, а того малаго Богъ простилъ до нашего пріѣзду. Да Богъ простилъ Анну Борисовну, жену Горбатаго очною болѣзнію, а больна была три года, а живеть въ Боровичахъ. А то вѣдомо сусѣду ихъ У...ву, Михайлову сыну,—а рука его приложена у той памяти вверху. А ту Богъ простилъ до нашего пріѣзду. Да Богъ простилъ на освященіи церкви дѣвицу Василису—окомъ правымъ не видѣла, Племянникова, крестьянина Жданскаго, изъ деревни съ Подола, а отецъ ей Тимоха сталъ съ нею предъ священника, да сказывалъ, что она тѣмъ недугомъ больна была. Да Богъ простилъ до нашего пріѣзду за полгода Ирину Вершину жену бѣснующимъ недугомъ, а живеть въ Боровичахъ. И священникъ Иванъ опрашивалъ про нее въ недѣлю всѣхъ святыхъ у Бориса и Глѣба послѣ заутрени, и онѣ сказываютъ—всему ряду вѣдомо, что она тѣмъ недугомъ страдала по Боровичскому ряду ходючи. Да Богъ простилъ Моисееву жену Домну Гаврилову, изъ деревни Новоселиць, бѣснующимся недугомъ, а приходилъ съ нею священникъ Иванъ, сказалъ, что она тѣмъ недугомъ больна была два года. А рука того священника на той памяти назадъ вверху. А всѣ тѣ сказываютъ, кои завѣтны были къ Яковлеву гробу, и нонѣ ихъ Богъ простилъ. А сію память писалъ Петровской дьякъ изъ Боровичъ Митька Елизаровъ. Въ лѣто ^{жизн} (1544 г.) іюня во к день, на сошествіе св. Духа, на память иже во святыхъ отца нашего Никифора. А у той памяти рука приложена священноинока Данила Юрьева монастыря. Да священникъ Василей руку приложилъ, служитель верховныхъ Апостолъ Петра и Павла. Да священникъ Борисоглѣбской Церкви Иванъ руку приложилъ. Да Петровской дьяконъ Перепрей руку приложилъ. Да рядовой Боровицкаго ряду Василя Кузьмина сына рука приложена. Да Ушанъ Михаилъ сынъ руку приложилъ, да Матѣй Ярцовъ руку приложилъ. А тѣ рядовичи руки прикладывали во всѣхъ рядовичъ мѣсто. Боголѣпнаго Преображенія попъ Василей, отецъ духовный, руки приложилъ—въ той Анны мѣсто, што не ходила на ногахъ. Да Руднаго жены Ульяны, да дѣтины ихъ Гришицы, да Анны Борисовской жены да Василисы,—въ тѣхъ мѣсто отецъ духовной попъ Василей руку приложилъ. А въ тоѣ мѣсто Ирины отецъ духовной Иванъ попъ руку приложилъ“ и проч. (Рук. Тр.-Серг. Лавры, № 654, л. 80—8).

скаго архимандрита Иону сановита суца, Богородскаго протопopa Гуріа, мужа нарочита и благоговѣйна видѣти мощи“. Далѣе разсказывается, что архимандритъ Иона, „яко истязуя, вопрошаше Даниїла, коея ради вины мощи сія взыскаль еси и отъ кого повелѣніе вземь“? Даниїль же рече: „извѣстихъ сіе благоч. царю и преосв. митрополиту ея же ради вины повелѣно ми бысть отъ нихъ все сіе, явственней же паче благоволи Богъ вашему великому священству своима очима видѣти святаго сего, се образъ его зрите на иконе написанъ, также служба ему же, стихеры и канонъ въ старыхъ книгахъ писанъ не отъ мене си изложено, ни мною повелено. Но вельмі преже мене, и вопрошайте народъ, что видѣша, и недужніи, како исцелѣша и отъ сихъ уразумѣйте... И повелѣша представить исцѣленныхъ и вопрошаше ихъ“⁶⁷⁾; при чемъ самая форма вопроса въ общихъ чертахъ такая же, какою мы видѣли уже при свидѣтельствovanіи чудесъ преп. Іакова Боровицкаго. Такимъ же точно образомъ, какъ можно думать, въ общихъ чертахъ совершались и предварительные обыски къ собору 1549 года. По крайней мѣрѣ, существенныя и главныя черты ихъ мы находимъ въ рѣчи Грознаго, въ которой представлено общее изображеніе этихъ обысковъ. Такъ, мы находимъ здѣсь указанія на комиссіи—„священными соборы“ и проч. Далѣе, цѣль, которая поставлена для этихъ обысковъ, очень похожа на извѣстную уже намъ программу дѣйствій, съ которою послыались эти комиссіи. Тутъ мы встрѣчаемъ и собраніе біографическихъ свѣдѣній и повѣрку ихъ и свидѣтельствованіе чудесъ, словомъ, все то, что вошло въ постоянную практику нашей Церкви въ подобныхъ случаяхъ въ послѣдующее время.

Собранный и провѣренный агіобіографическій матеріалъ мѣстными владыками представленъ былъ на соборъ 1549 года, на которомъ онъ снова былъ свидѣтельствованъ. Въ чемъ заключалось и какъ происходило это свидѣтельствованіе? Въ Стоглавѣ и житіи св. митрополита Ионы мы не находимъ извѣстій ни о характерѣ этого свидѣтельствованія, ни о формѣ его. Въ Стоглавѣ констатируется только самый фактъ свидѣтельствованія всего собраннаго матеріала. „И въ 19 лѣто возраста моего по нашему наказу архіепископы, епископы и честныя архимандриты и игумены собираются въ царствующій сей градъ къ намъ ко отцу нашему Макарію, митрополиту всеа Русіи, каноны новыхъ чудотворцевъ и житія ихъ и чудеса на соборъ по-

⁶⁷⁾ Рук. Тр.-Серг. Лавры № 696, л. 225—232.

лагають и свидѣтельствуютъ всѣми священными соборы“⁶⁸⁾. Не имѣя положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ опредѣленное представленіе о характерѣ этого соборнаго свидѣтельствованія, мы попытаемся, однако, хотя бы приблизительно, опредѣлить послѣдній. По мнѣнію В. О. Ключевского, соборное свидѣтельство представляется не болѣе какъ опытомъ чисто литературной церковной цензуры; „вводя, говоритъ онъ, труды мѣстныхъ грамотеевъ въ церковное богослуженіе, соборъ, естественно, долженъ былъ разсмотрѣть, соотвѣтствуютъ ли они установленнымъ формамъ церковно-литературныхъ произведеній“⁶⁹⁾. Отсюда можно думать, что это соборное свидѣтельство касалось не столько содержанія житій и каноновъ, сколько внѣшней формы ихъ. Такъ можно думать тѣмъ болѣе, что фактическое содержаніе представленнаго на соборъ біографическаго матеріала было уже провѣрено на епархіальныхъ обыскахъ, или, по крайней мѣрѣ, должно было быть провѣрено, потому что, какъ мы видѣли, цѣлю ихъ было не только собраніе біографическихъ свѣдѣній о святыхъ, но и повѣрка ихъ. Такимъ образомъ, соборное свидѣтельство нужно относить собственно къ внѣшней формѣ житій. Отцы собора, просматривая послѣднія, наблюдали, главнымъ и преимущественнымъ образомъ, за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли извѣстное житіе установившемуся тогда у насъ житійному стилю, или нѣтъ? Если соотвѣтствовало, то одобрялось для церковнаго употребленія, если же нѣтъ, то исправлялось, или же было поручаемо написать новое житіе.

Какъ совершалось это свидѣтельство, указаніе относительно этого мы находимъ въ извѣстномъ уже намъ житіи св. Мартиніана и Феранонта, Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что когда игуменомъ, привезшимъ эти житія въ Москву, послѣднія представлены были на соборъ, то „и взявъ (вѣроятно митрополитъ) книги тѣя, и повелѣ предъ собою прочести житія святыхъ и чудеса“⁷⁰⁾.

Рѣшивъ, по мѣрѣ возможности, эти существенные вопросы изъ исторіи внутренней дѣятельности собора 1549 года, мы для полноты нашего изслѣдованія о немъ должны еще разсмотрѣть нѣсколько вопросовъ. Эти вопросы касаются основаній, которыми соборъ 1549 г. руководился при совершеніи канонизаціи святыхъ, съ одной стороны,

⁶⁸⁾ Стоглавъ, 45.

⁶⁹⁾ Ключевскій, Житія, 223.

⁷⁰⁾ Рук. Тр.-Серг. Лавры № 696, л. 48.

съ другой—вопроса о томъ: сдѣлалъ ли этотъ соборъ такое же разграниченіе между святыми на мѣстныхъ и всероссійскихъ, какое сдѣлалъ соборъ 1547 года? Съ первымъ вопросомъ мы встрѣчались уже, когда излагали исторію перваго собора. Поэтому мы на немъ долго останавливаться не будемъ, тѣмъ болѣе, что и въ извѣстныхъ уже намъ памятникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія о соборѣ 1549 г., эти основанія прямо указаны. Именно, въ извѣстной уже намъ рѣчи Грозный обращается ко всѣмъ епископамъ съ просьбой собрать „каноны и житія и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ“⁷¹⁾; епископы, дѣйствительно, исполняютъ просьбу царя, и на соборѣ „полагаютъ и свидѣлствуютъ всѣми освященными соборы каноны новыхъ чудотворцевъ житія ихъ и чудеса“⁷²⁾, и вслѣдъ затѣмъ непосредственно говорится объ установленіи празднованія всѣмъ тѣмъ святымъ, каноны, житія и чудеса которыхъ, дѣйствительно, представлены были собору и одобрены имъ для церковнаго употребленія. Такимъ образомъ, очевидно, что этими основаніями, которыми соборъ руководился при совершеніи канонизаціи святыхъ, были каноны, житія и чудеса ихъ.

Гораздо труднѣе, повидимому, рѣшить другой вопросъ: сдѣлалъ ли соборъ 1549 года такъ же, какъ и соборъ 1547 года, раздѣленіе канонизованныхъ имъ святыхъ на мѣстныхъ и всероссійскихъ. Ни въ Стоглавѣ, ни въ житіи митрополита Іоны мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ. Въ первомъ вообще только говорится, что отцы собора 1549 года всѣ свидѣлствованные ими каноны и житія святыхъ „предаютъ церквамъ Божіимъ пѣти и славити и праздновати, якоже и прочимъ святымъ“⁷³⁾, не раздѣляя ихъ на общихъ и мѣстныхъ. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, дѣйствительно можно думать, что такого раздѣленія на этомъ соборѣ и не было сдѣлано. Первый фактъ мы находимъ въ житіи Ферапонта и Мартиніана, Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ. Писатель этого житія, сказавши о повелѣніи Макарія „игумену тоя обители пѣти и праздновати святыхъ отецъ и со предреченными святыми, преп. Ферапонта и Мартиніана и житія ихъ чести на соборѣ, въ славу Отца и Сына и Св. Духа, вседержителя Бога“, говоритъ далѣе: „но и се, яко да не возглаголютъ нѣціи мнѣніемъ рекуще: повелѣлъ есть святой митрополитъ единой церкви обители тоя праздновати святыхъ. Смотри и испытай

⁷¹⁾ Стоглавъ, 44.

⁷²⁾ Ibid. 45.

⁷³⁾ Стоглавъ, 45.

известно не бывает сичево повелѣніе во святыхъ писаніяхъ неправды зазоръ сотвориши и обрященіся ложь предъ Богомъ. Святія книги пишуть: едино стадо и единъ пастырь Христосъ; едина Церквѣи, едина вѣра, даль есть единой Церквѣи, и инымъ вда... Добрѣ святыи митрополитъ сотвори, и зѣло полезно есть, якоже нѣкую утварь царскую Церквѣи Божіей приложи: святыхъ отецъ праздновати повелѣ и благослови“⁷⁴). Суть всей этой тирады сводится къ тому, какъ кажется, что писатель хочетъ показать и доказать, что празднованіе памяти этихъ святыхъ установлено не для одной какой-нибудь мѣстной Церкви, а для Единой, т. е., всей Русской Церкви. Другой же фактъ подобнаго рода мы находимъ въ Стоглавѣ. На этомъ соборѣ, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ „праздновать Псковскому чудотворцу Ефросину, да Смоленскому чудотворцу Авраамію“. Соборный отвѣтъ былъ таковъ: „праздновати имъ какъ и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ, пѣти на вечерне блаженъ мужъ и прочая служба по божественному уставу все сполна“⁷⁵); слѣдовательно, со всеночнымъ бдѣніемъ, какъ и великимъ святымъ, общимъ. Этотъ послѣдній фактъ рѣшительнымъ образомъ доказываетъ, по нашему мнѣнію, ту мысль, что соборъ 1549 года не сдѣлалъ подобнаго первому собору раздѣленія святыхъ на общихъ и мѣстныхъ, а прямо только установилъ празднованіе этимъ святымъ, предоставивъ совершать послѣднее доброй волѣ настоятелей церквей. Ибо, если бы на самомъ дѣлѣ было сдѣлано такое разграниченіе, то трудно объяснить, какимъ образомъ могъ подняться вопросъ объ образѣ празднованія Евфросину Псковскому и Авраамію Смоленскому, когда соборъ прямо отнесъ бы ихъ къ какому-нибудь одному классу мѣстныхъ или общихъ святыхъ, чѣмъ прямо опредѣлялся бы и образъ празднованія имъ.

Канонизація святыхъ, произведенная соборами 1547 и 1549 гг., выражалась, какъ и прежде, въ установленіи въ честь святаго праздника и составленіи житія и канона ему. Но труднымъ для рѣшенія является вопросъ: вносились ли имена святыхъ непосредственно за канонизаціей, по распоряженію соборовъ, въ святцы или мѣсяцесловы? Въ источникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія объ этихъ соборахъ, мы не встрѣчаемъ ни одного указанія, которое могло бы для насъ служить основаніемъ для такого или иного рѣшенія этого вопроса. Повидимому, нужно было бы ожидать, что соборы, издавъ повелѣніе

⁷⁴) Рук. Тр.-Серг. Лавры № 696, л. 48—49.

⁷⁵) Стоглавъ, 168.

о празднованіи новымъ чудотворцамъ, вмѣстѣ съ нимъ издадутъ и повелѣніе о внесеніи послѣднихъ въ святцы и тогда, конечно, въ святцахъ, явившихся непосредственно за этими соборами, мы вправѣ были бы ожидать встрѣтить имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, которые канонизованы соборами 1547 и 1549 гг. Но, присматриваясь къ уставамъ, явившимся послѣ этихъ соборовъ, мы должны сказать, говорить И. Д. Мансветовъ, что ни одинъ изъ нихъ не исчерпываетъ полного числа русскихъ святыхъ, канонизованныхъ на соборахъ 1547—1549 годовъ. Такъ, синодальный уставъ 1548 года, какъ появившійся чрезъ годъ послѣ перваго Московскаго собора, — уже заключаетъ въ себѣ значительное число памятей, утвержденныхъ на немъ, но, съ другой стороны, и нѣкоторые изъ болѣе позднихъ уставовъ оказываются ниже этого числа и стоятъ, повидимому, внѣ всякаго вліянія Московскихъ соборовъ. Таковъ, напримѣръ, уставъ Синодальной Библіотеки № 389—337, написанный въ 1553 году для Іосифо - Волоколамскаго монастыря и отличающійся въ этомъ отношеніи замѣчательною бѣдностью (Перечисленіе памятей см. въ Опис. рук. Син. б., III, 323).

Къ категоріи болѣе полныхъ записей этого рода могутъ быть отнесены уставы Троице-Сергіевой лавры № 242—244 и Синодальный № 390—334—всѣ изъ второй половины XVI вѣка и съ подробнымъ перечнемъ Русскихъ праздниковъ, между которыми встрѣчаются даже такія малоизвѣстныя памяти, какъ убіеніе Глѣба на Смядинѣ (5 сентября). И все-таки, несмотря на относительную полноту агіологическаго содержанія, эти уставы не имѣютъ многихъ памятей, утвержденныхъ на соборѣ 1549 года. Замѣчательно, что и въ Троицкомъ уставѣ № 241, во главѣ котораго помѣщено постановленіе собора 1547 года, въ видѣ посланія къ игумену троицкому Іонѣ, — и здѣсь изъ общаго перечня канонизованныхъ святыхъ записаны лишь немногіе ⁷⁶⁾.

Если же, какъ можно видѣть изъ этого обзрѣнія, имена святыхъ не всегда вносились въ святцы и уставы, то, очевидно, потому, что не было сдѣлано соборнаго распоряженія. Отсюда, значитъ святцы и не могли быть одною изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ выражалась канонизація святыхъ на этихъ соборахъ.

Въ заключеніе исторіи Макарьевскихъ соборовъ, намъ остается рассмотретьъ еще вопросъ о значеніи ихъ въ дѣлѣ канониціи святыхъ

⁷⁶⁾ Мансветовъ, Церковный уставъ 285—86.

для послѣдующаго времени Русской Церкви. Самое важное и самое видное, сразу бросающееся въ глаза, слѣдствіе Макарьевскихъ соборовъ для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени заключается въ томъ, что, начиная съ этихъ соборовъ, право совершенія канонизаціи переходитъ исключительно къ высшей центральной власти Русской Церкви, каковая до конца XVI вѣка сосредоточивалась въ лицѣ митрополита съ соборомъ, а съ конца этого вѣка (1589 года) въ лицѣ патріарха. До Макарьевскихъ соборовъ право совершенія канонизаціи продолжало принадлежать мѣстнымъ епископамъ не только de jure, но и de facto, что можно видѣть изъ примѣра канонизаціи Леонтія и Исаи, епископовъ Ростовскихъ, канонизованныхъ мѣстными епископами. Между тѣмъ, послѣ соборовъ 1547 и 1549 годовъ, во все продолженіе второй половины XVI и всего XVII вѣка мы уже не встрѣчаемъ ни одного случая совершенія канонизаціи святаго мѣстнымъ епископомъ. Встрѣчаемъ даже примѣры, которые показываютъ, что и частное почитаніе святаго требовало уже позволенія высшей власти Церкви. Такъ, ученикъ Кассіана Босого, Фотій, написавъ для себя канонъ на память Юсіфа Волоколамскаго, нашель необходимымъ, однако же, представить этотъ канонъ на разсмотрѣніе митрополиту, чтобы получить отъ послѣдняго благословеніе читать свой трудъ и молитвовать по немъ въ келіи⁷⁷⁾. Правда, начало этой перемѣны въ правѣ совершенія канонизаціи восходитъ еще къ началу XVI вѣка; но тогда эта перемѣна не была еще узаконена. Теперь на Макарьевскихъ соборахъ то, что до сего времени было только попыткой подчинить прославленіе святыхъ надзору высшей церковной власти, окончательно принято и съ этого времени вошло въ постоянную практику Русской Церкви при совершеніи канонизаціи.

Чѣмъ вызвано было такое измѣненіе, какими обстоятельствами оно обусловливалось, — на эти вопросы мы старались дать отвѣтъ въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ объ этихъ соборахъ. Поэтому, не останавливаясь на нихъ, мы прямо перейдемъ къ обзорѣню другихъ слѣдствій ихъ, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ первымъ слѣдствіемъ и имъ обусловливаются.

Главное слѣдствіе этого перехода права совершенія канонизаціи къ высшей центральной власти Русской Церкви касается тѣхъ правилъ, которыми начинаютъ у насъ со времени этихъ соборовъ руководиться при совершеніи канонизаціи святыхъ. Макарьевскіе соборы

⁷⁷⁾ Блочевскій, Житія, 392-388 гл҃авѣхъ Іаковлевоу, гл҃авѣхъ 77)

имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе. Со времени ихъ правила совершенія канонизаціи, которыя примѣнялись на этихъ соборахъ, входятъ уже въ постоянную практику нашей Церкви послѣдующаго времени. Эти правила заключались, главнымъ образомъ, въ „обыскѣ о новыхъ чудотворцахъ“ и свидѣтельствovanіи житій и каноновъ. Обыскъ состоялъ, какъ мы видѣли, не только въ собраніи житій и каноновъ, но вообще свѣдѣній о святомъ—о его чудесахъ и потомъ провѣркѣ или свидѣтельствovanіи тѣхъ и другихъ. Этотъ обыскъ и это свидѣтельствованіе какъ житій и каноновъ, такъ и чудесъ въ послѣдующее время встрѣчаются уже постоянно въ практикѣ Русской Церкви во всѣхъ случаяхъ канонизаціи. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что эти правила, установленныя Макарьевскими соборами, встрѣчаются намъ не только безъ всякаго измѣненія ихъ сущности, но и самый способъ приложенія ихъ остается тѣмъ же самымъ, какой мы видѣли и на этихъ соборахъ; а это послѣднее прямо можетъ говорить о вліяніи Макарьевскихъ соборовъ на ходъ канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени.

При изложеніи исторіи Макарьевскихъ соборовъ, мы нигдѣ не встрѣчали указанія на то, чтобы на нихъ сдѣлано было постановленіе о постоянномъ употребленіи и приложеніи этихъ правилъ совершенія канонизаціи и въ послѣдующее время. А это послѣднее обстоятельство показываетъ, что вліяніе этихъ соборовъ на ходъ и совершеніе канонизаціи основывается не на какомъ нибудь законодательномъ актѣ, изданномъ съ этою цѣлю, но на тѣхъ обстоятельствахъ, которыми и были вызваны самые соборы о новыхъ чудотворцахъ. Главное изъ этихъ обстоятельствъ—это централизація церковной власти въ лицѣ митрополита, идущая рядомъ съ централизаціей гражданской власти въ лицѣ Московскаго великаго князя. Слѣды вліянія этой централизаціи церковной власти стали уже замѣтны съ начала XVI вѣка; но главнымъ образомъ они проявились на Макарьевскихъ соборахъ, со времени которыхъ право совершенія канонизаціи исключительно стало принадлежать высшей центральной власти Русской Церкви. Этимъ переходомъ права совершенія канонизаціи отъ мѣстныхъ епископовъ къ высшей центральной власти, какъ намъ кажется, и можно объяснить себѣ важное вліяніе Макарьевскихъ соборовъ на ходъ канонизаціи послѣдующаго времени. Высшая церковная власть, всегда пребывавъ въ столицѣ и находясь, такимъ образомъ, вдали отъ мѣста жизни святыхъ, не могла быть очевидцемъ ни чудесъ, ни нетлѣнныя мощей. Чтобы убѣдиться въ томъ и другомъ, необходимо было

изслѣдовать на мѣстѣ и эти чудеса и это нетлѣніе мощей. А для достиженія этой цѣли, очевидно, правила, установленныя Макарьевскими соборами, и были необходимыми. А эти послѣднія, въ свою очередь, послужили причиной образованія тѣхъ формальностей, совокупность которыхъ и составила предварительный обыскъ о томъ или другомъ святомъ, имѣвшій своею главною цѣлью и задачей какъ собрать необходимыя для его канонизаціи біографическія данныя, такъ и провѣрить ихъ.

Приложеніе и примѣненіе правилъ, установленныхъ Макарьевскими соборами, къ канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени имѣло своимъ естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ болѣе однообразный характеръ совершенія ея. До Макарьевскихъ соборовъ такого однообразія не существовало. Это отсутствіе однообразія въ совершеніи канонизаціи мы объясняли именно тѣмъ, что тогда еще не было установлено опредѣленныхъ правилъ, которыя бы всегда и регулировали совершеніе ея. Теперь же, послѣ Макарьевскихъ соборовъ, установившихъ опредѣленныя и постоянныя правила, эта причина прежняго разнообразія совершенія канонизаціи, очевидно, должна была уничтожиться, и послѣдняя должна была принять болѣе или менѣе однообразный характеръ. И, дѣйствительно, изучая факты канонизаціи нашихъ святыхъ послѣдующаго времени, нетрудно замѣтить, что наша Церковь въ этомъ отношеніи сдѣлала большой шагъ впередъ, такъ какъ каждый отдѣльный фактъ канонизаціи этого времени представляетъ повтореніе прежде него бывшаго.

Кромѣ этого слѣдствія, которымъ сопровождалось для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени введеніе правилъ, установленныхъ на Макарьевскихъ соборахъ, можно еще указать и другое. Именно, со времени ихъ стали у насъ внимательнѣе и строже относиться къ канонизаціи святыхъ, о чемъ можно заключать уже потому, что высшая центральная власть всегда строго требовала приложенія установленныхъ соборами на этотъ предметъ правилъ и исполненія мельчайшихъ формальностей, вызываемыхъ приложеніемъ первыхъ.

Говоря о значеніи Макарьевскихъ соборовъ для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени нашей Церкви, мы, однако, не должны преувеличивать этого значенія. Собственно говоря, этимъ соборамъ принадлежитъ только болѣе точная формулировка и введеніе въ практику Церкви правилъ совершенія канонизаціи, а не выработка ихъ. Они не сдѣлали чего-нибудь новаго, прежде неизвѣстнаго, а только точнѣе формулировали и своимъ авторитетомъ санкціонировали то, что и прежде существовало, хотя и не въ такомъ опредѣ-

Для гонимых... Соборы... Макарий... 1554 году его мощей... тогда же соборъ опредѣ-

Г Л А В А IV.

Порядокъ и ходъ канонизаціи Русскихъ святыхъ съ половины XVI-го и до XVII вѣка включительно.

Приступая къ обзорѣню общаго хода и порядка канонизаціи нашихъ святыхъ послѣ Макарьевскихъ соборовъ и до XVII вѣка включительно, мы должны бы, прежде всего, представить исторію канонизаціи каждаго святаго отдѣльно и потомъ уже, на основаніи представленныхъ фактовъ, составить себѣ понятіе о томъ, какъ у насъ совершалась въ это время канонизація святыхъ. Но по нѣкоторымъ причинамъ мы отступаемъ отъ этого плана и избираемъ другой, болѣе короткій путь, по которому мы уже не будемъ излагать канонизацію каждаго святаго отдѣльно, а прямо представимъ только общій ходъ и порядокъ совершенія ея за это время. Безъ сомнѣнія, путь этотъ короче. Вся черновая работа по собиранію матеріала будетъ уже не видна читателю, которому представлены будутъ только одни выводы, — это одна причина. Другая причина заключается въ томъ, что самая канонизація святыхъ у насъ къ этому времени принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ. Ибо тѣ правила, которыя были установлены на Макарьевскихъ соборахъ, какъ мы уже говорили выше, вошли въ постоянную практику нашей Церкви послѣдующаго времени; вслѣдствіе чего каждый фактъ канонизаціи является въ своихъ существенныхъ чертахъ повтореніемъ прежняго.

Не излагая, поэтому, исторіи канонизаціи каждаго изъ святыхъ, канонизованныхъ нашею Церковію въ этотъ періодъ, мы сдѣлаемъ только краткій перечень ихъ съ указаніемъ времени ихъ канонизаціи. Въ этотъ періодъ, обнимающій собою время съ половины XVI и до XVIII вѣка, были канонизованы слѣдующіе святые. При митрополитѣ Макаріи: преп. Савва Крыпецкій, канонизація котораго была вызвана открытіемъ въ 1554 году его мощей¹⁾; тогда же соборъ опредѣ-

¹⁾ Митр. Макарія II. II. VIII, 46.

лили праздновать память его; житіе этого святаго, написанное по просьбѣ братіи Крыпецкаго монастыря Псковскимъ священникомъ Василиемъ, явилось въ слѣдующемъ 1555 году ²⁾; Никита, архіепископъ Новгородскій, канонизація котораго совершилась въ 1558 году, когда открыты были мощи его и когда составлено было житіе этого святаго. Впрочемъ, мысль объ открытіи мощей этого святителя явилась нѣсколько ранѣе 1558 года. Въ рукописной повѣсти объ обрѣтеніи мощей его рассказываетя, что еще въ 1547 году одному царедворцу, которому былъ порученъ надзоръ за церковными дѣлами въ Новгородской области, ночью предъ праздникомъ Пасхи въ соборной церкви послышался голосъ, повелѣвающій ему украсить покровомъ гробницу св. Никиты. Исполнивъ повелѣнное, онъ сохранилъ въ душѣ особенное благоговѣніе къ св. Никитѣ и, не переставая размышлять о значеніи бывшаго къ нему голоса, наконецъ убѣдился, что скоро должно ожидать прославленія мощей угодника Божія. Спустя нѣсколько лѣтъ царедворецъ рѣшился, выбравъ удобное время, продѣлать скважину въ каменной крышѣ гробницы и, пропустивъ туда зажженную свѣчу, увидѣлъ тѣло святителя Никиты совершенно цѣлымъ и не распавшимся въ составяхъ. Онъ донесъ объ этомъ владыкѣ Пимену, а владыка митрополиту и самодержцу, царю Ивану IV ³⁾. Эти свѣдѣнія дополняетъ вторая Новгородская лѣтопись, въ которой мы находимъ подъ 1558 годомъ слѣдующее извѣстіе: „въ лѣто 7066... сотворилъ Маркелль житіе Никитѣ, епископу Новгородскому и канунъ, да поѣхалъ Маркелль изъ Новгорода къ Москвѣ. Да того же лѣта мѣсяца априля въ 30 день обрѣтоша мощи епископа св. Никиты цѣлы и положиша ихъ въ новый ларець и проч.“ ⁴⁾. Сопоставляя извѣстія повѣсти объ обрѣтеніи мощей съ лѣтописью, можно думать, что когда, благодаря донесенію царедворца, явилась мысль объ открытіи мощей и прославленіи св. Никиты, тогда владыка Пименъ позаботился, прежде всего, о составленіи житія и канона ему (какъ необходимыхъ для его канонизаціи), которые, по его порученію, и были написаны бывшимъ игуменомъ Хутынскаго монастыря Маркелломъ въ 1558 году. Затѣмъ владыка послалъ его въ Москву за разрѣшеніемъ митрополита и государя открыть мощи св. Никиты. Это разрѣшеніе и было получено въ 1558 году, когда 30 Апрѣля были открыты его мощи, и тогда же, вѣроятно, установленъ былъ праздникъ

²⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 251.

³⁾ Рук. Тр. Сер. Лавры № 673, л. 371—74.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. 3, стр. 158.

въ честь св. Никиты. Этотъ выводъ о времени канонизаціи св. Никиты подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что имя его, не встрѣчавшееся доселѣ въ святцахъ и мѣсяцесловахъ, съ этого времени начинаетъ вноситься въ нихъ. Такъ, въ святцахъ XVII вѣка имя св. Никиты встрѣчается и подъ 31 Января — днемъ его кончины, и подъ 30 Апрѣля — днемъ обрѣтенія его мощей (См. Опис. рукоп. Синод. Библиотеки № 399, стр. 347, 375; св. 343, 344; святцы въ рукописи М. Д. Ак. №№ 203 и 201). Къ тому же 1558 году можно относить и канонизацію св. Нифонта, епископа Новгородскаго, жившаго въ XII вѣкѣ и скончавшагося въ 1156 году. Изъ житія этого святаго мы узнаемъ, что празднованіе ему установлено митрополитомъ Макаріемъ⁵⁾; но это указаніе настолько обще, что по нему одному нельзя точно опредѣлить годъ его канонизаціи. Для болѣе же точнаго опредѣленія времени канонизаціи этого святаго можетъ служить, по нашему мнѣнію, время составленія житія ему. Последнее явилось въ 1558 году⁶⁾ и было составлено священноинокомъ Варлаамомъ, по порученію митрополита Макарія⁷⁾. Сопоставляя теперь, съ одной стороны, извѣстіе житія св. Нифонта объ установленіи ему митрополитомъ Макаріемъ празднованія со временемъ появленія этого житія, съ другой стороны, принявъ во вниманіе тѣсную связь житій и праздниковъ между собою, въ силу которой первыя всегда почти являлись слѣдствіемъ послѣднихъ, можно думать съ болѣею вѣроятностью, что празднованіе св. Нифонту установлено было митрополитомъ Макаріемъ въ 1558 году. Съ конца этого же вѣка имя св. Нифонта начинаетъ встрѣчаться въ святцахъ и мѣсяцесловахъ нашей Церкви (Опис. рукоп. Моск. Синод. Библ. стр. 375; святцы при рукоп. М. Д. Ак. № 201 и 203).

Въ 1560 году были канонизованы тѣмъ же митрополитомъ Макаріемъ преп. Григорій и Кассіанъ, Авнежскіе чудотворцы. Свѣдѣнія о чудесахъ этихъ святыхъ, собранныя Варлаамомъ, игуменомъ Махрищскаго монастыря, были доставлены митрополиту Макарію. Последній для провѣрки этихъ свѣдѣній, а равно и для свидѣтельствованія мощей посылаетъ въ Авнежскій монастырь игумена Данилова монастыря Іоасафа. Когда доставлены были собранныя игуменомъ Варлаамомъ и провѣренныя игуменомъ Іоасафомъ свѣдѣнія митрополиту, то соборъ на основаніи ихъ установилъ мѣстно праздновать обоимъ

⁵⁾ Памят. Стар.-русс. литер. 4, 8—9.

⁶⁾ Обзоръ Дух. Литер. стр. 209.

⁷⁾ В. О. Ключевскій, Житія, стр. 252.

новоявленнымъ чудотворцамъ и повелѣлъ составить сказаніе о нихъ⁸⁾. При дѣятельномъ участіи тѣхъ же лицъ совершилась въ томъ же году и канонизація преп. Стефана Махрицкаго. Игумень Варлаамъ нашель въ кладовой своей обители краткія харатейныя записки о Стефанѣ современника его, прадѣда своего, священноинока Серапіона; припомнилъ, что слышалъ изъ устъ его о преподобномъ своими ушами во дни своей юности и, будучи самъ свидѣтелемъ чудесъ, совершавшихся у гроба преп. Стефана, написалъ, какъ могъ, сказаніе о немъ и представилъ царю и митрополиту. Они помыслили, что „не подобаесть оставити безъ написанія житіе и чудеса“ такого великаго и святаго мужа и велѣли написать житіе его „да на память его прочитается“, чѣмъ уже предполагается установленіе празднованія памяти этого святаго. Это новое житіе и было составлено, по повелѣнію митрополита, вышеупомянутымъ Іоасафомъ, игуменомъ Данилова монастыря⁹⁾. Тѣмъ же Іоасафомъ составлена и служба этому святому¹⁰⁾.

При митрополитѣ Антоніи были канонизованы: преп. Антоній Сійскій, преп. Евфросинія Суздальская и преп. Александръ Ошевенскій. Первый былъ канонизованъ въ 1578 году. Въ этомъ году игумень Сійскаго монастыря Питиримъ съ ученикомъ преп. Антонія Филоеємъ поѣхали въ Москву просить царя и митрополита объ установленіи празднованія святому. вмѣстѣ съ тѣмъ игумень съ другимъ Антоніевымъ ученикомъ, Новгородскимъ архіепіскопомъ Александромъ, упросилъ царевича Іоанна (сына Грознаго) написать житіе Антонія съ похвальнымъ словомъ и службой. „Митрополитъ же, читаемъ въ надписаніи службы, составленной царевичемъ, по повелѣнію царя и великаго князя и по соборномъ изложеніи, уложи праздновати преподобному отцу Антонію¹¹⁾.—Точно годъ канонизаціи преп. Евфросинія Суздальской неизвѣстенъ. Въ житіи ея, написанномъ Вар-

⁸⁾ Митр. Макарій, Ц. Исторія т. VIII, 46. Повелѣніе собора относительно этого сказанія исполнилъ Іоасафъ (Ключевскій, Жит. 279; см. Оп. рук. Тр.-Сер. Лавры № 635, гдѣ сказаніе это имѣетъ такое надписаніе: „списано бысть ермономъ Іоасафомъ, игуменомъ обители Данилова монастыря). Можно думать, что тѣмъ же Іоасафомъ составлена и служба имъ (см. Опис. рук. Тр.-Сер. Лавры №№ 624 и 483, гдѣ въ надписаніи стѣитъ имя Іоасафа).

⁹⁾ Митр. Макарій, Ц. И. т. VII, 452; см. Опис. рук. Тр.-Сер. Лавры № 637, гдѣ въ надписаніи житія говорится: „составлено (л. 68) по волѣ митр. Макарія Іоасафомъ, игуменомъ Данилова монастыря“.

¹⁰⁾ Обз. Дух. Литер. стр. 211.

¹¹⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Россійск., т. IX, прим. 612.

лааомъ, епископомъ Суздальскимъ, говорится только вообще, что еп. Варлаамъ, видя чудеса, совершавшіяся у гроба преподобной, отправляется въ Москву и передаетъ царю объ этихъ чудесахъ, а вмѣстѣ представляетъ ему и написанное имъ житіе этой святой. Царь, прочтя житіе, возвеселился духомъ и повелѣлъ митр. Антонію собрать „весь освященный соборъ“, на которомъ прочтены были „стихеры и канонъ, житія и чудеса“ и повелѣно праздновать память ея мѣсяца Сентября въ 25 день ¹²⁾. Празднованіе имѣло только мѣстный характеръ. Ко времени же митрополита Антонія относится и канонизація преп. Александра Ошевенскаго, какъ объ этомъ можно судить по времени написанія житія этого святаго. Изъ житія его мы узнаемъ, что оно „списано бысть ермонахомъ Θεодосіемъ, повелѣніемъ благовѣрнаго царя и в. князя Ивана Васильевича, по благословенію митрополита Антонія“ ¹³⁾. Точно годъ написанія житія и совершенія канонизаціи этого святаго неизвѣстенъ ¹⁴⁾. Тѣмъ же іеромонахомъ Θεодосіемъ написана, по мнѣнію преосвщ. Филарета, и служба преп. Александру ¹⁵⁾.

При митрополитѣ Діонисіи (1581—1586) былъ канонизованъ преп. Ефремъ Новоторжскій, которымъ ему и было установлено мѣстное празднованіе ¹⁶⁾. Годъ канонизаціи неизвѣстенъ. Ко времени этого же митрополита относятъ и канонизацію преп. Геннадія Костромскаго, въ житіи котораго, написанномъ игуменомъ обители Геннадія Алексѣемъ, послѣдній проситъ братію монастыря, чтобы трудъ его, — житіе и служба св. Геннадію, — былъ отвезенъ на просмотръ къ царю Θεодору Іоанновичу и митрополиту Діонисію ¹⁷⁾. Но ни откуда не видно, чтобы просьба Алексѣя была исполнена, и чтобы тогда же митр. Діонисіемъ установленъ былъ праздникъ преп. Геннадію. Поэтому намъ кажется, что гораздо больше основаній относить время канонизаціи этого святаго къ 1646 году, когда 19 Августа обрѣтены

¹²⁾ Рук. Тр. Серг. Лавры № 664, л. 446.

¹³⁾ Опис. рукоп. б-ки Хлудова—сост. А. Н. Поповымъ, стр. 428.

¹⁴⁾ Впрочемъ, въ рукоп. Син. Б-ки № 413, л. 130, указывается годъ написанія житія преп. Александра. Именно, тамъ говорится, что оно, списано въ лѣто 7075 (1567). Но этотъ годъ не совпадаетъ со временемъ митрополитства Антонія, который былъ на каведрѣ съ 1577—1580 г.; отсюда и это указаніе житія на время его составленія нужно признать не вѣрнымъ.

¹⁵⁾ Филаретъ, арх. Обоз. Дух. Литер. стр. 223.

¹⁶⁾ Сергій, Агіологія 1, 194; Барсуковъ, Источники Агіографіи, 195.

¹⁷⁾ Ключевскій, Житія, 303.

были нетлѣнные мощи его, и когда съ благословенія патриарха Иосифа положено ежегодно праздновать день обрѣтенія мощей Геннадія ¹⁸⁾.

Во время патриаршества Юва (1589—1605) были канонизованы слѣдующіе святые: Василій Блаженный, юродивый Московскій, которому въ 1588 году, по повелѣнію царя Θεодора Иоанновича, установлено было празднованіе памяти ¹⁹⁾; преп. Иосифъ Санинъ или Волоцкій, которому 1-го Іюля 1591 года постановлено было на соборѣ праздновать повсемѣстно 9-е Сентября, при чемъ была свидѣтельствована и исправлена служба ему ²⁰⁾; Гурій и Варсонофій, Казанскіе чудотворцы, которымъ въ 1595 году, при открытіи мощей ихъ, установлено было праздновать этотъ день обрѣтенія ²¹⁾; преп. Антоній Римлянинъ, поводомъ къ канонизаціи котораго послужило обрѣтеніе мощей его въ 1597 году; тогда же, какъ говорится въ житіи его, поста-

¹⁸⁾ Историч. Словарь о русск. святыхъ, 63.

¹⁹⁾ Никон. Лѣт. т. VIII, 11.

²⁰⁾ Рук. сборникъ М. Д. Ак. № 381, л. 1—2. Мѣстное почитаніе преп. Иосифа Волоцкаго началось съ 1579 года, когда митр. Антоніемъ съ соборомъ Русскихъ іерарховъ узаконено было „праздновати и пѣти въ обители преч. Богородицы начальнику св. обители сея преп. отцу нашему игумену Иосифу отъ нынѣшняго лѣта 7087, доколѣ и монастырь Пречистыя стоитъ“ (Опис. рук. Синод. Б-ки III, 1, 394). Въ другой рукописи, между прочимъ, указывается и причина, почему въ это время преп. Иосифу было установлено только мѣстное празднованіе: „а впредь, читаемъ мы здѣсь, Господь Богъ и Преч. Богородица прославить угодника своего великаго чудотворца Иосифа чудесы, и тогда пѣти и праздновати по всеѣмъ святымъ мѣстамъ и по соборнымъ церквамъ“ (Древнехранил. Погодина № 1563, л. 39). — Житіе преп. Иосифа почти въ одно время появилось въ 3-хъ редакціяхъ, именно: а) надгробное слово, написанное учениковъ и сродникомъ Иосифа Досиеемъ Топорковымъ; б) житіе Иосифа, написанное Саввою Чернымъ, епископомъ Крутицкимъ, по благословенію митрополита Макарія, въ 1546 году и в) житіе, написанное неизвѣстнымъ, явившееся не позднѣе 1540 года. Служба преп. Иосифу, какъ можно заключать изъ того, что она была исправлена патриархомъ Ювомъ на соборѣ 1591 года, написана была ранѣе его всеобщей канонизаціи. И мы дѣйствительно встрѣчаемъ извѣстіе, что Фотій, ученикъ Кассіана Босого, написалъ канонъ преп. Иосифу и представилъ его на разсмотрѣніе митрополита Макарія, прося его разрѣшенія молитвовать по нему въ келліи.

²¹⁾ Свидѣтельствованіе мощей св. Гурія и Варсонофія поручено было царемъ Θεодоромъ Иоанновичемъ Гермогену, митрополиту Казанскому. Имъ же составлено было и житіе этихъ святыхъ. Житіе это напечатано въ сборникѣ древностей Казанской епархіи Любарскаго, стр. 1—32.

новлено „по повелѣнію царя Ѳедора Ивановича и благословенію патріарха въ обители преп. и богоноснаго отца нашего Антонія и въ соборной церкви Премудрости Божіей Софїи и по монастыремъ и храмамъ великаго Новгорода праздновати преп. Антонію“²²⁾; препод. Корнилій Комельскій, которому соборъ 1600 года, разсмотрѣвъ житіе его съ стихирами и канономъ и нашедши, что оно составлено „по образу и по подобію, якоже и прочимъ святымъ“, опредѣлили праздновать во всей Русской Церкви²³⁾; и, наконецъ, св. благовѣрный князь Романъ Углицкій, поводомъ къ канонизаціи котораго послужили чудеса, которыя стали совершаться отъ раки этого святаго съ 3-го Февраля 1605 года, какъ говорится въ описаніи чудесъ его²⁴⁾. Объ этихъ чудесахъ донесено было патр. Іову, который и поручилъ вновь какъ освидѣтельствовать мощи этого святаго, такъ провѣрить и чудеса митрополиту Казанскому Гермогену²⁵⁾. Послѣ этого и было установлено мѣстное празднованіе св. кн. Роману Углицкому 3-го Февраля 1605 года. Въ это же время, не позднѣе 10-го Іюня 1605 года, когда патріархъ Іовъ долженъ былъ оставить патріаршій престоль, должны были явиться житіе и служба этому святому, такъ какъ въ написаннѣи житія мы читаемъ, что „повѣсть, стихиры и канонъ сотворены по благословенію великаго св. киръ Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи, труды и тщаніемъ Симеона Олферьева, да инока Сергіа честнаго обители Пресв. Троицы Данилова монастыря Переяславля Залѣскаго“²⁶⁾.

²²⁾ Рук. М. Д. Ак. № 96, л. 231—34.

²³⁾ Житіе преп. Корнилія Комельскаго, какъ видно изъ написанія его, написано „въ лѣто 7097 (1589) Мая въ 20 день, при державѣ государя благовѣрнаго царя Ѳедора Ивановича, въ лѣто шестое царства его и при св. патріархѣ Іовѣ, по благословенію отца нашего игумена Лаврентія, рукою многогрѣшнаго и послѣдняго въ иноцѣхъ Наванайла Корниліевскаго (Опис. рук. Тр. Сер. Лавры № 676, л. 509). Этимъ опровергается мнѣніе преосв. Филарета, который говоритъ, что житіе этого святаго написано было однимъ изъ учениковъ его вскорѣ послѣ его кончины, около 1560 года (Обз. Дух. Литер. стр. 213).

²⁴⁾ В. О. Ключевскій, Житія, стр. 316, примѣч. 2.

²⁵⁾ Ibid.

²⁶⁾ Опис. рук. Тр.-Серг. Лавры № 628, л. 88. Преосв. Макарій канонизацію св. Романа Углицкаго относить къ 1595 году (Церк. Исторія X, 65), основываясь, очевидно, на Никоновской лѣтописи (VIII, 32—33) и лѣтописи о мятежахъ (43), въ которыхъ говорится объ обрѣтеніи въ этомъ году мощей его. Между тѣмъ, говоритъ В. О. Ключевскій, извѣстіе этихъ лѣтописей не точно: по житію Памсія Углицкаго, мощи обрѣтены спустя немного лѣтъ по освященіи

Въ 1606 году былъ канонизованъ св. благовѣрный Димитрій Угличскій. Поводомъ къ его канонизаціи послужило обрѣтеніе и перенесеніе мощей его въ Москву. Царь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, по вступленіи своемъ на престоль, на соборѣ святителей, сказавъ о томъ, что тѣло невинно убитаго царевича, погребеннаго въ Угличѣ, „много исцѣленія подаетъ всякимъ одержимымъ различною болѣзнію, и явно къ болящимъ приходя себя оказываетъ, и многіе про его чудеса свидѣтельствуютъ и на соборѣ намъ про то извѣщали“, предложилъ имъ перенести мощи царевича въ Москву. На соборѣ согласились съ этимъ предложеніемъ и для выполненія его послали въ Угличъ „по мощи царевича Ростовскаго митрополита Филарета, да Астороханскаго епископа Θεодосья, да Спасскаго архимандрита Сергія, да Ондроньевскаго архим. Аврамья, да бояръ князя Ивана Михайловича Воратынскаго, да Петра Никитича Шереметьева, да Григорія Ѳедоровича да Овдрея Александровича Нагихъ“. Посланные въ Угличъ извѣщали отъ 28-го Мая, что они подняли и разсматривали мощи царевича Димитрія и нашли ихъ цѣлыми и неповрежденными, кромѣ немногихъ мѣсть, и что у гроба царевича какъ въ прежніе годы, такъ и въ нынѣшній совершались чудесныя исцѣленія разныхъ болѣзней, о чемъ исцѣлившіеся и представили письменныя свидѣтельства; а къ 31 Іюня мощи принесены были уже къ Москвѣ, гдѣ ихъ встрѣтили торжественно царь и царица, инокиня Марѳа, съ митрополитами, архіепископами и епископами и безчисленнымъ множествомъ народа. Послѣ этого онѣ были поставлены въ Архангельскомъ соборѣ. А такъ какъ при мощахъ царевича продолжали совершаться чудеса, то святители постановили признать его новоявленнымъ угодникомъ Божиимъ и учредить ему праздникъ въ день его рожденія, кончины и перенесенія мощей ²⁷⁾.

При патриархѣ Филаретѣ были канонизованы: преп. Макарій Унженскій и Желтоводскій и Авраамій Галицкій. Поводомъ къ кано-

ни церкви въ монастырѣ Паисія въ 1482 году и за 120 слишкомъ лѣтъ до разоренія Углича Литвой, слѣдовательно, около 1485 года (Блючевскій, Житія, стр. 316). Отсюда, значитъ, и поводомъ къ канонизаціи этого святаго послужило не открытіе мощей, какъ думаетъ преосв. Макарій, а тѣ чудеса, которыя стали совершаться отъ нихъ. При этомъ послѣднія стали совершаться не въ 1595 году, какъ можно было бы думать на основаніи Никоновской лѣтописи и лѣтописи о мятежахъ, а въ 1605 году, какъ говорится въ описаніи чудесъ его.

²⁷⁾ Рукопись Филарета, 6—10; Собраніе Госуд. грам. П, № 147; А. Э. № 48, 110—111; Дополн. къ Акт. Истор. 1, № 151, 261.

низации первого послужили чудеса, совершавшіяся отъ раки преподобнаго. Для свидѣтельствванія ихъ патр. Филаретъ послалъ комиссію, которая вполне подтвердила достовѣрность этихъ чудесъ. Послѣ этого въ 1619 году и было установлено соборомъ празднованіе этому святому ²⁸). Въ 1621 году по такому же точно поводу и такимъ же образомъ совершилась канонизація преп. Авраамія Галицкаго и Чухломскаго, которому соборъ въ этомъ году, на основаніи акта, составленнаго посланною для провѣрки совершившихся отъ раки этого святаго чудесъ комиссіей и засвидѣтельствовавшего достовѣрность ихъ, установилъ и опредѣлилъ праздновать день кончины его 20 Іюля, и совершать службу по церковному чиноположенію ²⁹). Ко времени этого же патріарха относится и канонизація Варлаама Важескаго, Іоанна и Логгина, Яренгскихъ чудотворцевъ. Канонизація преп. Варлаама Важескаго совершилась въ 1630 г., когда Новгородскимъ митрополитомъ Кипріаномъ свидѣльствованы мощи преподобнаго; тогда же сдѣлано было распоряженіе и о празднованіи памяти его (19 Іюня), и въ его имя построень былъ придѣльный храмъ ³⁰). Житіе преп. Варлаама, написанное инокомъ Сійскаго монастыря Іоною, явилось въ 1589 году ³¹). Преп. Іоаннъ и Логгинъ, Яренгскіе чудотворцы, были канонизованы при патріархѣ Филаретѣ, хотя точно годъ канонизаціи ихъ и неизвѣстенъ. Въ 1624 году инокъ Ілія Тѣловъ донесъ патр. Филарету о чудесахъ, совершавшихся при мощахъ праведниковъ. Вслѣдствіе сего Новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ предписано было произвести на мѣстѣ точное изслѣдованіе о чудесахъ св. Іоанна и Логгина. Разысканіе оправдало донесеніе инока Іліи ³²). Послѣ этого, вѣроятно, и было имъ установлено празднованіе.

При патріархѣ Іосифѣ были канонизованы: св. благовѣрный князь Георгій Всеволодовичъ, мощи котораго были открыты въ 1645 году, и тогда же было установлено празднованіе памяти его ³³); преп. Кириллъ Новоезерскій, поводомъ къ канонизаціи котораго послужило открытіе въ 1648 году мощей его; при чемъ для свидѣтельствванія

²⁸) Письма Русск. Госуд. 1, №№ 18 и 19; см. митр. Макарія Ц. II, XI, 62.

²⁹) Ц. II, митр. Макарія XI т., 63.

³⁰) Прав. Обзор. 1887 г. Іюль; въ приложеніи помѣщено житіе этого святаго, взятое изъ рук. Тр. Серг. Лавры № 677.

³¹) Ibid. стр. 45—46.

³²) Опис. рук. Каз. Дух. Ак. ч. II, стр. 282—83; Яхонтовъ, Житія съверно-русск. подвижниковъ, 159—60.

³³) Ц. II, митр. Макарія XI, стр. 116.

ихъ посланъ былъ Вологодскій архіепископъ Маркеллъ. Послѣ этого, вѣроятно, и установлено было празднованіе ему во всей Русской Церкви ³⁴). Въ 1652 году были причтены къ лику святыхъ св. Филиппъ II, митрополитъ Московскій, и преп. Даніиль Переяславскій. Мѣстное празднованіе св. Филиппу, по мнѣнію преосв. Макарія, было установлено еще въ 1591 году, когда мощи этого святаго съ дозволенія государя и благословенія патріарха Іова перенесены были изъ Тверскаго Отроча монастыря въ Соловецкій ³⁵). Но всеобщее празднованіе было установлено ему уже въ половинѣ XVII столѣтія, именно въ 1652 году, когда мощи его митрополитомъ Новгородскимъ Никонномъ перенесены были изъ Соловецкой обители въ Москву ³⁶). Въ святцахъ рукописныхъ XVII вѣка подъ 23 Декабря мы читаемъ: „иже во святыхъ отца нашего Филиппа, митр. Московскаго“ и далѣе: „изложено празднество ему 7160“ (—1652) ³⁷). Мѣстное почитаніе преп. Даніила Переяславскаго началось очень рано. Уже чрезъ 13 лѣтъ послѣ смерти его, по повелѣнію царя Ивана Васильевича и митроп. Макарія, составляется житіе его ³⁸); точно также до канонизаціи его явилась и служба ему, что можно видѣть изъ отписки патр. Никону комиссіи, свидѣтельствовавшей мощи этого святаго, гдѣ прямо говорится, что „образъ чудотворцовъ написанъ изстари, ик анонъ и тропарь и житіе и стихеры“ ³⁹). Но формальная канонизація преп. Даніила совершилась уже при открытіи мощей его въ 1652 году ⁴⁰). Ко времени

³⁴) Ibid. 117. Въ рукописномъ житіи этого святаго мы находимъ извѣстіе что свидѣтельствованіе чудесъ, совершавшихся отъ гроба его, было еще при патр. Филаретѣ. Именно въ 1628 году случилось нѣсколько чудесъ отъ гроба преп. Кирилла, о которыхъ и было донесено государю и патріарху. Послѣдній поручилъ Варлааму, митр. Ростовскому, свидѣтельствовать эти чудеса. Митрополитъ съ этою цѣлію послалъ комиссію, состоящую изъ игуменовъ Филиппа и Никона. „Во свидѣтельствѣ же, доносить послѣдняя митрополиту, быша вси граждане и бѣлоозерскаго уѣзда власти; и протоиерей и священники и всякихъ чиновъ люди. Единогласно о сихъ Божіихъ чудесахъ великаго чудотворца Кирилла и о семь явленіи отъ мала же и до велика свидѣествоваша и писаніи утвердиша, и не токмо та бывшая чудеса видѣвша и истинно сказаша, но и мнози инии чудеса повѣдаша“.

³⁵) Макарій, митр. Ц. И. X, 66.

³⁶) А. 9, IV, № 329.

³⁷) Рук. М. Д. Ак. № 201, л. 308.

³⁸) Блючевскій, Житія, 282.

³⁹) Ак. 9, IV, № 330.

⁴⁰) Ibid.

этого же патриарха нужно относить и канонизацию св. Артемия Веркольскаго, поводомъ къ которой послужили чудеса, совершавшіяся отъ мощей его. Объ этихъ чудесахъ донесено было митрополиту Новгородскому Киприану, который „въ 147 (1639) году послалъ изъ Великаго Новагорода свидѣтельствовать и тутошними окольными игумены, и попы и дьяконы“. Составленная роспись исцѣленіямъ была доставлена митрополиту, который „послѣ свидѣтельства“ на другой годъ прислалъ „сотворенное празднество св. праведному Артемію полный праздникъ: стихиры, и славники и литѣю, и стиховну, и тропарь, и кондакъ, и сѣдалны, и богородичны, и канонъ и икосъ, и свѣтиленъ и хвалитны и распѣвъ подъ знаменемъ.“ 13-го Февраля 7153 (1645 г.), по благословенію патр. Іосифа и Новгородскаго митрополита Афеонія освящена была церковь во имя св. Артемія ⁴¹⁾.

Въ 1667 году былъ канонизованъ преп. Ниль Столбенскій. Въ этомъ году въ Ниловой пустыни стали строить храмъ, и при копаніи рововъ для него были обрѣтены мощи преп. Нила. Объ этомъ донесено было мѣстному владыкѣ Питириму, митр. Новгородскому. Последній, конечно, съ разрѣшенія государя и патриарха установилъ „обрѣтеніе мощей преп. Нила чудотворца праздновати мая въ 27 день по вся годы не преложно“ ⁴²⁾.

Въ 1686 году былъ канонизованъ преп. Никандръ Псковскій. Поводомъ къ его канонизации послужило открытіе его мощей, для свидѣтельствванія которыхъ была послана особая комиссія. Лица, производившія это свидѣтельствованіе, „сложивше службу и описавше житіе и чудеса“ преподобнаго, препроводили все это въ Москву. Патр. Іоакимъ съ архіереями, случившимися въ Москвѣ, составивъ соборъ, постановилъ праздновать преп. Никандру ⁴³⁾. Въ 1690 году совершилась мѣстная канонизация преп. Германа Соловецкаго, что видно изъ грамоты Холмогорскаго архіепископа Аѳанасія о разрѣшеніи праздновать въ Соловецкой обители память этого святаго ⁴⁴⁾.

Въ 1702 году произошла канонизация св. благовѣрнаго князя Глѣба Андреевича († 1175), сына Андрея Боголюбскаго. Поводомъ къ ней послужило открытіе мощей его. Въ томъ же году была написана служба этому святому и въ честь его устроенъ въ соборѣ придѣлъ ⁴⁵⁾.

⁴¹⁾ Рук. Сбор. Древнехранил. Погодина № 1554, л. 53.

⁴²⁾ Ак. Э. IV, № 156, 207—8.

⁴³⁾ Ключевскій, Житія, 331, 392—3.

⁴⁴⁾ Опис. рукоп. Баз. Дух. Ак. ч. II, стр. 281.

⁴⁵⁾ Барсуковъ, Источники русск. агиографіи, стр. 135.

Изъ представленнаго краткаго перечня канонизованныхъ у насъ въ это время святыхъ мы видимъ, что всѣ они безъ исключенія были канонизованы высшею центральною властью Русской Церкви, митрополитомъ или патриархомъ съ соборомъ епископовъ. Даже разрѣшеніе праздновать преп. Іосифу Волоцкому въ обители Пречистыя, данное въ 1579 году, исходитъ отъ митрополита съ соборомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право установить тотъ несомнѣнный фактъ, что право канонизаціи нашихъ святыхъ въ этотъ періодъ исключительно стало принадлежать высшей центральной власти Церкви.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ обзорѣ самой формы совершенія канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ.

Обыкновенно, какъ скоро начиналось дѣло о прославленіи того или другого святаго, то послѣ предварительныхъ формальностей, которыя, какъ увидимъ ниже, принимаютъ къ этому времени очень сложный характеръ, соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, а потомъ съ 1589 года патриарха, устанавливалъ праздники въ честь его. Установленіе послѣдняго дѣлало необходимымъ составленіе службы и житія ему, чтобы онѣ могли читаться и пѣться на богослуженіи дня, посвященнаго памяти святаго.

Въ установленіи праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ, въ это время учрежденныхъ, принимала довольно замѣтное участіе и высшая гражданская власть въ лицѣ государя. Впрочемъ, главное участіе принадлежало митрополиту или патриарху съ соборомъ епископовъ; на долю же государя оставалось только дать свое согласіе или повелѣніе. Отсюда, этимъ двойнымъ участіемъ опредѣляется и формула установленія этихъ праздниковъ, о которой мы можемъ судить по сохранившимся до нашего времени соборнымъ актамъ. Такою именно формулою можетъ служить актъ объ установленіи мѣстнаго празднованія преп. Іосифу Волоцкому. Какъ образецъ подобнаго рода актовъ мы и приводимъ его здѣсь: „Въ лѣто 7080, мѣсяца декабря, повелѣніемъ самодержца государя нашего богомудраго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и еже тогда святѣйшаго вселенскаго собора преосвященныхъ архіепископовъ, ...епископовъ, ...и архимандритовъ, и игуменовъ, и архіереевъ, и ереевъ, и діаконовъ, и всего священническаго и иноческаго чина соборнаго, апостольскія Церкви Рускія митрополія, всего св. собора благословеніемъ и уставомъ уложили праздновати и пѣти“ и проч. ⁴⁶⁾.

⁴⁶⁾ Описан. рукоп. Снп. Б-ки III, 1, 394.

Установленіе праздника святому дѣлало необходимымъ составленіе службы и житія его. Отсюда служба и житіе являлись необходимымъ слѣдствіемъ установленія празднованія святому. Впрочемъ, иногда служба и житіе являлись ранѣе церковнаго прославленія святого, предупреждая послѣднее. Въ этомъ случаѣ нужно обращать вниманіе на то, откуда выходила инициатива прославленія угодника: если она исходила отъ высшей центральной власти, то тогда служба и житіе всегда являлись вмѣстѣ съ установленіемъ праздника святому, т. е. при его канонизаціи. Такъ, служба и житія святыхъ: Саввы Крыпецкаго, Василія Блаженнаго, Гурія и Варсонофія Казанскихъ, препод. Евфросиніи Суздальской, св. кн. Романа Углицкаго и др. явились уже какъ слѣдствіе канонизаціи и написаны по порученію высшей духовной власти. Если же инициатива прославленія святого выходила снизу, т. е. отъ игумена и братіи того монастыря, гдѣ жилъ и подвижался святой, то, въ такомъ случаѣ, всегда почти служба и житіе предупреждали канонизацію его. Такъ, Питиримъ, игумень Сійскаго монастыря, явившись хлопотать въ Москву о прославленіи Антонія, привезъ съ собою готовое уже житіе этого святого, написанное въ 1577 году инокомъ Іоною⁴⁷⁾. Чудеса Корнилія Комельскаго подали поводъ игумену монастыря въ 1589 году благословить одного изъ братій на составленіе службы и житія святого, которыя потомъ были представлены патріарху съ соборомъ⁴⁸⁾. Наконецъ, иногда случалось, что дѣло прославленія того или другого святого, начатое снизу, вызывало со стороны епархіальной или центральной церковной власти порученіе написать житіе и службу. Если монастырь того святого, о которомъ шло дѣло, былъ скуденъ книжными людьми, то это порученіе падало на посторонняго писателя, вовсе не принадлежащаго къ тому монастырю; иногда оно входило въ число задачъ духовной комиссіи, назначавшейся для повѣрки чудесъ, свидѣтельствванія мощей. Такимъ именно образомъ явились житія—Стефана Махрищскаго, Григорія и Кассіана Авнежскихъ. Но какъ бы то ни было, являлось ли житіе и служба святого до или непосредственно послѣ канонизаціи, они составляли необходимое условіе совершенія послѣдней. Что дѣйствительно это было такъ, на это прямо указываетъ епископъ Варлаамъ, который въ описаніи чудесъ Евфросиніи Суздальской, объясняя, что подобаетъ святымъ, ясно говоритъ: „стихиры, канонъ и житіе“⁴⁹⁾.

⁴⁷⁾ Барамзинъ, Ист. Госуд. Россійск., т. IX, прим. 612.

⁴⁸⁾ Ак. Эв. II, № 222.

⁴⁹⁾ Рукоп. Тр. Серг. Лавры № 664, л. 445.

Что же касается внесенія именъ святыхъ въ святцы или мѣсяцесловы, что въ настоящее время практикуется при канонизаціи святыхъ, то относительно этого весьма трудно высказать опредѣленное и положительное мнѣніе. Встрѣчая акты соборные объ установленіи праздниковъ въ честь святыхъ, мы, однако, ни разу не находимъ соборнаго опредѣленія о внесеніи ихъ именъ въ святцы или мѣсяцесловы того времени. Основываясь на этомъ, можемъ думать, что имена святыхъ, если не во весь періодъ, то, по крайней мѣрѣ, очень долгое время его и не вносились въ наши мѣсяцесловы. Такой выводъ, по видимому, подтверждается и тѣмъ наблюденіемъ, какое можно сдѣлать надъ святцами и мѣсяцесловами этого времени. Присматриваясь къ послѣднимъ, вообще надобно замѣтить, говоритъ преосв. Макарій, что внесеніе Русскихъ святыхъ въ церковныя книги и мѣсяцесловы не было подчинено какому-либо правилу⁵⁰⁾. Мы видимъ въ нихъ не только святыхъ, которыхъ прославляла вся Русская Церковь или извѣстная только область, т. е. общихъ и мѣстныхъ, но и такихъ, которые никогда не были канонизованы въ собственномъ смыслѣ, а только мѣстно благоговѣнно чтились, напр., митрополиты Московскіе: Геронтій, Симонъ, Филиппъ; архіепископы Новгородскіе: Аркадій и др.; князья Московскіе: Дмитрій Ивановичъ Донской, Василій Ивановичъ и Федоръ Ивановичъ и др.⁵¹⁾.

Съ другой стороны, въ этотъ періодъ мы замѣчаемъ большую полноту святцевъ сравнительно съ прежними. До Макарьевскихъ соборовъ въ святцахъ мы часто не находимъ именъ святыхъ, о которыхъ положительно извѣстно, что они формально причтены были къ лику святыхъ. Въ настоящее же время мы встрѣчаемъ уже обратное явленіе: вносятся въ нихъ не только святые послѣ своей канонизаціи, но даже до нея, вслѣдствіе чего святцы принимаютъ теперь очень большіе размѣры. Такъ, изъ XVII столѣтія до насъ дошли особые перечни исключительно Русскихъ святыхъ съ небольшимъ только количествомъ южнославянскихъ. Къ такой категоріи относятся рукописи Московской Духовной Академіи №№ 209 и 201. Первая — такъ называемая книга глаголемая описаніе россійскихъ святыхъ — содержитъ въ себѣ святыхъ, которые распределены группами по мѣстностямъ, гдѣ они жили и подвизались; вторая — „выписки изъ святцевъ по мѣсячно“ относится ко второй половинѣ XVII вѣка; она памятными еще богаче, чѣмъ первая, и составлена въ Троицкой Лав-

⁵⁰⁾ Макарій митр., Ц. П. 8, 42.

⁵¹⁾ См. Святцы въ рук. М. Д. А. №№ 201 и 203. А. П. И. № 179.

рѣ⁵²⁾. Эти перечни святыхъ, совпадая съ началомъ патриаршества, какъ нельзя болѣе соответствовали по своему направленію эпохѣ наибольшаго развитія церковной власти на Руси и сознанія церковной самостоятельности. Въ этомъ духѣ составлено послѣсловіе къ этимъ святымъ, въ которомъ проводится мысль, что православіе на Востокѣ пало и Византія должна уступить церковное первенство Россіи, что здѣсь сосредоточились послѣ магометанскаго погрома важнѣйшія святыни христіанства, и притязанія Грековъ на свои старинныя преимущества потеряли всякую силу. На Руси, по волѣ Божіей, явился рядъ столь же великихъ святыхъ, какъ и Греческіе, число ихъ такъ велико, что „не тоьмо изчислити, но и умомъ челоувѣческимъ не возможно постигнути, колико во святѣй Россіи угодниковъ Божіихъ просіяше къ славѣ и похвалѣ Божіей“. Если бы всѣ эти памяти собрать и расположить по днямъ мѣсяца, „возможно было бы, говоря словами нашего памятника, во весь годъ Русскимъ святымъ, праздникомъ Спасовымъ и Богородичнымъ и святымъ чудотворцемъ праздновати“⁵³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что эта идея и побуждала составителей нашихъ святцевъ вносить въ нихъ какъ можно болѣе святыхъ. Но эта же полнота святцевъ можетъ служить свидѣтельствомъ, что они стояли внѣ надзора высшей церковной власти, будучи предоставлены произволу переписчиковъ или тѣхъ лицъ, по порученію которыхъ они писались. Присутствіе въ нихъ именъ, которыя мы выше указали, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ нашу послѣднюю мысль.

Болѣе строгое и болѣе внимательное отношеніе нашей высшей духовной власти къ святымъ мы замѣчаемъ уже въ концѣ этого періода. Съ этого времени внесеніе имени того или другого святаго въ святцы стало не иначе возможно, какъ только съ согласія и утвержденія высшей центральной власти Церкви. Такое болѣе внимательное и строгое отношеніе нашей духовной власти къ святымъ отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время у насъ стали печататься богослужебныя книги, а съ ними и святцы. Очевидно, что внесеніе именъ въ печатные святцы не могло теперь уже зависѣть отъ произвола переписчиковъ, а исключительно отъ высшей власти Церкви, съ утвержденія которой они печатались. И дѣйствительно, въ печатныхъ святцахъ, явившихся въ XVII вѣкѣ, мы не

⁵²⁾ Сергій арх., Агиологія 1, 30.

⁵³⁾ Рук. М. Д. А. № 201, л. 338—340.

встрѣчаемъ уже именъ угодниковъ, формально не причисленныхъ Церковію къ лику святыхъ. Съ другой стороны, встрѣчаемъ въ это время факты критическаго отношенія къ нѣкоторымъ святымъ, имена которыхъ уже издавна вносились въ святцы; слѣдствіемъ такого критическаго отношенія къ нашимъ святымъ было то, что нѣкоторые святые, имена которыхъ прежде были въ святцахъ, теперь уже перестали вноситься въ нихъ. Такъ, въ концѣ XVII вѣка, при патр. Іоакимѣ и въ послѣдующее время не стали вноситься въ печатные святцы: Теодоръ, архіеп. Ростовскій 28 Ноября, преп. Андроникъ Московскій 13 Іюня, преп. Александръ Ошевенскій 20 Апрѣля, Никодимъ Кожеезерскій 31 Іюля⁵⁴⁾. Нужно думать, что приблизительно съ этого времени внесеніе имени святаго въ святцы и стало одною изъ формъ, въ которыхъ и до настоящаго времени выражается канонизація святыхъ въ нашей Церкви.

Условія, необходимыя для совершенія канонизаціи, были въ это время тѣ же самыя, чтò и прежде, именно: житія, каноны и чудеса. Отсюда и правила, которыми наша Церковь руководилась въ этотъ періодъ при совершеніи ея, въ общемъ были тѣ же самыя, какія мы встрѣчали ранѣе на соборахъ 1547 и 1549 годовъ. Какъ тамъ во главѣ этихъ правилъ лежалъ „обыскъ о новыхъ чудотворцехъ“, такъ точно такой же обыскъ, какъ можно видѣть уже изъ представленнаго нами выше краткаго перечня святыхъ, канонизованныхъ въ этотъ періодъ, предшествуетъ канонизаціи каждаго святаго и теперь. И какъ прежде цѣль и значеніе этого обыска заключались въ собраніи агіо-біографическаго матеріала о святомъ и провѣрки его; такъ точно эта цѣль и это значеніе сохраняются за нимъ и теперь. Если и есть разница, какую можно замѣтить въ совершеніи этого обыска въ настоящее время, то она заключается только въ томъ, что онъ теперь очень осложняется, превратившись въ продолжительное, сложное и иногда мелочное слѣдствіе, носящее на себѣ всѣ слѣды канцелярскихъ формальностей, называясь при этомъ часто, подобно другимъ канцелярскимъ дѣламъ, „государевымъ дѣломъ“.

Смотря по тому, что служило поводомъ къ началу дѣла о канонизаціи того или другаго святаго — чудеса ли, или открытіе мощей его, сообразно съ этимъ измѣнялись и задачи самаго обыска. Если поводомъ къ канонизаціи служили чудеса святаго, то въ этомъ случаѣ, кромѣ собранія свѣдѣній о святомъ, необходимыхъ для его ка-

⁵⁴⁾ Преосв. Сергій, Агіологія 1, 315.

нонизації, главная задача обыска состояла въ провѣркѣ этихъ чудесъ; если же канонизація вызывалась открытіемъ мощей того или другого святаго, то къ прежнимъ задачамъ обыска присоединялось еще свидѣтельствованіе этихъ мощей.

Присматриваясь къ фактамъ канонизаціи этого времени, нетрудно видѣть, что поводомъ совершенія ея были чудеса, совершавшіяся отъ раки святаго. Такъ, въ 1588 году отъ гроба Василия Блаженнаго, юрдиваго Московскаго, стали совершаться „чудеса великая, многа множества различными недуги исцѣли“. Вслѣдствіе этихъ чудесъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ „повелѣ сотворити надъ гробомъ его раку серебряну и позлатити... и повелѣ сотворити надъ гробомъ его храмъ каменной и уставися празднество Августа во 2-ой день“⁵⁵⁾. Если же святой покоился гдѣ нибудь вдали отъ высшей центральной власти, которой вслѣдствіе этого не могли быть извѣстны чудеса, совершавшіяся отъ гроба этого святаго, то въ такомъ случаѣ, или братія монастыря, или же жители города или мѣстечка подавали высшей власти „чудесемъ роспись“, т. е. извѣщеніе о совершающихся чудесахъ съ подробнымъ разсказомъ о нихъ, которая обыкновенно и служила побужденіемъ къ началу дѣла о канонизаціи его. Такъ, епископъ Суздальскій Варлаамъ, собравши свѣдѣнія о чудесахъ, которыя совершались отъ раки преп. Евфросиніи Суздальской вмѣстѣ съ житіемъ ея и канономъ, отвозить все это въ Москву: „достигшу ми, говорить онъ, богоспасаемаго града Москвы и до самодержца.. Ивана Васильевича, извѣстихъ ему божественныя чудеса, иже содѣяшася у гроба преподобныя Евфросиніи“⁵⁶⁾, что и послужило потомъ поводомъ къ канонизаціи ея. Точно также игумень Корниліева монастыря Іосифъ, желая возбудить дѣло о прославленіи основателя своего монастыря, преп. Корнилія, извѣщаетъ патріарха Іова, вѣроятно, посредствомъ подачи послѣднему той же „росписи чудесъ“, что отъ преп. Корнилія „проща и исцѣленіе бываетъ во многихъ годѣхъ, слѣпымъ и хромымъ и многими недуги одержимымъ исцѣленіе бываетъ“⁵⁷⁾. Вообще, о большей части святыхъ, покоившихся вдали отъ центральной власти, мы находимъ извѣстія, что дѣло о канонизаціи ихъ начиналось съ того, что подавалась высшей власти „роспись“ чудесъ.

⁵⁵⁾ Ник. Лѣт. VIII, 8, 11.

⁵⁶⁾ Рук. Тр. Серг. Лавры № 664, л. 447.

⁵⁷⁾ А. Э. т. II, № 222.

Когда эта „ропись о чудесах“ попадала въ руки высшей центральной власти, тогда послѣдняя приступала къ предварительному обыску. Съ общимъ порядкомъ и ходомъ церковнаго процесса въ подобныхъ случаяхъ знакомить насъ сказаніе о такомъ процессѣ, сохранившееся при древнѣйшей редакціи житія Яренгскихъ чудотворцевъ. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ патриарху о новоявленныхъ святыхъ въ 1624 году, изъ Яренги была послана „чудесемъ роспись“; патриархъ вступилъ въ сношеніе съ Новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ; послѣдній поручилъ своему боярскому сыну вмѣстѣ съ игуменомъ Никольскаго Корельскаго монастыря провѣрить означенную роспись на мѣстѣ „окольными монастыри и государевыми, черными и монастырскими волостями, и всякими людьми сыскати накрѣпко: сколь давно тутъ чудотворцы у Николы чудотворца въ Яренгѣ принесены и кто ихъ принесъ, и отъ кого тѣхъ чудотворцевъ про имена вѣдомо учинилось, и сколь давно отъ нихъ учали чудеса и проца быти“. Церковное порученіе, возложенное на игумена и боярскаго сына, митрополитъ назвалъ „государевымъ дѣломъ“. Исцѣленныхъ вѣрно было ставить предъ комиссіей, которая разспрашивала каждаго изъ нихъ накрѣпко объ обстоятельствахъ исцѣленія; данную исцѣленными „сказку“ вѣрно было повѣрять ихъ родомъ и племенемъ, а показанія „родимцевъ“ — „окольными тутошними всякими людьми“. Слѣдственная комиссія, побывавъ въ Яренгѣ, должна была объѣхать и окрестныя волости, взявши съ собою для разсылки и письма изъ волости въ волость поповъ и дьяконовъ и земскихъ и церковныхъ дьячковъ. Показанія мѣстныхъ жителей, скрѣпленныя руками ихъ „духовныхъ отцевъ“, комиссіи поручалось отправить въ Новгородъ, въ приказъ митрополита.

Изъ сохранившейся копии съ официальнаго донесенія комиссіи митрополиту видно, что порученіе властей было выполнено въ точности; но самыя показанія, записанныя со словъ допрашиваемыхъ, по большей части отличаются самою сухою краткостью: отвѣты даются прямо на вопросъ и въ строго лаконической формѣ. Вотъ, напр., что говорится отъ лица жителей Нѣнекоцкаго усолья: „сколь давно тѣ чудотворцы въ Яренгѣ появились и откуда ихъ мощи съ морскаго берега въ Яренгу принесены, и кто ихъ принесъ и проч... (слѣдуетъ далѣе перечень вопросныхъ пунктовъ слѣдственной комиссіи) и мы того не вѣдаемъ и паметуховъ у насъ нѣтъ, а про чудеса тѣхъ чудотворцевъ, сколь давно отъ нихъ учала проца быти, и мы отъ ста-

рыхъ людей слышали, что лѣтъ съ шестдесятъ и больши чудеса учали быти“⁵⁸⁾.

Приведемъ еще одинъ фактъ, который знакомитъ насъ съ формой производства этого обыска или сыска. Въ 1619 году патріархъ Филаретъ получилъ донесеніе отъ посланной имъ комиссіи для свидѣтельствванія чудесъ, совершавшихся отъ раки преп. Макарія Желтоводскаго. Такъ какъ государь въ это время путешествовалъ по сѣвернымъ монастырямъ, то Филаретъ и извѣщаетъ его о результатахъ этого сыска, оговариваясь при этомъ, что „житія Макарія чудотворца и росписи подлинныя къ тебѣ, государю, нынѣ не послалъ, а писалъ коротка для поспѣшенья, чтобы вамъ, вел. государю, свидѣтельствоваанные чудеса великаго въ чудесѣхъ преп. Макарія извѣстны были“. Какъ можно видѣть изъ послѣднихъ словъ Филарета, онъ приводитъ отношеніе къ нему комиссіи не цѣликомъ, а только выдержки изъ него; однако послѣднія настолько любопытны, что мы приводимъ ихъ сполна: „да по твоему царскому повелѣнію, пишетъ патріархъ Филаретъ къ своему сыну, царю Михаилу Феодоровичу, и совѣту, а по нашему благословенію, которые были посланы для свидѣтельства Макарія Унежскаго чудотворца, и въ ихъ, государь, свидѣтельствѣ и въ сыску написано: которыхъ они всякихъ исцѣлѣвшихъ людей разпрашивали и свидѣтелей про нихъ и про ихъ исцѣленье ихъ родимцовъ и отцовъ ихъ духовныхъ⁵⁹⁾ и иныхъ людей, которые тѣхъ исцѣлѣвшихъ людей знаютъ и про ихъ исцѣленье вѣдаютъ, предъ собой ставили; и по ихъ, государь, сыску и по свидѣтельству тѣхъ исцѣлѣвшихъ всякихъ людей, которые были болны очною болѣзнію и иными всякими различными болѣзнями по тридцати, а иные по дватцати и по двѣнадцати и по десяти. . исцѣлено пятьдесятъ одинъ человекъ. Да исцѣлѣвшіе жъ, государь, люди отъ различныхъ болѣзней у свидѣтельства сами про себя сказывали, а свидѣтелей про нихъ для далека не было, и тѣхъ, государь, дватцать три человекъ; а всего, государь, исцѣлѣвшихъ людей семьдесятъ четыре человекъ ... И про которыхъ, государь, исцѣлѣвшихъ людей объявилось послѣ, и про тѣхъ, государь, велѣно сыскивать. Да хотябъ, государь, и не было иныхъ прибылыхъ чудесъ, и по тому, государь, свидѣтельству, кото-

⁵⁸⁾ Описан. рук. Каз. Дух. Арх. II, 282—83; см. Яхонтовъ, Житія сѣв.-русск. подвижниковъ 257—8.

⁵⁹⁾ Свидѣтельство духовнаго отца, т. е. мѣстнаго священника, имѣло очень большое значеніе при „обыскѣ“ чудесъ. Подпись его подъ рассказомъ о чудѣ является однимъ изъ главныхъ доказательствъ дѣйствительности чуда.

рое писано выше сего, по нашему общему духовному совѣту о Святѣмъ Дусѣ, проповѣдати дѣла Божія преславно есть, и угоднику его, преп. Макарію, честь воздаяти такожъ, якожъ и прочимъ святымъ“⁶⁰⁾.

Болѣе такого рода подробныхъ свидѣтельствъ о производствѣ обысковъ мы изъ этого времени не имѣемъ; но и приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ представленіе о формѣ ихъ совершенія. Впрочемъ, до насъ дошли свѣдѣнія, изъ которыхъ можно видѣть, что такого рода обыски практиковались очень часто въ нашей Церкви при канонизаціи святыхъ этого времени; но только эти свѣдѣнія констатируютъ самый фактъ производства обысковъ, не вдаваясь въ подробности ихъ осуществленія въ дѣйствительности. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія, что канонизаціи Авнежскихъ чудотворцевъ предшествовало предварительное изслѣдованіе чудесъ ихъ, для чего пріѣзжалъ въ Авнежскій монастырь Вологодскій епископъ Іоасафъ⁶¹⁾. Послѣдній же производилъ разслѣдованіе о чудесахъ и преп. Стефана Махрищскаго⁶²⁾. Вообще, на основаніи фактовъ канонизаціи этого времени можно признать за общее правило, что чудеса, необходимыя для совершенія ея, свидѣтельствовались, причѣмъ форма этого свидѣтельствованія въ общихъ чертахъ была та самая, какую мы выше изложили. Если и можно указать какую-нибудь разницу въ совершеніи обыска, то она касалась только лицъ, совершавшихъ его. Такъ, мы видимъ, что иногда этотъ обыскъ или свидѣтельствованіе производилось цѣлыми комиссіями (напр. при канонизаціи святыхъ: Авраамія Галицкаго, Макарія Желтоводскаго, Никандра Псковскаго и др.); иногда же оно поручалось только мѣстному владыкѣ (напр. при канонизаціи преп. Евфросиніи Суздальской, Григорія и Кассіана Авнежскихъ, Стефана Махрищскаго, Антонія Римлянина и др.); иногда же, наконецъ, это свидѣтельствованіе чудесъ замѣнялось только простымъ подтвержденіемъ ихъ мѣстнаго владыки, который, какъ очевидецъ этихъ чудесъ, своею совѣстью свидѣтельствовавъ достовѣрность ихъ (такъ было, напр., при канонизаціи преп. Корнилія Комельскаго). Впрочемъ, первая форма свидѣтельствованія была болѣе употребительною въ этотъ періодъ.

Въ число цѣлей и задачъ предварительнаго обыска входило, какъ мы видѣли, еще свидѣтельствованіе мощей. Но прежде, чѣмъ говорить о послѣднемъ, мы должны рѣшить вопросъ: составляло ли въ этотъ

⁶⁰⁾ Письма русск. государей 1, № 18.

⁶¹⁾ Хр. Чтеніе 1873 г., 1, 646.

⁶²⁾ Ibid.

периодъ нетлѣніе мощей того или другого святаго такое же необходимое условіе для канонизаціи, каковымъ были чудеса? Факты канонизаціи этого времени позволяютъ намъ дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Что дѣйствительно нетлѣніе мощей не было въ это время условіемъ, необходимымъ для церковнаго прославленія святаго, это положеніе легко доказать фактами. Присматриваясь къ послѣднимъ, мы видимъ, что многіе святые этого періода были канонизованы задолго до открытія ихъ мощей. Таковы, напр., преп. Макарій Желтоводскій ⁶³⁾, преп. Евфросинія Суздальская (мощи ея обрѣтены въ 1698 году); мощи же нѣкоторыхъ святаго, какъ, напр., преп. Антонія Сійскаго, Іосифа Волоцкаго и Корнилія Комельскаго и совсѣмъ не были открыты ⁶⁴⁾. Мощи же другихъ святаго, хотя и были открыты, но канонизація ихъ послѣдовала много спустя послѣ этого открытія. Такъ, напр., мощи Авнежскихъ чудотворцевъ Григорія и Кассіана были открыты въ 1524 году, но установить праздникъ въ честь ихъ или канонизовать ихъ рѣшено было только въ 1560 году. Кромѣ того, изъ конца этого періода имѣемъ ясное свидѣтельство, которое говоритъ, что нетлѣніе мощей не было въ числѣ условій, необходимыхъ для совершенія канонизаціи. Такъ, соборъ 1678 года, созданный по дѣлу о канонизаціи княгини Кашинской Анны, разсуждая объ основаніяхъ для ея канонизаціи, между прочимъ, говоритъ: „понеже житія вел. княгини Анны извѣстаго отдревле писанаго не обрѣтохомъ и слагати ей тропари и кондаки и канона непочему и того ради и ко святымъ въ церкви поемымъ вычислити не дерзахомъ, понеже и прежнимъ архіереемъ и великимъ княземъ и княгинямъ и преподобно жившимъ отцемъ *аще и мощи ихъ илы* обаче чрезъ толикая лѣта тропари, кондаки и каноны имъ не составишася, и во имя ихъ церкви не созидахуся, прежнимъ архіерейскимъ соборомъ не дерзающимъ и не повелѣвавшимъ“ и проч., и дальше перечисляются тѣ святые, чьи нетлѣнныя мощи, хотя и почиваютъ нетлѣнными, но которымъ Церковь празднованій, однако, не установила. Такъ, напр., „по явленіи и чудодѣяннн вел. кв. Даніила Александровича, повелѣша пѣти по немъ панихиды и ли ургія служить, точно также Печерскіе иноки: Даміанъ, Іеремія, Исаакій, Алимпій, Агапий, Маркъ, Кукша, Пимень, Никола

⁶³⁾ Мощи пр. Макарія Желтоводскаго обрѣтены были 12 Окт. 1677 г.

⁶⁴⁾ Моща преп. Антонія Сійскаго, Іосифа Волоцкаго, Корнилія Комельскаго, Авраамія Галицкаго находятся подъ спудомъ, при чемъ мы не находимъ извѣстій объ ихъ открытіи. См. о нихъ историч. словарь о русск. святаго, стр. 31—32; 125, 139.

Святоша, Никонъ и проч. и никому же сихъ поются тропари и каноны“⁶⁵⁾. Такимъ образомъ, какъ на основаніи приведенныхъ нами фактовъ канонизаціи святыхъ этого періода, такъ и на основаніи приведеннаго свидѣтельства собора 1678 года, которое должно имѣть въ данномъ случаѣ особенную для насъ силу и значеніе, можно сдѣлать заключеніе, что нетлѣніе мощей не было необходимымъ условіемъ канонизаціи того или другого святаго.

Если же канонизація святыхъ этого періода не обусловливалась нетлѣніемъ ихъ мощей, то, встрѣчая, однако, въ это время очень часто факты открытія послѣднихъ, естественно задаться вопросомъ, — какое же значеніе имѣли эти открытія? Присматриваясь къ ходу прославленія тѣхъ святыхъ, мощи которыхъ время отъ времени открывались за этотъ періодъ, нетрудно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ эти открытія мощей служили поводомъ къ началу дѣла о канонизаціи того или другого святаго. И дѣйствительно, факты канонизаціи святыхъ этого періода вполне подтверждаютъ это положеніе. Канонизація очень многихъ изъ нихъ была вызвана именно открытіемъ мощей ихъ. Такъ святые: Антоній Римлянинъ, Гурій и Варсанוף Казанскіе, бл. царевичъ Димитрій, Романъ Углицкій, Кирилль Новоезерскій, Филиппъ, митр. Московскій, Давидъ Переяславскій, Ниль Столбенскій и нѣкоторые другіе, — всѣ эти святые были канонизованы непосредственно за открытіемъ ихъ мощей, при чемъ послѣднее и вызывало самую ихъ канонизацію.

Ходъ канонизаціи того или другого святаго, поводомъ къ которой послужило открытіе его мощей, можно представить въ слѣдующихъ чертахъ. Обыкновенно поводъ открытія мощей былъ въ большинствѣ чисто случайный, — копаніе рововъ для новаго храма или могилы. Исключеніе представляютъ обрѣтенія мощей Никиты, архіепа. Новгородскаго, Антонія Римлянина и св. Димитрія царевича: мощи перваго были открыты благодаря благочестивой ревности царедворца, мощи втораго — благодаря ревности Нифонта, который самъ называетъ себя „желателемъ и понудителемъ предложенія мощей его“, и мощи Димитрія — благодаря ревности царя Василія Шуйскаго. Но какъ бы то ни было, открываемы ли были мощи случайно, или по заранѣе обдуманному намѣренію, официальное открытіе ихъ совершалось всегда свѣдома высшей центральной власти. Не приводя всѣхъ фак-

⁶⁵⁾ Рук. Синод. Библ. № 684 — Собор. дѣявіе о мощахъ Анны Кашинской, л. 391 — 403.

товъ, подтверждающихъ это положеніе, которыхъ въ этотъ періодъ можно найти немало, мы укажемъ только нѣкоторые, главнѣйшіе изъ нихъ. Такъ, когда Нифонтъ, заботясь объ открытіи мощей преп. Антонія Римлянина, обратился съ этою дѣлюю къ архіепископу Новгородскому Александру, то послѣдній прямо заявилъ: „подобаетъ о такомъ великомъ дѣлѣ повѣдати самодержавному царю, да святѣйшему патриарху, понеже древній чудотворецъ бяше; и како повелить о семъ самодержавный царь, да святѣйшій патриархъ: *понеже обычай таковъ бысть*, что безъ царева повелѣнія не смѣя такового великаго дѣла начати“⁶⁶). Въ этихъ словахъ архіеп. Александра можно видѣть выраженіе общаго правила, по которому официальное открытіе мощей совершалось не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей центральной власти. Позднѣе, именно на соборѣ 1666—67 годовъ было уже постановлено определенное правило, которымъ соборъ строго запрещаетъ: „нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, да не дерзаете, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, во святыхъ почитати, а кого во святые хотите почитати и о такихъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ достоинъ всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣтельства предъ великимъ и священнымъ соборомъ архіерейскимъ“⁶⁷). Находимъ факты изъ этого времени, которые показываютъ, что это правило строго примѣнялось въ дѣйствительности. Такъ, 12 Октября 1671 года открыты были мощи преп. Макарія Желтоводскаго, и съ этого времени стали праздновать въ Унженской обители день этого открытія, хотя не давали знать объ этомъ ни царю, ни патриарху. Но одинъ изъ иноковъ донесъ на игумена патриарху. Послѣдній донесъ царю. Въ 1675 году по этому дѣлу посланы были на Унжу изъ Макарьево-Желтоводскаго монастыря жившій здѣсь на покоѣ сибирскій архіепископъ Симеонъ съ настоятелемъ монастыря Тихономъ и съ проживающимъ въ томъ же монастырѣ иг. Варлаамомъ. Имъ приказано было отправиться въ Унженскій монастырь, учинить тутъ изслѣдованіе о мощахъ, осмотрѣть ихъ и узнать о мѣстѣ ихъ обрѣтенія, а настоятеля Никиту за самовольство лишить игуменства и послать въ Желтоводскій монастырь „подъ начало въ послушники“. Комиссія исполнила порученіе: открытыя мощи не признала за мощи преп. Макарія; по повелѣнію

⁶⁶) Рук. М. Д. Ак. № 96, л. 214.

⁶⁷) Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. II, стр. 222—23.

патріарха, послѣднія снова были погребены на прежнемъ мѣстѣ; игумена же Никиту разстригли⁶⁸⁾.

Когда высшая власть получала извѣстіе объ обрѣтеніи мощей того или другого святаго, тогда она приказывала мѣстному владыкѣ или самому, или чрезъ комиссію произвести свидѣтельствоваіе мощей. Находимъ извѣстія, что такого рода комиссіи наряжались иногда самою высшею центральною властью, какъ, напр., при открытіи мощей св. благовѣрнаго царевича Димитрія.

Цѣль этихъ комиссій, которыя наряжаемы были или высшею властію, или мѣстными владыками, но свѣдома послѣдней, заключалась въ томъ, чтобы провѣрить фактъ нетлѣнія мощей, или какъ тогда выражались „свидѣтельствовать ихъ“. Это свидѣтельствоваіе было постояннымъ явленіемъ, которое предшествовало открытію мощей святыхъ за этотъ періодъ. Мы не знаемъ ни одного примѣра, когда бы это свидѣтельствоваіе не примѣнялось. Отсюда оно должно быть причислено къ числу правилъ этого времени, которыми у насъ руководились при совершеніи канонизаціи, если только послѣдняя вызывалась открытіемъ мощей.

Свидѣтельствоваіе мощей входитъ въ программу предварительнаго обыска, который въ главныхъ существенныхъ чертахъ намъ уже извѣстенъ. Поэтому мы далѣе опишемъ, какъ производилось это свидѣтельствоваіе мощей.

Прежде всего, для открытія мощей одного факта нетлѣнія ихъ было недостаточно: необходимо было, чтобы отъ нихъ совершались чудеса. Поэтому архіереи, открывавшіе мощи, требовали записи чудесъ, которыя потомъ и провѣряли. Какъ производилась эта провѣрка чудесъ—это мы уже видѣли выше; а что дѣйствительно послѣднія составляли необходимое условіе для признанія мощей, это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Комиссія, посланная для открытія мощей св. Димитрія царевича, освидѣтельствовавъ мощи послѣдняго, потребовала свѣдѣнія о чудесахъ и ей представлены были люди, получившіе исцѣленіе отъ гроба этого святаго „въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 114 году до ихъ пріѣзду и тѣ люди принесли къ намъ писмо, и то писмо, говоритъ царь Василій Ив. Шуйскій въ своей грамотѣ въ Пермь, они къ Москвѣ привезли“⁶⁹⁾ и проч. Точно также и Нифонтъ, хлопоча объ открытіи мощей преп. Антонія Римлянина, „написаль чудеса преподобнаго“.

⁶⁸⁾ Житіе преп. Макарія, М. 1851 г., стр. 60—63.

⁶⁹⁾ А. Э. 2, № 48, стр. 111; Собранія госуд. грам. № 147, стр. 311.

Съ формой свидѣтельствванія мощей могутъ насъ знакомить тѣ доношенія, которыя посылали комиссіи высшей церковной власти. Въ общемъ эта форма свидѣтельствванія мощей была одна и та же какъ въ XVI, такъ и въ XVII вв. Для ознакомленія съ способомъ этого свидѣтельствванія мы приведемъ примѣры изъ обоихъ этихъ столѣтій. Въ 1544 году, „по благословенію преосв. архіепископа Θεодосія В. Новограда и по его приказу смотрѣли умершаго Іакова, и онъ лежитъ въ мощахъ: глава вся цѣла и плоть его присхла къ костемъ, око лѣвое полно, а правое поизлежало, на обоихъ странахъ плоть личная отъ щеки оттянула и исхла, и на главѣ и на лицѣ плоть къ костямъ присхла. Рука лѣвая по локоть съ костью по запясты съ тѣломъ засхла и ногти и персты все цѣло. А правая рука по локоть съ костью, два перста у ней, а иныя поотпали. А на персѣхъ (перстахъ) плоть и ногти есть. А по лѣвой сторонѣ ребра засхли съ плотью. А правая сторона ребра распалися, двѣ ребряныхъ кости держаться съ тѣми грудми, а прочіе уды все развалилися, лежать кости обнажены“⁷⁰⁾. Изъ отношенія комиссіи, посланной для освидѣтельствванія мощей бл. царевича Димитрія, мы узнаемъ, какъ производилось это свидѣтельствованіе. Василій Шуйскій въ своей грамотѣ, посланной въ Пермь великую, говоритъ между прочимъ, что „мая въ 28 день писали къ намъ съ Углича богомольцы наши Ростовскій митрополитъ Филаретъ и Астороханскій епископъ и архимандриты, и бояре наши, что они мощи благовѣрнаго царевича Дмитрія Ивановича всея Русіи подняли и осматривали, и въ ту де пору весь храмъ наполнился многога благоуханія, и мощи благовѣрнаго царевича, князя Димитрія Ивановича цѣлы и ничѣмъ не рушимы, а въ инѣхъ мѣстѣхъ часть земли отдана, а на лицѣ и на главѣ власы чермы, и на костяхъ плоть цѣла, а ожерелейцо низано жемчужное съ пугвицы все цѣло, и въ лѣвой рукѣ шириночка тафтяная шита золотомъ и серебромъ цѣла жъ, и саванъ на немъ весь цѣлъ, а покрыто кафтаномъ комчатымъ на хрептахъ на бѣлыхъ, нашивка серебряна съ золотомъ, а сапожки на немъ цѣлы жъ, только подошвы у носковъ отстали; да на царевичевыхъ же мощехъ положено орѣховъ съ пригорщи, и сказываютъ, какъ онъ тѣшился и въ тѣ пору орѣшки кушалъ, и какъ его убили и тѣ орѣхи кровью обагрилися, и для того тѣ орѣхи на царевичевыхъ мощахъ цѣлы“⁷¹⁾. Наконецъ, въ доношеніи Гермогена,

⁷⁰⁾ Рук. Тр. Серг. Лавры № 654, л. 83 и дал.

⁷¹⁾ Ак. Э. II, № 48; рук. Филарета, 6—7; Собрание госуд. гр. II, № 151.

въ послѣдствіи патріарха, объ освидѣтельствovanіи мощей Гурія и Варсонофія Казанскихъ, посланномъ имъ царю Θεодору Ивановичу и патріарху Іову, мы читаемъ: „и, вскрывше гробъ Гурія, архіепископа, и видѣхомъ дивно, его же не надѣяхомся, рака бо бѣ святаго полна благоуханна мвра, моци же св. Гурія аки губа ношахуса, части же ни единой погруженнѣ бывшей: нетлѣніемъ бо одари Богъ честное и многотрудное его тѣло, яко и нынѣ и зрится всѣми, токмо мало верхнія губы тлѣніе коснуса, протчія же уды его цѣлы быше; мнѣ же недостойному многогрѣшною моею рукою св. тѣлеси коснувшуса: св. тѣло же его бѣ плавая: осязахомъ же и погребальныя ризы его, и бяху крѣпка зѣло; покусихомся же мантии его и прочей погребальной одежды зѣлно потягнути, и быша новыхъ крѣпчаѣ. Потомъ же открыхомъ раку преп. Варсонофія и видѣхомъ многимъ нетлѣніемъ почтени отъ Бога моци св. Варсонофія, къ ногамъ же преподобнаго тлѣніе коснуса, но обаче не токмо кости не разрушены, но и крѣпки бяху зѣло, и никакоже слабости въ составѣхъ имуще, якоже и Гурію святителю, своими бо руками со Арсеніемъ архимандритомъ святыхъ ихъ и чудотворныхъ моци преложихомъ отъ гробовъ въ ковчеги и погребальныя ризы, такожде яко и Гурію, преп. Варсонофію новыхъ крѣпчаѣ“⁷²⁾.

Можно бы указать и еще нѣсколько примѣровъ подобнаго рода свидѣтельствovanія мощей, но и приведенныхъ вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе какъ о формѣ, такъ и способахъ этого свидѣтельствovanія. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ внимательно комиссіи относились къ своему дѣлу, какими мелочными формальностями оно сопровождалось. При этомъ о результатахъ этого свидѣтельствovanія мощей, равно какъ и о чудесахъ отъ нихъ совершающихся, комиссія посылала доношенія высшей центральной власти, и съ разрѣшенія послѣдней, которое слѣдовало за этимъ отношеніемъ, совершалось торжественное открытіе мощей.

Изъ обзора фактовъ канонизации этого періода мы видѣли, что предварительный обыскъ въ этотъ періодъ составляетъ постоянное явленіе, предшествующее канонизации каждаго святаго, вслѣдствіе чего онъ и можетъ считаться общимъ правиломъ совершенія ея. Если и есть факты, которые не подходятъ подъ это правило, то они очень немногочисленны, и могутъ считаться исключеніями изъ него. Именно

⁷²⁾ Житіе св. Гурія и Варсонофія, написанное Гермогеномъ, — Любарскій, Сборн. древностей Каз. еп., 30—31.

къ такого рода исключеніямъ изъ общаго правила, по которому предварительный обыскъ всегда предшествовалъ канонизаціи святаго, относится канонизація святыхъ: Василия юродиваго Московскаго, Іосифа Волоцкаго и Антонія Сійскаго. Въ источникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія объ ихъ канонизаціи, мы, дѣйствительно, не находимъ извѣстій о томъ, чтобы при ихъ канонизаціи примѣнялись тѣ правила и формальности, которыя составляютъ предварительный обыскъ. Конечно, можно предполагать, что послѣдній имѣлъ мѣсто и въ данныхъ случаяхъ, только объ этомъ не сохранилось извѣстій. Но не говоря уже о томъ, что такое предположеніе будетъ произвольно и ни на чемъ не основано, есть, кромѣ того, данныя, которыя позволяютъ намъ думать, что при канонизаціи всѣхъ этихъ святыхъ и на самомъ дѣлѣ не примѣнялись эти извѣстныя намъ правила. Какія же это данныя?

Мы видѣли ⁷³⁾, что канонизація Василия Блаженнаго совершилась въ Москвѣ, гдѣ лежали и мощи этого святаго. Чудеса, вызвавшія и самую канонизацію его, совершались, такъ сказать, на глазахъ высшей центральной власти, которая лично могла убѣдиться въ истинности и достовѣрности ихъ. А это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, дѣлало совершенно излишнимъ примѣненіе въ данномъ случаѣ тѣхъ правилъ и сложныхъ формальностей, которыя необходимо соединялись съ предварительнымъ обыскомъ. Эти правила вполне замѣнялись личнымъ свидѣтельствомъ высшей центральной власти, которая могла сама видѣть все и лично во всемъ увѣриться.

Гораздо труднѣе объяснить, почему при канонизаціи двухъ остальныхъ святыхъ—Іосифа Волоцкаго и Антонія Сійскаго не примѣнялись эти правила. То, что мы сейчасъ только говорили о Василии Блаженномъ, не приложимо къ нимъ. Отсюда мы должны представить другія причины для объясненія этого. Главная цѣль предварительнаго обыска состояла въ собраніи агіобіографическихъ данныхъ о святомъ и провѣркѣ ихъ. Между тѣмъ, какъ житіе, такъ и канонъ преп. Іосифа Волоцкаго существовали уже, и при томъ свѣдома высшей центральной власти, задолго, не только до его всецерковной канонизаціи, но и мѣстной. Что же касается до чудесъ этого святаго, то до 1579 года, когда совершена была его мѣстная канонизація, ихъ, какъ мы выше видѣли ⁷⁴⁾, совсѣмъ не было. Ни откуда не видно, далѣе, чтобы они были и послѣ 1579 года. Отсюда за отсутствіемъ чудесъ и приложеніе предварительнаго обыска къ канонизаціи этого святаго

⁷³⁾ См. выше, стр. 209.

⁷⁴⁾ См. выше, стр. 209, примѣчаніе.

было бы излишне, такъ какъ необходимыя данныя для совершенія послѣдней (житіе и канонъ) были на лицо и всѣмъ извѣстны. То, что здѣсь сказано о преп. Іосифѣ Волоцкомъ, вполне приложимо и къ преп. Антонію Сійскому. Мы видѣли, что игумень Питиримъ явился въ Москву хлопотать о канонизаціи этого святаго съ готовымъ уже его житіемъ, и, слѣдовательно, необходимыя для канонизаціи агіобіографическія данныя уже были готовы. Кромѣ того, извѣстность святаго въ высшихъ сферахъ церковной и гражданской власти, именно извѣстность своею святою и благочестивою жизнію, своею дѣятельностью на благо Церкви, могла служить причиною, вслѣдствіе которой не прилагался предварительный обыскъ во всей его полнотѣ. Это вполне примѣнимо къ преп. Іосифу Волоцкому, который извѣстенъ былъ въ свое время, какъ одинъ изъ выдающихся церковныхъ дѣятелей, котораго за благочестивую жизнь, за общепользную дѣятельность глубоко чтили и уважали и в. князь Московскій Василій Ивановичъ и митрополитъ Данилъ. Что, дѣйствительно, послѣднее обстоятельство можетъ имѣть въ этомъ отношеніи значеніе, это доказывается примѣромъ преп. Антонія Сійскаго. Именно на это указываетъ царевичъ Иванъ, когда говоритъ, что „и образъ его (Антонія) изыскавъ отъ тѣхъ самовидцовъ и не ложныхъ свидѣтелей, и еже слышахъ у отца моего о подобіи его и возраста и отъ вельможъ знаемъ быше былъ преподобный всѣми, часто прихожаше во градъ Москву“⁷⁵⁾ и проч. Это близкое знакомство со святымъ при жизни и достовѣрность свидѣтелей, хорошо знавшихъ святаго, и было причиною того, что при канонизаціи обоихъ этихъ святыхъ предварительный обыскъ, имѣвшій своею главною цѣлью собраніе агіобіографическихъ свѣдѣній о святомъ и ихъ провѣрку, не прилагался.

Намъ остается описать еще одинъ моментъ совершенія канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ, которымъ она и заканчивалась. Такимъ моментомъ былъ въ это время соборъ, на которомъ собственно и совершалось причисленіе того или другого угодника къ лику святыхъ. Все, что мы говорили до сихъ поръ о совершеніи канонизаціи въ этотъ періодъ, все это только подготовляло ее. Именно такое подготовительное значеніе и имѣлъ предварительный обыскъ, который мы только что описали. Онъ, какъ мы видѣли, имѣлъ своею ближайшею цѣлью собрать необходимыя для совершенія канонизаціи агіобіографическія данныя о святомъ, его житіе, канонъ и чудеса. Когда

⁷⁵⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., прим. 612, стр. 221—22.

оканчивался обыскъ, тогда комиссія, его производившая, или непосредственно сама, или посредственно чрезъ мѣстнаго епископа, результаты своихъ изысканій отсылала къ митрополиту или патріарху и государю. Митрополитъ или патріархъ, по повелѣнію государя, собиралъ соборъ епископовъ, на который и представлялъ добытый комиссіей матеріаль. Здѣсь онъ снова просматривался и провѣрялся или, по выраженію того времени, „свидѣтельствовался“. И если отцы собора представленные данныя признавали соответствующими и достаточными для своей цѣли, то давали свое благословеніе праздновать святому „канонъ пѣти и житіе чести“.

Какъ соборная форма совершенія канонизаціи, такъ и повѣрка собраннаго агіобіографическаго матеріала на самомъ соборѣ составляютъ въ этотъ періодъ постоянныя явленія, которыя мы встрѣчаемъ при канонизаціи каждаго святаго. Что дѣйствительно первая была постояннымъ явленіемъ, это можно уже видѣть изъ представленнаго выше перечня канонизованныхъ въ это время святыхъ. Изъ этого перечня мы видимъ, что не только всеобщая, но и мѣстная канонизація святыхъ этого періода, какъ, напр., преп. Евфросиніи Суздальской и др., была совершена митрополитомъ съ соборомъ епископовъ.

Что же касается до повѣрки житій и каноновъ на соборѣ, то факты канонизаціи этого времени позволяютъ намъ сдѣлать заключеніе, что и эта повѣрка была постояннымъ явленіемъ, сопровождавшимъ совершеніе канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ. Дѣйствительно, въ это время мы уже постоянно встрѣчаемъ факты этого свидѣтельства житій и службъ нашихъ святыхъ. Такъ, вскорѣ послѣ соборовъ 1547 и 49 годовъ съ цѣлю канонизаціи святыхъ: Григорія и Кассіана Авнежскихъ и Стефана Махрищскаго при митрополитѣ Макаріи были написаны житія ихъ, и всѣ они были представлены потомъ царю и митрополиту съ соборомъ, безъ сомнѣнія, для свидѣтельства. Точно также и при митрополитахъ Антоніи и Діонисіи, житія канонизованныхъ ими святыхъ: Антонія Сійскаго, Евфросиніи Суздальской, Евфрема Новоторжскаго были разсмотрѣны церковнымъ соборомъ, при установленіи этимъ святымъ праздниковъ. Наконецъ, житія святыхъ, канонизованныхъ патріархомъ Ювомъ, точно также были разсмотрѣны на соборахъ, по этому поводу созванныхъ. Вообще, на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ можно сдѣлать выводъ, что повѣрка житій была общимъ правиломъ совершенія канонизаціи въ это время. Правда, есть святые, о повѣркѣ житій которыхъ не находимъ никакихъ извѣстій; но такихъ святыхъ очень немного; при томъ же и отсутствіе извѣстій не можетъ еще служить основаніемъ въ данномъ случаѣ заключать, что такой повѣрки совсѣмъ и не было.

Установивъ фактъ повѣрки житій, какъ постоянного правила, которымъ въ этотъ періодъ руководилась наша Церковь при совершеніи канонизаціи своихъ святыхъ, мы теперь должны обратить вниманіе на то, какъ совершалась эта повѣрка житій и службъ. Съ XVI вѣка, со времени Макарьевскихъ соборовъ, обыкновенно глава іерархіи съ церковнымъ соборомъ „свидѣтельствовалъ представленное ему житіе съ службою и своимъ благословіемъ пѣти канонъ и житіе чести“ вводилъ послѣдніе въ церковное употребленіе. Довольно полно описанъ этотъ процессъ соборнаго свидѣтельствованія въ повѣсти объ открытіи мощей Никандра, Псковскаго пустынника. Въ 1686 году комиссія, состоявшая изъ Тамбовскаго епископа, архимандрита Хутынскаго монастыря, игумена Лисицкаго монастыря и ключаря Новгородскаго Софійскаго собора, положивъ обрѣтенныя мощи въ новый гробъ, помѣстила ихъ въ церковной стѣнѣ. Потомъ, сложивъ службу и списавъ житіе съ чудесами, т. е. составивъ новую редакцію біографіи, препроводила оба произведенія въ Москву къ патріарху. Патріархъ съ архіереями, случившимися въ Москвѣ, составивъ соборъ въ церкви Св. Апостоловъ при патріаршемъ домѣ, повелѣлъ справщику печатнаго двора іеродиакону Каріону прочитать вслухъ присланныя службу и житіе и, нашедши свидѣтельство достовѣрныхъ мужей истиннымъ, постановилъ праздновать преп. Никандру, а оригиналь житія переслать въ Никандровъ монастырь „для чтенія и послушанія къ душевной пользѣ братіи и всѣхъ православныхъ христіанъ“⁷⁶⁾. Точно также въ житіи преп. Евфросиніи Суздальской мы читаемъ, что митрополитъ Антоній, „слышавъ отъ епископа Суздальскаго Варлаама (который доставилъ ему житіе, канонъ и чудеса этой святой) о преп. Евфросиніи елико Богъ творить чудеса ея ради и собравъ весь освященный соборъ, стихиры и канонъ, житіе и чудеса чести“ (повелѣлъ)⁷⁷⁾. Изъ этихъ приведенныхъ фактовъ видно, что житія и службы святымъ представлялись на соборъ съ цѣлію ихъ повѣрки. Какъ совершалась эта повѣрка, это видно изъ тѣхъ же фактовъ, которые говорятъ намъ, что какъ житія, такъ каноны и чудеса читались на самомъ соборѣ. Но является еще вопросъ, отвѣта на который не даютъ эти приведенные нами факты, именно: въ чемъ состояла эта повѣрка? Касалась ли она самаго содержанія житій и службъ или только внѣшней стороны и формы ихъ?

⁷⁶⁾ В. О. Ключевскій, Житія 376.

⁷⁷⁾ Рук. Тр.-Серг. Лавры № 664, л. 448.

То обстоятельство, что какъ житія, такъ и службы, представлялись митрополиту съ соборомъ уже вполне готовыми, при чемъ ни митрополитъ, ни соборъ не имѣли возможности провѣрить самые факты біографіи, показываетъ намъ истинный характеръ того свидѣтельства, которому подвергались житія и службы нашихъ святыхъ. Очевидно, что церковный надзоръ бодрствовалъ только надъ установленной формой, и смотрѣлъ только за тѣмъ, чтобы житія и службы были удовлетворительны въ литературномъ отношеніи. Что дѣйствительно свидѣтельствованіе имѣло въ виду только внѣшнюю сторону житій, не касаясь достовѣрности ихъ внутренняго содержанія, на это указываетъ составленіе житія преп. Антонію Сійскому. Житіе этого святаго было ранѣе составлено монахомъ Іоною. Но, очевидно, оно, будучи представлено игуменомъ Питиримомъ въ Москву, признано было неудовлетворительнымъ, какъ „зѣло убо суще въ легкости написанное“, какъ отозвался о немъ другой біографъ этого святаго царевичъ Иванъ. И вотъ Питиримъ обращается къ послѣднему съ просьбою написать новое житіе Антонія съ похвальнымъ словомъ и службою. Царевичъ исполнилъ эту просьбу. Но, присматриваясь къ произведеніямъ послѣдняго, можно замѣтить, что онъ не прибавилъ ни одной черты къ разсказу Іоны, далеко даже не воспроизвелъ его обильнаго любопытными подробностями содержанія и превзошелъ его развѣ только реторикой, не вездѣ удачной⁷⁸⁾. Эта обработка или новая редакція житія, являвшаяся слѣдствіемъ признанія непригодности житія въ литературномъ отношеніи, а равно и то, что послѣдняя, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, поручалась лицу, мало знакомому съ жизнью новаго святаго, вполне подтверждаетъ наше мнѣніе о томъ, что церковныя власти слѣдили только за формой житія, а не за его содержаніемъ. Есть, кромѣ того, и прямыя указанія на этотъ характеръ свидѣтельствованія житій и службъ нашихъ святыхъ этого времени высшею властію. Для установленія всецерковнаго празднованія Корнелію Комельскому въ 1600 году патріархъ съ митрополитами, архіепископами и епископами и прочимъ духовенствомъ соборно слушали стихиры, канонъ и житіе чудотворца, и когда мѣстный архіепископъ засвидѣтельствовалъ, что чудеса писаны не ложно, доложили въ Успенскомъ соборѣ царю, и „извѣщали“, что „стихиры, канонъ и житіе Корнелія писаны по образу и по подобію, якоже и прочимъ святымъ“⁷⁹⁾. А въ чемъ состоялъ этотъ образъ и подобіе, это можно

⁷⁸⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 301—302.

⁷⁹⁾ Ак. 9. № 222.

видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ уставѣ Московскаго Успенскаго собора № 397 подъ 21 Апрѣля находимъ: „Александру Каргопольскому также и Ошевенскому трезвонъ средній въ Лебедь а пѣти по общей минѣ для того, что слогъ худъ добрѣ да и службу тогда исправити въ слозѣ“⁸⁰⁾. Такимъ образомъ, соборный надзоръ имѣлъ чисто формальное значеніе для житій и службъ нашихъ святыхъ: онъ охранялъ ихъ установленный стиль, повѣрялъ вѣрность ихъ церковной литературной нормѣ „образу и подобію, якоже и прочимъ святымъ“.

Изъ представленнаго нами описанія канонизаціи нашихъ святыхъ за это время можно видѣть, что какъ способы и приемы, такъ и правила совершенія ея во весь этотъ періодъ, не смотря на его продолжительность, остаются тѣ же самыя, какіе мы видѣли и на Макарьевскихъ соборахъ. Какъ тамъ канонизація собственно состояла изъ двухъ главныхъ моментовъ: предварительнаго обыска, имѣвшаго только подготовительное значеніе—собрать и провѣрить необходимыя данныя, и потомъ самаго собора, на которомъ, послѣ повѣрки собраннаго матеріала, и совершалось причисленіе того или другаго угодника къ лику святыхъ; точно также и въ настоящій періодъ, какъ мы видѣли, канонизація святыхъ состоитъ изъ тѣхъ же моментовъ. Это сходство совершенія канонизаціи съ формой совершенія ея на соборахъ 1547 и 49 годовъ ясно говоритъ о значеніи этихъ соборовъ и объ ихъ вліяніи на ходъ совершенія канонизаціи слѣдующаго за ними времени. Съ этой стороны настоящій періодъ составляетъ естественное продолженіе Макарьевскихъ соборовъ и вполне примыкаетъ къ нимъ. Это вліяніе соборовъ чувствуется во весь этотъ періодъ и только въ самомъ концѣ XVII вѣка можно замѣтить новое направленіе, представляющее нѣкоторую особенность въ совершеніи канонизаціи сравнительно съ прежнимъ временемъ. Но и эта особенность касается опять-таки не формъ и порядка совершенія канонизаціи, а самаго отношенія нашей Церкви къ этому дѣлу вообще. Именно, наша Церковь стала строже въ это время относиться къ канонизаціи своихъ святыхъ. Такъ, мы видѣли уже выше, что внесеніе имени того или другаго святаго въ святцы, зависѣвшее прежде отъ произвола переписчиковъ и составителей ихъ, въ концѣ этого періода становится исключительно дѣломъ высшей власти. Но еще замѣтнѣе становится это новое направленіе по отношенію къ правиламъ совершенія въ этотъ періодъ канонизаціи, именно: свидѣтельствванія чудесъ и жи-

⁸⁰⁾ Опис. рук. Сян. Б-ни, III, 1, 368.

тій. Мы видѣли, что въ этотъ періодъ канонизаціи каждаго святаго предшествовалъ предварительный обыскъ, направленный къ тому, чтобы собрать и провѣрить необходимыя для канонизаціи данныя. Въ XVII вѣкѣ у насъ стали внимательнѣе относиться и къ открытію мощей и строже провѣрять записи исцѣленій, чтобы устранить „затѣйныя чудеса“, какъ выразился Симонъ Азаринъ⁸¹⁾. Такъ, открытіе мощей въ это время могло совершаться не иначе, какъ только съ благословенія высшей центральной власти. Соборъ 1666—1667 г.г. относительно этого постановилъ, чтобы „тѣлесъ нетлѣнныхъ, обрѣтающихся въ нынѣшнія времена, не дерзали скоро, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, во святыхъ почитать. А идѣже обрѣдутся таковая святыхъ тѣлеса и о таковомъ заповѣдаша всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣльствы предъ великимъ и совершеннымъ соборомъ архіерейскимъ“. Точно также, не говоря уже о томъ, что чудеса всегда теперь свидѣтельствовались, находимъ, кромѣ того, факты, которые показываютъ, что это свидѣтельствованіе стало производиться гораздо строже и за выдумываніе ложныхъ и „затѣйныхъ“ чудесъ высшая духовная власть строго карала. Такъ, въ 1630 году одному крестьянину явился во снѣ чудотворецъ Даниилъ Переяславскій и велѣлъ ему передать начальнымъ людямъ, чтобы приходили къ его чудотворцу гробу и къ образу и молебствовали. Крестьянинъ о своемъ снѣ сказалъ воеводѣ, а этотъ донесъ патриарху, который и потребовалъ крестьянина къ себѣ. Неизвѣстно, какъ шло разслѣдованіе этого дѣла, и почему оно возбуждало сомнѣніе; но оно кончилось тѣмъ, что крестьянина велѣно было постричь въ монахи, а стихиры и канонъ, и житіе святаго, написанные изстари, были взяты къ Москвѣ⁸²⁾. Мысль о необходимости свидѣтельствованія и о строгой повѣркѣ чудесъ начинаетъ проникать въ это время и въ общество. Біографы этого времени часто высказываютъ ту мысль, что нельзя записывать и распространять чудеса, которыя не были надлежащимъ образомъ провѣрены и засвидѣтельствованы: жизнеописатель Гуліаніи Лазаревской, упоминая о многихъ исцѣленіяхъ по открытіи мощей ея, прибавляетъ: „мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство“⁸³⁾.

Мы приводили уже факты этого свидѣтельствованія. Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, какъ сложны были тѣ правила и формально-

⁸¹⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 423.

⁸²⁾ А. Э. IV, № 330.

⁸³⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 423.

сти, которыми сопровождалось это свидѣтельствоваіе. Всѣ эти формальности направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы „испытати достовѣрно и извѣстно о чудесѣхъ“ того или другого святаго. Какъ далеко въ этомъ отношеніи простирались заботы высшей церковной власти и какъ эти заботы осуществлялись на самомъ дѣлѣ, со всѣмъ этимъ насъ знакомитъ слѣдующій фактъ. Серапіону, архіепископу Суздальскому и Торусскому, въ 155 (1647) году, прикащикъ Петръ Кругликовъ донесъ, что въ этомъ году въ Суздальскомъ уѣздѣ „объявился образъ пречистые Богородицы Казанскіе и отъ того де образа милость велія, исцѣленія и проща многая“. По этому донесенію Серапіонъ послалъ своего приказнаго человѣка „да соборные церкви ключаря того образа досмотрить и тѣхъ людей допросить, которые отъ того образа милость и исцѣленіе получили“. Результаты этого досмотра Серапіонъ счелъ нужнымъ переслать государю и патріарху. Но ни тотъ, ни другой не удовлетворились этимъ свидѣтельствомъ и поручаютъ самому архіепископу снова „про тотъ чудотворный образъ преч. Богородицы Казанскіе сыскати тутошными и околными многими людьми, версть, по пяти, и по шести, и по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и болши, архимандриты и игумены, и попы, и дьяконы, и дворяны и дѣтми боярскими, и всякихъ чиновъ людьми, что отъ того чудотворнаго образа преч. Богородицы Казанскіе многимъ людямъ отъ всякихъ различныхъ скорбей исцѣленіе было ли? и будетъ было, и кого именемъ исцѣлила? и тѣмъ людямъ, которыхъ людей преч. Богородица исцѣляла записка есть ли? и будетъ есть и ты бѣ тѣхъ людей, противъ той записки, или по ихъ сказкѣ, велѣлъ поставить предъ собою и ихъ спрашивалъ накрѣпко, что ихъ скорбь была, и какъ исцѣленіе отъ той чудотворной иконы преч. Богородицы Казанскіе получили, и сколько числомъ всякихъ чиновъ людей тутошныхъ и разныхъ городовъ преч. Богородица исцѣлила и какими различными скорбями? да кто что тебѣ, сыну, въ сыску сыскные люди въ свидѣтельствѣ про ту чудотворную икону скажутъ и которыхъ людей исцѣлила, и ты бѣ, сыну, сыскныхъ людей и которыхъ исцѣлила велѣлъ рѣчи ихъ написать на списоѣ подлинно, порознь, да тѣ свидѣтельствоваанныя рѣчи, за своею рукою и сыскныхъ людей, и которыхъ она своимъ чуднымъ образомъ исцѣлила за ихъ руками и отцевъ ихъ духовныхъ, совершивъ, прислалъ къ намъ къ Москвѣ“⁸⁴).

Но какъ ни строги были правила, къ какимъ Церковь прибѣгала для повѣрки чудесъ, однако, они не всегда достаточны были для

⁸⁴) А. Э. IV, № 324.

достиженія желаемой цѣли. Чтобы понять, почему эта повѣрка, несмотря на строгость примѣненія связанныхъ съ нею правилъ, не всегда достигала своей цѣли, нужно обратить вниманіе на способъ ея совершенія. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ такого рода слѣдственныхъ процессовъ мы видѣли, что чудеса того или другого святаго свидѣтельствовались по записямъ и росписямъ. Но эти послѣднія составлялись обыкновенно братією со словъ испытавшихъ на себѣ чудо, или же со словъ очевидцевъ. Слушая отъ пришлаго человѣка разсказъ о чудѣ или явленіи святаго, братія не имѣла возможности отнестись къ этому разсказу критически и провѣрить его черезъ свидѣтелей и принимала извѣстіе на вѣру. Такимъ способомъ записыванія чудесъ объясняется трудность и неувомимость ихъ для церковнаго надзора. Впервые сознаніе недостаточности тѣхъ средствъ, которыя Церковь употребляла въ этомъ случаѣ, мы встрѣчаемъ въ концѣ этого періода, именно въ дѣлѣ о канонизаціи Анны, княгини Кашинской. Такъ, отцы собора 1678 года, созваннаго по этому поводу, довольно ясно высказываютъ ту мысль, что чудеса не всегда могутъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ святости того или другого угодника. Именно, сказавъ о томъ, чтобы „нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнія времена, не дерзали, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, во святыхъ почитать“, отцы собора приводятъ далѣе слова Никона, монаха Черныя горы, о томъ, что „не всякимъ чудесамъ подобаетъ внимати..... Достоитъ убо отъ таковыхъ вещей искушати кого аще святъ есть, но отъ плодовъ познавати таковая. Плодъ же истиннаго и духовнаго мужа показа Апостоль: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе и благодѣ“⁸⁵⁾.

Это новое направленіе нашей Церкви по отношенію къ дѣлу канонизаціи отразилось и на характерѣ отношенія ея къ житіямъ въ частности. Какъ мы видѣли, и въ этотъ періодъ до самаго почти конца XVII столѣтія церковный надзоръ надъ житіями и службами носилъ только чисто внѣшній формальный характеръ. Но съ этого времени мы встрѣчаемъ уже факты болѣе внимательнаго отношенія высшей церковной власти къ службамъ и житіямъ нашихъ угодниковъ. Видно, что у представителей власти является сознаніе недостаточности одного формальнаго надъ ними надзора и необходимости примѣненія болѣе лучшихъ и пригодныхъ способовъ для провѣрки самого содержанія ихъ. Первый примѣръ такого внимательнаго отношенія нашей Церкви къ самому содержанію житій мы встрѣчаемъ въ

⁸⁵⁾ Рук. Синод. Библи. № 684, л. 406.

исторіи канонизаціи блаж. княгини Анны Кашинской. При Алексіѣ Михайловичѣ, около 1650 года, были открыты мощи этой княгини. Послѣ этого она была причислена къ лику святыхъ, и опредѣлено было праздновать память ея 2 Октября, въ день ея кончины. Въ 1650 году была составлена и служба ей Епифаніемъ Славинецкимъ⁸⁶⁾. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1677 году, по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича и благословенію патр. Іоакима, посылается новая комиссія для свидѣтельствванія мощей Анны Кашинской; затѣмъ, въ 1677 г. Февраля 4-го и въ 1678 году Генваря 29 собираются два собора, на которыхъ вновь пересматривается дѣло о канонизаціи этой княгини и результатомъ этого пересмотра было то, что она исключается изъ числа святыхъ⁸⁷⁾. Во всемъ этомъ процессѣ для насъ главнымъ образомъ важно отношеніе этихъ соборовъ къ житію этой княгини. Житіе ея было написано въ Соловецкомъ монастырѣ кѣмъ-

⁸⁶⁾ Служба и житіе Анны Кашинской—Рук. Синод. Б-ки, № 622, л. 77.

⁸⁷⁾ Рук. Синод. Б-ки № 684, л. 381—389.—Что послужило поводомъ, по которому снова было поднято дѣло о канонизаціи Анны Кашинской, трудно сказать. Въ рукописи Синод. Б-ки № 684, содержащей въ себѣ „Соборное дѣяніе о мощахъ Анны Кашинской“, мы не находимъ на это никакого указанія. Можно бы думать, что такія указанія находятся въ донесеніи соборной комиссіи, посланной патріархомъ Іоакимомъ для новаго свидѣтельствванія мощей этой княгини. Но это донесеніе комиссіи, по требованію оберъ-прокурора Свят. Синода Протасова, было взято изъ Синод. Библиотеки въ Архивъ Св. Синода, гдѣ находится и до сихъ поръ. Не указываетъ этого повода и г. Костомаровъ, подробно разбиравшій дѣло о канонизаціи этой княгини (Вѣстникъ Европы 1870 г. № 2, 480—505). Только свящ. П. Колтыпинъ, авторъ „Свѣдѣній о жизни благовѣрной великой княгини Анны“, дѣлаетъ относительно этого слѣдующее вѣроятное предположеніе. Въ 10 § соборнаго дѣянія о мощахъ говорится, что попъ Василій и старецъ Варлаамъ нашли правую руку преподобной благословляющею. Отцы Собора на этотъ счетъ замѣчаютъ, что все де то ложь, ибо преподобная, будучи женщиной, благословлять не имѣетъ права, и опираются на этотъ аргументъ съ особенною настойчивостью. Но мы знаемъ, что до временъ большого Московскаго Собора (1666 г.) не мало православныхъ христіанъ на Руси крестилось „благословеннымъ крестомъ“, т. е. двуперстїемъ. Самъ патр. Іосифъ такъ крестился. Немудрено поэтому, что и рука благовѣрной княгини Анны была сложена крестомъ двуперстнымъ. Со времени Большаго Собора двуперстїе подверглось самому строгому преслѣдованію, какъ „ересь богоненавистная“, и двуперстное перстосложеніе блаж. княгини Анны могло быть для патр. Іоакима, ревностнаго борца противъ раскола, достаточнымъ побужденіемъ подвергнуть строгому изслѣдованію дѣйствительность святости княгини-инокини (стр. 19, примѣч.).

то со словъ Никифора дьячка и по своей формѣ и стилю вполне подходитъ къ прежнимъ житіямъ Макарьевскаго періода агіографіи и ничѣмъ отъ нихъ не отличается. Соотвѣтствуя вполне установленной формѣ, это житіе, подобно многимъ другимъ, вошло бы въ кругъ церковно-богослужебныхъ книгъ, не возбуждая ни въ комъ сомнѣнія. Дѣйствительно, нѣкоторое время какъ житіе, такъ канонъ и вся служба были въ церковномъ употребленіи. Но наша высшая духовная власть свое свидѣтельствованіе простирала теперь гораздо далѣе вѣншей стороны житія; она не ограничивается уже только требованіемъ соотвѣтствія житія установленной нормѣ, но стала столько же, если не болѣе, обращать вниманіе и на самое содержаніе. Въ этомъ и заключается вся разгадка, почему житіе и служба блаж. княгини Анны Кашинской, по своей формѣ не отличающіяся отъ прежнихъ, признаны этими соборами живыми и изъяты изъ церковнаго употребленія.

Такъ какъ это первый опытъ критическаго отношенія нашей церковной власти къ житіямъ и службамъ нашихъ святыхъ, то мы постараемся познакомиться подробнѣе съ тѣми приѣмами и способами, какіе съ этого времени она стала употреблять въ подобныхъ случаяхъ.

Мы выше видѣли, что въ большинствѣ случаевъ инициатива составленія житій выходила не отъ высшей власти, а принадлежала почитателямъ памяти почившаго угодника. Между тѣмъ, въ настоящее время, на соборѣ 1678 года, прямо поставляется въ вину писателю, что житіе блаж. княгини Анны „писано не по благословенію св. патриарха или св. собора, или тамо сущаго мѣста архіерея, но собою дьячекъ здумалъ, или что отъ кого слышалъ въ басняхъ сказывалъ“⁸⁸⁾, чѣмъ ясно дается знать, что житіе того или другого святаго можетъ явиться теперь не иначе, какъ съ благословенія высшей духовной власти. Затѣмъ, самое свидѣтельствованіе житія носить уже совершенно другія черты. Теперь главное вниманіе обращаютъ не на форму, а на содержаніе. А отсюда, конечно, и приѣмы этого свидѣтельствованія должны были измѣниться и принять другой характеръ. Прежде для этого достаточно было одного поверхностнаго просмотра житія, его чтенія, чтобы видѣть—соотвѣтствуетъ ли оно установленной нормѣ. Теперь же это свидѣтельствованіе простирается уже до критической провѣрки самого содержанія, при чемъ для послѣдней прибѣгаютъ къ

⁸⁸⁾ Рукоп. Сив. Б—ки, № 684, л. 410.

другимъ источникамъ письменнымъ, и на основаніи этихъ источниковъ признають содержаніе житія достовѣрнымъ или ложнымъ. Такъ именно велось дѣло на соборѣ 1678 года. Отцы этого собора читали житіе благовѣрной княгини Анны „съ опаснымъ испытаніемъ и лѣтописныя многія и степенныя книги, аще нѣчто возможемъ обрѣсти согласно писанное въ житіи съ лѣтописцы... прилѣжно на многая времена купно сходящеса разсмотримъ е и ничтоже ино могохомъ обрѣсти, точію многая несходства въ житіи съ лѣтописцами и степенными книгами“⁸⁹⁾, и далѣе отцы собора пунктъ за пунктомъ на основаніи „извѣстій лѣтописныхъ и степенныхъ книгъ“ разбирали содержаніе житія. Такихъ пунктовъ, противорѣчащихъ лѣтописямъ, они нашли 13. Пункты эти слѣдующіе. Въ первыхъ 8 пунктахъ выставлены хронологическія и топографическія несогласія житія съ показаніями „лѣтописныхъ и степенныхъ книгъ“; пять остальныхъ пунктовъ касаются преняго дозора мощей. Такимъ образомъ, въ 1-мъ пунктѣ отцы собора доказываютъ, что великая княгиня Анна была дочь Ростовскаго князя Димитрія Борисовича, а не славныхъ бояръ г. Кашина; во 2-мъ пунктѣ, что съ св. великимъ княземъ Михаиломъ Тверскимъ былъ въ Ордѣ сынъ Константинъ, а не Димитрій; въ 3-мъ, что св. великій князь Михаилъ Тверской умерщвленъ ножемъ въ ребра правой стороны, а не мечемъ; въ 4-мъ, что мученическое тѣло св. великаго князя Михаила привезено было изъ Орды не княземъ Димитріемъ, сыномъ его, а по приказанію великаго князя Юрія Даниловича привезено было въ Москву и положено въ монастырской церкви Преображенія; а потомъ, по просьбѣ великой княгини Анны и сыновей ея, отпущено въ Тверь; въ 5-мъ, что великая княгиня Анна пребывала въ Твери не съ однимъ сыномъ Константиномъ, но съ троими сыновьями: Димитріемъ, Александромъ и Константиномъ, который, по убіеніи Димитрія ханомъ въ Ордѣ, и послѣ удаленія Александра въ Псковъ, получилъ великокняжеское достоинство, но долженъ былъ уступить его, когда возвратился Александръ на великое княженіе, которое снова получилъ Константинъ, по убіеніи въ Ордѣ Александра, и что Константинъ скончался на пути въ Орду; въ 6-мъ, сказаніе, что князь Василій звалъ мать изъ Твери въ Кашинъ, опровергается тѣмъ, что князь Василій, по смерти князя Константина, сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ въ Твери въ 1350 году, ѣздилъ въ Орду въ 1357 году и возвратился въ 1358 году; въ 7-мъ, сказаніе житія о кончинѣ преподобной великой княгини Анны въ 1338 году опровергается сказаніемъ

⁸⁹⁾ Рукоп. Синод. Б—ки, № 684, л. 390.

лѣтописцевъ, что въ 1359 году была жива княгиня Софія въ Софійскомъ монастырѣ и преставилась въ 1368 г; въ 8-мъ, приводится невѣрное сказаніе житія великой княгини Анны, что прежде кончины ея, 1338 года 2 Октября, скончался князь Василій 27-го Іюля того же года, тогда какъ по Троицкому лѣтописцу князь Василій Михайловичъ преставился 1368 года⁹⁰⁾; въ 9-мъ пунктѣ излагается, что, по сказанію житія, мощи великой княгини неучастны тлѣнію, а по осмотру Іосифа, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, Симеона, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, архимандрита и протопопа,— замѣчено тлѣніе и разрушеніе въ разныхъ мѣстахъ; въ 10-мъ, опровергается сказка попа Василя и отца его, старца Варлаама, что правая рука лежитъ на персяхъ, какъ благословляющая. По досмотру архіерейскому она въ завити погнулася, а длань и персты прямо, а не благословяща; въ 11-мъ излагается, что по допроснымъ рѣчамъ попа Василя Андреевскаго архимандритъ Сильвестръ персты руки разгибалъ и опять сгибалъ, а по словамъ старца Варлаама,— разгибалъ персты, и они сами собою сгибались. Этого свидѣтельства архимандрита и досмотра не сыскано въ Москвѣ. А нынѣшняго года (1677 г.) въ досмотрѣ архіереевъ написано: „согнути длани и перстовъ, или разогнути ни у которыя руки не возможно, для того, что засохли накрѣпко, только кости сухія, да къ нимъ присохла кожа“; въ 12-мъ пунктѣ отвергается сказаніе въ двухъ мѣстахъ житія о томъ, что не только мощи, но и одежды в. княгини не подверглись тлѣнію. По архіерейскому досмотру монашескія одежды и „схима истлѣли, только въ остаткѣ части креста, что былъ вышитъ куколь шелкомъ, да часть плетей схимническихъ, и истлѣло все, лежитъ на персяхъ, только знакъ, а принятыя не мощно. Колиги обѣ на швахъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла“. Въ 13 пунктѣ означено, что в. княгиня, явившись понамарю Герасиму, назвала себя Анною, а не Софіею. Тутъ же замѣчено, что и въ чудесахъ нашлись нѣкоторыя несообразности и неприличія. Изъ представленнаго нами краткаго обзорѣнія разбора отцами собора житія Анны Кашинской можно видѣть, съ какою внимательностію и осторожностію они отнесли къ

⁹⁰⁾ Въ 6, 7 и 8 пунктахъ отцы Собора сами впадаютъ въ ошибку, принимая в. княгиню Анастасію, жену великаго князя Александра Михайловича, въ монашествѣ Софію, за великую княгиню Анну, въ монашествѣ также Софію. В. ки. Анастасія, дѣйствительно, жила въ Твери, въ Софійскомъ монастырѣ и преставилась въ 1368 году; тогда какъ в. ки. Анна жила въ Кашинѣ и скончалась въ 1338 году, 2 Октября.

своему дѣлу. Сличая житіе съ показаніями лѣтописныхъ и степенныхъ книгъ, отцы собора шагъ за шагомъ, пунктъ за пунктомъ опровергали содержаніе житія, находя въ немъ противорѣчія и несообразности. Эти противорѣчія и несообразности, найденныя отцами собора, и привели ихъ къ признанію не историческаго характера всего житія— „въ малѣ не вѣрно, во мнозѣ не вѣрно есть“; вслѣдствіе чего и осудили послѣднее, какъ не достовѣрное и ложное: „въ житіи семъ не мало, но много писано неправды и того ради аще бы отъ части нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ“⁹¹⁾.

Кидая общій взглядъ на совершеніе въ Русской Церкви канонизаціи святыхъ въ разсмотрѣнные нами періоды,—нетрудно замѣтить всѣ главныя и существенныя видоизмѣненія и осложненія, которымъ она подвергалась за это время. Та неопредѣленность, невыработанность формъ и правилъ канонизаціи, мѣстный характеръ почитанія святыхъ, которые характеризуютъ совершеніе ея въ первый періодъ, съ теченіемъ времени мало-по-малу уничтожаются, и канонизація нашихъ святыхъ принимаетъ характеръ болѣе опредѣленный и всеобщій. Въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, особенно важное значеніе имѣли соборы 1547 и 49 гг. Правила, которыя прилагались къ канонизаціи святыхъ на этихъ соборахъ, вошли потомъ, какъ мы видѣли, въ постоянную практику нашей Церкви въ подобныхъ случаяхъ и дѣйствовали въ ней во все продолженіе XVII столѣтія; вслѣдствіе чего и совершеніе канонизаціи принимаетъ однообразный характеръ, составляющій отличительную черту ея за это время. Въ концѣ XVII вѣка замѣчается новое направленіе въ нашей Церкви по отношенію къ канонизаціи святыхъ. Послѣднее вытекаетъ изъ характера самой этой эпохи. Это было время, когда наша высшая духовная власть съ недоувѣріемъ и критикой относилась ко всему старому, изжившему свой вѣкъ; это недоувѣріе и критическое отношеніе, какъ общій духъ времени, должно было такъ или иначе отразиться и на канонизаціи святыхъ. И мы дѣйствительно видимъ, что къ канонизаціи святыхъ наша Церковь начинаетъ относиться гораздо строже и внимательнѣе. Въ это время впервые являются проблески признанія того, что старыя правила совершенія канонизаціи не всегда могутъ гарантировать отъ ошибокъ, чему примѣромъ служитъ канонизація Анны Кашинской. Яснѣе всего это признаніе, какъ мы видѣли, выразилось на соборахъ 1677 и 1678 гг., созванныхъ по дѣлу этой княгини. На этихъ соборахъ не только высказывается признаніе недостаточности прежнихъ правилъ, но

⁹¹⁾ Рук. Синод. Б—ки № 684, л. 413.

предлагаются новыя правила, болѣе раціональныя. Это новое направленіе, появившееся въ нашей Церкви въ концѣ XVII вѣка, и подготовило тѣ перемѣны, какія можно отмѣтить въ слѣдующемъ періодѣ канонизаціи русскихъ святыхъ, начинающемся съ учрежденія у насъ Св. Синода.

Эти перемѣны, впрочемъ, касаются не столько общаго хода и порядка канонизаціи, сколько отношенія нашей Церкви къ дѣлу канонизаціи святыхъ вообще. Именно, наша Церковь съ этого времени стала гораздо строже и внимательнѣе относиться къ этому дѣлу, чѣмъ это было прежде. Общій же ходъ и порядокъ послѣдней въ общихъ чертахъ и въ настоящее время остается тотъ же самый, какой мы видѣли и выше. Если и есть кое-какія сравнительно съ прежнимъ разности, то онѣ очень незначительны. Первая разность, какую можно отмѣтить въ совершеніи канонизаціи нашихъ святыхъ въ данный періодъ, касается лицъ, которымъ принадлежитъ теперь право канонизаціи святыхъ. Со времени учрежденія у насъ въ 1721 году Св. Синода это право переходитъ къ сему послѣднему, какъ высшему органу Русской Церкви. Вторая разность касается формъ, въ которыхъ выражается самая канонизація въ этотъ періодъ. Со времени учрежденія у насъ Св. Синода къ прежнимъ формамъ и приемамъ канонизаціи мы должны отнести и святцы, въ которые стали въ настоящей періодъ вноситься имена канонизуемыхъ нашею Церковью святыхъ. Что дѣйствительно святцы съ этого времени становятся необходимою формою канонизаціи нашихъ святыхъ, это доказывается актами, издаваемыми нашею Церковью по поводу канонизаціи того или другого святого, въ которыхъ мы всегда находимъ постановленіе Св. Синода о внесеніи имени святого въ святцы или мѣсяцесловы нашей Церкви.

Правила, которыми наша Церковь руководится въ данный періодъ при совершеніи канонизаціи своихъ святыхъ, въ общихъ чертахъ были тѣ же самыя, что и прежде. Если и можно находить нѣкоторыя особенности, то опять-таки онѣ касаются не столько самыхъ правилъ, сколько ихъ примѣненія и приложенія на практикѣ. Именно, приложеніе этихъ правилъ на практикѣ совершается съ болѣею сравнительно осторожностью и осмотрительностью, чѣмъ это было прежде. Это болѣе строгое и внимательное отношеніе нашей Церкви замѣтно какъ по отношенію къ житіямъ святыхъ, такъ и по отношенію къ чудесамъ и мощамъ ихъ. Въ настоящей періодъ житія и службы святыхъ, составляя, какъ и прежде, непремѣнное условіе канонизаціи каждаго святого, являются уже не иначе, какъ свѣдома Святѣйшаго Синода и пишутся всегда почти по порученію послѣдняго. Какъ скоро

является служба канонизуемаго святаго, то она, какъ и прежде, свидѣтельствуется, для чего и представляется въ Св. Синодѣ, и только съ одобренія послѣдняго входитъ въ общее употребленіе. Самое это свидѣтельствованіе въ данный періодъ носить уже инныя черты и иной характеръ, чѣмъ прежде. Теперь обращается главное и преимущественное вниманіе на содержаніе житія и службы, а не на ихъ форму, хотя и эта послѣдняя не упускается совершенно изъ вида. При разсмотрѣніи самого содержанія службъ нашихъ святыхъ въ данный періодъ обращается прежде всего вниманіе, какъ это видно изъ Регламента, на то, „суть ли оная сложенія (т. е. службы) Писанію священному согласная? И не имѣютъ ли нѣчто въ себѣ слову Божию противное, или хотя нѣчто не пристойное и празднословное“⁹²⁾. Вторыхъ, въ настоящій періодъ обращается строгое вниманіе на историческую достовѣрность содержанія житій, а равно и на ихъ согласіе съ христіанскимъ православнымъ ученіемъ. Отсюда Св. Синодъ предписываетъ строго „смотре́ть исторіи святыхъ, не суть-ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія чего не было, или христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти“⁹³⁾. Всѣ житія подобнаго рода вѣдно „обличать и запрещенію предать съ объявленіемъ лжи въ оныхъ обрѣтаемой“⁹⁴⁾.

Чудеса какъ прежде, такъ и въ настоящій періодъ составляютъ одно изъ главныхъ условій для совершенія канонизаціи. Какъ прежде, такъ и теперь, они свидѣствуются, при чемъ открытіе мощей совершается всегда свѣдома и съ утвержденія Св. Синода. „Аще гдѣ появится нетлѣнное тѣло, читаемъ мы въ Духовномъ Регламентѣ, или пройдетъ въ слухъ видѣніе чіе или чудотвореніе: коллегіумъ долженствуетъ испытывать тоя истины, призвавъ къ допросу оныхъ повѣстителей, и прочіихъ, которые о томъ свидѣтельствовать возмогутъ“⁹⁵⁾. Впрочемъ, самый процессъ свидѣтельствованія мощей и чудесъ въ настоящій періодъ тотъ же самый, какой уже нами описанъ выше; только правила этого свидѣтельствованія примѣняются теперь съ бѣльшею строгостью, осторожностью и осмотрительностью. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого, а съ другой стороны ознакомиться съ ходомъ свидѣтельствованія мощей въ этотъ періодъ, мы разсмотримъ одинъ фактъ подобнаго рода, изъ ко-

⁹²⁾ Дух. Регламентъ, изд. 1804 г. стр. 21.

⁹³⁾ Регламентъ, стр. 21—22.

⁹⁴⁾ Ibid.

⁹⁵⁾ Ibid., 98 стр.

того видно будетъ, какъ внимательно, осмотрительно наша Церковь теперь относится къ этому дѣлу, какъ строго она требуетъ приложенія существующихъ относительно этого правилъ, стараясь не упустить изъ вида ничего, что можетъ только имѣть хоть какое-нибудь значеніе въ этомъ отношеніи. Въ 1800 году Св. Синоду донесено было о найденномъ въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ нетлѣнномъ тѣлѣ еп. Иннокентія, а равно и о чудесахъ, отъ него совершающихся. 4-го Декабря того же года отправленъ въ Иркутскъ Пермскій епископъ Иустинъ, для надлежащаго осмотрѣнія съ тамошнимъ еп. Вѣяминомъ помянутаго нетлѣннаго тѣла, и для обстоятельнаго развѣданія о происшедшихъ отъ него исцѣленіяхъ. Оба епископа рапортомъ отъ 5-го Марта 1801 года донесли Синоду, что „отъ того года Января 29 взяли съ собою протоіерея Иркутскаго Божоявленскаго собора Іоанна и благочиннаго Θεодора, а по прибытіи въ монастырь присоединя и правящаго должность настоятеля іеромонаха Іоасафа, осмотръ нетлѣнному еп. Иннокентія тѣлу произвели съ должнымъ *вниманіемъ и осторожностью*. По которому открылось, что голова, грудь, ребра, спина и ноги—все въ цѣлости и съ плотію, точію присохло, отъ коихъ происходитъ благовонный запахъ, мощамъ свойственный, и многими ощущаемый; одѣяніе, въ которое тѣло святительское облечено, состоящее во власяницѣ, подрясникѣ шелковомъ и архіерейской мантіи обьяренной голубаго цвѣта, въ цѣлости и довольно крѣпко, гробъ также, изъ сосноваго дерева, обитый чернымъ бархатомъ, въ совершенной цѣлости и твердости. Послѣ таковаго осмотра тѣлу произвели изслѣдованіе обьявленій о чудотвореніяхъ и явленіяхъ, какъ тѣхъ, которыя прежде поданы, такъ и вновь вступившихъ. Въ этомъ изслѣдованіи *осторожность и внимательность*, каковыхъ обстоятельства могли и должны были требовать, всегда были употребляемы съ крайнимъ стараніемъ, дабы не упустить ничего, что нужно было для утвержденія оныхъ. Наконецъ, для большей достовѣрности и цѣлости нетлѣннаго тѣла приглашены были Марта 3-го дня бывшій Иркутскій гражданскій губернаторъ Д. С. С. Толстой съ прилучившимися нѣкоторыми чиновниками, градскимъ головою купцомъ Авдѣвымъ и со многими изъ почетнаго купечества, съ которыми оное тѣло осматриваемо еще съ благоговѣніемъ и не безъ любопытнаго вниманія“⁹⁶). Обо всемъ этомъ комиссія, производившая изслѣдованіе новоявленныхъ мощей, а равно и чудесъ, отъ нихъ совершавшихся,

⁹⁶) П. С. Р. 3. т. 28, стр. 724—5.

подробно рапортом донесла Св. Синоду, прося вмѣстѣ съ тѣмъ открыть мощи св. Иннокентія и установить въ честь его празднество. Но однако св. Синодъ не удовлетворился этимъ рапортомъ и въ 1803 году, „для точнѣйшаго удостовѣренія“, Веніамину, еп. Иркутскому, велѣно прислать еще свѣдѣнія: „не было ли въ теченіе сихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ какихъ-либо новыхъ достопамятныхъ происшествій, кои бы могли служить вѣщимъ подтвержденіемъ прежде представленнымъ? Какое нынѣ тамъ народное мнѣніе о нетлѣнномъ ономъ тѣлѣ, и не примѣчено-ли въ немъ какого измѣненія? Присовокупя и свое о томъ мнѣніе, по долгу Его Архіерейскому и по самой сущей справедливости, дабы можно было судить Синоду съ твердымъ основаніемъ, яко о важнѣйшемъ обстоятельстве“. На сей указъ, отъ него, епископа Иркутскаго, того же 1803 года, Октября 9-го дня Синоду донесено, что исцѣленія и явленія отъ святителя Иннокентія продолжаются; въ нетлѣнномъ тѣлѣ его никакой измѣны не усматривается; усердіе жителей тамошнихъ странъ не только къ нему не ослабѣваетъ, но и болѣе еще увеличивается, чему доказательствомъ есть частое требованіе видѣть его мощи и имъ воздавать поклоненіе, и онъ, епископъ Веніаминъ, совѣстію убѣжденъ, почитаетъ его святительское ходатайство у милосердія Божія уважаемымъ. Какія же въ теченіе времени послѣ свидѣтельства происходили еще отъ него исцѣленія и явленія, о томъ приложилъ выписку за скрѣпкою Консистоіи, коихъ показано 24 ⁹⁷). И только послѣ этого Св. Синодъ рѣшился причислить святителя Иннокентія къ лику святыхъ.

Находимъ въ этотъ періодъ факты, еще рѣзче характеризующіе это строгое отношеніе нашей высшей духовной власти къ прославленію святыхъ. Въ исторіи канонизаціи святыхъ преимущественно въ первый періодъ ея мы видѣли особенное развитіе у насъ мѣстнаго почитанія святыхъ, при чемъ иногда это почитаніе совершалось не только безъ утверженія высшей власти Церкви, но даже и безъ вѣдома ея. Въ настоящій же періодъ встрѣчаемъ факты уже иного отношенія нашей высшей власти къ почитанію такихъ святыхъ. Такъ, 14 Юля 1721 года архимандритъ Александро-Свирскаго монастыря Кирилль донесъ преосв. Θεодосію, архіеп. Новгородскому, что въ ихъ монастырѣ, въ роцѣ подъ березой, находится малая часовня, гдѣ, по увѣренію окрестныхъ жителей, погребено „въ давнихъ лѣтѣхъ“ тѣло

⁹⁷) П. С. Р. 3. т. 28, 725—6.

монаха Маркелла, почитаемаго ими за святаго; что Маркеллу этому, неизвѣстно кѣмъ, сочиненъ тропарь и кондакъ и написано сказаніе о нѣкоторомъ „въ чудо ему причитаемомъ случаѣ“; что всякаго званія люди, посѣщающіе мѣстность для богомоленія, ходятъ и въ часовню, въ которой есть и образъ Маркелла, писанный на доскѣ, „творятъ обычное поклоненіе, призываютъ Маркелла въ молитвахъ, какъ прославленнаго святаго, берутъ изъ-подъ березы съ того мѣста, которое считаютъ мѣстомъ его погребенія, песокъ по домамъ своимъ и пьютъ съ него воду. Преосв. Θεодосій представилъ доношеніе архимандрита Кирилла Св. Синоду, признавая своимъ архіерейскимъ долгомъ наблюдать въ своей епархіи, чтобы „суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было“ и чтобы невѣдомыхъ и отъ Церкви не свидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали.

Св. Синодъ 19 Іюля опредѣлилъ: тѣло умершаго монаха Маркелла въ Александро-Свирскомъ монастырѣ „освидѣтельствовать того монастыря архимандриту при посланномъ отъ Св. Синода и прочихъ духовныхъ персонахъ, вѣроятія достойныхъ, обыкновенно какъ такіа свидѣтельства отъ св. Церкви бывають, и что по тому свидѣтельству явится обстоятельное извѣстіе, за руками всѣхъ, при томъ свидѣтельствѣ бывшихъ персонъ, предложить въ Св. Синодъ“.

Отъ Синода посланъ былъ для освидѣтельствованія іеромонахъ Александро-Невскаго монастыря Іоасафъ Маевскій. Освидѣтельствованіе происходило при архимандритѣ Кириллѣ и его братіи, при прот. Олонецкаго собора Петрѣ Гавриловѣ и Олонецкомъ духовенствѣ. Взявъ въ церковь стоявшій въ часовнѣ образъ Маркелла и разобравъ часовню, они выкопали землю на двѣ сажени въ длину и ширину и на сажень въ глубину; но ни тѣла монаха Маркелла, ни другихъ погребенныхъ и оставшихся невредимыми тѣлъ не явилось; открыты были только лежавшіе по разнымъ мѣстамъ три человѣческихъ черепа и кости, но „самыхъ сухихъ“, и очевидно погребенныхъ „издавна“, а тѣла отъ тѣхъ костей истлѣли всѣ безъ остатка.

Получивъ донесеніе отъ іеромонаха Іоасафа о послѣдствіяхъ освидѣтельствованія, Св. Синодъ въ Апрѣлѣ 1722 года опредѣлилъ: „за святаго того Маркелла отнюдь не почитать“ и предписалъ архіепископу Θεодосію образъ Маркелла, написанный на доскѣ, равно какъ и другіе тому подобные образа, гдѣ они явятся, прислать въ Синодъ⁹⁸⁾.

⁹⁸⁾ Опис. документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода т. I-й, 450—51.

За выдумываніе ложныхъ чудесъ и ихъ оглашеніе назначается теперь очень тяжелое наказаніе. „Когда кто велитъ для своего интересу, или суетной ради славы, читаемъ мы въ Духовномъ Регламентѣ, огласить священникамъ какое чудо притворно и хитро чрезъ кликуши, или чрезъ другое что, или подобное тому прикажетъ творить суетвѣріе, то тому опредѣляется „наказанье и вѣчную ссылку на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей“⁹⁹⁾.—Вотъ и всѣ особенности, какія можно указать въ совершеніи канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ.

СВЯТЫХЪ КАНОНИЗАЦІОННЫХЪ РУССКОГО ЦЕРКОВНОГО ДО XVII-го ВѢКА

Аарзамъ Тавриискій, преп. 212—213	Аарзамъ Тавриискій, преп. 62, 186
Аарзамъ Тавриискій, преп. 107	Аарзамъ Тавриискій, преп. 107
Алексидра Персидская, св. блгв. муч. 171	Алексидра Персидская, св. блгв. муч. 171
Алексидра Сербская, преп. 171	Алексидра Сербская, преп. 171
Алексацдръ Ошоревскій, преп. 208	Алексацдръ Ошоревскій, преп. 208
Аленскій, св. муч. Московскій 87	Аленскій, св. муч. Московскій 87
Андрей Смоленскій, св. блгв. муч. 186	Андрей Смоленскій, св. блгв. муч. 186
Анна Римская, блж. ян. 133	Анна Римская, блж. ян. 133
Антоній, св. муч. Лаврентій 186	Антоній, св. муч. Лаврентій 186
Антоній Персидскій, преп. 109	Антоній Персидскій, преп. 109
Антоній Радзивиловскій, преп. 209	Антоній Радзивиловскій, преп. 209
Антоній Синодскій, преп. 207, 212	Антоній Синодскій, преп. 207, 212
Арсеній, св. муч. Тарсисскій 173, 170	Арсеній, св. муч. Тарсисскій 173, 170
Артемій Бердскій, преп. 214	Артемій Бердскій, преп. 214
Евросъ, св. блгв. муч. 64	Евросъ, св. блгв. муч. 64
Варлаамъ Ватскій, преп. 212	Варлаамъ Ватскій, преп. 212
Варлаамъ Хутинскій, преп. 97	Варлаамъ Хутинскій, преп. 97
Варсонофій, св. арх. муч. Кавказскій 209	Варсонофій, св. арх. муч. Кавказскій 209
Василій, блж. Московскій 208, 280	Василій, блж. Московскій 208, 280
Василодъ-Тарпимъ, св. блгв. муч. 186	Василодъ-Тарпимъ, св. блгв. муч. 186
Владимиръ Киевскій, св. блгв. муч. 78	Владимиръ Киевскій, св. блгв. муч. 78
Теннадій Нестромскій, преп. 208	Теннадій Нестромскій, преп. 208
Георгій Неаполитанскій, св. блгв. муч. 212	Георгій Неаполитанскій, св. блгв. муч. 212
Германъ Солоникскій, преп. 214	Германъ Солоникскій, преп. 214
Григорій, св. блгв. муч. 64	Григорій, св. блгв. муч. 64
Григорій Андреевскій, св. блгв. муч. 214	Григорій Андреевскій, св. блгв. муч. 214

⁹⁹⁾ Дух. Регламентъ, 229.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

святыхъ, канонизованныхъ Русскою Церковію до XVII-го вѣка включительно.

Авраамій Галицкій, преп. 211—212.	Григорій Авнежскій, преп. 206.
Авраамій Смоленскій, преп. 63, 186.	Григорій Пельшемскій, преп. 186.
Авраамій Ростовскій, преп. 107.	Гурій, св. архіеп. Казанскій 209.
Александръ Невскій, свят. благовѣрн. князь 171.	Даниилъ Переяславскій, преп. 213.
Александръ Свирскій, преп. 171.	Діонисій Глушицкій, преп. 171.
Александръ Ошевенскій, преп. 208.	Димитрій Прилуцкій, преп. 106.
Алексій, св. митр. Московскій 87.	Димитрій Угличскій, св. благов. царевичъ 211.
Андрей Смоленскій, св. благ. кн. 155.	Довмонтъ-Тимоѳей Псковскій, св. благ. князь 63, 113.
Анна Кашинская, блаж. княгиня 239.	Евстафій, св. муч. Литовскій 186.
Антоній, св. муч. Литовскій 186.	Ефремъ Новоторжскій, преп. 208.
Антоній Печерскій, преп. 109.	Ефремъ Перекомскій, преп. 186.
Антоній Римлянинъ, преп. 209.	Евфросинъ Псковскій, преп. 186.
Антоній Сійскій, преп. 207, 212.	Евфросинія Суздальская, преп. 207.
Арсеній, св. еп. Тверскій 113, 170.	Евфимій, св. архіеп. Новгородскій 115, 186.
Артемій Веркольскій, преп. 214.	Евфимій Суздальскій, преп. 186.
Борисъ, св. благовѣр. князь 64.	Зосима Соловецкій, преп. 115, 171.
Варлаамъ Важескій, преп. 212.	Исаія, св. еп. Ростовскій 103.
Варлаамъ Хутынскій, преп. 97.	Игнатій, св. еп. Ростовскій 105.
Варсонофій, св. архіеп. Казанскій 209.	Іаковъ Боровицкій, преп. 155, 193.
Василій, блаж. Московскій 209, 230.	Іаковъ, св. еп. Ростовскій 103.
Всеволодъ-Гавриилъ, св. благов. князь Псковскій 63, 113, 186.	Іоаннъ, св. архіеп. Новгородскій 170.
Владиміръ Кіевскій, св. благ. кн. 76.	Іоаннъ, св. юрод. Устюжскій 171.
Геннадій Костромскій, преп. 208.	Іоаннъ, св. муч. Литовскій 186.
Георгій Всеволодовичъ, св. благ. князь 212.	Іоаннъ, св. муч. Болгарскій 186.
Германъ Соловецкій, преп. 214.	Іоаннъ Яренгскій, преп. 212.
Глѣбъ, св. благовѣр. князь 64.	Іона, св. митр. Московскій 113, 170.
Глѣбъ Андреевичъ, св. благ. кн. 214.	Іона, св. архіеп. Новгородскій 186.

- Иосифъ Санинъ или Волоцкій, препод. 209, 230.
 Нассіанъ Авнежскій, преп. 206.
 Кирилль Бѣлозерскій, преп. 94.
 Кирилль Новозерскій, преп. 212.
 Константинъ, св. благов. князь и чада его Михаилъ и Феодоръ Муромскія 170.
 Корнелій Комельскій, преп. 210.
 Леонтій, св. еп. Ростовскій 70.
 Логгинъ Яренскій, преп. 212.
 Макарій Желтоводскій, преп. 211.
 Макарій Колязинскій, преп. 171.
 Мартиніанъ Бѣлозерскій, преп. 186.
 Максимъ, юрод. Московскій, преп. 170.
 Меркурій Смоленскій, преп. 63.
 Михаилъ Клопскій, преп. 171, 173.
 Михаилъ Черниговскій, св. благ. князь и его бояринъ Феодоръ 100.
 Михаилъ Тверскій, св. 186.
 Никандръ Псковскій, преп. 214.
 Никита, св. архіеп. Новгородскій 169, 205.
 Никита Переяславскій, преп. 108.
 Никонъ Радонежскій, преп. 112, 170.
 Ниль Столбенскій, преп. 214.
 Нифонтъ, еп. Новгородскій 188, 206.
 Ольга, св. равноап. княгиня 73.
 Павелъ Комельскій, преп. 171.
 Пафнутій Боровскій, преп. 113, 155, 170.
 Петръ, св. митр. Московскій 83.
 Петръ св. благовѣр. князь и Февронія Муромскіе 170.
 Петръ, св. ц-чъ Ордынскій 188.
 Прокопій, св. юрод. Устюжскій 115, 171.
 Романъ Угличскій, св. благ. кн. 210.
 Савва Вишерскій, преп. 114, 186.
 Савва Крыпецкій, преп. 204.
 Савва Сторожевскій, преп. 170.
 Саватій Соловецкій, преп. 115, 171.
 Сергій Радонежскій, преп. 90.
 Стефанъ Махрищскій, преп. 207.
 Стефанъ, преп. еп. Пермскій 114—186.
 Ферапонтъ Бѣлозерскій, преп. 186.
 Филиппъ, св. митр. Московскій 213.
 Феодоръ, св. еп. Ростовскій 114.
 Феодоръ Смоленскій, св. благов. князь и чада его Давидъ и Константинъ 95.
 Феодосій Печерскій, преп. 67.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введение.

Стр.

Общая свѣдѣнія о канонизаціи святыхъ.—Понятіе о ней.—Мѣстная и всеобщая канонизація, стр. 1—10.—Обозрѣніе источниковъ: а) Святцы, б) Житія и службы святымъ, в) Лѣтописи.—Планъ изслѣдованія и раздѣленіе его на части..... 10— 20

ГЛАВА I.

Краткій очеркъ исторіи канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви.

I. Форма совершенія канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви: а) установленіе епископомъ дня празднованія памяти святаго. Образъ и мѣсто совершенія праздниковъ. б) Диптихи, понятіе о нихъ; ихъ раздѣленіе и употребленіе въ Церкви; значеніе диптиховъ для канонизаціи святыхъ. в) Календари; понятіе о нихъ; ихъ происхожденіе и значеніе при канонизаціи святыхъ. г) Житія и службы святыхъ, какъ условіе ихъ канонизаціи..... 21— 43

II. Правила совершенія канонизаціи въ древней Церкви: а) наблюденіе надъ диптихами и б) мученическими актами; в) чудеса и ихъ повѣрка; нетлѣніе мощей не было условіемъ канонизаціи въ древней церкви..... 44— 50

III. Кому въ древней Церкви принадлежало право совершенія канонизаціи святыхъ; мѣстный характеръ канонизаціи и обусловливаемое имъ мѣстное почитаніе святыхъ; постепенное уничтоженіе мѣстнаго почитанія святыхъ; причины этого..... 50— 61

ГЛАВА II.

Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской Церкви до Макарьевскихъ соборовъ 1547 и 1549 годовъ.

Часть I. Обзорѣніе канонизаціи святыхъ до Макарьевскихъ соборовъ. Св. Борясь и Глѣбъ, препод. Феодосій Печерскій, Св. Леонтій еп. Ростовскій, Св. равноапостольная Ольга, Св. равноапостольный князь Владимиръ, Св. Петръ митр. Московскій, Св. Алексій

митр. Московскій, препод. Сергій Радонежскій, преп. Кириллъ Бѣлоозерскій, Благовѣрный князь Смоленскій и Ярославскій Теодоръ и чада его Давидъ и Константинъ, препод. Варлаамъ Хутынскій, Св. Михаилъ Черниговскій и его бояринъ Теодоръ, Св. Исаія еп. Ростовскій, Св. Игнатій еп. Ростовскій, препод. Димитрій Прилуцкій, преп. Авраамій Ростовскій, преп. Никита Переяславскій, преп. Антоній Печерскій, преп. Никонъ Радонежскій, препод. Пафнутій Боровскій, Св. Иона митр. Московскій, Св. Арсеній еп. Тверской, Св. князья Всеволодъ-Гавриилъ и Довмонтъ-Тимоей Псковскіе, Св. Теодоръ еп. Ростовскій и Стефанъ еп. Пермскій, преп. Савва Вишерскій, преп. Проконій Устюжскій, препод. Зосима и Савватій Соловецкіе, Св. Евѣимій архіеп. Новгородскій. . . . . 62—115

Часть II. Порядокъ и ходъ канонизации святыхъ въ Русской церкви до соборевъ 1547 и 1549 годовъ. Способы и приемы канонизации святыхъ: I) установленіе праздниковъ и составленіе службъ и житій святымъ; II) Правила совершенія канонизации: а) чудеса святыхъ, записываніе чудесъ и провѣрка ихъ; б) свидѣтельствованіе службъ и житій святыхъ; в) нетлѣніе мощей. ^Ж Кому принадлежало право совершенія канонизации въ этотъ періодъ; характеръ канонизации.—Характеръ почитанія святыхъ. Причины мѣстнаго почитанія святыхъ. Общія замѣчанія о канонизации святыхъ этого періода. . . . . 115—155

ГЛАВА III.

Соборы 1547 и 1549 годовъ; порядокъ канонизации святыхъ на этихъ соборахъ.

I. Предварительныя свѣдѣнія о нихъ. Цѣль и побужденія, послужившія поводомъ къ созванію ихъ. Идея, легшая въ основу соборовъ 1547 и 1549 г. Кому принадлежала инициатива созванія ихъ. 155—167

II. Соборъ 1547 года. Списокъ святыхъ, канонизованныхъ на этомъ соборѣ; подготовительныя работы къ этому собору; основанія, коими соборъ 1547 г. руководился при канонизации святыхъ; почему соборъ однимъ святымъ установилъ всеобщее празднованіе, а другимъ только мѣстное; свидѣтельствованіе житій на соборѣ 1547-го года. . . . . 167—183

III. Соборъ 1549 года; списокъ святыхъ, канонизованныхъ на этомъ соборѣ; подготовительныя работы къ нему; обыскъ о новыхъ чудотворцахъ, — въ чемъ онъ состоялъ? Дѣянія соборныя или свидѣтельствованіе собраннаго матеріала отцами собора 1549 г.—Условія канонизации святыхъ; рѣшеніе вопроса то о томъ, сдѣлалъ ли соборъ 1549 года такъ же, какъ и соборъ 1547 года, раздѣленіе канонизованныхъ имъ святыхъ на мѣстныхъ и всероссійскихъ? Были ли вне-

сены святыя, канонизованные соборами 1547 и 1549 годовъ въ святцы?..... 183—199

Заключеніе. Значеніе Макарьевскихъ соборовъ для канонизации святыхъ послѣдующаго времени Русской Церкви..... 199—203

ГЛАВА IV.

Порядокъ и ходъ канонизации Русскихъ святыхъ съ половины XVI вѣка и до XVII вѣка включительно.

Краткія историческія свѣдѣнія о канонизации святыхъ этого періода: Саввы Крыпецкаго, Никиты и Нифонта, архіепископовъ Новгородскихъ, Григорія и Кассіана Авнежскихъ, преп. Стефана Махрицкаго, Антонія Сійскаго, Евфросинія Суздальской, Александра Ошевенскаго, преп. Ефрема Новоторжскаго, Геннадія Костромскаго, Василія Блаженнаго, препод. Іосифа Волоцкаго, св. Гурія и Варсанوفія Казанскихъ чудотворцевъ, препод. Антонія Римлянина, Корнилія Бомельскаго, Романа Угличскаго, Макарія Унженскаго и Авраамія Галицкаго, св. благовѣрнаго царевича Димитрія Угличскаго, Варлаама Важскаго, Іоанна и Логгина Яренгскихъ, св. благовѣрнаго князя Георгія Всеволодовича, препод. Кирилла Новоезерскаго, Филиппа митрополита Московскаго, препод. Данила Переяславскаго, св. Артемія Веркольскаго, преп. Нила Столбенскаго, Никандра Псковскаго, Германа Соловецкаго и св. благовѣрнаго Глѣба Андреевича, сына Андрея Боголюбскаго ..... 204—214

Форма совершенія канонизации святыхъ въ этотъ періодъ: установленіе праздника въ честь святаго и составленіе службы и житія его. Внесеніе именъ святыхъ въ святцы. Правила совершенія канонизации: предварительный обыскъ, цѣль и задача его: собраніе свѣдѣній о жизни и чудесахъ святаго и повѣрка ихъ комиссіями; свидѣтельствованіе мощей, примѣры такого свидѣтельствованія.—Почему не былъ прилагаемъ предварительный обыскъ при канонизации святыхъ: Василія Блаженнаго, Іосифа Волоцкаго и Антонія Сійскаго.—Повѣрка житій и каноновъ и какъ она совершалась.—Болѣе строгое отношеніе Церкви къ свидѣтельствуванію чудесъ и къ свидѣтельствуванію каноновъ и житій въ концѣ этого періода. Примѣръ такого отношенія мы встрѣчаемъ въ исторіи канонизации блаж. княгини Анны Башинской. Соборы 1677 и 1678 года, созванные по поводу канонизации ея. Свидѣтельствованіе житія княгини Анны на соборѣ 1678 года..... 215—243

Заключеніе. Краткія свѣдѣнія о канонизации святыхъ со времени учрежденія Св. Синода и до настоящаго времени..... 243—249

ЗАМѢЧЕННЫЯ БОЛѢ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано:	слѣдуетъ читать:
3	примѣч. 2 сн., XII		XIII
6	17 св.	предъ Богомъ,	предъ Богомъ,
15	13 сн.	къ послѣднимъ,	къ святцамъ,
19	17 сн.	Макаревскими	Макаръевскими
23	10 и 11 св.	sanctorum	sanctorum
—	21 св.	daribus	daribus
28	6 св.	въ Церкви,	въ церкви,
31	6 св.	Даміана	Даміана.
35	4 сн.	iu	in
39	13 сн.	этитеты	эпитеты
41	17 св.	однако	но
44	5 св.	предосторожности	предосторожности,
48	15 сн.	осложненіе	осложненіе
49	примѣч. 2 св.	Божіихъ,	Божіихъ.
53	8 сн.	патріарху	патріарху
59	12 св.	представителей.	представителей.
—	11 сн.	праздновеніе	празднованіе
63	16 св.	этихъ	означенныхъ
75	17 св.	праздники	праздника
—	примѣч. 1 сн.	Агіологія	Агіологія
87	примѣч. 8 сн.	открытіе	открытія
89	30 св.	должны бытъ	должны бытъ.
90	4 сн.	мощи,	мощи
91		На первую половину во- проса, хотя и предпо- ложительно, можно еще отвѣтить;	На первую половину вопроса можно еще отвѣтить;
96	примѣч. 6 св.	Антоніемъ;	Антоніемъ:
105	12 сн.	приходящихъ	приходящимъ
115	15 св.	предѣлъ	придѣлъ
123	2 сн.	увеличилась.	увеличилось.
128	1 св.	подобнаго	подобнаго

—	примѣч. 2 св.	князю	князю.
136	13 св.	литературныя	литературнаго
145	7 св.	наперстника	наперсника
148	14 сн.	этихъ возрѣній,	того времени,
149	8 св.	о,	то,
152	16 св.	мѣстности	мѣстнаго
—	13 сн.	XIV	XVI
154	6 сн.	Иосафъ	Иосафъ,
157	5 сн.	Зажинскаго	Зауспинскаго
161	11 св.	Елизарова	Елезарова
166	6 св.	всѣ	всѣмъ
168	13 св.	Торусскій	Торусскій,
170	10 св.	Радонежскому,	Радонежскому,
—	примѣч. 9 сн.	канона	службы
171	примѣч. 2 св.	исключительно,	исключительно
174	22 св.	Церкви	церкви
176	15 св.	Засима	Зосима
—	4 сн.	ничемъ	ничѣмъ
177	примѣч. 1 св., 153		154
186	18 сн.	Евфремъ	Ефремъ
211	10 сн.	31	3
215	8 сн.	7080,	7087,

178

Handwritten text, possibly a date or signature, appearing as faint, mirrored characters.

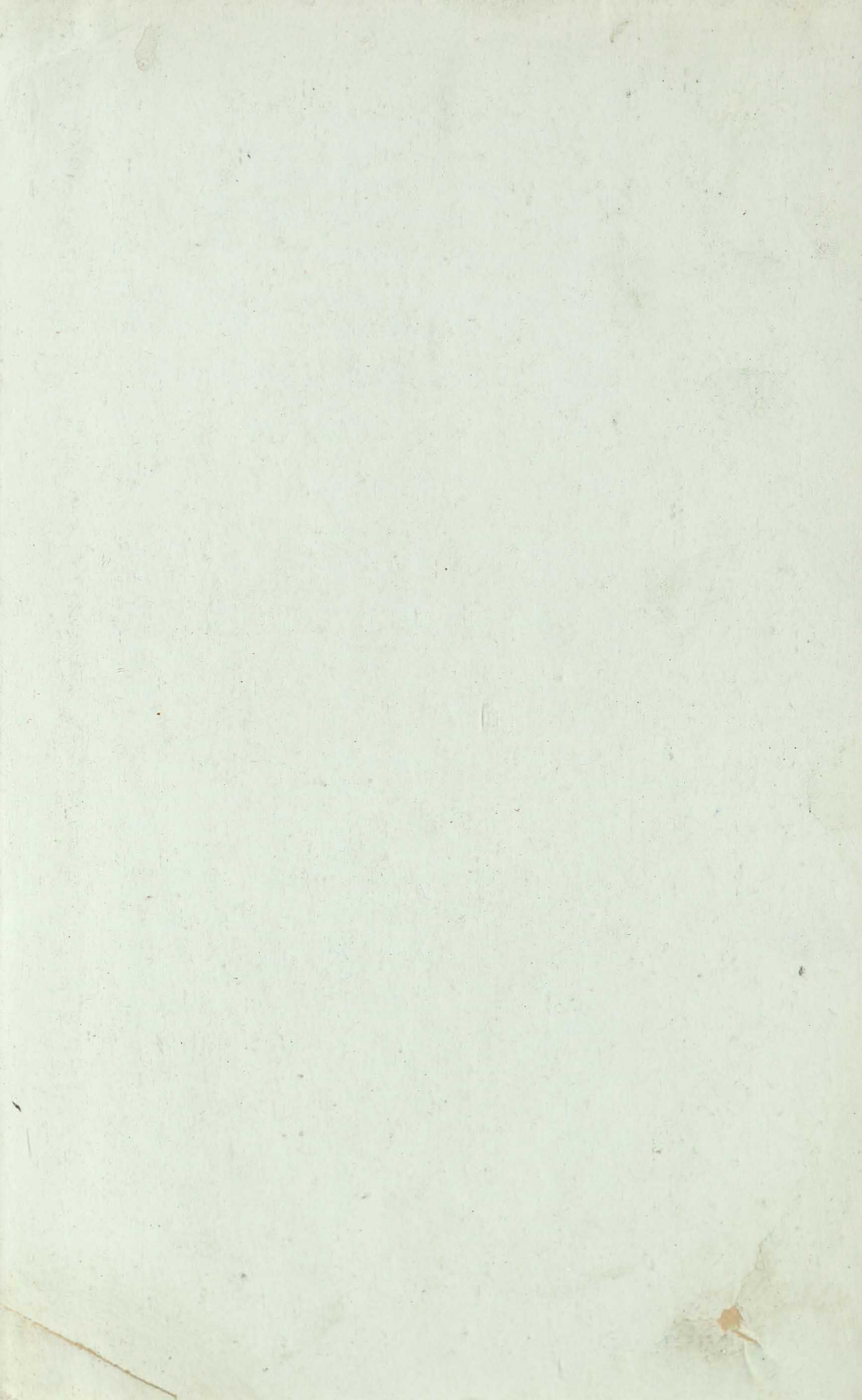
Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

№

2011141894